

2025

**Электронный
научный журнал**

**ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
И
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

**Издательство:
Курский
государственный
университет**

№1(56)

Содержание выпуска

КУЛЬТУРНО-ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФОН РОМАНА А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»....	1
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРАМЕТРОВ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ГОВОРЯЩЕГО.....	12
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ИСХАКЫЙ.....	20
ОРНИТОМОРФНАЯ СПЕЦИФИКА АНТРОПОНИМА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА Н.С. ЛЕСКОВА «ОБОЙДЁННЫЕ».....	30
ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ И.С. ТУРГЕНЕВА.....	40
ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРЯЩЕГО ПО ПАРАМЕТРАМ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ).....	53
DISCOURS INDIRECT LIBRE В ПЕРЕВОДНЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ.....	64
ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ПОЗНАНИЕ: МЕТАФОРА «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЕЗДЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л. КЭРРОЛЛА «THROUGH THE LOOKING-GLASS AND WHAT ALICE FOUND THERE».....	77
РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ.....	93
КОРЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ АКАДЕМИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ.....	106
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЗЛИЧНЫХ И ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛИРО-ЭПИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ МИНИАТЮР И.С.ТУРГЕНЕВА «СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ».....	119
СПЕЦИФИКА КАРНАВАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ.....	131
СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ.....	141
ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГЕМЕРОНИМОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ НАИМЕНОВАНИЯМИ ГАЗЕТ.....	155
ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННЕГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА: АНАЛИЗ НОВЕЛЛ Л.Н. АНДРЕЕВА «СМЕХ» И «ЛОЖЬ».....	171
PRAGMATIC ASPECT OF REFUSAL BEHAVIOR IN CHINESE (BASED ON AN ONLINE SURVEY) .	184
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ СОЛДАТ» (НА ОСНОВЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЗАПАДНЫХ СМИ).....	197
ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАНДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПЕРИОДА 2020-2022 гг.).....	209
ЛЕКСЕМЫ РОДСТВЕННО-АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО КОДА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «СВОЯК СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ».....	225
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЧАСТИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Д. ВОРОБЬЕВА.....	236
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕЗЕНТАЦИИ НОВОГО ЗНАНИЯ В АННОТАЦИИ К НАУЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СТАТЬЕ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	243

УДК 821.161.1

КУЛЬТУРНО-ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФОН РОМАНА А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

Н.Б. Бугакова

*Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Воронежский государственный технический университет (г. Воронеж, Россия)

Работа посвящена одному из компонентов художественного текста – имени собственному как средству формирования культурно-ономастического фона произведения. В статье представлены онимы, создающие культурно-ономастический фон романа «Счастливая Москва». Среди выявленного массива онимных единиц можно выделить антропонимы, гемеронимы, эргонимы, макротопонимы. Выявленные онимные единицы классифицируются как реальные и вымышленные. Отмечается, что в формировании культурно-ономастического фона участвуют онимы, употребление которых направлено на воссоздание исторического хронотопа.

Ключевые слова: *оним, А. Платонов, антропоним, топоним, имя собственное, культурно-ономастический фон*

Введение

Роман А. Платонова «Счастливая Москва» отличается от других своим экспериментальным стилем и глубокой символикой, представляя собой сложный и многослойный текст, в котором автор поднимает важные философские вопросы о природе человека, его душе и теле, а также о смысле жизни и судьбе, исследует различные аспекты человеческого бытия, включая взаимоотношения души и тела.

Рассматриваемый роман создавался писателем после публикации повести «Впрок», в период, когда он был объявлен «кулацким агентом», «враждебной сволочью» и вычеркнут на несколько лет из советской печатной литературы. Будучи многоплановым произведением, как уже отмечалось выше, «Счастливая Москва» отличается фантазмагоричностью, сюрреалистичностью, гротескностью. Вышедшая в 1937 году в «Красной нови» статья А. Гурвича указывала на то, что А. Платонов «сгущает краски, преувеличивает» [Гурвич 1937: 193]; что излюбленным образом писателя является «огромный пустой мир и в нем одинокий ребенок, одинокий человек» [Гурвич 1937: 198]. А. Гурвич считает, что А. Платонов, «чтобы плакать над чужими гробами, ... ищет горе повсюду, и если не находит, то выдумывает его, изобретает, вызывает дух скорби и отчаяния силой своего воображения» [Гурвич 1937: 233]. Кроме того, эта работа сообщала о религиозном душеустройстве героев

романа. В этой связи одно из самых загадочных произведений писателя увидело свет только в 1991 году: журнал «Новый мир» опубликовал в сентябрьском номере неизвестный до этого момента роман. «Воскрес он с рассыпающихся ветхих листочков, из непрочной рукописно-карандашной плоти 1933-1936 годов (спасибо и М.А. Платоновой, сохранившей их в своем архиве, и кропотливому реставратору – Н.В. Корниенко!)» – пишет С. Семенова в работе «Воскрешенный роман Андрея Платонова. Опыт прочтения «Счастливой Москвы» [Семенова 1995: 209]. Однако реакция читателей была неоднозначна: так, например, Ю. Нагибин охарактеризовал роман как «самый страшный роман Андрея Платонова» [Нагибин 1998: 577], назвав произведение жуткой сказкой об уродцах «советского условного мира» [Нагибин 1998: 577]. Западная критика также не оставила без внимания выход романа. В 1994 году «Новое литературное обозрение» опубликовало доклад Н. Друбек-Майер, который назывался «Россия – «пустота в кишках» мира» [Друбек-Майер 1994: 251-268]. Главная героиня предстает в этом исследовании аллегорическим воплощением Софии Премудрости Божией.

Материалы и методы

Материалом исследования является роман А. Платонова «Счастливая Москва», созданный писателем с 1932 по 1936 год, и нашедшие в этом романе отражение особенности ономастического творчества автора. В работе применяются метод контекстуального анализа, метод интерпретации текста, метод компонентного анализа, текстологический анализ, метод лингвистического наблюдения и описания.

Результаты

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению онимных единиц, формирующих культурно-ономастический фон роман А. Платонова «Счастливая Москва». Анализ онимных единиц, введенных автором в текст художественного произведения, чрезвычайно важен, поскольку, во-первых, помогает выявить специфику авторского подхода к выбору имен, а во-вторых, позволяет увидеть скрытые смыслы, заложенные в тот или иной оним в процессе создания литературного произведения. Очевидно, что почти каждый оним, функционирующий в пространстве художественного текста, кодирует действительность, реальную или вымышленную, которая при помощи различных экстралингвистических средств формирует различные ассоциации. Можно с уверенностью заявить, что оним в художественном тексте полифункционален.

Отметим, что некоторые попытки рассмотрения антропонимов романа предпринимались в монументальной работе Х. Костов

«Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Автор обращается к анализу имен главных героев романа, сообщая, что «имена платоновских героев образуют цельную, тщательно продуманную и выверенную в деталях систему» [Костов 2000: 94]. Кроме того, исследователь считает, что «именем и различными его формами моделируется не только характер и социальный статус героя, отношения между персонажами и представленными ими различными точками зрения, но и идеи, носителями которых они являются» [Костов 2000: 94]. Однако ономастикон романа до конца не изучен; единицы, формирующие культурно-ономастический фон романа, также не попадали в поле зрения исследователей.

Как мы уже отмечали ранее, «в формировании модели ономастического творчества А. Платонова участвуют онимные единицы всех типов, однако необходимо отметить, что доминируют антропонимы, выступающие в качестве одного из главных средств создания образа героя того или иного произведения» [Бугакова 2023: 334]. В формировании культурно-ономастического фона рассматриваемого романа также участвуют антропонимы, к которым отнесем, например, онимные единицы *Ленин*, *Сталин*. Известно, что Владимир Ильич Ульянов (Ленин) – крупный теоретик марксизма, русский революционер, основатель Союза Советских Социалистических Республик. А. Платонов, помещая в комнате героя «три портрета над столом – Ленин, Сталин и доктор Заменгоф, изобретатель международного языка эсперанто» [Платонов 2009: 4: 3], отражает сакрализацию образов Ленина и Сталина, традиционную для описываемой в романе эпохи. Так, о смерти Ленина писали: «Это не смерть, ... это – превращение живого человека, которому мы недавно еще могли пожать руку, в существо порядка высшего, в бессмертное существо, в бессмертного гения, благодетеля человечества. ... этого сверхчеловеческого существа..., – вот его уже нет. Остались мы в нашей среде, в нашей людской компании» [Луначарский 1924: 30-31]. Под антропонимом *Сталин* автором понимается секретарь ЦК РКП(б)-ВКП(б) (1922-1934), секретарь ЦК ВКП(б)-КПСС (1934-1953). Примечательно упоминание автора о том, что портреты висят над столом: известна традиция помещать портреты вождей в кабинетах официальных лиц; также портреты могли использоваться, например, вместо икон. Подобную ситуацию описывает Ф. Абрамов в рассказе «Пелагея»: «Маня-маленькая ... в дверях согнулась пополам. Затем ... начала отвешивать поклоны в красный угол.

- Давай не в монастырь пришла, – съязвила Маня-большая...
- А что? – пробасила Маня-маленькая. – И не в сарай.
- Дура слепая! В углу-то у ей Ленин...

– Ничего, – все так же невозмутимо ответила Маня-маленькая» [Абрамов 1979: 67].

Отметим, что рассмотренные антропонимы представляют собой псевдонимы; сам А. Платонов тоже носит псевдоним, поскольку смена имени – один из самых популярных приемов в модели ономастического творчества писателя – традиционный для того времени опыт.

Антропоним *доктор Заменгоф* обозначает создателя эсперанто Людвиг Лазаря Заменгофа. Его работа «Международный язык» была опубликована в 1887 году и включала описание языка и учебник. По наличию пояснения «изобретатель международного языка эсперанто» [Платонов 2009: 4: 3] предположим, что идеи Заменгофа не были известны широкому кругу населения СССР, так же, как его имя, в отличие от имен Ленина и Сталина. Выявленные нами антропонимы обозначим как реальные, поскольку ими обозначены реально существовавшие люди.

Также к реальным отнесем выявленный нами в ходе анализа произведения антропоним *Луначарский*. Известно, что А.В. Луначарский – советский государственный деятель, в 1917-1929 гг. бывший первым наркомом просвещения РСФСР. А.В. Луначарский, в числе прочего, считал, что «настоящий праздник должен быть организован, как все на свете» [Луначарский 1920: 192], по крайней мере до тех пор, «пока социальная жизнь не приучит массы к какому-то своеобразному инстинктивному соблюдению высшего порядка и ритма» [Луначарский 1920: 192]. Этот постулат находит отражение в романе: «А вы видите, что делается на площади: граждане мечутся, нормально ходить не приучаются. Сколько раз в свою бытность товарищ Луначарский проповедовал ритмическое движение масс» [Платонов 2009: 4: 47]. Антропоним *Луначарский* способствует формированию исторического хронотопа; использование глагола *проповедовал* именно в форме прошедшего времени некоторым образом обосновывает датировку романа, поскольку А.В. Луначарский был наркомом просвещения до 1929 года (отметим, что основная масса произведений писателя точно датировки не отличается; он сам датировал только тексты 1927 года). Примечательно употребление автором лексемы *проповедовать* для обозначения действий А.В. Луначарского: с точки зрения лексикографических данных русского языка лексема *проповедовать* имеет значение «распространять какое-л. вероучение» [Ушаков 2007: 863] и обычно используется для обозначения религиозных ритуалов. Введение в текст этой лексемы подтверждает мнение о сакрализации образов партийных деятелей.

Вводя в ткань романа антропоним *Димитрий Иванович Менделеев*, писатель сообщает достоверные факты об ученом: один из персонажей романа говорит, что «покойник Димитрий Иванович Менделеев ... выше всего любил весы!» [Платонов 2009: 4: 24]. Известно, что однажды Д.И.

Менделееву понадобились максимально точные весы; ему пришлось пересмотреть конструкцию весов и запатентовать весы с одной чашей (на другой конец коромысла крепились грузы известной массы), так как, по расчетам ученого, достичь требуемой точности можно было при длине коромысла весов в 12 см, что в 4 раза меньше, чем общепринятая на тот момент. Оним *Димитрий Иванович Менделеев* сформирован по трехчастной композиции *имя+отчество+фамилия*, распространенной в творческой лаборатории писателя. Такие единицы он вводит для именования человека, который заслуживает уважения. Рассматриваемый пример парадоксален: герой использует каноническую форму онима *Дмитрий* (*Димитрий* «из греч. Δημήτριος *Димитриос/Деметриос* относящийся к Деметре – богине земледелия и плодородия» [Суперанская 2013: 169]) и разговорную лексему *покойник*, используемую для обозначения того, кто умер, однако демонстрирует такие глубокие познания в биографии ученого. Это, безусловно, служит отражением эпохи: в период работы писателя над романом в образовании в СССР происходили большие изменения, одним из которых стало введение обязательного бесплатного образования для всех; таким образом советское правительство боролось с социальным неравенством и неграмотностью населения.

Это предположение подтверждается обращением к тексту романа. «Ясная и восходящая жизнь» главной героини, Москвы Честновой, «началась с того осеннего дня, когда она сидела в школе у окна, уже во второй группе, смотрела в смерть листьев на бульваре и с интересом прочитала вывеску противоположного дома: «Рабоче-крестьянская библиотека-читальня имени А.В. Кольцова» [Платонов 2009: 4: 2]. Кроме того, что Москва учится в школе, как и положено детям в СССР, мы видим упоминание библиотеки-читальни. А. Платонов переосмыслил существовавшее в Советском Союзе название «изба-читальня», несколько облагородив его. Избы-читальни вошли в жизнь населения РСФСР еще в первые годы советской власти и представляли собой место, где крестьяне могли подбирать книги и читать их; создавались такие избы в том числе с целью борьбы с неграмотностью населения. В состав урбанонима «Рабоче-крестьянская библиотека-читальня имени А.В. Кольцова» включен антропоним, относимый нами к реальным: А.В. Кольцов – родившийся в Воронеже (как и А. Платонов) поэт. Примечательно, что в настоящее время в Воронеже имеются названные именем поэта улица, сквер, театр, гимназия и библиотека, однако библиотека была открыта только в 1944 году, а имя поэта получила в 2009, когда отмечала свое 65-летие. Библиотека-читальня им. А.В. Кольцова была открыта в Ростове-на-Дону в 1897 году, библиотека им. А.В. Кольцова – в Нижнем Новгороде в 1947 году; в Москве библиотеки с таким названием не обнаружено. Таким

образом, используя реальный антропоним *А.В. Кольцов*, А. Платонов увековечил имя земляка.

В формировании культурно-ономастического фона произведения участвуют и другие онимные единицы. Так, писатель вводит в пространство художественного текста эргоним *Электроприбор*: «Люстры завода «Электроприбор» бледной и нежной энергией покрывали людей и богатое убранство» [Платонов 2009: 4: 17]. Отметим, что в родном городе писателя предприятие с таким названием существовало, но вступило в действие только в мае 1956 года и люстр не производило; в настоящее время предприятие не функционирует, так как, войдя в кризисную фазу в 2019 году, не смогло выстоять: производство было снижено в связи с отсутствием заказов, персонал сокращен. Позднее территория завода была продана под застройку. Завод с таким названием был основан в 1927 году в Ленинграде, однако люстр не производил. Полагаем, что А. Платонов, первая брошюра которого, вышедшая в 1921 году, называлась «Электрификация» (и в этом же году он опубликовал статью «Золотой век, сделанный из электричества»), просто позаимствовал понравившееся ему название у работавшего в Ленинграде завода. Полагаем, употребление этого эргонима было направлено на то, чтобы продемонстрировать единство советского народа.

К эргонимам отнесем использованное писателем название хирургической клиники: «Они приехали в хирургическую клинику Института Экспериментальной Медицины» [Платонов 2009: 4: 27]. Известно, что в 1932 году в Москве был создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Базой для него стал существовавший с 1890 года в Санкт-Петербурге Императорский институт экспериментальной медицины, в 1917 году трансформировавшийся в Государственный институт экспериментальной медицины. Нами эргоним употреблен в авторском написании – все компоненты онимной единицы написаны с заглавной буквы. Полагаем, такое употребление имеет цель обратить внимание читателя на возможную вымышленность эргонима. Эту гипотезу подтверждает фантазийность описания деятельности института: «... Нас здесь трое работают над одной темой: добыть одно таинственное вещество, следы которого есть в каждом свежем трупе. Это вещество имеет сильнейшую оживляющую силу для живых усталых организмов», – сообщает Самбикин [Платонов 2009: 4: 27]. Отметим, что произведения А. Платонова, создаваемые в этот период, особенно отличаются фантастичностью (напр., «Лунная бомба», «Эфирный тракт»). Кроме того, в стремлении найти вещество, которое «имеет сильнейшую оживляющую силу для живых усталых организмов», находят отражение постулируемые Н. Федоровым идеи мгновенного преобразования мира, «в соответствии с которыми умершие ждут своего часа для обретения братства со всеми

живущими» [Бугакова 2023: 267]. В тексте романа эти идеи получают развитие, поскольку Самбикин, спасая Москву Честнову, у которой «на следующий день здоровье ... ослабело, начался жар и пошла кровавая моча» [Платонов 2009: 4: 38], «взял сердце и шейную железу умершего ребенка, приготовил из них таинственную суспензию и впрыснул ее в тело Честновой» [Платонов 2009: 4: 38] и тем самым спас ее от смерти.

Нельзя не отметить введенные писателем в ткань художественного произведения гемеронимы: «Комягин был неподвижен на далеком полу; чтобы не запачкать постилки, ему Москва еще с вечера наложила на пол старые «Известия» 1927 года» [Платонов 2009: 4: 45]. Благодаря употреблению гемеронима «Известия» в рассматриваемом примере более точно очерчен хронотоп романа («Известия» 1927 года автор называет старыми); кроме того, данный пример показателен с точки зрения реализации зооморфных мотивов: автор обращает внимание на возможное «расчеловечивание» персонажа, обусловленное, очевидно, теми или иными социальными причинами; герой лежит на полу, ему стелют газеты, как животному, чтобы он не испачкал постилки. Лексема *постилки*, использованная автором для обозначения чего-либо, постеленного на пол, отсылает читателя, в соответствии с мифопоэтическими представлениями, к образу Матери-Сырой-Земли (об этом см. подробнее [Бугакова 2022; Скуридина, Бугакова, Кузьминых 2022]). На мифологичность романа обращает внимание и М.В. Селеменева, по мнению которой «роман «Счастливая Москва» представляет собой развернутую мифологему «женщина-город», восходящую к архетипу праматери» [Селеменева 2009: 24]; сущность ее, по мнению В.Н. Топорова, «рождающее чрево» [Топоров 2003: 73]. В.Н. Топоров, выявляя два варианта этой мифологемы – «город-дева» и «город-блудница» – утверждает: «Чтобы достичь блага, дева должна стать не блудницей, но матерью, подобно матери-городу» [Топоров 2003: 56]. «Поскольку Москва А. Платонова из двух полюсов мифологемы – города-девы и города-блудницы – выбирает вторую модель поведения, то она совершает не восхождение к святости материнства, а нисхождение в бездну греха (буквальной реализацией этой метафоры является соитие Москвы с Сарториусом в землемерной яме)», – полагает М.В. Селеменева [Селеменева 2009: 24].

К онимным единицам, участвующим в формировании культурно-ономастического фона романа, отнесем макротопонимы *СССР* и *Советский Союз*: «Божко писал ответ на каждое письмо, чувствуя свою гордость и преимущество как деятель СССР» [Платонов 2009: 4: 4]; «Ты один такой в Советском Союзе, как тебе не стыдно? Комягин с напряжением собирал ослабевшие мысли в своей голове. – Что мне такое Советский Союз – Советский Союз! Про него все теперь бормочут, а я живу в нем как в теплоте за пазухой [Платонов 2009: 4: 43]. Под

аббревиатурой СССР следует понимать Союз Советских Социалистических Республик – государство, образованное на территории Российской империи и просуществовавшее с 1922 по 1991 г. Фразеосочетание *Советский Союз*, употребленное А. Платоновым в тексте романа, является синонимичным рассмотренной выше аббревиатуре и означает то же. Введение в текст этих топонимов также способствует формированию исторического хронотопа, дополняя информацию о времени описываемых в тексте событий. Примечательно употребление героем сравнительного оборота *как в теплоте за пазухой*: очевидно переосмысление писателем идиомы *как у Христа за пазухой*, обозначающей высшую степень защиты. Полагаем, использовать данную идиому в первозданном виде писатель не мог; это было обусловлено отношением, сложившимся в СССР к религии. Об этом же говорит М.В. Селеменова: «Писатель создает атеистический вариант «московского текста», в котором нет места традиционным символам православия» [Селеменова 2009: 24].

Хронотоп романа формируют использованные автором гидронимы и топонимы. При анализе выявлены гидронимы *Москва-река* и *Великий Океан*. Гидроним *Москва-река* отнесем к реальным, поскольку данная онимная единица называет реально существующую реку, протекающую, как известно, в том числе по территории столицы нашей Родины и являющуюся ее водной артерией; кроме того, Москва-река используется как транспортная магистраль (на реке развито судоходство). А. Платонов, вводя данный гидроним в ткань художественного произведения, очерчивает траекторию движения Москвы Честновой: «До вечера она ходила по бульварам и по берегу Москвы-реки» [Платонов 2009: 4: 3]. Предположим, что в предложенном примере автором обозначены популярные у москвичей места для прогулок.

Гидроним *Великий Океан* является вымышленным. «Обрати внимание на Великий Океан, ты живешь на его берегу, там плывут иногда советские корабли, это – мы» [Платонов 2009: 4: 4], – пишет Божко своему далекому другу из Конго. Указание страны проживания помогает идентифицировать территорию: республика Конго расположена на побережье Атлантического океана, и, очевидно, его писатель называет Великим океаном. Когда друг сообщает о смерти жены, Божко предлагает ему приехать в СССР, потому что «здесь он может жить среди товарищей, счастливей, чем в семействе» [Платонов 2009: 4: 4]. В этих эпизодах находят отражение идеи того времени: советское общество – это коллектив, члены которого имеют общее жизненное пространство и право принимать решения коллективно. Это, по мнению героя романа, и есть основа счастья. Кроме того, роман иллюстрирует идеи о важности труда. Персонаж романа «по своей службе ... славился лучшим ударником, ... кроме прямой геометрической работы,

он был секретарем стенгазеты, завхозом огородного хозяйства и за свой счет учил в школе воздухоплавания одну малоизвестную ему девушку» [Платонов 2009: 4: 4]. Известно, что «в СССР ... восхвалялся труд как основополагающая ценность жизни. ... Труд рассматривался как дело чести и героизма советского человека» [Гигаури 2017: 183]. Эти постулаты отражены в романе; однако отметим, что и сам писатель ценил работающего человека: в основе его мировоззрения человек трудящийся, именно поэтому одной из ведущих особенностей модели ономастического творчества А. Платонова является употребление профессионима вместо антропонима. Писатель считал, что профессионим точнее характеризует личность.

Заключение

Завершая рассмотрение романа «Счастливая Москва», отметим, что в художественном пространстве А. Платонова активно функционируют онимные единицы, формирующие культурно-ономастический фон. Среди этого массива можно выделить антропонимы (например, Ленин, Сталин), гемеронимы («Известия»), эргонимы («Электроприбор» и пр.), макротопонимы (например, СССР) и т.д. Выявленные онимные единицы классифицированы нами как реальные и вымышленные. Создавая вымышленные онимы, автор пользуется принятыми в русской картине мира ономастическими моделями. Примечательно, что при употреблении некоторых онимных единиц писатель отходит от традиционных форм и употребляет нестандартные (напр., написание заглавных букв вместо прописных). Полагаем, таким образом писатель хочет продемонстрировать значимость описываемых элементов в его картине мира. Участвующие в формировании культурно-ономастического фона онимные единицы направлены на воссоздание исторического хронотопа.

Библиографический список

- Абрамов Ф.А. Пелагея. Алька. Л.: Лениздат, 1979. 320 с.
- Бугакова Н.Б. Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 32-37.
- Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. ... д-ра филол. наук, Воронеж, 2023. 420 с.
- Гигаури Д.И. Идеология и культура советского государства: к памяти Октябрьской революции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. №39. С. 183. DOI 10.17223/1998863 /39/20.

Гурвич А. Андрей Платонов // «Красная новь», 1937. № 10. С. 193-233.

Друбек-Майер Н. «Россия – «пустота в кишках» мира» // «Новое литературное обозрение». 1994. № 9. С. 251-268.

Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Хельсинки: Хельсинский университет, 2000. 325 с.

Луначарский А.В. Ленин (Речь, произнесённая в день похорон на общем собрании работников искусств г. Москвы). 2-е изд. Л.: Государственное издательство, 1924. 32 с.

Луначарский А.В. О массовых празднествах // О театре и драматургии. 1920. № 62. т. 1. С. 190-193.

Нагибин Ю. Самый страшный роман Андрея Платонова // Учитель словесности. М.: Подкова, 1998. С. 568-578.

Платонов А. Собрание сочинений. Москва: Время, 2009. Т. 4. Счастливая Москва. 294 с.

Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910-х – 1950-х гг. // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2009. № 2. С. 24.

Семенова С. Воскрешенный роман Андрея Платонова. Опыт прочтения «Счастливой Москвы» // Новый Мир. 1995. №9. С. 209-226.

Скуридина С.А., Бугакова Н.Б., Кузьминых Е.О. Земля как мифопоэтическая константа: Ф.М. Достоевский, А. Платонов, И. Шмелев // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 21-34.

Суперанская А.В. Словарь личных имен. Москва: АСТ, 2013. 384 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. С. 56, 73.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. Москва: «Альта-Принт», 2007. 1178 с.

References

Abramov F.A. Pelageya. Al`ka. L.: Lenizdat, 1979. 320 s.

Bugakova N.B. Leksicheskaya ob`ektivaciya binarnoj oppozicii «zemlya – nebo» v xudozhestvennoj modeli mira A. Platonova // Aktual`ny`e voprosy` sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2022. № 3 (46). S. 32-37.

Bugakova N.B. Model` onomasticheskogo tvorchestva v individual`no-avtorskoj kartine mira A. Platonova: dis. ... d-ra filol. nauk, Voronezh, 2023. 420 s.

Gigauri D.I. Ideologiya i kul`tura sovetskogo gosudarstva: k pamyati Oktyabr`skoj revolyucii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2017. №39. S. 183. DOI 10.17223/1998863/39/20.

Gurvich A. Andrej Platonov // «Krasnaya nov`», 1937. № 10. S. 193-233.

Drubek-Majer N. «Rossiya – «pustota v kishkax» mira» // «Novoe literaturnoe obozrenie». 1994. № 9. S. 251-268.

Kostov X. Mifopoe`tika Andrey a Platonova v romane «Schastlivaya Moskva». Xel`sinki: Xel`sinskij universitet, 2000. 325 s.

Lunacharskij A.V. Lenin (Rech`, proiznesyonnyaya v den` poxoron na obshhem sobranii rabotnikov iskusstv g. Moskv y). 2-e izd. L.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo, 1924. 32 s.

Lunacharskij A.V. O massovy`x prazdnestvax // O teatre i dramaturgii. 1920. № 62. t. 1. S. 190-193.

Nagibin Yu. Samy`j strashny`j roman Andrey a Platonova // Uchitel` slovesnosti. M.: Podkova, 1998. S. 568-578.

Platonov A. Sobranie sochinenij. Moskva: Vremya, 2009. T. 4. Schastlivaya Moskva. 294 s.

Selemeneva M.V. «Moskovskij tekst» v russkoj literature XX v. (na materiale xudozhestvennoj prozy` 1910-x – 1950-x gg. // Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2009. № 2. S. 24.

Semenova S. Voskreshenny`j roman Andrey a Platonova. Opy`t prochteniya «Schastlivoj Moskv y» // Novy`j Mir. 1995. №9. S. 209-226.

Skuridina S.A., Bugakova N.B., Kuz`miny`x E.O. Zemlya kak mifopoe`ticheskaya konstanta: F.M. Dostoevskij, A. Platonov, I. Shmelev // Izvestiya Yuzhnogo federal`nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2022. T. 26. № 3. S. 21-34.

Superanskaya A.V. Slovar` lichny`x imen. Moskva: AST, 2013. 384 s.

Toporov V.N. Peterburgskij tekst russkoj literatur y: Izbranny`e trudy`. SPb.: Iskusstvo, 2003. S. 56, 73.

Ushakov D.N. Bol`shoj tolkovy`j slovar` sovremennogo russkogo yazy`ka: 180000 slov i slovosochetaniy. Moskva: «Al`ta-Print», 2007. 1178 s.

UDC 821.161.1

CULTURAL-ONOMASTIC BACKGROUND OF A. PLATONOV'S NOVEL "HAPPY MOSCOW"

N.B. Bugakova

*Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Russian Language and
Intercultural Communication
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia)

The work is devoted to one of the components of a literary text - a proper name as a means of forming the cultural-onomastic background of a work. The article presents onyms that create the cultural-onomastic background of the novel "Happy Moscow". Among the identified array of onymic units, we can distinguish anthroponyms, hemeronyms, ergonyms, macrotoponyms. The identified onymic units are classified as real and fictitious. It is noted that onymic units, the use of which is aimed at recreating the historical chronotope, participate in the formation of the cultural-onomastic background.

Key words: *onym, A. Platonov, anthroponym, toponym, proper name, cultural-onomastic background*

УДК 81.342.9

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРАМЕТРОВ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ГОВОРЯЩЕГО

А.О. Васенко

Аспирант кафедры немецкой филологии
e-mail: annasapelnikowa@gmail.com

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

В центре рассмотрения находятся параметры речи, позволяющие определить эмоциональное состояние говорящего, что обуславливает исследование параметров звучащей речи. Выявляется характер изменения признаков звучащей речи на сегментном и супraseгментном уровнях в зависимости от состояния говорящего. Кроме того, в статье представлены данные экспериментального исследования, проведенного с целью определения степени влияния мимики и жестикюляции на восприятие эмоциональности говорящего. Приводятся данные экспериментального исследования, проведенного с целью определения состояния психической активности говорящего и воздействия речевого поведения на восприятие слушающего, а также данные анализа соотношения психической активности говорящего со степенью выраженности эмоций в его речи.

Ключевые слова: эмоциональность звучащей речи, эмоции, психолингвистика.

Введение

Соотношение языка и речи имеет свои истоки в учениях Ф. де Соссюра. В лингвистике оно до сих пор не потеряло актуальность, и мы упоминаем его в связи с тем, что обращение к исследованию звучащей речи приносит новые аспекты в эту традиционную тему.

В данной работе мы исследуем звучащую речь. Термин «звучащая речь» был введен в науку Л.В. Щербой [Щерба 2004: 427]. Звучащая речь – это не синоним устной речи. Под звучащей речью понимается речь во всех ее проявлениях, то есть любая речь, которая звучит, в отличие от понятия «устная речь». К области звучащей речи относится и деловая, и официальная, и литературная, и простонародная речь, записанная на носитель, что позволяет проведение анализа ее параметров и создает проблему поиска механизма исследования [Величкова 2010: 136].

Важно понимать, что речь прочитанная и речь спонтанная имеют совершенно разную природу.

В процессе изучения спонтанной речи мы сталкиваемся с рядом проблем. Они возникают на фоне того, что данные лингвистики основаны на изучении письменного текста, где функции и параметры звучащей речи

являются последней ступенью анализа. С развитием науки фонетики (20 в.) ученые стали интересоваться не только прочитанной звучащей речью, но и речью отдельного человека. Оказалось, что для ее исследования необходимо пересмотреть инструменты и методы исследования. В настоящее время методика исследования звучащей речи только развивается. Дело в том, что при исследовании звучащей речи мы не можем ориентироваться только на структуру предложений, слова или лексемы, потому что «средства звучащей речи способны придавать эмоциональный характер любой лексеме, при этом нередко можно наблюдать функционирование в речи лексем с эмоциональным значением, контрастирующем с их коннотатом» [Величкова 2010: 136].

Если мы признаем, что параметры звучащей речи имеют системную организацию, то из этого следует, что тексты одного типа и речевые жанры имеют некую канву. Имеются данные о фоностилистической функции речевого ритма, а также о ритмических признаках речевых жанров [Stock, Veličkova 2002: 294-319]. Мелодические признаки участвуют в передаче эмоциональных состояний. Носитель языка способен наложить на текст ритмическую канву и мелодические признаки, которые соответствуют жанру текста или противоречат ему. Это теоретическое положение мы берем за основу данного исследования.

Звучащая речь имеет свои жанровые принадлежности, параметры, которые сопоставимы с определенным синтаксисом и лексикой, но могут быть перенесены на другой тип текста. Носитель языка имеет несколько моделей прочтения. У него есть жанровые эталоны (как читать сказку, как читать документы и т.д.). Звучащая речь относится ко всему вышеназванному и включает чтение вслух, рецитацию, все, что звучит, произносится. Устная речь – стилистически более сниженная речь, чем речь официальная, публичная.

Спонтанная речь, в свою очередь, наименее исследована. Ее ритм сложен и неоднозначен. Признаки звучащей речи, в первую очередь, показывают эмоциональное состояние говорящего и его отношение к тому, что он говорит.

Кроме всего вышеназванного, мы сталкиваемся с проблемой выработки механизма исследования, основанного на анализе параметров звучащей речи. Именно эти параметры обозначают эмоциональное состояние говорящего. Оно может быть передано как с учетом лексического наполнения звучащей речи, так и без такого учета. Эмоциональное состояние говорящего способно придать лексеме то эмоциональное значение, которое соответствует состоянию говорящего. Стоит отметить, что у лингвистов и психолингвистов различные подходы к изучению речи. Настоящее исследование проводится на основе метода, разработанного в Научно-методическом центре фонетики Воронежского

государственного университета (НМФЦ ВГУ). Центральное место в нем занимают проблемы психолингвистических исследований в аспектах восприятия и порождения речи. Исследования проводятся в сопоставительном аспекте на материале русского, немецкого, испанского языков [Величкова, Абакумова, Петроченко, Воропаева 2017: 240-255].

В данной работе к параметрам звучащей речи мы относим темп речи, интенсивность речи, ритм, мелодические параметры. Мелодические параметры мы рассматриваем в перцептивном плане, поэтому мы не пользуемся интонационными моделями, рассматриваем только поведение мелодики или высоты тона голоса на ударных слогах по восприятию.

Ритм в предлагаемом нами понятийном аппарате имеет фоностилистическую функцию и функцию передачи напряжения. Количество повышений или понижений мелодических знаков на 100 слогов сигнализирует об эмоциональном состоянии говорящего.

Изучение средств речевой просодии с целью выявления эмоций говорящего является важной задачей современной лингвистики и имеет большую практическую значимость. Данные, полученные в результате исследования речевых характеристик, используются в области психиатрии. Количество частотных ритмических групп (РГ), позиция ударного слога в РГ, протяженность РГ в речи пациента могут свидетельствовать о наличии или отсутствии у него того или иного психического расстройства.

Изучение просодических характеристик речи имеет большое значение в области криминалистики. В процессе совершения преступлений мошенники могут прибегнуть к технической имитации голоса противоположенного пола. Опытные эксперты способны распознать эту имитацию, опираясь на просодические характеристики речи.

В сфере информационных технологий, а именно в обучении искусственного интеллекта, данные психолингвистических исследований имеют большое прикладное значение.

Описание эксперимента

В рамках данного исследования нами был проведен первый этап эксперимента, целью которого явилось определение эмоционального состояния говорящих. Психолингвистический эксперимент был проведен с наивными носителями русского языка, всего 16 человек.

По результатам эксперимента нами была составлена таблица, включающая в себя списки эмоций, полученных в результате эксперимента.

Мы проанализировали повторяющиеся эмоции во фрагментах с наименее разнородными списками эмоций, во фрагментах с наиболее разнородными списками эмоций и во фрагментах со средней степенью

разнородности. Отдельно анализу были подвергнуты повторяющиеся эмоции в соответствии с высокой, средней и низкой степенью выраженности.

Мы обратили внимание на то, что во всех вышеназванных классификациях такие наименования эмоций как *грусть*, *печаль*, *волнение* занимали лидирующие позиции. Следовательно, большинство респондентов во всех фрагментах распознали именно эти эмоции в свободном выборе, не имея списка эмоциональных состояний [Васенко 2024: 74-83].

На данном этапе исследования перед нами встал вопрос, какую роль в распознавании эмоций играет мимика и жестикация, поэтому нами было принято решение провести опрос наивных носителей языка, предоставив им только аудиозаписи. В этом эксперименте приняли участие 8 респондентов в возрасте от 18 до 29 лет, среди которых два мужчины и шесть женщин. По результатам данного этапа эксперимента нами была составлена таблица, включающая в себя списки эмоций, названные испытуемыми в свободном выборе (Таблица 1).

Таблица 1

	Фрагмент 1	Фрагмент 2	Фрагмент 3	Фрагмент 4	Фрагмент 5	Фрагмент 6	Фрагмент 7	Фрагмент 8	Фрагмент 9	Фрагмент 10	Фрагмент 11
Считаете ли Вы речь эмоциональной?	Да – 8 Нет – 0	Да – 7 Нет – 1	Да – 7 Нет – 1	Да – 2 Нет – 6	Да – 5 Нет – 3	Да – 8 Нет – 0	Да – 6 Нет – 2	Да – 2 Нет – 6	Да – 3 Нет – 5	Да – 5 Нет – 3	Да – 8 Нет – 0
1	Грусть 3	Боль 3	Обида 3	Разочарование 1	Страх 2	Разочарование 2	Грусть 4	Грусть 2	Грусть 3	Разочарование 2	Паника 3
2	Печаль 2	Тоска 1	Грусть 1	Грусть 1	Печаль 2	Страх 2	Возмущение 2	Ностальгия 1	Отчаяние 1	Тревога 2	Страх 2
3	Взволнованность 2	Печаль 1	Печаль 1	Подавленность 1	Растерянность 2	Печаль 2	Печаль 1			Непонимание 1	Отчаяние 2
5		Обида 1	Ужас 1			Волнение 1				Грусть 1	Грусть 2
6		Отчаяние 1	Разочарование 1			Тревога 1					Тоска 1
7						Истерика 1					
8						Отчаяние 1					
Степень выраженности эмоции	+++ 3 ++ 5 + 0	+++ 4 ++ 3 + 0	+++ 2 ++ 3 + 2	+++ 0 ++ 0 + 2	+++ 0 ++ 0 + 5	+++ 0 ++ 6 + 2	+++ 0 ++ 1 + 5	+++ 0 ++ 0 + 2	+++ 0 ++ 0 + 3	+++ 0 ++ 1 + 3	+++ 1 ++ 6 + 1

Мы обратили внимание на то, что такие наименования эмоций, как *грусть* и *печаль* оказались самыми частотными. Исходя из этого, мы предполагаем, что при распознавании эмоций в речи говорящего носители языка основываются на просодических характеристиках, а мимика и жестикуляция носят второстепенный характер.

На следующем этапе эксперимента нами была поставлена цель определить состояние психической активности говорящих. Поскольку мы имеем дело с междисциплинарным подходом к исследованию эмоциональности, нам было важно понять, как наивные носители языка оценивают психическое состояние говорящих в момент речи. Мы предполагаем наличие связи между восприятием степени эмоциональности говорящего и психическим состоянием последнего. Для достижения этой цели нами был проведен опрос 6 наивных носителей языка, среди которых трое мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и три женщины в возрасте от 28 до 70 лет.

Мы предоставили респондентам список наименований психических состояний, выделенных В.А. Ганzenом, В.Н. Юрченко [Ганзен, Юрченко 1991: 47-55] (Таблица 2), попросили просмотреть видефрагменты и выбрать из предоставленного списка наименования (второй столбец), которые, на их взгляд, соответствуют состоянию говорящего в момент речи.

Таблица 2

Уровень психической активности	Состояния психической активности
Состояния повышенной психической активности (неравновесные состояния)	Счастье, восторг, экстаз, тревога, страх, гнев, ярость, ужас, паника, восхищение, страсть, ненависть, дистресс, воодушевление, мобилизация, негодование.
Состояния средней (оптимальной) психической активности (равновесные состояния)	Спокойствие, симпатия, сострадание, эмпатия, готовность, борьба мотивов, сосредоточенность, озарение, заинтересованность, сомнение, удивление, размышление, озадаченность.
Состояния пониженной психической активности (неравновесные состояния)	Грезы, подавленность, грусть, печаль, тоска, горе, скука, страдание, усталость, утомление, монотония, прострация, рассеянность, релаксация, кризисное состояние.

Результаты

По результатам данного опроса нами была составлена таблица, включающая в себя списки наименований психических состояний по каждому фрагменту и количество упоминаний каждого наименования (Таблица 3).

Таблица 3

	Фрагмент 1	Фрагмент 2	Фрагмент 3	Фрагмент 4	Фрагмент 5	Фрагмент 6	Фрагмент 7	Фрагмент 8	Фрагмент 9	Фрагмент 10	Фрагмент 11
1	Страдание 4	Кризисное состояние 3	Подавленность 3	Негодование 2	Страх 3	Страдание 3	Размышление 3	Симпатия 2	Тоска 2	Негодование 2	Страх 3
2	Подавленность 3	Подавленность 2	Страдание 2	Борьба мотивов 2	Озадаченность 2	Дистресс 2	Негодование 2	Тоска 2	Страдание 2	Усталость 2	Паника 3
3	Печаль 3	Тревога 1	Сострадание 2	Сомнение 2	Кризисное состояние 2	Утомление 2	Воодушевление 2	Грусть 2	Размышление 2	Подавленность 1	Кризисное состояние 2
4	Усталость 1	Ужас 1	Тревога 1	Размышление 2	Паника 2	Подавленность 2	Сосредоточенность 1	Восторг 1	Тревога 1	Тревога 1	Озадаченность 2
5	Рассеянность 1	Страдание 1	Тоска 1	Рассеянность 1	Мобилизация 1	Тревога 1	Мобилизация 1	Размышление 1	Грусть 1	Сомнение 1	Дистресс 1
6	Тревога 1	Гнев 1	Дистресс 1	Тоска 1	Готовность 1	Ненависть 1	Борьба мотивов 1	Воодушевление 1	Сосредоточенность 1	Тоска 1	Гнев 1
7	Грусть 1	Восторг 1	Размышление 1	Монотония 1	Сосредоточенность 1	Кризисное состояние 1	Озадаченность 1	Удивление 1	Озадаченность 1	Озадаченность 1	Страдание 1
8	Прострация 1	Печаль 1	Печаль 1	Усталость 1	Печаль 1	Печаль 1	Монотония 1	Негодование 1	Озарение 1	Печаль 1	Размышление 1
9		Прострация 1	Негодование 1	Прострация 1	Размышление 1	Усталость 1		Восхищение 1	Монотония 1	Страсть 1	Ужас 1
10		Утомление 1			Подавленность 1	Сомнение 1		Борьба мотивов 1	Скука 1	Страдание 1	Тревога 1

11		Страх 1			Сомне ние 1			Паник а 1	Печал ь 1	Симпа тия 1	Состра дание 1
12		Озадаченн ость 1			Тревог а 1						
13		Негодован ие 1			Негод ование 1						
14		Усталость 1									

Проанализировав полученные данные, мы подобрали по их частотности отнесение испытуемыми того или иного фрагмента к уровню психической активности (см. Таблицу 1 первый столбец) и обнаружили, что психическая активность говорящих в шести видеофрагментах была оценена большинством испытуемых как пониженная, говорящих двух видеофрагментов – как средняя, говорящих двух видеофрагментов – как высокая и говорящего одного видеофрагмента – как повышенная и средняя (Таблица 4).

Таблица 4

Уровень психической активности	Фрагмент 1	Фрагмент 2	Фрагмент 3	Фрагмент 4	Фрагмент 5	Фрагмент 6	Фрагмент 7	Фрагмент 8	Фрагмент 9	Фрагмент 10	Фрагмент 11
Повышенная психическая активность	7%	35%	23%	15%	45%	27%	42%	36%	7%	31%	59%
Средняя психическая активность	0%	6%	23%	46%	33%	7%	50%	36%	36%	23%	23%
Пониженная психическая активность	93%	59%	54%	39%	22%	66%	8%	28%	57%	46%	18%

Выводы

Соотнеся данные первого и второго этапов эксперимента, мы смогли предположить, что, если выраженность группы эмоций, производных от *грусть*, *печаль*, имеет высокую или среднюю степень, то психическая активность говорящего экспертами – носителями языка оценивается как

пониженная. Если же выраженность эмоций имеет среднюю или низкую степень, или речь во фрагменте оценена испытуемыми как безэмоциональная, то психическая активность говорящего оценивается как средняя или повышенная. Интересно, что именно эта группа эмоций распознается при наличии снижения психической активности. Этот показатель является результатом междисциплинарного подхода к проблеме распознавания эмоционального состояния говорящего по параметрам речи.

Библиографический список

Васенко А.О. Определение степени эмоционального состояния говорящего по параметрам звучащей речи // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 3 (54). С. 74-83 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=73454018> (дата обращения: 30.01.2025).

Величкова Л.В. Экспрессивные средства речи: психолингвистические исследования: монография / Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, В.Ю. Иванова, О.Н. Серикова; под ред. проф. Л.В. Величковой; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. 136 с.

Величкова Л.В., Абакумова О.В., Петроченко Е.В., Воропаева И.В. Проект «Психолингвистическое изучение звучащей речи» // Вопросы психолингвистики. 2017. № 3 (33). С. 240-255.

Ганзен В.А., Юрченко В.Н. Систематика психических состояний человека // Вестник ЛГУ. 1991. Серия 6. Вып. 1. С. 47-55.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 427 с.

Stock E., Velichkova L. Rhythmus und emotionale Spannung in Deutschen und Russischen // Phonus. Saarbrücken, 2002. S. 294-319.

References

Vasenko A.O. Opredelenie stepeni emocional'nogo sostoyaniya govoryashchego po parametram zvuchashchej rechi // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2024. № 3 (54). S. 74-83.

Velichkova L.V. Ekspressivnye sredstva rechi: psiholingvisticheskie issledovaniya: monografiya / L.V. Velichkova, O.V. Abakumova, V.YU. Ivanova, O.N. Serikova; pod red. prof. L.V. Velichkovo; Voronezh. gos. Un-t. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 136 s.

Velichkova L.V., Abakumova O.V., Petrochenko E.V., Voropaeva I.V. Proekt «Psiholingvisticheskoe izuchenie zvuchashchej rechi» // Voprosy psiholingvistiki. 2017. № 3 (33). S. 240-255.

Ganzen V.A., Yurchenko V.N. Sistematika psihicheskikh sostoyanij cheloveka // Vestnik LGU. 1991. Seriya 6, vyp. 1. S. 47-55.

Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / L.V. Shcherba. 2-e izd., ster. Moskva: URSS, 2004. 427 s.

Stock E., Velichkova L. Rhythmus und emotionale Spannung in Deutschen und Russischen / E. Stock, L.V. Velichkova // Phonus. Saarbrücken, 2002. S. 294-319.

UDC 81.342.9

EXPERIMENTAL STUDY OF SOUNDING SPEECH PARAMETERS TO DETERMINE THE EMOTIONAL STATE OF THE SPEAKER

A.O. Vasenko

postgraduate student of the Department of German Philology

e-mail: annasapelnikowa@gmail.com

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

In the centre of consideration are speech parameters that allow determining the emotional state of the speaker, which determines the study of the parameters of sounding speech. The nature of changes in the features of sounding speech at the segmental and suprasegmental levels depending on the speaker's state is revealed. Besides, the article presents the data of the experimental research conducted to determine the degree of influence of mimic and gesticulation on the perception of speaker's emotionality. The data of the experimental research conducted to determine the state of speaker's mental activity and the impact of speech behavior on the listener's perception, as well as the data of the analysis of the correlation between the speaker's mental activity and the degree of expression of emotions in his speech are presented.

Key words: *Emotionality of spoken speech, emotions, psycholinguistics*

УДК 811.512.145

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ИСХАКЫЙ

Д.К. Вахитова

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
e-mail: dilik15@yandex.ru

Казанский государственный архитектурно-строительный университет
(г. Казань, Россия)

*В статье исследуется инвективная лексика в произведениях татарского писателя Г. Исхакий, творившего в начале XX века. В результате анализа выявленный корпус инвектив был распределен по шести основным лексико-тематическим группам. Отмечается, что наиболее обширной является группа проклятий, а наиболее частотной – инвективная единица *каһәр* (букв. проклятие). Самой разнообразной по составу является группа инвектив, основанных на метафорическом переносе. В результате исследования было установлено, что инвективная лексика была выявлена в определенном объеме в каждом рассмотренном литературном произведении. Таким образом, инвективная лексика является важным средством для создания дополнительной экспрессии в текстах Г. Исхакий, а также служит для реализации оценочной функции.*

Ключевые слова: инвективная лексика, татарский язык, татарская литература, метонимия, эмоционально-оценочная лексика, метафора.

Введение

В лингвокультурной картине мира особое место занимает эмоционально-оценочная лексика, в частности инвективы. Инвективная лексика и фразеология в силу своей экспрессивной семантики выражает в резкой категоричной форме оценочные суждения о человеке и тем самым иллюстрирует систему ценностей лингвокультурного общества. Следовательно, инвективный слой языка является источником отражения ценностных представлений социума.

Инвективная лексика подробно рассматривается в различных дискурсах. К примеру, инвектива в управленческом дискурсе изучается в статье О.В. Филимонова, который приходит к выводу, что инвективный пласт лексики становится неотъемлемым фоном вербализированного управления [Филимонов 2023].

На сегодняшний день особую актуальность представляет исследование инвектив в речи современной молодежи [Барабанова, Сакс 2024]. В работе Е.И. Мещеряковой, Т.Ю. Скибо подчеркивается негативное воздействие инвективной лексики, которая в современных

условиях широко распространена в коммуникативном взаимодействии молодежи, кроме того, указывается, что инвективное словоупотребление оказывает разрушительное воздействие на духовность личности [Мещерякова, Скибо 2024].

Определенный интерес со стороны лингвистов вызывает инвективная лексика в политическом медиадискурсе. Особое внимание обращает на себя ряд работ таких исследователей, как О.В. Демидов, Е.Б. Пономаренко, М.Р. Желтухина, Т.В. Рябова, Н.Г. Тищенко [Демидов 2004; Пономаренко, Желтухина 2019; Рябова, Тищенко 2022] и др. В своем исследовании О.В. Демидов указывает на отчетливую тенденцию к оскорбительным выражениям в отношении оппонентов в современной публицистике, что является нарушением правил приличия [Демидов 2004].

В данной работе анализу подвергается инвективная лексика татарского языка. В сопоставительном аспекте инвективная лексика татарского языка исследуется в трудах Ф.И. Тагировой, Д.К. Вахитовой [Тагирова, Вахитова 2017].

Отметим, что инвективный фонд также комплексно изучается и анализируется в рамках художественного дискурса. В данной статье исследование инвектив ограничивается художественным дискурсом, который является бесспорным источником пополнения инвективного пласта лексики. В частности, анализу подвергается инвективная лексика татарского языка в произведениях одного из основоположников татарской возрожденческой литературы начала XX века Г. Исхакий.

Таким образом, объектом исследования является инвективная лексика в работах татарского писателя, публициста Г. Исхакий. В качестве предмета работы следует выделить выявление семантической специфики инвективной лексики в анализируемых трудах писателя.

Материалы и методы

В качестве материала данного исследования использованы примеры инвективной лексики татарского языка, выявленные методом сплошной выборки в повестях и драматических произведениях Г. Исхакий.

Основные методы обусловлены спецификой объекта и предмета работы. Методологию исследования составили интерпретативный анализ, сопоставительный анализ и др., на основании которых были сформированы основные лексико-тематические группы инвектив, использованные в трудах Г. Исхакий. Количественный анализ позволил выявить наиболее частотные инвективы, встречающиеся в художественном тексте данного писателя.

Результаты

Инвективные обозначения человека в татарском языке выделяются своими особенностями, которые были определены в группы инвектив, выявленные в литературных работах Г. Исхакий.

Количественный анализ свидетельствует о выявлении более 120 случаев использования инвективной лексики и фразеологии в драматических произведениях писателя. Выделенные инвективные единицы были объединены в представленные ниже лексико-тематические группы, отражающие особенности их употребления.

1. Упоминания сил зла, отсылания и проклятия являются самым широко используемым средством выражения инвективности. Инвективные формулы данной группы составляют 42% от общего количества инвектив, выявленных в произведениях Г. Исхакий. Особой частотностью отличаются такие инвективные единицы, как *каһәр* (букв. проклятие), *бәддога* (букв. проклятие), *шайтан* (букв. шайтан, дьявол). Как правило, слово *каһәр* (букв. проклятие) используется в составе проклятия *каһәр суксын* (букв. чтобы проклятие ударило) или *каһәр суккан* (букв. ударенный проклятием). В ходе анализа выявлено 37 случаев использования данных сочетаний (71% от общего количества инвектив данной группы): *Каһәр сукканнар! Нинди зур илне әрәм иттеләр!* ‘Проклятые (букв. ударенные проклятием)! Такую большую страну загубили!’ [Исхакий 1991: 97]; *Каһәр сукканнар икән, болар әллә нишләмәкче булалар.* ‘Проклятые (букв. ударенные проклятием), что-то они затевают [Исхакий 1991: 394]; *Бирмәс, каһәр суккан, бирмәс!* ‘Не отдаст, проклятый (букв. ударенный проклятием), не отдаст!’ [Исхакий 1991: 414]; *Каһәр суккан кияве дә бүген үк керергә булды* ‘Его проклятый (букв. ударенный проклятием) зять тоже сегодня решил зайти’ [Исхакий 1991: 418]; *Каһәр суксын! Эштән чыгып беттем.* ‘Проклятие (букв. чтобы проклятие ударило)! Я совсем выбился из сил’ [Исхакий 1991: 455]; *Ә, шундамыни бу бәддога төшкән, алланың каһәре суккан?* ‘А, там оказывается этот негодяй (букв. проклятие упало), проклятый Богом?’ [Исхакий 1991: 631]; *Кара, каһәр суккан, белмәгәнгә салына!* ‘Смотри-ка, проклятый (букв. ударенный проклятием), прикидывается, что не знает!’ [Исхакий 1991: 397]; *Менә каһәр суккан, ниләр сөйли!* ‘Вот проклятый (букв. ударенный проклятием), что говорит’ [Исхакий 1991: 400] и др. Инвектива *шайтан* ‘шайтан, дьявол’ составила 25% от числа инвектив данной лексико-тематической группы: *Кит, шәйтән!* ‘Уйди, шайтан!’ [Исхакий 1991: 157]; *Шул шайтанга алданып никадәр дәүләт бетердем, никадәр дәүләт!* ‘Обманувшись этим шайтаном скольких я богатств лишился, скольких богатств!’ [Исхакий 1991: 634] и др. (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи. – Д.В.).

Ряд инвектив данной группы используется в речи героев произведений в междоментной функции, что не подразумевает интенцию со стороны говорящего оскорбить или принизить социальный статус человека, а всего лишь выражает недовольство и неспособность изменить или повлиять на описываемую ситуацию: *Бритвасы да рәтләп үтми, шайтанны!* ‘И бритва неострая, черт возьми (букв. шайтана)’ [Исхакий 1991: 465]; *Шул, каһәр суккан!* ‘Так, проклятие (букв. ударенный проклятием)’ [Исхакий 1991: 397] и др.

В анализируемом художественном тексте название преисподней ‘*жәһәннам*’ встречается дважды в отсыланиях: *Жәһәннамгә җибәрим шул шайтанны!* ‘Отправлю в ад этого шайтана’ [Исхакий 1991: 551]; *Жәһәннамгә кадал!* ‘Сдохни в аду’ [Исхакий 1991: 554].

2. Выявленная инвективная группа метафор является разнообразной по составу и составляет 17% от общего количества инвективных единиц, обнаруженных в произведениях Г. Исхакий. Метафоры могут основываться как на неживых объектах действительности, так и на представителях животного мира. К примеру, *себерке* (букв. метла) используется в речи персонажей произведений для негативной оценки распутной женщины: *Син – себерке! Себерке, себерке!* ‘Ты – потаскуха (букв. метла)! Потаскуха (букв. метла), потаскуха (букв. метла)!’ [Исхакий 1991: 400]. Инвектива *пумала* (букв. помело) употребляется для уничижительной характеристики небрежной или непричесанной женщины: *Бу пумалалар берлә нишләгәннәрдер.* ‘Что сделали с этими растрепами’ [Исхакий 1991: 401].

Особо выделяются инвективные метафоры, основанные на сравнении с животными, т.к. их наличие придает дополнительную образность любому высказыванию. Такие инвективные метафоры, как *дуңгыз* (букв. свинья), *эт* (букв. собака), *сарык* (букв. баран) отличаются особой частотностью во многих произведениях татарской литературы. В работах Г. Исхакий было обнаружено 8 случаев употребления инвективной метафоры *эт* (букв. собака): *Мин, синең ишкелле, котырган эт кебек теләсә кем берлә орышышым.* ‘Я, в отличие от тебя, не ругаюсь с кем попало как бешеный пес’ [Исхакий 1991: 400] и др. Метафора *дуңгыз* (букв. свинья) в трудах писателя не обозначает конкретный человеческий недостаток, а в целом выражает недовольство со стороны говорящего поведением или поступками инвектума: *Ибраһим да дуңгыз, бөтен эшне бозды, ул булмаса, берни булмый иде.* ‘Ибрагим тоже свинья, он все испортил, если бы не он, то ничего бы не было’ [Исхакий 1991: 406]; *Авызына сук дуңгызның, авызына сук!* ‘Бей этого свинью в рот, бей в рот!’ [Исхакий 1991: 427]. В произведении Г. Исхакий лексема *сарык* (букв. баран) используется в сочетании с *маңка сарыгы* (букв. сопливый баран) для номинации молодого, неопытного, глупого человека:

Мине маңка сарыгы дип мыскыл итә торган күрше кызлары, минем берлә су буйларында бәбкәләр саклаучы Миңлебай кызлары бары да миннән качалар. ‘Соседские девчонки, которые издевались надо мной, называя сопливым бараном, и дочери Минлебая, которые когда-то со мной стерегли гусят у воды, все избегают меня’ [Исхакий 1991: 79].

Инвективные метафоры *елан* (букв. змея), *ана-мачы* (букв. кошка) употребляются в отношении коварных, хитрых женщин: *Елан!* ‘Змея!’ [Исхакий 1991: 397]; *Син – ана мачы!* ‘Ты – кошка!’ [Исхакий 1991: 399].

Таким образом, проанализированные примеры с содержанием инвективных метафор подтверждают идею о придании особой экспрессивности и эмоциональности высказываниям.

3. Особую группу составляют инвективы, основанные на таком приеме, как метонимия. Данная группа составляет 9% от общего количества инвективной лексики, выявленной в анализируемых работах. Метонимия предполагает использование части вместо целого, например, в произведениях писателя обнаружены такие компоненты, как *авыз* (букв. рот), *баиш* (букв. голова), *йөз* (букв. лицо), которые используются в составе таких инвективных сочетаний, как *мәми авыз* (букв. еда+рот), *кибәк баиш* (букв. мякинная голова), *кара йөз* (букв. черное лицо). Инвектива *кибәк баиш* (букв. мякинная голова) обозначает человека, обладающего умственными недостатками: *Син кибәк баиш!* ‘Ты – безмозглый (букв. мякинная голова)’ [Исхакий 1991: 601]. Выражение *мәми авыз* (букв. еда+рот) используется для номинации мягкотелого, бесхарактерного, нерешительного человека: *Һаман шулай торасыңмы, йә әле, мәми авыз?* ‘Ты все еще так и стоишь, ну-ка, мямля (букв. еда+рот)?’ [Исхакий 1991: 93]; *Хәзер инде мин элгәресе кеби мәми авыз түгел, роман укыган кеше.* ‘Теперь я не такой мямля (букв. еда+рот), как раньше, а тот, кто читает романы’ [Исхакий 1991: 121]. Инвективное сочетание *кара йөз* (букв. черное лицо) не обозначает какой-то определенный человеческий порок, а используется для выражения недовольства человеком в целом: *Ач, йөзең кара кыз!* ‘Открывай, проклятая (букв. девушка с черным лицом)’ [Исхакий 1991: 399]; *Йә, йөзең кара, ник чакырдың?* ‘Ну, проклятая (букв. у тебя черное лицо), зачем звала?’ [Исхакий 1991: 539].

Сама лексема *адам/кеше* ‘человек’ также встречается в произведениях в составе инвективной фразы *кеше/адам калдыгы* (букв. остаток человека), которая направлена говорящим на себя: *Менә мин – хәзер шул суык көндә, шул ыжгырдый торган эңилдә, шул хатыным берлә бер түшәккә яткан өйдә, үткән гомерендә бер нәрсә эшләмәгән, киләчәгендә эшләргә идеалын, иманын югалткан, эшкә ярамый торган бер адам калдыгы!* ‘Вот я сейчас, в этот холодный день, на этом завывающем ветру, в том доме, где я лежу с моей женой на кровати, я – человечешка (букв. остаток человека), который ничего не сделал в своей жизни, который

потерял свои идеалы и веру в свое будущее, и который ни на что не годен!’ [Исхакий 1991: 145].

Несмотря на немногочисленность указанной лексико-тематической группы, рассмотренные инвективы вносят значительный вклад в выражение эмоционального отношения и состояния героев.

4. Следующую группу составляют отождествления человека с социально неблагополучными группами, данные инвективы занимают 11% от общего количества анализируемых инвективных выражений. В работах писателя встречаются такие отрицательные номинации человека, как *жулик*, *шпана* и др.: *Бер шпана сызгырыга тотынды*. ‘Какой-то шпана начал свистеть’ [Исхакий 1991: 52]; *Шул жуликкамы? ‘Этому жулику?’* [Исхакий 1991: 403]; *Син безгә шул хезмәтемезгә каршы, сезнең бөтен нәселеңезне туйдырып торумызга каршы алла нинди жуликлар сүзенә карап йөрисең!* ‘Ты веришь словам каких-то жуликов и высказываешься против нашей работы, несмотря на то, что мы кормим всю вашу семью!’ [Исхакий 1991: 407] и др. Также были выявлены случаи обвинения человека в бедности, таким образом, слово *хәерче* (букв. нищий) приобретает резкую негативную экспрессивную оценку: *Син кем соң? Хәерче!* ‘Ты кто такой? Нищий!’ [Исхакий 1991: 399]; *Килгән вакытыңда өстеңә күлмәгең дә юк иде, хәерче!* ‘Когда ты сюда пришла впервые, на тебе даже платья не было, нищая!’ [Исхакий 1991: 400].

Тунеядство и нахлебничество является объектом критики и порицания со стороны героев произведений как в отношении других людей, так и в отношении самих себя: *Менә мин – шул үземнең тормышымның начарлыгын уйлап та, аңлап та, үземне үзем шул начарлыктан, шул баткаклыктан чыгара алмаган көчсез, хәлсез бер әрәмтамак!* ‘Вот я – бессильный, слабый дармоед, который, даже думая и понимая всю уродливость своей жизни, не может вытащить себя из этой уродливости, из этой трясины!’ [Исхакий 1991: 145]; *Кара, бу әрәмтамак тагы монда килә икән әле*. ‘Смотри, этот дармоед снова сюда пришел’ [Исхакий 1991: 445].

5. Лексико-тематическая группа, направленная на осуждение интеллектуальных недостатков человека, составляет 19% от общего количества инвектив, выявленных в литературных трудах Г. Исхакий. Данный конгломерат инвектив включает в себя такие слова, как *дурак*, *тиле* (букв. глупый), *надан* (букв. тупой), *ахмак* (букв. дурень): *Ахмак, тик тор!.. Авызыңны сугып ярырмын!* ‘Дурень, помалкивай!.. Заеду тебе по рту!’ [Исхакий 1991: 311]; *Хәлил, син бу тилеләр сүзенә карама!* ‘Халил, ты не слушай слова этих глупцов!’ [Исхакий 1991: 405]; *Син бу тиле карттан бик күп күтәрдең, алла никадәр мыскыл күрдең, барысына да чыдадың, ләкин монысы чыдарлык түгел*. ‘Ты столько натерпелась от этого глупого старика, столько издевательств, ты все это вынесла, но это

невыносимо' [Исхакий 1991: 458]; *Кит, тиле, эчамме соң, Алла сакласын!* 'Уйди, глупец, разве я выпью, не дай Бог' [Исхакий 1991: 600] и др.

6. Инвективы, связанные с осуждением человека по гендерному принципу, составляют небольшую группу (2% от общего количества инвектив), однако выделяются своей яркой эмоциональной окраской. Особое презрение в работах писателя вызывают мужчины, ведущие себя подобно женщинам. К примеру, в произведении «Кәжүл читек» (Козловые сапоги) главного героя называют *катынша* из-за того, что он надел женские ичиги: *Әнисенең читеген кинән, әнисенең читеген кинән, әнисенең читеген кинән, катынша, катынша, – дип укыдылар*. 'Мамины ичиги надел, баба, баба, – говорили они' [Исхакий 1991: 271].

Обсуждение результатов

В данной статье была проанализирована инвективная лексика и фразеология в произведениях классика татарской литературы Г. Исхакий. На основе результатов анализа более 120 инвективных единиц были сформированы шесть основных лексико-тематических групп. Итоговые данные указаны в таблице 1.

Таблица 1. Лексико-тематические группы инвективной лексики в произведениях Г. Исхакий.

Лексико-тематическая группа	Количество	%
Упоминания сил зла, отсылания и проклятия	52	42%
Интеллектуальные недостатки	24	19%
Инвективы, основанные на метафоре	21	17%
Социальное неблагополучие	14	11%
Инвективы, основанные на метонимии	10	9%
Гендерный принцип	2	2%
<i>Всего</i>	<i>123</i>	<i>100%</i>

Численные данные из таблицы 1 свидетельствуют о том, что самыми частотными являются инвективные выражения, имеющие в своем составе упоминания сил зла, а также проклятия. Инвективы данной группы содержат главным образом такие компоненты, как *каһәр* (букв. проклятие) и *шайтан* (букв. шайтан, дьявол). Кроме того, значительную долю инвектив в трудах писателя составляют слова, направленные на критику героя с точки зрения его умственных недостатков. Наименее разнообразной по составу и частотности является лексико-тематическая группа для осуждения человека по гендерному принципу. В татарской литературе человек часто обвиняется в наличии в его поведении признаков, характерных для противоположного пола. Так, в рассмотренных трудах были выявлены случаи обвинения мужчины в женоподобном поведении.

Что касается не количественного, а качественного содержания лексико-тематических групп, следует особо выделить инвективные метафоры, т.к. именно данная группа является самой разнообразной по составу. В данную группу входят сравнения, основанные как на живых, так и неживых объектах действительности.

В таблице 2 приведены высокочастотные инвективные единицы, выявленные в работах писателя.

Таблица 2. Высокочастотные инвективы в произведениях Г. Исхакий.

Инвектива	Количество	Частотность (%)
1. <i>каһәр</i> (букв. проклятие)	37	30%
2. <i>тиле</i> (букв. глупый)	15	12%
3. <i>шайтан</i> (букв. шайтан, дьявол)	13	11%
4. <i>эт</i> (букв. собака)	8	6%
5. <i>ахмак</i> (букв. дурень)	7	5%

Согласно статистке, самой частотной является инвективная единица *каһәр* (букв. проклятие), которая, как правило, употребляется в составе проклятий. Инвектива *тиле* (букв. глупый) занимает вторую позицию, как и лексико-тематическая группа, к которой она относится. Данный факт свидетельствует об особой ценности умственных способностей в татарской лингвокультуре.

Заключение

Проведенный анализ инвективной лексики и фразеологии в произведениях татарского писателя Г. Исхакий позволил сделать ряд значимых выводов.

Во-первых, следует отметить тот факт, что инвективная лексика была выявлена в определенном объеме в каждом рассмотренном труде.

Во-вторых, количественный и качественный состав инвектив является отражением исторической эпохи, в которой творил писатель. Так, наблюдается обилие проклятий в речи героев произведений. Кроме того, следует выделить минимальное количество заимствований из русского языка.

В-третьих, важно подчеркнуть важность средств выразительности (метафора, метонимия), их большую роль в создании стилистической образности и яркости художественного текста.

В-четвертых, конгломерат проанализированных инвектив указывает на их этноспецифику, т.е. инвективы способствуют отражению национально-культурных особенностей татар, их видения мира,

отношения между членами общества и раскрывают настоящие ценности народа.

Таким образом, исследование подтверждает, что инвективная лексика является важным средством для создания дополнительной экспрессии в текстах Г. Исхакий, а также служит для реализации оценочной функции и имеет прагматический потенциал, благодаря которому осуществляется воздействие на инвектума.

Библиографический список

Барабанова В.В., Сакс А.И. Инвективная лексика в речи молодежи // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Материалы X Международной научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 6–9.

Демидов О.В. Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 11. № 1. С. 90–94.

Мещерякова Е.И., Скибо Т.Ю. Традиционная культура и инвективная лексика современной молодежи: психолого-педагогические аспекты проблемы // XXXII международные рождественские образовательные чтения. Сборник трудов конференций. Воронеж, 2024. С. 74–81.

Пономаренко Е.Б., Желтухина М.Р. Инвективная лексика в политическом медиадискурсе: англоязычные и русскоязычные эмоциональные проявления политиков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 120–130.

Рябова Т.В., Тищенко Н.Г. Инвективная лексика в современном политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10. С. 175–179.

Тагирова Ф.И., Вахитова Д.К. Функционирование инвективной лексики с компонентом-зоонимом в татарском и удмуртском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. Том 11. Выпуск 4. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. С. 31–41.

Филимонов О.В. Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 4 (853). С. 153–160.

Исхакий Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Казан: Тат. кит. нәшр., 1991. 671 б.

References

Barabanova V.V., Saks A.I. Invektivnaya leksika v rechi molodezhi // Problemy` modernizacii sovremennogo vy`sshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty`. Materialy` X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk, 2024. S. 6–9.

Demidov O.V. Invektivnaya leksika v SMI (na primere politicheskogo zhurnalistskogo diskursa) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. T. 11. № 1. S. 90–94.

Meshcheryakova E.I., Skibo T.Yu. Tradicionnaya kul'tura i invektivnaya leksika sovremennoj molodezhi: psixologo-pedagogicheskie aspekty` problemy` // XXXII mezhdunarodny`e rozhdstvenskije obrazovatel`ny`e chteniya. Sbornik trudov konferencij. Voronezh, 2024. S. 74–81.

Ponomarenko E.B., Zheltuxina M.R. Invektivnaya leksika v politicheskom mediadiskurse: angloyazy`chny`e i russkoyazy`chny`e e`mocional`ny`e proyavleniya politikov // Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2019. № 3. S. 120–130.

Ryabova T.V., Tishhenko N.G. Invektivnaya leksika v sovremennom politicheskom diskurse // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2022. № 10. S. 175–179.

Tagirova F.I., Vaxitova D.K. Funkcionirovanie invektivnoj leksiki s komponentom-zoonimom v tatarskom i udmurtskom yazy`kax // Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij. Tom 11. Vy`pusk 4. Izhevsk: Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet», 2017. S. 31–41.

Filimonov O.V. Invektivnaya leksika v upravlencheskom diskurse v silovy`x vedomstvax // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvenny`e nauki. 2023. № 4 (853). S. 153–160.

Iskhaky`j G. Zindan. Sajlanma proza ham saxna asarlare. Kazan: Tat. kit. nashr., 1991. 671 b.

UDC 811.512.145

SEMANTIC PECULIARITIES OF INVECTIVE VOCABULARY IN THE WORKS OF G. ISKHAKY

D.K. Vakhitova

*PhD (Candidate) in Philology, Docent,
Associate Professor at the Department of foreign languages
e-mail: dilik15@yandex.ru*

Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russia)

The article deals with the invective vocabulary in the works of the Tatar writer G. Iskhaky, who worked at the beginning of the 20th century. As a result of the analysis, the identified set of invectives was formed into six main lexical-thematic groups. It is noted that the most extensive is the group of curses, and the most frequent invective unit is kahar (curse). The most diverse in terms of its composition is the group of invectives based on metaphorical transfer. As a result of the study, it was found that invective vocabulary was identified in a certain volume in each literary work. Thus, invective vocabulary is an important means of creating additional expression in the texts of G. Iskhaky, and also serves to implement the evaluative function.

Keywords: *invective vocabulary, Tatar language, Tatar literature, metonymy, emotional-evaluative vocabulary, metaphor.*

УДК 81-119.087.5

ОРНИТОМОРФНАЯ СПЕЦИФИКА АНТРОПОНИМА ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА Н.С. ЛЕСКОВА «ОБОЙДЁННЫЕ»

В.В. Вязовская

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru*

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Статья посвящена рассмотрению антропонима главного персонажа романа Н.С. Лескова «Обойдённые» (1865) Илья Макарович Журавка. Орнитоморфная специфика антропонима реализует мифологему журавля – птицы, образ которой занимает значимое место в русской и мировой культуре. Свободный художник Журавка – «вольная птица» – отличается своим особым видением мира, что во многом сближает его с лесковскими праведниками, в то же время не лишенных человеческих пороков. Рассмотренный антропоним обуславливает ход жизни персонажа и участвует в реализации идейного замысла романа. Птичий компонент имени художника раскрывается посредством онимов разных типов: антропонимов, топонимов, этнонимов и др. Трехчастная структура антропонима, а также его «птичья» этимология отражают состояние русского реального именника, в котором фамилии с орнитоморфным компонентом составляют самую многочисленную группу. Подобные фамилии (Птицын, Пизонский, Павлин и др.) встречаются во многих текстах Н.С. Лескова, что позволяет говорить об их особом месте в ономастике этого писателя. В своей творческой лаборатории Н.С. Лесков сохранил специфику русской именной традиции, особым образом вплетая имена персонажей в ткань художественного текста.

Ключевые слова: ономастика, орнитоним, Н.С. Лесков, антропоним, ономастическая лаборатория, «Обойдённые».

Введение

В настоящее время в филологических исследованиях интерес к изучению роли онимов в структуре художественного текста по-прежнему не угасает. По верному замечанию М. В. Калинкина, «функциональная сторона поэтики онимов – наиболее разработанная и одновременно пёстрая часть теоретического наследия» [Калинкин 1999: 227]. Н.В. Васильева, проведя комплексный анализ имени собственного, приходит к выводу, что в художественном тексте имя персонажа имеет более тесную связь со своим носителем, нежели в реальной жизни, имя несёт в себе следы мифологического мышления, которые проявляются в актах употребления и имянаречения, тем самым антиципируя судьбу героя [Васильева 2009: 144].

В языческом и христианском обществе птичий мир играл огромную роль, что привело к формированию символизма птиц в русской культуре. В.А. Никонов, известный исследователь русской антропонимической системы, указывает на то, что птичьи фамилии образуют одну из самых многочисленных групп русского именника [Никонов 1974: 194]. И.В. Якушевич, обратившись к орнитонимам в художественном тексте, отмечает, что «орнитоним становится символом. Его означающее – слово как единство звукобуквенного материального носителя знака и некоего яркого перцептивного образа. Его означаемое – система мифологически переосмысленных абстрактных смыслов» [Якушевич 2023: 40]. А.А. Новикова и Л.И. Мартынюк, размышляя об особенностях орнитонимов в текстах М.А. Булгакова, приходят к выводу о том, что они имеют полисемантическую символику [Новикова 2021: 39]. С.А. Скуридина, проанализировав птичьи фамилии персонажей в текстах Ф.М. Достоевского (*Снегирев, Сокольский, Лебедев* и др.), отмечает их полифункциональность [Скуридина 2015].

Материалы и методы

Материалом исследования в настоящей работе послужил антропоним персонажа романа Н.С. Лескова «Обойдённые» (1865) *Илья Макарович Журавка*. При проведении исследования мы опирались на методы контекстуального анализа, интерпретации текста, компонентного анализа, а также сопоставительный метод и метод лингвистического наблюдения и описания.

Результаты

В результате проведённого анализа была раскрыта семантика антропонима художника и выявлены средства её актуализации в тексте. Антропоним является трехчастным. Фамилия художника относится к группе птичьих фамилий, имеющих большую распространённость в реальном русском именнике.

Онимное пространство Журавки включает имена, ассоциативно связанные между собой посредством разных мотивов: птичьего, солярного и др. Птичий мотив актуализируется посредством орнитологической шкалы: «Это – человек, он живет, сочувствует, любит, страдает, одним словом, *несет жизнь*; а те, точно кукушки, по чужим гнездам прыгают; точно ученые скворцы сверкочат» [Лесков 1989: 3: 77]. В данном случае находит свое воплощение оппозиция: человек – птица, т.е. акцентируется внимание на том, что художник, носящий птичью фамилию, является *человеком*, проявляющим все лучшие *человеческие* качества, он противопоставляется героям-птицам. Фамилия персонажа и его прозвище образуют орнитоморфную пару: *Журавка / Аргус*, семантический

потенциал которой поддерживает контекст. Солярный мотив формирует символическая связь журавля с солнцем, проявляющаяся в тяготении художника к огню/жаре, что поддержано фоновыми онимами: топонимами (*Италия, Ницца* и др.), антропонимами из близкого окружения персонажа (*Грациелла*) и др.

Орнитоморфный компонент фамилии *Журавка* участвует в акцентуации национальности персонажа на лексическом уровне: *хохол* (национальность художника) / *хохол* – особая внешняя примета журавля.

Птичьи фамилии часто встречаются во многих текстах Н.С. Лескова (*Птицын, Пизонский, Павлин* и др.), что позволяет говорить об особом месте онимов с орнитоморфным компонентом в ономастическом фонде этого писателя. Учитывая большую распространённость фамилий данной группы в реальном русском именнике, мы можем отметить, что Н.С. Лесков сохраняет данную тенденцию, особым образом используя эти имена в своих текстах.

Обсуждение результатов

6 марта 1865 года Н.С. Лесков сообщает следующее в письме Н.Н. Страхову по поводу своего нового романа: «У меня есть повесть, почти роман, вовсе не тенденциозный и совсем отделанный отчетливо, – называется «*Всяк своему нраву работает*» [Лесков 1956: 10: 256]. Этот роман под названием «*Обойдённые*» увидел свет в конце 1865 года в журнале «*Отечественные записки*».

В романе «*Обойдённые*» упоминается большое количество разных орнитонимов: *ворона, аист «змееистребитель», сокол, кукушка, голубь, цапля, ласточка, соловей, утка, индейка, небольшая серая птичка, две какие-то большие птицы*. В вещих снах персонажей парят мифические птицы: *жар-птица, гамаюн-птица*. Помимо этого, выделяется группа словосочетаний с орнитонимами, которые являются одним из средств создания образа персонажей: *голубиное сердце; голубиная кротость духа; меньше воробьиного носка* (о человеческих страстях); *птица-пигалица* (назойливый человек); *сорока* (болтливая женщина) и др. Отметим паремические единицы, в состав которых также входят орнитонимы: «*два двора – гончара, а третий – тетеречник*» [Лесков 1989: 3: 27], «*пуганая ворона, как говорит пословица, и куста боится. <...> вороны куста боятся, а я буду при том, что соколу лес не страшен*» [Лесков 1989: 3: 68]; «*зарядила сорока «Якова»*» [Лесков 1989: 3: 82].

Одним из главных героев драматической любовной истории, которая разворачивается в романе, является василеостровский живописец *Илья Макарович Журавка*. Н.С. Лесков посвящает художнику отдельную главу под названием «*Маленький человек с просторным сердцем*». Живописец Журавка – один из тех персонажей, кому автор открыто благоволит: «<...>

я должен просить о небольшом внимании к маленькому человечку, о котором я непременно должен здесь кое-что порассказать» [Лесков 1989: 3: 120]. Художник Журавка – «человек очень добрый, пылкий, суетливый и немножко смешной» [Лесков 1989: 3: 44] – один из прекрасных образов идеалистов-чудиков Н.С. Лескова. По справедливому замечанию А. Шелаевой, «комическая обрисовка Журавки снижает этот образ до уровня карикатурного идеала» [Лесков 1989: 3: 450].

Имя художника представляет собой трехчастный антропоним *Илья Макарович Журавка*. Фамилия является «птичьей» по своему происхождению, т.е. восходит к журав «журавль» [Даль 2006: 1: 547]. Птица журавль занимает значимое место в русской народной культуре, в том числе в русском именном фонде.

Распространённость птичьих фамилий в русском именнике отмечает П.М. Бицилли: «Нет, кажется, породы птиц, которая не дала бы начала одной, а то и нескольким фамилиям» [Бицилли 1996: 626]. В «Ономастиконе» С.Б. Веселовского зафиксированы фамилии *Журавкин / Жеравкин, Журавль, Журавлев* [Веселовский 1974]. Исследования лингвистов В.Р. Кипарского (цит. по [Никонов 1974: 195]), Б.О. Унбегауна [Унбегаун 1989: 148] свидетельствуют о наличии большого пласта фамилий птичьего происхождения в русском языке. В.А. Никонов высказывает следующую мысль о причине возникновения данной группы антропонимов: «Вопрос об особой роли птиц в жизни русских – вопрос о происхождении не фамилий, а прозвищ и нецерковных имен, которые позже стали основами фамилий» [Никонов 1974: 195]. Основной причиной изобилия птичьих фамилий является экономическая ценность птиц в бытовой жизни русского человека: птицеводство, забавы, связанные с птицами, превалирование численности птиц над другими видами животного мира [Никонов 1974: 195]. Данная тенденция отразилась и на появлении топонимов, семантически связанных с названием птиц. Так, по данным топонимического словаря Воронежской области, два села, возникших в первой половине XVIII и во второй половине XVIII века, носят название *Журавка* [Прохоров 1973: 103]. В словарных статьях, иллюстрирующих эти топонимы, указывается их прямая связь с местом обитания журавлей [Прохоров 1973: 103]. Учитывая интерес Н.С. Лескова к реальным именам, можно предположить, что он мог позаимствовать этот топоним в качестве основы для фамилии своего героя.

Птичий мотив постоянно сопутствует художнику. У Журавки в доме живут орел и коршун, которого «раза три в день принимался толкать линейкой» [Лесков 1989: 3: 126]. Упоминается в романе журавль: «Жили были кутыль да журавль; накосили они себе стожок сенца, поставили посередь поляца, не сказать ли вам опять с конца?» – зарядила сорока «Якова», и с тем до всякого» [Лесков 1989: 3: 82].

Птичья семантика фамилии художника обыгрывается в его национальности: Журавка – хохол. Одно из значений слова «хохол», помимо обозначения национальности, «клок шерсти, волос, перьев на голове» [Даль 2006: 4: 563]. Таким образом, *хохол* (пучок белых перьев) как атрибут журавля-красавки, обитающего на территории России, ассоциативно связан с фамилией художника.

Журавль – птица перелётная. В русской речи перелётной птицей называют человека, постоянно меняющего свое место проживания, профессиональной деятельности и т.д. Журавка – свободный василеостровский художник, т.е. он не принадлежит ни одному из направлений, он легко перемещается между Италией и Россией, у него нет полноценной семьи: «Илья Макарович был помешан на свободе любовных отношений и на итальянчочках» [Лесков 1989: 3: 69]. Чтобы официально не жениться на итальянке, он выписывает ей вексель, гарантирующий ему свободу от официального брака. После смерти подруги-итальянки он отдает своих малолетних детей на воспитание в другую семью. Итак, художник Журавка словно перелётная птица, не имеющая своего пристанища.

Птица журавль занимала одно из центральных мест в русском мировосприятии. Культ журавля, а именно его связь с солнцем, нашёл свое отражение в русском фольклоре: «Журавль прилетел и теплынь принес. Стало тепло, так и журка прилетел; а он говорит: я принес!» [Даль 2006: 1: 547]. В ритуальных песнях «веснянках» люди помимо других птиц обращались к журавлям, а также употребляли в пищу фигурки из теста в форме журавлей [Рыбаков 1987: 709]. Изображение журавля присутствует рядом с солярными знаками в узоре ритуальных браслетов русского прикладного искусства XII–XIII вв. [Рыбаков 1987: 701].

Солярный компонент фамилии героя реализуется посредством фоновых имён библейских персонажей *Самсона* и *Далилы*. Журавка, имея «художественное сердце», был влюбчив, что становилось причиной для различного рода конфузов. Увидев симпатичную немку и желая с ней начать разговор, Илья Макарович заходит в парикмахерскую, однако, не сумев объяснить на немецком языке пожеланий к своей стрижке, теряет свои волосы: «Да, это была новая Далила, глядя на которую наш *Сампсон* не замечал, как жречески священнодействовавший немец прибрал его ganz akkurat до самого черепа [Лесков 1989: 3: 124]. Н.С. Лесков использует церковный вариант имени: *Сампсон*. Помимо самой трактовки библейской истории заслуживающей внимания является этимология онима: Самсон происходит из др.-евр. šimšōn солнечный: šemeš солнце; греч. Sampsōn [Суперанская 2003: 293].

В историю жизни художника Журавки искусно вплетена известная библейская история о Самсоне, который открыл Далиле секрет своей

необыкновенной силы, скрытой в его волосах, и погиб. Писатель иронизирует над Журавкой, для которого длинные волосы свидетельствуют о его принадлежности к миру искусства: «И нужно вам знать, что Илья Макарович так дорожил своими лохмами, что не расстался бы ни с одним вершком их ни за какие крендели; берег их как невеста свою девичью честь» [Лесков 1989: 3: 123].

Обратимся к антропониму художника *Илья Макарович*. Имя *Илья* восходит к др.-евр. *элияху* бог мой Яхве [Суперанская 2003: 195]. Это имя в русской культуре связано с фигурой Ильёй-громовержцем (Ильёй-пророком), разъезжающим на огненной колеснице и жестоко карающим грешников огненными молниями. Атрибуты Ильи-громовержца – молнии и гром – вербализуются в характере художника – вспыльчивости, доведённой до комизма. Усиливает эту черту характера любовь художника к оружию: «У Ильи Макаровича являлось ружье за ружьем, английский штуцер за штуцером, старинный самопал и, наконец, барочная, медная пушка. Обзаводясь этим арсеналом, Илья Макарович воображал себя Дирслейером или Ласкаро» [Лесков 1989: 3: 125]. Однако если Илья-громовержец молниями карает грешников, то жертвами Журавки становятся лишь печальные вороны.

Чудачества художника вызывают добрую улыбку и строгий взгляд со стороны его друзей: «оштрафовал своего грудного ребенка» [Лесков 1989: 3: 127], «обзаводился скрипкой и начинал нарезать на ней лазаревские концерты» [Лесков 1989: 3: 126], «двухлетняя девочка определялась к растиранию красок, трехлетний сын плавил свинец и должен был отлизать пули или изучать механизм доброго штуцера» [Лесков 1989: 3: 127]. Художник Журавка своего рода юродивый, все чудаковатые поступки которого свёрнуты в семантике его отчества *Макарович* < *Макарий* от греч. *makarios* – блаженный, счастливый) [Суперанская 2003: 228]. Создавая образ чудаковатого художника, Н.С. Лесков называет его поступки «*маленькими шалостями*» [Лесков 1989: 3: 127], актуализируя тем самым его связь с миром детства, миром мечты и иллюзий. Знаковым является упоминание топонима *Аркадия* по отношению к художнику: «О, Аркадия священная!» [Лесков 1989: 3: 138]. *Аркадия* – это образ идеальной страны, в которой течет счастливая и беззаботная жизнь [Современный словарь иностранных слов 1999: 63]. В этом случае топоним поддерживает семантику отчества Журавки – *Макарович*, актуализируя наивный идеализм как основную черту характера художника. Живописец Журавка своего рода блаженный, что определяет эксцентричность его поведения.

Неспособность Ильи Макаровича защитить сестер Прохоровых от несчастной любви сокрыта в именовании его *слепым Аргусом*. *Аргус* – это многоглазый великан древнегреческой мифологии, охраняющий Ио.

Именем этого великана называют бдительного стража, зоркого человека [Даль 2006: 1: 21]. Журавка, подобно Аргусу, не сумел сберечь обоих своих друзей: роман происходит на его глазах, однако художник не смог предотвратить всех его трагических последствий. Упомянутая слепота Аргуса отсылает к некой чужаковости Журавки, его неспособности принять действительность. Показательным является то, что Н.С. Лесков лишает художника именно зрения, а не другого органа чувств, так как именно оно является определяющим в профессии Журавки.

Именованное художника Аргусом коррелирует с его фамилией, так как имя Аргус имеет второе значение: птица, похожая на павлина [Даль 2006: 1: 21]. Таким образом, фамилия персонажа и его прозвище образуют орнитоморфную пару: *Журавка / Аргус*, семантический потенциал которой реализует контекст.

Онимное пространство Журавки включает имена, ассоциативно связанные между собой посредством солнечного мотива. Журавка ездит в солнечную Италию, мечтает о теплом небе и горячем солнце. Из Италии художник привозит себе подругу жизни *Луизу*, которую в шутку называют *Грациэллой*. В основе прозвища итальянки *Грациэлла* лежит одно из типичных имен, распространённых в Италии Грациэлла (Грациэлла): из лат. *gratia* грация, совершенство, прелесть [Суперанская 2003: 374]. Это имя является национально окрашенным, оно участвует в формировании итальянского хронотопа в романе. Примечательно, что Луиза погибает от горячки, болезни, ярким симптомом которой является высокая температура. Горячка в данном контексте отсылает к палящему солнцу, жаркой погоде как одной из особенностей климата родины Грациэллы: «Хищная возвратная горячка, вычеркнувшая прошедшею зимою так много человеческих имен из списка живых питерщиков, отвела сажень приневской тундры для синьоры Луизы. Беспокойная подруга Ильи Макаровича улеглась на вечный покой в холодной могиле на Смоленском кладбище» [Лесков 1989: 3: 276]. В приведенном фрагменте родина Грациэллы – Италия, с ее теплом и горячим солнцем, противопоставляется чужбине России, серому и тоскливому Петербургу. В названии последнего пристанища итальянки – «*сажень приневской тундры*» – имплицитно выражена связь Грациэллы с Журавкой, из-за которого та оказывается на чужбине: одним из характерных признаков тундры является наличие большого количества болот. Болотистая местность, как известно, относится к одному из любимых мест обитания журавлей.

Орнитоморфная семантика фамилии художника также отсылает к известным героям одноименной баллады Ф. Шиллера (1797), переведённой на русский язык В.А. Жуковским, – *Ивиковым журавлям*: птицы, ставшие невольными свидетелями преступления, терпеливо ждут своего часа и своим появлением наносят удар, восстанавливающий

справедливость. Живописец Илья Макарович Журавка становится причастным к разворачивающейся на его глазах любовной драме между родными сестрами и его лучшим другом, но в отличие от Ивиковых журавлей Журавка не находит в себе силы к открытым решительным действиям.

К Ивиковым журавлям Н.С. Лесков обращается в своём романе «Островитяне» (1866): «Ага! летят уж Ивиковы журавли... да, да, пора конец положить», – подумал Истомин, стоя с открытой головой внизу пролетающей стаи. А стая все летит и летит, и все сильнее и чаще падают от нее книзу гортанные звуки» [Лесков 1989: 3: 276]. Упоминается журавль в повести «Очарованный странник» (1873): «<...> ощущаю, что около меня что-то живое и легкое, точно как подстреленный журавль, бьется и вздыхает, а ничего не молвит» [Лесков 1989: 2: 316].

Отметим, что в творчестве Н.С. Лескова встречаются другие персонажи, чьи фамилии несут в себе орнитоморфную семантику: нигилист *Птицын* (роман «Некуда»), дьячок *Пизонский* (роман «Соборяне») и др. Фамилия последнего входит в именник духовенства и имеет кальку – *Голубинский* < голубь / *Пизонский* < pigeon [Вязовская 2007: 64].

Заключение

Антропоним главного персонажа романа «Обойдённые» (1865) *Илья Макарович Журавка* входит в группу птичьих фамилий. Орнитоморфный компонент данного антропонима обуславливает траекторию развития образа художника, определяя его место в образной структуре романа. Рассмотренный антропоним имеет трехчленную структуру, компоненты которой участвуют в формировании образа персонажа и вместе с тем в реализации идейного замысла романа. Положенный в основу имени орнитоним «журавль» являет собой мифологему, которая раскрывается посредством различных языковых средств.

Библиографический список

- Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. 707 с.
- Васильева Н.М.* Собственное имя в мире текста. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 224 с.
- Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/onomastikon-drevnerusskie-imena-prozvishha-i-familii/#0_7 (дата обращения: 11.09.2024).
- Вязовская В.В.* Ономастика романа Н.С. Лескова «Соборяне». Воронеж: Наука, 2007. 174 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. М.: Рус. яз. Медиа, 2006.

Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999. 408 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 тт. М.: «Художественная литература», 1956-1958.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти тт. М.: Правда, 1989. 464 с.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 278 с.

Новикова А.А., Мартынюк Л.И. Семантические особенности слов-орнитонимов в русском языке // Вестник Луганского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (56). С. 35-40.

Прохоров В.А. Вся Воронежская земля: Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж: Центр.-Черноземн. кн. из., 1973. 367 с.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.

Скуридина С.А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «Великого пятикнижия» Ф.М. Достоевского // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Вып.1 (25). С. 149-162.

Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. М.: Рус. яз, 1999. 742 с.

Суперанская А.В. Современный словарь личных имен. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

Якушевич И.В. Орнитологический код в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. №2 (50). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitologicheskiiy-kod-v-romane-m-a-bulgakova-master-i-margarita> (дата обращения: 11.09.2024).

References

Bicilli P.M. Izbranny'e trudy' po filologii. M.: Nasledie, 1996. 707 s.

Vasil'eva N.M. Sobstvennoe imya v mire teksta. M.: Knizhny'j dom «Librokom», 2009. 224 s.

Veselovskij S.B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishha i familii. M.: Nauka, 1974. 382 s. Rezhim dostupa: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/onomastikon-drevnerusskie-imena-prozvishha-i-familii/#0_7 (data obrashheniya: 11.09.2024).

Vyazovskaya V.V. Onomastika romana N.S. Leskova «Soboryane». Voronezh: Nauka, 2007. 174 s.

Dal' V.I. Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: V 4 tt. M.: Rus. yaz. Media, 2006.

Kalinkin V.M. Poe'tika onima. Doneczk: Yugo-Vostok, 1999. 408 s.

Leskov N. S. Sobranie sochinenij v 11 tt. M.: «Xudozhestvennaya literatura», 1956-1958.

Leskov N. S. Sobranie sochinenij: v 12-ti tt. M.: Pravda, 1989. 464 s.

Nikonov V.A. Imya i obshhestvo. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury' izdatel'stva «Nauka», 1974. 278 s.

Novikova A.A., Marty'nyuk L.I. Semanticheskie osobennosti slov-ornitonimov v russkom yazy'ke // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 2 (56). S. 35-40.

Proxorov V.A. Vsyā Voronezhskaya zemlya: Kratkij istoriko-toponimicheskij slovar'. Voronezh: Centr.- Chernozemn. kn. iz., 1973. 367 s.

Ry'bakov B.A. Yazy'chestvo drevnej Rusi. M.: Nauka, 1987. 782 s.

Skuridina S.A. «Ty' chto za pticza?»: o specifike nekotory'x familij «Velikogo pyatknizhiya» F.M. Dostoevskogo // Nauchny'j vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2015. Vy'p.1 (25). S. 149-162.

Sovremenny'j slovar' inostranny'x slov: Ok. 20 000 slov. M.: Rus. yaz, 1999. 742 s.

Superanskaya A.V. Sovremenny'j slovar' lichny'x imen. M.: Izd-vo E'ksmo, 2003. 544 s.

Unbegaun B.O. Russkie familii: Per. s angl. / Obshh. red. B.A. Uspenskogo. M.: Progress, 1989. 443 s.

Yakushevich I.V. Ornitologicheskij kod v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2023. №2 (50). Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/ornitologicheskij-kod-v-romane-m-a-bulgakova-master-i-margarita> (data obrashheniya: 11.09.2024).

UDC 81-119.087.5

ORNITHOMORPHIC SPECIFICS OF THE ANTHROPNYM OF THE MAIN CHARACTER OF N.S. LESKOV'S NOVEL «BYPASSED»

V.V. Vyazovskaya

Candidate of Philology, Associate Professor the Department of Russian Language

e-mail: v_vyazovskaya@inbox.ru

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

The article is devoted to the consideration of the anthroponym of the main character of the novel by N.S. Leskov "Bypassed" (1865) Ilya Makarovich Zhuravka. The ornithomorphic specificity of the anthroponym implements the mythologeme of the crane – bird, which occupies a significant place in Russian and world culture. Zhuravka, a freelance artist, is a "free bird", distinguished by his special vision of the world, which in many ways brings him closer to the Leskov saints, who at the same time are not devoid of human vices. The considered anthroponym determines the course of the character's life and participates in the realization of the novel's ideological plan. The avian component of the artist's name is revealed through onyms of various types: anthroponyms, toponyms, ethnonyms, etc.

The three-part structure of the anthroponym, as well as its "bird" etymology, reflect the state of the Russian real name list, in which surnames with an ornithomorphic component make up the largest group. Similar surnames (Ptitsyn, Pisonky, Pavlin, etc.) are found in many texts by N.S. Leskov, which suggests a special place for onyms with an ornithomorphic component in the onomastic fund of this writer. In his creative laboratory, N.S. Leskov adhered to the specifics of the Russian nominal tradition, weaving names into the fabric of a literary text in a special way.

Keywords: onomastics, ornithonym, N.S. Leskov, anthroponym, onomastic laboratory, "Bypassed".

УДК 811.161.1'367

ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ И.С. ТУРГЕНЕВА

С.И. Дружинина

*Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка
e-mail: svetlana_druzh1@mail.ru*

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (г. Орел, Россия)

Статья посвящена лингвистическому описанию причастных и деепричастных оборотов, употребляющихся в романе И.С. Тургенева «Дым». Данные структуры подробно проанализированы с позиций теории синхронной переходности, разработанной В.В. Бабайцевой. В ходе исследования были выявлены причины большей или меньшей частотности причастных и деепричастных оборотов в языке художественной прозы, уточнены их синкретичные свойства, определены наиболее продуктивные структурно-семантические разновидности этих оборотов, отмечены особенности идиостиля писателя.

Ключевые слова: причастный оборот, деепричастный оборот, значение, полупредикативность, синкретизм, структурно-семантические разновидности.

Введение

Изучение литературного наследия и идиостиля великого русского писателя И.С. Тургенева до сих пор является актуальным и вызывает огромный интерес ученых. В научной литературе очень подробно рассматривается языковое своеобразие его произведений, в частности, анализируются лексические и фразеологические особенности, различные образные средства. Известны и работы синтаксистов: это диссертации С.Г. Аюповой, описывающей простые и сложные предложения [Аюпова 1993], Т.П. Ковиной, рассматривающей различные типы и виды предикатов [Ковина 2006], статьи В.В. Бабайцевой о грамматическом и семантическом своеобразии стихотворения «В дороге» [Бабайцева 2011а], И.Я. Балягиной о вставных конструкциях [Балягина 2015], Е.В. Севрюгиной о предложениях с присоединительной связью [Севрюгина 2015], Ван Шупин об экспрессивных и эмотивных синтаксических конструкциях [Ван Шупин 2016], С.Ф. Ким о безличных предложениях [Ким 2017], Т.Г. Ефимовой о выражении пространственных отношений в тексте [Ефимова 2018], С.И. Дружининой о предложениях с различными грамматическими показателями значения сравнения [Дружинина 2020а], И.А. Мартьяновой о своеобразии синтаксических форм презентации и внешней и внутренней речи [Мартьянова 2020], Е.Г. Колыхановой о структурно-семантических особенностях обособленных уточняющих синтаксических конструкций [Колыханова

2021], Н.Л. Ермаковой о предложениях со сравнительной семантикой [Ермакова 2022], Н.В. Черниковой о сложном синтаксическом целом [Черникова 2022]. Однако, на наш взгляд, синтаксис прозы И.С. Тургенева требует еще более скрупулезного изучения.

В сфере наших научных интересов – грамматическая специфика и синкретизм причастных и деепричастных оборотов.

Цель данного исследования – проанализировать структурно-семантические разновидности причастных и деепричастных оборотов, использующихся в романе И.С.Тургенева «Дым», и определить их место в идиостиле писателя.

Известно, что древнее причастие существовало еще в праславянском языке, позже оно было отмечено в старославянской письменности, из которой частично заимствовалось древнерусским языком. Русское деепричастие появилось позже, оно оформилось из кратких причастий в результате утраты способности изменяться по родам и числам [Буслаев 1959: 106-107, 376-378; Борковский 1949: 206, 211; Борковский, Кузнецов 2006: 303-304, 350; Иванов 1990: 360-361; Шахматов 2001: 471]. По наблюдениям В.И. Борковского, начало превращения причастия в деепричастие датируется XII и даже XI веком: об этом свидетельствуют случаи нарушения согласования причастия, отраженные в древнерусских памятниках [Борковский, Кузнецов 2006: 354].

В современном русском языке и причастие, и деепричастие прочно закрепились в книжных стилях и языке художественной литературы, однако в художественной прозе более частотным является деепричастие.

Материалы и методы

Материалом данной статьи послужили 200 предложений: по 100 конструкций с причастными и деепричастными оборотами, выбранных из текста романа И.С. Тургенева «Дым». В языковых примерах сохраняется орфография и пунктуация автора.

В произведениях И.С. Тургенева предложения с деепричастными оборотами употребляются гораздо чаще, чем конструкции с причастными оборотами: иллюстративный материал с причастиями извлекался нами из полного текста романа, структуры с деепричастиями были выбраны уже после прочтения чуть более 50% текста.

В процессе анализа предложений с причастными и деепричастными оборотами использовались основные положения теории синхронной переходности, разработанной В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2000], поскольку данные обороты всегда синкретичны. Были применены также методы сплошной выборки, лингвистического описания, грамматического и трансформационного анализа, статистики.

Результаты и обсуждение результатов

Любой оборот – это полупредикативная синтаксическая единица, включающая стержневое слово и его распространители. Языковая семантика оборотов всегда синкретична: в ней сочетаются элементы сказуемого и второстепенных членов предложения [Бабайцева 2011б: 432].

Известно, что в причастии синтезируются морфологические свойства глагола и прилагательного, поэтому в причастных оборотах объединяются признаки сказуемого и определения (атрибута). Кроме того, причастие имеет двойную зависимость: от подлежащего и от глагола – сказуемого. Благодаря связи со сказуемым оно может иметь обстоятельственные значения причины, уступки и др. О многозначной, синкретичной, семантике причастных оборотов писали А.А. Шахматов [Шахматов 2001: 471], Н.Н. Прокопович [Прокопович 1974: 279-285, 295], В.А. Ицкович [Русская грамматика 1980: 183-184], В.В. Бабайцева [Бабайцева 2000: 324, 518-519; 2011б: 435-437], В.В. Шигуров [Шигуров 1994: 25], М.А. Теленкова [Розенталь 2010: 241-242], И.В. Замятина [Замятина 2010: 18-19, 26-28], Л.Д. Беднарская [Беднарская 2020: 93-94], С.И. Дружинина [Дружинина 2020б: 195-197] и другие языковеды.

Деепричастие играет роль добавочного сказуемого и одновременно содержит его обстоятельственную характеристику. По В.В. Бабайцевой, синкретизм деепричастных оборотов обусловлен тем, что в них синтезируются свойства главного члена предложения – сказуемого – и второстепенного – обстоятельства [Бабайцева 1979: 172-174; 2011б: 439-441]. На особую грамматическую природу деепричастия указывали В.В. Виноградов [Виноградов 1986: 294-299], М.И. Черемисина [Черемисина 1977], В.А. Ицкович [Русская грамматика 1980: 181-183], В.В. Шигуров [Шигуров 1994: 11, 20-23], Р.Л. Абдулхакова [Абдулхакова 2007], М.А. Теленкова [Розенталь 2010: 244-245], О.М. Чупашева [Чупашева 2010], Л.Д. Беднарская [Беднарская 2020: 95], С.И. Дружинина [Дружинина 2020б: 189-195] и другие исследователи.

В романе И.С. Тургенева «Дым» чаще всего используются структуры с причастными оборотами, имеющими, кроме полупредикативного, атрибутивное значение (73% от всех предложений с причастными оборотами), например: *«Он выхватил ее платок, **спрятанный у него на груди**, прижался к нему губами, и тонким ядом разлились по его жилам знойные воспоминания»*; *«**Сидевшая на скамейке** дама с синим вуалем на лице проворно встала и подошла к нему...»* [Тургенев <http://>].

На втором месте по частотности – обороты с атрибутивно-причинной семантикой (17%): *«Он понимал, что имение его матери, **плохо и вяло управляемое его одряхлевшим отцом**, не давало и десятой доли тех доходов, которые могло бы давать, и что в опытных и знающих руках оно превратилось бы в золотое дно...»*; *«Имя княжны Осининой,*

окруженное блеском, отмеченное особенной печатью, стало чаще и чаще упоминаться даже в губернских кружках» [Тургенев [http](#)]. Сравните данные конструкции с их трансформациями в сложноподчиненные предложения (далее – СПП) с причинным союзом: *Он понимал, что, **так как** имение его матери плохо и вяло управлялось его одряхлевшим отцом, оно не давало и десятой доли тех доходов, которые могло бы давать; **Так как** имя княжны Осининой было окружено блеском, отмечено особенной печатью, оно стало чаще и чаще упоминаться даже в губернских кружках*). Наличие причинного значения здесь также поддерживается лексикой с семантикой эмоциональной оценки.

Далее идут предложения, осложненные причастными оборотами с атрибутивно-уступительным значением (7%): *«**Совершенно уничтоженный** и безнадежно несчастный, он, однако, отдыхал после тревог и терзаний последней недели, после всех этих ударов...»*; *«**Старик обрадовался сыну, насколько может радоваться человек, уже покончивший с жизнью...**»* [Тургенев [http](#)] (ср.: *Хотя он был совершенно уничтожен и безнадежно несчастен, он, однако, отдыхал после тревог и терзаний последней недели, после всех этих ударов; Старик обрадовался сыну, насколько может радоваться человек, **несмотря на то что** он уже покончил с жизнью*).

Интересны предложения с причастными оборотами, которые вводятся сравнительными союзами ирреальной модальности. Под их влиянием в таких структурах всегда есть ирреальная условная или причинная семантика. Это синтаксические конструкции с оборотами, имеющими

– атрибутивно-сравнительно-условное значение: *«Высокая стройная дама.., увидав Литвинова, внезапно обернулась к нему и остановилась, **как бы пораженная изумлением**»* [Тургенев [http](#)] (на наличие условной семантики влияет частица **бы**; конструкция поддается трансформации в СПП со сравнительно-условным союзом **как если бы**, ср.: *Высокая стройная дама.., увидав Литвинова, внезапно обернулась к нему и остановилась, **как если бы** была поражена изумлением*);

– атрибутивно-сравнительно-причинно-степенное значение: *«– I say, Valerien, give me some fire, – проговорил другой генерал, тоже молодой, но уже тучный, с неподвижными, **словно в воздух уставленными** глазами и густыми шелковистыми бакенбардами...»* [Тургенев [http](#)].

Семантика причины здесь проявляется с помощью трансформации в СПП с маркером причины **потому что**, ср.: *– I say, Valerien, give me some fire, – проговорил другой генерал, тоже молодой, но уже тучный, с неподвижными глазами, словно **потому что** они были уставлены в воздух, и густыми шелковистыми бакенбардами*.

Значение степени качества в данном обороте поддерживается определением, выраженным прилагательным (*неподвижными* в какой степени?), ср.: – *I say, Valerien, give me some fire, – проговорил другой генерал, тоже молодой, но уже тучный, с настолько неподвижными глазами, словно в воздух уставленными, и густыми шелковистыми бакенбардами.*

Частота употребления предложений с причастными оборотами показана в таблице 1 (полупредикативное значение не указываем, поскольку оно есть у всех оборотов).

Таблица 1. Структурно-семантические разновидности причастных оборотов

№	Структурно-семантические разновидности причастных оборотов	Количество	%%
1	Атрибутивные	73	73%
2	Атрибутивно-причинные	17	17%
3	Атрибутивно-уступительные	7	7%
4	Атрибутивно-сравнительно-условные	2	2%
5	Атрибутивно-сравнительно-причинно-степенные	1	1%
	Всего	100	100%

В романе «Дым» употребляются структуры с деепричастными оборотами, в которых аккумулируются полупредикативное и различные обстоятельственные значения.

Наиболее частотными являются деепричастные обороты со значением образа действия (45%). Это предложения типа «*Он то покидал дорожку и перепрыгивал с камня на камень, [как?] **изредка скользя по гладкому мху, то садился на обломок скалы под дубом или буком и думал приятные думы под немолчное шептание ручейков...***»; «*Потугин ничего не отвечал на ласковые речи Литвинова, стоял, [как?] **переминаясь с ноги на ногу, посреди комнаты и только посмеивался да покачивал головой***» [Тургенев [http](#)].

Продуктивны также обороты с семантикой времени (34%): «*Усевшись у Вебера в главной зале и заказав обед, знакомцы наши вступили в разговор*»; «*Спирит взъерошил свои волосы, нахмурился и, **приблизившись к столику, начал поводить руками по воздуху...***» [Тургенев [http](#)].

Данные предложения легко трансформируются во временные СПП, ср.: *После того как уселся у Вебера в главной зале и заказали обед, знакомцы наши вступили в разговор; Спирит взъерошил свои волосы, нахмурился и, **после того как приблизился к столику, начал поводить руками по воздуху.***

В остальных конструкциях (21%) реализуется семантика обусловленности.

В предложениях с причинно-временными деепричастными оборотами используются сказуемые, выражающие значение эмоционального состояния, что усиливает причинную семантику: *«Высохший сморчок упомянул было о славянских княжествах и о необходимости православной пропаганды за Дунаем, но, **не найдя отголоска**, зашипел и стушевался»*; *«... Она медленно приподняла голову и, **увидав Литвинова**, вся вздрогнула и ухватилась за ручку кресла»* [Тургенев [http](#)].

Эти конструкции легко трансформируются в СПП со значениями причины или времени, ср.: *Высохший сморчок упомянул было о славянских княжествах и о необходимости православной пропаганды за Дунаем, но, **так как [после того как]** не нашел отголоска, зашипел и стушевался*; *Она медленно приподняла голову и, **так как [когда]** увидела Литвинова, вся вздрогнула и ухватилась за ручку кресла*.

Деепричастных оборотов только с причинным значением (и, конечно, полупредикативным) обнаружено не было, что доказывает тесную взаимосвязь категорий обусловленности и темпоральности. Причина всегда мыслится во временной последовательности, она соотносится с четким временным планом: указывает на конкретность, единичность факта.

Структур с условными (1), целевыми (2) и следственными (результативными) (3) деепричастными оборотами немного. Это такие предложения, как

1) *«**Глядя на нее со стороны и следя за выражением ее лица**, иной бы, пожалуй, мог подумать, что она вовсе не слушала того, что Литвинов ей говорил, а только погружалась в созерцание...*» [Тургенев [http](#)];

2) *«– Все еще покалывает, ваше сиятельство, – громко и на о проговорил тучный генерал с бакенбардами, **вероятно намекая на какую-нибудь забавную, всему бомонду известную историю...**»* [Тургенев [http](#)];

3) *«Проживало оно [семейство Осининых] около Собачьей площадки, в одноэтажном деревянном домике, с полосатым парадным крылечком на улицу, зелеными львами на воротах и прочими дворянскими затеями, и едва-едва сводило концы с концами, **должая в овощную лавочку и частенько сидя без дров и без свеч по зимам**»* [Тургенев [http](#)].

Сравните: *Если глядеть на нее со стороны и следить за выражением ее лица, иной бы, пожалуй, мог подумать, что она вовсе не слушала того, что Литвинов ей говорил..; – Все еще покалывает, ваше сиятельство, – громко и на о проговорил тучный генерал с бакенбардами, **чтобы**, вероятно, намекнуть на какую-нибудь забавную, всему бомонду известную историю*; *Проживало оно около Собачьей*

площадки ... и едва-едва сводило концы с концами, **так что** было должно в овощную лавочку и частенько сидело без дров и без свеч по зимам).

Деепричастный оборот со значением уступки указывает на недостаточную причину (реже – условие), которая должна уступить другой, более сильной, причине. В таких предложениях отмечается семантика несоответствия или противоречия: *«Еще не распечатав записки, он уже предчувствовал беду и склонил голову на грудь и поднял плечи...»*; *«Ничего не понимая, не сознавая хорошенько, что он делает, он приблизился к ней, протянул руки...»* [Тургенев [http](#)] (ср.: *Хотя он еще не распечатал записки, он уже предчувствовал беду и склонил голову на грудь и поднял плечи..*; *Хотя он ничего не понимал, не признавал хорошенько, что делает, он приблизился к ней, протянул руки*).

В тексте романа встречаются также деепричастные обороты с семантикой сравнения, которые вводятся союзом ирреальной модальности **как бы**. Данный сравнительный союз под влиянием частицы **бы** привносит в конструкцию элемент значения условия, при трансформации этой структуры в СПП он легко заменяется сравнительно-условным союзом **как если бы**: *«... [Ирина] в течение целого вечера, даже разговаривая с Литвиновым, нарочно ни разу не взглянет на него, как бы отказывая ему и в этой милостыне»* [Тургенев [http](#)] (ср.: *В течение целого вечера, даже разговаривая с Литвиновым, нарочно ни разу не взглянет на него, как если бы отказывает ему и в этой милостыне*).

Можно отметить предложения с деепричастными оборотами, имеющими обстоятельственное значение сравнения и образа действия (1), сравнения и причины (2), сравнения и цели (3), причем в них тоже есть оттенок условного значения:

1) *«Ирина передвинула плечами, [как?] как бы пожимаясь от холода, и тихонько провела по ним концами пальцев»* [Тургенев [http](#)] (ср.: *Ирина передвинула плечами, как если бы пожимаясь от холода, и тихонько провела по ним концами пальцев*);

2) *«Казалось, она умоляла его остановиться и выслушать ее, а при последних его словах слегка прикусила нижнюю губу, – как бы подавляя ощущение острого и быстрого уязвления»* [Тургенев [http](#)] (ср.: *... При последних его словах слегка прикусила нижнюю губу, потому что (как если бы) подавляла ощущение острого и быстрого уязвления*; семантический оттенок причины поддерживается здесь также лексикой эмоционального состояния);

3) *«Собственно, он совсем не то думал, а только машинально повторял эти избитые фразы, как бы желая тем самым отделаться от других, более жутких дум»* [Тургенев [http](#)] (ср.: *Собственно, он ... только машинально повторял эти избитые фразы, чтобы (как если бы) желал тем самым отделаться от других, более жутких дум*; оттенок значения

цели актуализируется и с помощью лексемы *желая*, характерной для реализации данной семантики).

Соотношение деепричастных оборотов разной семантики представим в таблице 2 (полупредикативное значение не указываем, поскольку оно свойственно всем оборотам).

Таблица 2. Структурно-семантические разновидности деепричастных оборотов

№	Структурно-семантические разновидности деепричастных оборотов	Количество	%%
1	С семантикой образа действия	45	45%
2	Временные	34	34%
3	Причинно-временные	11	11%
4	Уступительные	3	3%
5	Условные	1	1%
6	Целевые	1	1%
7	Следственные	1	1%
8	Сравнительно-условные	1	1%
9	С семантикой сравнения, образа действия и условия	1	1%
10	Сравнительно-причинно-условные	1	1%
11	С семантикой сравнения, цели и условия	1	1%
	Всего	100	100%

Заключение

Необходимо заметить, что употребление причастных оборотов в тексте романа И.С. Тургенева «Дым» по продуктивности уступает качественным прилагательным и атрибутивным СПП типа *...Речь его, горькая и даже злая, не отзывалась желчью, а скорее печалью, и правдивою, искреннею печалью; Он застал дома одного князя, который тотчас же ему объявил, что у Ирины болит голова, что она лежит в постели и не встанет до вечера...* [Тургенев <http>].

Деепричастие – более динамичная часть речи, поскольку обозначает добавочное действие, сопровождающее основное, оно способно сделать мысль конкретной, детализированной. Деепричастные обороты в прозе писателя частотны, это подтверждается тем, что 100 языковых примеров с данными структурами были выбраны уже после рассмотрения примерно половины текста романа, тогда как причастные обороты извлекались из текста всего произведения. Дело в том, что причастный оборот придает речи книжный характер, высказывание, которое содержит его, звучит более архаично, тяжеловесно, порой даже высокопарно, а в романе много диалогов.

В тексте романа представлено 5 структурно-семантических разновидностей причастных и 11 разновидностей деепричастных

оборотов. Все обороты синкретичны, поскольку в них совмещается полупредикативная и другая семантика.

Среди причастных оборотов наиболее продуктивными являются атрибутивные (73%), довольно частотны также атрибутивно-причинные структуры (17%).

Обстоятельственные значения деепричастных оборотов весьма разнообразны, часто употребляющимися являются конструкции со значениями образа действия (45%) и времени (34%).

Доля структур, реализующих семантику обусловленности, составляет 21%, что, безусловно, свидетельствует об актуальности философской концепции общего детерминизма, согласно которой в любой системе, в том числе и в языковой, все детерминировано, то есть взаимосвязано и взаимообусловлено.

Причастные и деепричастные обороты, представленные в прозе И.С. Тургенева, являются неотъемлемым элементом идиостиля писателя, с их помощью выражается авторская позиция, его отношение к высказываемой мысли, конкретизируется информация, передаются тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки предложений.

Библиографический список

Абдулхакова Л.Р. Развитие категории деепричастия в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2007. 43 с.

Аюпова С.Г. Синтаксическая организация «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1993. 16 с.

Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1979. 270 с.

Бабайцева В.В. Синтаксис стихотворения И.С. Тургенева «В дороге» // Русская словесность. 2011а. № 6. С. 49-51.

Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Флинта: Наука, 2011б. 496 с.

Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

Балягина И.Я. О связи вставных конструкций с основным высказыванием (на материале романов И.С. Тургенева 1850-х гг.) // Самарский научный вестник. 2015. № 1. С. 34-38.

Беднарская Л.Д. Синтаксис. Простое предложение. Сложное предложение. Теория. Практика: учебник. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2020. 361 с.

Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006. 512 с.

Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Львов: Львовский гос. ун-т, 1949. 391 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Изд. 6. М.: Учпедгиз, 1959. 626 с.

Ван Шупин. Выражение эмоций на синтаксическом уровне в русском языке (на материале произведений И.С. Тургенева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 100-102 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2016_1-1_28.pdf (дата обращения: 04.02.2025).

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986. 601 с.

Дружинина С.И. Предложения с грамматическими показателями значения сравнения в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Филология и человек. 2020а. № 3. С. 7-18.

Дружинина С.И. Предложения с грамматическими показателями сравнения в языке русской прозы XIX – XX столетий: монография. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2020б. 266 с.

Ермакова Н.Л. Конструкции с синтаксическими показателями сравнения в прозе И.С. Тургенева (на примере рассказа «Певцы») // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (45). С. 124-132 [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4437/ (дата обращения: 04.02.2025).

Ефимова Т.Г. Выражение пространственных отношений (событийно-ситуативная локализация) в повести И.С. Тургенева «Первая любовь» // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: Материалы III Международной научно-практической конференции. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2018. С. 238-243.

Замятина И.В. Грамматика русского причастия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010. 34 с.

Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.

Ким С.Ф. Структурно-семантические модели безлично-именных конструкций в произведениях И.С. Тургенева // Хорижий филология. Иностранная филология: язык, литература, образование. Самарканд, 2017. № 1 (62). С. 75-78.

Ковина Т.П. Особенности идиостиля И.С. Тургенева: художественно-стилистическое использование слов в функции предиката: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.

Колыханова Е.Г. Особенности употребления синтаксических конструкций со значением уточнения в творчестве И.С. Тургенева (на

материале романов «Накануне» и «Отцы и дети») // Вестник Шадринского гос. пед. университета, 2021. № 1 (49). С. 114-119.

Мартьянова И.А. Композиционно-синтаксическое взаимодействие внешней и внутренней речи персонажей в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Вестник Череповецкого гос. университета. 2020. № 4. С. 149-160.

Прокопович Н.Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М.: Высшая школа, 1974. 350 с.

Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.

Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 710 с.

Севрюгина Е.В. Изучение предложений с присоединенными компонентами на уроках русского языка и литературы в школе (на материале рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг») // Наука и школа. 2015. №2. С. 180-183.

Тургенев И.С. Дым [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/fiction/dym-turgenev/> (дата обращения: 04.02.2025).

Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск: Гос. публ. научно-техн. библиотека СО РАН, 1977. С. 3-28.

Черникова Н.В. Композиционно-смысловая структура сложного синтаксического целого в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева // Русский язык в школе. 2022. Т. 83. № 6. С. 44-52.

Чупашева О.М. Грамматика русского деепричастия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010. 44 с.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Шигуров В.В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1994. 41 с.

References

Abdulxakova L.R. Razvitie kategorii deeprichastiya v russkom yazy`ke: avtoref. dis. ... d. filol. n. Kazan`, 2007. 43 s.

Ayupova S.G. Sintaksicheskaya organizaciya «Stixotvorenij v proze» I.S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 1993. 16 s.

Babajceva V.V. Russkij yazy`k: Sintaksis i punktuaciya. M.: Prosveshhenie, 1979. 270 s.

Babajceva V.V. Sintaksis stixotvoreniya I.S. Turgeneva «V doroge» // Russkaya slovesnost`, 2011a. № 6. S. 49-51.

Babajceva V.V. Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazy`ke. M.: Flinta: Nauka, 2011b. 496 s.

Babajceva V.V. Yavleniya perexodnosti v grammatike russkogo yazy`ka. M.: Drofa, 2000. 640 s.

Balyagina I.Ya. O svyazi vstavny`x konstrukcij s osnovny`m vy`skazy`vaniem (na materiale romanov I.S. Turgeneva 1850-x gg.) // Samarskij nauchny`j vestnik, 2015. № 1. S. 34-38

Bednarskaya L.D. Sintaksis. Prostoe predlozhenie. Slozhnoe predlozhenie. Teoriya. Praktika: uchebnik. Orel: OGU im. I.S. Turgeneva, 2020. 361 s.

Borkovskij V.I., Kuznecov P.S. Istoricheskaya grammatika russkogo yazy`ka. M.: KomKniga, 2006. 512 s.

Borkovskij V.I. Sintaksis drevnerusskix gramot. L`vov: L`vovskij gos. un-t, 1949. 391 s.

Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazy`ka. Izd. 6. M.: Uchpedgiz, 1959. 626 s.

Van Shupin. Vy`razhenie e`mocij na sintaksicheskom urovne v russkom yazy`ke (na materiale proizvedenij I.S. Turgeneva) // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. № 1 (55): v 2-x ch. Ch. 1. S. 100-102 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2016_1-1_28.pdf (data obrashheniya: 04.02.2025).

Vinogradov V.V. Russkij yazy`k. Grammaticheskoe uchenie o slove. M., 1986. 601 s.

Druzhinina S.I. Predlozheniya s grammaticheskimi pokazatelyami znacheniya sravneniya v romane I.S. Turgeneva «Dvoryanskoe gnezdo» // Filologiya i chelovek, 2020a. № 3. S. 7-18.

Druzhinina S.I. Predlozheniya s grammaticheskimi pokazatelyami sravneniya v yazy`ke russkoj prozy` XIX – XX stoletij: monografiya. Orel: OGU im. I.S. Turgeneva, 2020b. 266 s.

Ermakova N.L. Konstrukcii s sintaksicheskimi pokazatelyami sravneniya v proze I.S. Turgeneva (na primere rasskaza «Pevcy») // Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya, 2022. № 2 (45). S. 124-132 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4437/ (data obrashheniya: 04.02.2025).

Efimova T.G. Vy`razhenie prostranstvenny`x otnoshenij (soby`tijno-situativnaya lokalizaciya) v povesti I.S. Turgeneva «Pervaya lyubov`» // Yazy`k. Kul`tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie: Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Orel: OGU im. I.S. Turgeneva, 2018. S. 238-243.

Zamyatina I.V. Grammatika russkogo prichastiya: avtoref. dis. ... d. filol. n. M., 2010. 34 s.

Ivanov V.V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazy`ka. M.: Prosveshhenie, 1990. 400 s.

Kim S.F. Strukturno-semanticheskie modeli bezlichno-imenny`x konstrukcij v proizvedeniyax I.S. Turgeneva // Xorizhij filologiya. Inostrannaya filologiya: yazy`k, literatura, obrazovanie. Samarkand, 2017. № 1 (62). S. 75-78.

Kovina T.P. Osobennosti idiostilya I.S. Turgeneva: xudozhestvenno-stilisticheskoe ispol`zovanie slov v funkcii predikata: avtoref. dis. ... k. filol. n. M., 2006. 19 s.

Koly`xanova E.G. Osobennosti upotrebleniya sintaksicheskix konstrukcij so znacheniem utohneniya v tvorchestve I.S. Turgeneva (na materiale romanov «Nakanune» i «Otcy i deti») // Vestnik Shadrinskogo gos. ped. universiteta, 2021. № 1 (49). S. 114-119.

Mart`yanova I.A. Kompozicionno-sintaksicheskoe vzaimodejstvie vneshnej i vnutrennej rechi personazhej v romane I.S. Turgeneva «Otcy i deti» // Vestnik Cherepoveczkogo gos. universiteta, 2020. № 4. S. 149-160.

Prokopovich N.N. Voprosy` sintaksisa russkogo yazy`ka. M.: Vy`sshaya shkola, 1974. 350 s.

Rozental` D.E., Golub I.B., Telenkova M.A. Sovremenny`j russkij yazy`k. M.: Ajrispress, 2010. 448 s.

Russkaya grammatika. M.: Nauka, 1980. T. 2: Sintaksis. 710 s.

Sevryugina E.V. Izuchenie predlozhenij s prisoedinenny`mi komponentami na urokax russkogo yazy`ka i literatury` v shkole (na materiale rasskaza I.S. Turgeneva «Bezhin lug») // Nauka i shkola, 2015. № 2. S. 180-183.

Turgenev I.S. Dy`m [E`lektronny`j resurs] URL: <https://azbyka.ru/fiction/dym-turgenev/> (data obrashheniya: 04.02.2025).

Cheremisina M.I. Deeprichastiya kak klass form glagola v yazy`kax razny`x sistem // Slozhnoe predlozhenie v yazy`kax razny`x sistem. Novosibirsk: Gos.publ. nauchno-texn. biblioteka SO RAN, 1977. S. 3-28.

Chernikova N.V. Kompozicionno-smý`lovaya struktura slozhnogo sintaksicheskogo celogo v «Stixotvorenijax v proze» I.S. Turgeneva // Russkij yazy`k v shkole, 2022. T. 83. № 6. S. 44-52.

Chupasheva O.M. Grammatika russkogo deeprichastiya: avtoref. dis. ... d. filol. n. M., 2010. 44 s.

Shaxmatov A.A. Sintaksis russkogo yazy`ka. M.: E`ditorial URSS, 2001. 624 s.

Shigurov V.V. Tipologiya upotrebleniya atributivny`x form russkogo glagola v usloviyax otricaniya dejstviya: avtoref. dis. ... d. filol. n. SPb., 1994. 41 s.

UDC 811.161.1'367

PARTICIPLE AND ADVERBIAL PARTICIPLE PHRASES IN THE LANGUAGE OF I.S. TURGENEV'S PROSE

S.I. Druzhinina

*Doctor of Philology, Docent, Professor of the Russian Language Department
e-mail: svetlana_druzh1@mail.ru*

Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia)

The article is devoted to the linguistic description of participial and adverbial participial phrases used in the novel by I.S. Turgenev "Smoke". These structures are analyzed in detail from the standpoint of the theory of synchronic transitivity developed by V.V. Babaitseva. During research the reasons for the greater or lesser frequency of participial and adverbial participial phrases in the language of fiction were identified, their syncretic properties were clarified, the most productive structural and semantic varieties of these phrases were determined, and the features of the writer's idiostyle were noted.

Keywords: *participial phrase, adverbial participial phrase, meaning, semi-predicativity, syncretism, structural-semantic varieties.*

УДК 811.11-112

ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРЯЩЕГО ПО ПАРАМЕТРАМ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В.А. Жеребцова

Аспирант кафедры немецкой филологии
e-mail: valeriialyamzina@gmail.com

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

В статье рассматриваются признаки речевого поведения, на основе которых складывается речевой портрет говорящего.

Представлена краткая история развития понятия «речевой портрет» и его отличия от смежных понятий: «языковая личность», «идиостиль», «речевая характеристика», «речевая личность», «коммуникативная личность» и др.

Используется характеристика типов высшей нервной деятельности по И.П Павлову, описание типов темперамента с помощью прилагательных, представленная Е.П. Ильиным, а также классификация базовых эмоций К. Изарда.

Для описания речевого портрета говорящего носителями языка и выявления признаков речевого поведения, на основе которых речевой портрет создаётся в восприятии слушающего, были применены такие методы, как: психолингвистический эксперимент, метод акустического анализа речи, метод математического подсчета. Описывается проведение психолингвистического эксперимента. Полученные результаты дают возможность описания речевого портрета говорящего и признаков речи, которые влияют на построение речевого портрета говорящего в сознании слушающего.

Ключевые слова: *речевой портрет говорящего, акустические признаки, звучащая речь, темперамент, темп речи, классификация эмоциональных состояний.*

Введение

Первое упоминание термина «речевой портрет» встречается в научной литературе 60-х годов и связано с именем ученого-лингвиста М.В. Панова [Панов 1990]. Однако с начала изучения речевого портрета и до наших дней мы можем наблюдать некоторую терминологическую путаницу. Основными понятиями, которые у разных авторов рассматриваются как синонимы и которые включают в себя признаки речевого портрета и сами входят в это понятие, являются: «языковая личность» [Караулов 1989, Карасик 1994] и «идиостиль» [Виноградов 1980, Шустрова 2006], «речевая личность» [Прохоров 1999], «коммуникативная личность» [Красных 1998], «словарная личность» [Воркачев 2001], «речевой имидж» [Виноградов 1980, Караулов 1989, Шустрова 2006] и «речевое поведение» [Винокур 1993]. Чаще всего термин «речевой портрет» связывают с понятием языковой личности, однако они не тождественны друг другу. «Языковая личность» является

более широким понятием и у ряда авторов включает в себя термин «речевой портрет». Д.С. Мухортов отмечает, что данные термины стоит отличать по продолжительности характеристики. Речевой портрет можно описывать как статическую величину, которая рассматривается в определенный отрезок времени и которая детерминируется условиями, задающимися особенностями жанра и регистра речи [Мухортов 2014]. Кроме того, языковой портрет изучается рядом авторов как коллективный феномен, другие ученые рассматривают непосредственно индивидуальный речевой портрет.

Ряд работ направлен на изучение речевого портрета политиков и/или выдающихся общественных деятелей, так как они обладают яркими, уникальными проявлениями индивидуальности. Однако с точки зрения психолингвистики, речевой портрет – это то, что присуще человеку как субъекту коммуникативного акта и в процессе общения слушающий в любом случае составляет для себя, осознанно или нет, речевой портрет говорящего.

Таким образом, речевой портрет может быть определен как образ, который формируется у слушающего о говорящем в момент речи. В лингвистике исследования речевого портрета проводятся на основе анализа лексики, грамматических конструкций, используемых определенной личностью. Для лингвистов интерес представляют языковые средства, используемые для выражения эмоций говорящего и для воздействия на эмоциональную сферу слушающего. При исследовании письменного текста и составления речевого портрета на его основе важнейшими из них традиционно считаются лексические единицы и синтаксические структуры. При исследовании звучащей речи на междисциплинарном уровне становится ясно, что средства звучащей речи несут на себе важнейшую функцию передачи информации, необходимой для описания речевого портрета говорящего.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что подавляющее число работ по исследованию речевого портрета было написано в рамках лингвистического подхода, при котором описываются лексические и синтаксические особенности речи. Наша работа в рамках психолингвистики, прежде всего, базируется на восприятии говорящего и использовании речевых параметров говорящего.

Цель – описание речевого портрета говорящего носителями языка и выявление признаков речевого поведения, на основе которых речевой портрет создаётся в восприятии слушающего.

Объектом является речь говорящего.

Предметом исследования являются признаки речевого поведения, на основе которых складывается речевой портрет говорящего.

В качестве звучащего **материала** для нашего исследования был использован эпизод из интервью на русском языке (психолог Лариса Суркова, в передаче «ОК на связи!») в видеозаписи. Время звучания – 4 мин. Исследование было проведено с людьми в возрасте от 18 до 35 лет. Всего в эксперименте приняли участие 50 человек, для которых русский язык является родным. Испытуемым, участвовавшим в эксперименте очно, был предоставлен бланк ответов. Для испытуемых, которые участвовали онлайн, бланк ответов был выслан в электронном виде. Участникам необходимо было просмотреть видео и заполнить бланк, включающий в себя 6 вопросов, первые 3 были с вариантами ответа, где испытуемым необходимо было выделить вариант ответа, который они считали верным. Вопросы 4-6 предполагали ответ в свободной форме. Испытуемым были поставлены следующие вопросы:

Вопрос 1. Каким Вам представляется этот человек?

- Чувствительный, беспокойный, возбудимый и импульсивный – 6.
- Общительный, контактный, непринужденный и склонный к лидерству – 29.
- Рассудительный, спокойный, уравновешенный – 16.
- Тревожный, сдержанный, тихий, легко расстраивающийся – 1.

**числа рядом с вариантами ответов указывают на количество испытуемых, которые выбрали данный вариант ответа.*

Задавая данный вопрос, мы имели в виду типы высшей нервной деятельности (ВНД) и соответствующие им типы темперамента, но, несмотря на то, что такие названия как «холерик», «сангвиник», «флегматик» и «меланхолик» уже давно вошли в массовую культуру и используются наивными носителями языка, не связанными с психологией, мы пришли к выводу, что такая формулировка нецелесообразна, потому что носители языка преимущественно не оперируют данными терминами при оценке личности. Поэтому мы использовали описание типов в виде прилагательных [Ильин 2011]. Эта шкала образно-описательно характеризует 4 типа:

холерик – чувствительный, беспокойный, возбудимый и импульсивный;

сангвиник – общительный, контактный, непринужденный и склонный к лидерству;

флегматик – рассудительный, спокойный, уравновешенный;

меланхолик – тревожный, сдержанный, тихий, легко расстраивающийся.

Таким образом, носители языка выбирали среди принятых в повседневной речи характеристик человека. На основании этой характеристики мы получили оценку говорящего следующего типа. Самым

частым (29) ответом среди испытуемых стал «общительный, контактный, непринужденный и склонный к лидерству», что соответствует типу темперамента сангвиник. Вторым по частоте ответов является флегматик («рассудительный, спокойный, уравновешенный»), так ответили 16 опрошенных, описание холерика и меланхолика выбрали лишь 6 и 1 человек соответственно. Два испытуемых не смогли выбрать единственный вариант и ответили «холерик» и «сангвиник».

Согласно вербальным и невербальным признакам речи, которые мы можем наблюдать в интервью, Л. Суркова – сангвиник. Можно сказать, что определение темперамента не составило труда для испытуемых, большинство определило тип темперамента правильно, второй по популярности ответ (флегматик) располагается рядом с сангвиником на шкале типов темперамента и, согласно И.П. Павлову, оба эти типа являются сильными и подвижными [Павлов 1973] (см. Рис. 1).

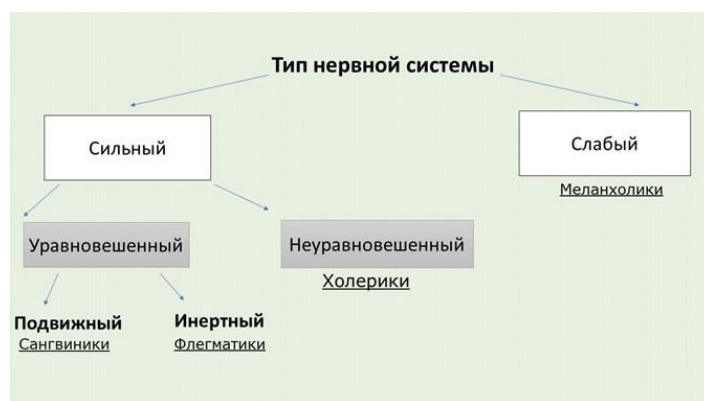

Рис. 1

Таким образом, вполне закономерно, что некоторые из участников назвали именно эти два наиболее схожие типы темперамента. Кроме того, холерик и меланхолик являются крайними проявлениями трех основных компонентов (сила, уравновешенность, подвижность), лежащих в основе классификации И.П. Павлова, соответственно, их признаки проявляются наиболее ярко, что помогает в распознавании. Сангвиники и флегматики более эмоционально стабильны, выраженность их эмоциональных реакций не настолько импульсивна, поэтому закономерно, что эти 2 типа темперамента, которые граничат друг с другом, могут взаимозаменяться испытуемыми.

Вопрос 2. Каким Вам кажется его темп речи?

- Быстрый – 20
- Средний – 30
- Медленный – 0

Классификация типов темперамента основана на классификации типов высшей нервной деятельности, что дает возможность сделать вывод,

что для разных типов темперамента будет характерен разный темп речи, так как на него, среди прочего, также влияет скорость протекания психических процессов. Кроме того, каждый из типов темперамента имеет большую склонность к тем или иным эмоциям и яркости их проявления.

Сангвиник характеризуется «быстротой и живостью движений, разнообразием и богатством мимики, быстрым темпом речи» [Головин 1978]. Субъективная оценка темпа речи как быстрого или среднего, предположительно, зависит от типа темперамента испытуемых. В своей работе «Субъективный и объективный метод в фонетике» Л.В. Щерба пишет: «... даже изощренное ухо слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать применительно к ассоциациям собственного мышления» [Щерба 1974: 138].

В ряде работ Р.К. Потаповой говорится о том, что при восприятии речи слушатель опирается на свои собственные речевые навыки, не говоря уже о том, что восприятие, являясь активным процессом, настроено целиком на вычленение смыслового содержания. «Все эксперименты указывают на то, что восприятие звуков является сложным процессом, при котором происходит одновременно актуальная обработка сигнала и сличение его с индивидуально отработанным эталоном. Последние основаны на индивидуальном развитии, в ходе которого приобретаются как речевые, так и слуховые навыки» [Потапова, Линднер 1991: 73].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что действительно назвать темп речи сангвиника медленным крайне сложно (в данном отрывке темп речи интервьюируемого – 372 слога/мин.), но его оценка как быстрого или среднего будет, скорее, зависеть от индивидуальных характеристик слушающего и его собственного темпа речи как эталона.

Вопрос 3. Какие эмоции испытывает говорящий, на Ваш взгляд?

Первой группе испытуемых (15 человек) была предложена форма опроса, где ответ на вопрос об эмоциях говорящего был открытым, никаких вариантов мы не предоставляли. Оказалось, что только 3 человека из 15 написали именно эмоции, в остальных случаях испытуемые пытались описать весь монолог, скорость речи, свое впечатление и т.д. Кроме того, испытуемые отвечали одними и теми же словами или высказывали одну и ту же мысль, как бы продолжая ее при ответе на вопросы №3, 5 и 6 (3. Какие эмоции испытывает говорящий, на Ваш взгляд? 5. Какое впечатление производит речь этого человека на Вас? 6. Как вы могли бы описать этого человека?). Это подтверждает тезис о том, что слушающий воспринимает речь говорящего в целом. Эмоциональное состояние говорящего, его мимика, жесты, скорость и громкость голоса, все это создает единый образ, портрет, который воспринимает слушающий.

Некоторые испытуемые (5) отмечали также общее возбужденное эмоциональное состояние, но не могли определить конкретную эмоцию либо отвечали, что отдельной эмоции просто нет. Также при ответе на данный вопрос несколько раз (6) подчеркивалась уверенность говорящего. Другими вариантами ответов были: «увлеченность», «спокойствие», «смелость», «умение владеть собой», «веселье», «говорящий возбужден, тема разговора для него знакома и понятна», «легкое воодушевление».

Второй группе испытуемых был предложен список эмоций, из которых необходимо было выбрать. Была предложена классификация К. Изарда, состоящая из 11 базовых эмоций [Изард 2007]. Мы получили следующие результаты:

Интерес – 34, Радость – 11, Презрение – 7, Удивление – 5, Отвращение – 3, Злость – 2, Смущение – 1, Страх – 1, Грусть – 0, Вина – 0, Стыд – 0.

Наиболее частым ответом для второй группы стал «интерес», второй по популярности ответ – «радость», далее следуют «презрение», «отвращение», «злость», «удивление» и «смущение». Интересно, что почти все названные эмоции – это эмоции сильного спектра; эмоции, для которых необходима энергия. Этот выбор может быть связан с громкостью голоса и/или темпом речи.

Вопрос 4. Можете ли вы отметить какие-либо особенности речи говорящего (например, жесты, мимика, громкость и скорость речи)? Если да, то какие.

Жестикуляция – 34.

Высокая громкость голоса/изменение громкости голоса в процессе речи – 24.

Высокая скорость речи/изменение темпа в процессе речи – 15.

Мимика – 7.

Зрительный контакт со слушающим – 4.

Отметим, что 1 испытуемый ответил, что никаких особенностей речи говорящего нет. Часть испытуемых ответили, что в речи говорящего не наблюдается особенная мимика, но речь кажется яркой благодаря темпу и громкости. Также отмечались тревожность, дрожь в голосе и беспокойство.

Жестикуляция, высокая громкость или акцентирование отдельных смысловых моментов с помощью изменения громкости голоса, а также высокий темп речи и/или его подвижность, которые отметили слушающие, присущи для людей с сильным типом нервной системы, в особенности для сангвиников и холериков. Многие авторы отмечают, что речь таких людей живая, яркая.

Чаще всего опрошенные указывали именно те особенности речи, которые были даны как примеры, что может говорить о том, что мы

воспринимаем говорящего полностью, для наивного носителя языка сложно выделить отдельные особенности речи, легче описать, какое впечатление произвела на него речь говорящего в целом.

Вопрос 5. Какое впечатление производит речь этого человека на Вас?

Ответ на данный вопрос был открытым, без вариантов ответа. Мы получили большое количество полярных ответов. Можно предположить, что так же, как и с темпом речи, оценка зависит от типа темперамента говорящего, от того, насколько ему субъективно близок такой стиль речи.

Также заметно, что для наивного носителя языка сложно разграничить характеристики человека в целом и его речи. Многие пытались с помощью речи описать характер человека.

Если мы разделим варианты ответов на три группы, то получим следующую таблицу:

Таблица 1

Положительные черты	Отрицательные черты	Без определенной оценки
Речь компетентного человека	Высокомерная речь	Убедительная речь
Грамотная речь	Вспыльчивая речь	Лаконичная речь
Речь образованного человека	Речь, на которой сложно сосредоточиться	Спокойная речь
Уверенная речь	Агрессивная речь	Увлеченная речь
Речь вызывает доверие	Утомительная речь	Торопливая речь
Приятная речь	Грубая речь	
Рассудительная речь	Безэмоциональная речь	
Речь вызывает интерес		
Поставленная речь		

Мы видим, что в большинстве случаев речь оратора оценивалась положительно, но не всеми слушающими. Можно предположить, что это также зависит от особенностей личности слушающего, от его типа ВНД. Так как давно отмечено, что людям, принадлежащим к полярным типам темперамента (например, холерикам и меланхоликам) сложнее общаться и понимать друг друга, чем людям, типы темперамента которых не так сильно различаются. Возможно, эти различия между слушающим и говорящим также влияют на оценку речи последнего.

Вопрос 6. Как вы могли бы описать этого человека?

Представим полученные данные в виде таблицы:

Таблица 2

Положительная оценка	Отрицательная оценка	Без определенной оценки
Уверенный	Импульсивный	Напористый
Компетентный	Не идущий на контакт	Спокойный
Коммуникабельный	Вспыльчивый	Активный
Умный		Сдержанный
Умеет грамотно выражать свои мысли		Независимый
Лидер		Строгий
Образованный		Эмоциональный
Открытый		Она психолог или психотерапевт
Волевой		Холерик
Добрый		Прямолинейный
Амбициозный		Громкий
Эмпатичный		
Рассудительный		
Уравновешенный		
Приятный		
Любознательный		
Справедливый		
Успешный		
Ответственный		

Как бы продолжая свою мысль, испытуемые, которые положительно оценили речь говорящего в вопросе №5, также дали позитивную оценку интервьюируемому как человеку. Те, для кого речь говорящего была неприятна, описывали человека с помощью нейтральных терминов или негативно.

Заключение

Проанализировав ответы, полученные в ходе эксперимента, мы можем констатировать, что восприятие одного и того же человека разными людьми может существенно отличаться, мы получили два портрета говорящего. В первом случае испытуемые описывают говорящего как «уверенного, компетентного, коммуникабельного, умного, образованного, доброго, эмпатичного», т.е. они видят и всячески подчеркивают положительные качества человека, речь этого человека для них приятна, темп кажется средним, если подчеркивается жестикуляция или иные особенности речи, то мы тоже видим положительную оценку, «жесты как

бы подчеркивают основные моменты, на которые нужно обратить внимание».

Для других испытуемых речь говорящего была менее приятна, у них сложился скорее негативный портрет говорящего. При описании речи говорилось, что речь высокомерная, «ощущение, что она давит на собеседника», темп казался слишком быстрым, жестикуляция и громкость речи раздражающей.

В данном случае мы имеем дело с человеком, который профессионально связан с речью, и оценка носителями языка должна иметь значение не только для исследователей, но и с профессиональной точки зрения говорящего. Нам представляется существенным, что группа испытуемых разделилась на 2 части, один и тот же фрагмент был оценен с разных точек зрения. Дальнейшие выводы могут быть получены с расширением материала, на основе полученных данных можно будет проследить динамику.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что речевой портрет одного говорящего может иметь разные характеристики в восприятии разных людей, при этом оценка говорящего слушающим будет зависеть не только от объективных характеристик речи говорящего, но и от индивидуальных черт личности слушающего.

Библиографический список

Виноградов В.В. О художественной прозе (глава «Язык литературно-художественного произведения») // Виноградов В.В. Избранные труды. Т. 5. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 57-97.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. № 1. С. 64-72.

Головин С.Ю. Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест. 1998. 799 с.

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 464 с.

Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. СПб.: Питер, 2011. 700 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. 264 с.

Карасик В.И. Языковая личность и категории языка // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград: Перемена, 1994. С. 25-35.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек, сознание, коммуникация). М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Мухортов Д.С. Об общем и частном в понятиях «языковая личность», «речевой портрет», «идиостиль» и «идиолект» (на примере вербального поведения современных политических деятелей) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: мат-лы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2014. С. 167–172.

Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 667 с.

Панов М.В. История русского литературного произношения VIII–XIX вв. М.: Наука, 1990. 453 с.

Потапова Р.К. Линднер Г. Особенности немецкого произношения: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1991. 320 с.

Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство речевой личности // Виноградовские чтения: когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике. М.: 1999. С. 40-45.

Шустрова Е.В. Сфера-источник «Человек» в идиостиле Р. Эллисона // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006. С. 289-302.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

References

Vinogradov V.V. O khudozhestvennoi proze (glava «Yazyk literaturno khudozhestvennogo proizvedeniYA») // Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. T. 5. O yazyke khudozhestvennoi prozy. M.: Nauka, 1980.

Vinokur T.G. Govoryashchii i slushayushchii : Varianty rechevogo povedeniya. M. : Nauka, 1993. 171s.

Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki, 2001. – № 1. – S. 64-72.

Golovin S.YU. Slovar' prakticheskogo psikhologa. M.: AST, Kharvest. 1998. 799s.

Izard K.EH. Psikhologiya ehmotsii. Sankt-Peterburg: Piter, 2007. 464 s.

Il'in E.P. Psikhologiya individual'nykh razlichii: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. Sankt-Peterburg: Piter, 2011. 700 s.

Karaulov YU.N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya // Yazyk i lichnost'. M. : Nauka, 1989. 264 s.

Karasik V.I. Yazykovaya lichnost' i kategorii yazyka // Yazykovaya lichnost': problemy znacheniya i smysla. Volgograd: Peremena, 1994. S. 25 – 35.

Krasnykh V.V. Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek, soznanie, kommunikatsiya). M.: Dialog-MGU, 1998. 352 s.

Mukhortov D.S. Ob obshchem i chastnom v ponyatiyakh «yazykovaya lichnost'», «rechevoi portret», «idiostil'» i «idiolekt» (na primere verbal'nogo povedeniya sovremennykh politicheskikh deyatelei) // Politicheskaya kommunikatsiya: perspektivy

razvitiya nauchnogo napravleniya: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 26–28.08.2014) / gl. red. A.P. Chudinov. Ekaterinburg, 2014. S. 167–172.

Pavlov I.P. Dvadsatiletnii opyt ob"ektivnogo izucheniya vysshei deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh. M.: Nauka, 1973. 667s.

Panov M.V Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya VIII–XIX vv. M.: Nauka, 1990. 453 s.

Potapova R.K. Osobennosti nemetskogo proiznosheniya : Uchebnoe posobie dlya vuzov / R.K.Potapova, G.Lindner. M.: Vysshaya shkola, 1991. 320s.

Prokhorov YU.E. Kommunikativnoe prostranstvo rechevoi lichnosti // Vinogradovskie chteniya: kognitivnye i kul'turologicheskie podkhody k yazykovoi semantike. M.: 1999. С. 40 – 45.

Shustrova E.V. Sfera-istochnik «CheloveK» v idiostile R. Ehllisona / E. V. Shustrova // Lingvistika : byulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2006. S. 289—302.

Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L. : Nauka, 1974. 428s.

UDC 811.11-112

CHARACTERISTICS OF THE SPEAKER ACCORDING TO THE PARAMETERS OF THE SOUNDING SPEECH (EXPERIMENTAL STUDY)

V.A. Zherebtsova

Postgraduate student of the Department of German Philology

e-mail: valeriialyamzina@gmail.com

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

The article examines the signs of speech behavior, on the basis of which a speech portrait of the speaker is formed. A brief history of the development of the concept of "speech portrait" and its differences from related concepts is presented: "linguistic personality", "idiosyncrasy", "speech characteristic", "speech personality", "communicative personality", etc. The article uses the characteristics of the types of higher nervous activity according to I.P. Pavlov, the description of temperament types using adjectives, presented by E.P. Ilyin, as well as the classification of basic emotions by K. Izard. To describe the speech portrait of a speaker by native speakers and identify signs of speech behavior, on the basis of which a speech portrait is created in the listener's perception, such methods as a psycholinguistic experiment, the method of acoustic speech analysis, and the method of mathematical calculation were used. A psycholinguistic experiment is described. The results obtained make it possible to describe the speaker's speech portrait and the speech features that influence the construction of the speaker's speech portrait in the listener's mind.

Keywords: *speech portrait of the speaker, acoustic signs, sounding speech, temperament, tempo of speech, classification of emotional states.*

УДК 81

DISCOURS INDIRECT LIBRE В ПЕРЕВОДНЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ

В.В.Звягинцева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
e-mail: viktoria.zviagintseva@yandex.ru

Юго-западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Целью данной статьи стало научное исследование такого языкового феномена, как discours indirect libre, в результате которого предполагалось выявить двойственную природу несобственно-прямой речи во французском языке (в сравнении с косвенной и прямой речью), уточнить основные принципы позиционирования данного вида речи в письменных текстах, выявить ее стилистические особенности и грамматическую структуру. Исследование проводилось на основе анализа переводных текстов классического периода британской и американской литературы (произведения Дж. Голсуорси, Т. Драйзера, Г. Уэллса, Дж. К. Джерома), в которых удалось проследить закономерности передачи устной речи действующих лиц и диалогов несобственно-прямой речью, преднамеренное изменение взаимного расположения главных и второстепенных членов предложения с целью придания повествованию более живого и красочного характера.

Исследование носит прикладной характер, но его результаты позволят расширить понимание употребления несобственно-прямой речи во французских текстах, использовать накопленные знания в процессе переводческой деятельности и, возможно, побудят лингвистов к дальнейшему изучению этого явления в современном литературном и разговорном языках.

Ключевые слова: discours indirect libre, несобственно-прямая речь, прямая речь, косвенная речь стилистический анализ, диалог.

Введение

Для воспроизведения речи авторов и героев литературных произведений существуют различные средства: прямая речь, дословно передающая чужие слова, косвенная речь, передающая содержание высказывания или мыслей и допускающая сокращения, и несобственно-прямая речь. Прямая и косвенная речь достаточно хорошо исследованы: многочисленны труды по грамматике, относящиеся к этим способам воспроизведения (А.А. Леонтьев, Б.А. Абрамов, В.Г. Адмони, Л.С. Бархударов, Н.В. Буренина, А.С. Вержбицкая и др.). Что касается несобственно-прямой речи, в последние годы интерес к ней значительно вырос, а базой исследования служат работы таких ученых, как И.Р. Гальперин, Н.Д. Молдавская, Е. Майер, Р. Паскаль и др. Более того, актуальность данного исследования подкрепляется и тем, что несобственно-прямая речь широко употребляется в классической и современной литературе.

Ниже приведен отрывок из романа Дж. Голсуорси «Братство», переведенный на французский язык и иллюстрирующий несобственно-прямую речь.

Elle fronçait les sourcils comme si: rancunière d'un travail qui avait le pouvoir de tuer ses autres images. Quelle force l'avait poussée à peindre ainsi? Qu'avait-elle ressenti pendant que la jeune fille se tenait devant elle, toujours comme une fleur pâle placée dans une tasse d'eau? Pas d'amour - il n'y avait pas d'amour dans la présentation de cette silhouette crépusculaire; pas de haine-il n'y avait pas de haine dans la peinture de son faible attrait [Galsworthy 1924: 127]. Героиня романа, Бьянка, хмуря лоб, смотрит на картину, нарисованную ею самой, и у нее возникает ряд мыслей: она пытается понять, почему она нарисовала эту девушку так. Как же эти мысли переданы автором? Не прямой речью и не косвенной, а третьим способом воспроизведения чужой речи или мыслей – несобственно-прямой речью. Ее стилистическая задача состоит в некотором «вплетении» в полотно повествования субъективного размышления, передающего мысли, надежды, опасения и другие чувства действующего лица в виде вопросов, восклицаний или рассуждений. Эта речь или мысль действующего лица зачастую не оформлена как синтаксический объект, но, исходя от автора, в то же время выделяется из объективного авторского контекста своими стилистическими и грамматическими особенностями, которые рассмотрены в настоящей статье. Явление несобственно-прямой речи часто встречается в европейской литературе, однако грамматики французского языка при анализе способов воспроизведения чужих мыслей и переживаний относят ее к косвенной речи [Есперсен 2020:28]. Такой подход к рассмотрению несобственно-прямой речи другим лингвистам представляется несколько неоправданным, так как семантика данных речевых явлений различна [Кружилина 2012: 198]. В то время как косвенная речь является передачей слов или мыслей действующего лица словами автора, не выделяется из авторского контекста и составляет одно целое с повествованием, несобственно-прямая речь прерывает авторский контекст, резко выделяясь не только своей конструкцией, но и интонациями и лексикой; если косвенную речь воспроизводит автор, то в несобственно-прямой речи два участника: говорит автор и действующее лицо одновременно. Несобственно-прямая речь придает повествованию более живой, эмоциональный, красочный характер [Цапникова 1964: 172-173]; она позволяет полнее раскрыть душевное состояние и переживания действующего лица. Очевидно, что перечисленные особенности являются предметом научных дискуссий и так или иначе влияют на выдвижение гипотезы о двойственной природе несобственно-прямой речи, ее особом положении в ряду средств художественной выразительности и

обуславливают необходимость уточнения лексико-грамматических свойств данного явления.

Материалы и методы

В рамках работы использовались описательный и семантико-стилистический методы исследования языка. Данная работа проведена на базе результатов анализа соответствующих статей грамматических справочников и переводных французских текстов литературы классического периода Великобритании и США.

В научной литературе существуют различные термины для обозначения анализируемого явления: «free indirect discourse» [Maier 2015: 102] (Maier E, Gunn D.P.), «erlebte rede» [Ахманова 2020: 262] (I. Braak, G. Wilpert), «пережитая речь», «свободная косвенная речь», «монолог» (испанские грамматисты), изображающая речь [Есперсен 2020: 324] (О. Есперсен), «внутренняя речь» (И.В. Артюшков), несобственно-авторская речь» [Соколова 1968: 12]. (Л.А. Соколова) и «несобственно-прямая речь» [Ахманова 2020: 261] (В.М. Цапникова, О.А. Блинова, И.И. Ковтунова и др).

В данной работе используются два термина: «discours indirect libre» (S. Duval, G. Philippe, J. Zufferey) и «несобственно-прямая речь», которые, на первый взгляд кажутся противоречащими друг другу и не отображают полностью содержания рассматриваемого явления, однако позволяют говорить о последнем с точки зрения семантики как о более близком к прямой («несобственно-прямая речь») и/или к косвенной речи («discours indirect libre»).

Результаты и обсуждение результатов

Как упоминалось ранее, через несобственно-прямую речь могут быть переданы различные чувства, волнующие действующее лицо. Стилистически этой цели могут служить восклицания и восклицательные предложения. Например: *Le silence fut rompu par un léger craquement à travers le mur, il allait enfin se coucher. Ah! Joie et rêves agréables! Si elle ouvrait grand la porte, il n'entrerait pas maintenant!* [Galsworthy 2018: 56]. Восклицания выражают чувства досады и гнева Сомса после того, как героиня Ирэн закрыла перед ним дверь своей комнаты.

La première chose qu'elle a vue à l'extérieur de la maison de repos était la voiture de son père. Lui! Qu'était-il venu chercher? Pourquoi les gens la harcelaient-ils? [Galsworthy 2017: 246]. В этом примере восклицание «**Lui!**» в соединении с последующими вопросами выражает удивление, досаду Флер при виде того, что отец последовал за ней. *C'était une heure complète avant qu'ils puissent se décider à le dire à Timothée. Si seulement cela pouvait lui être caché! Si seulement cela pouvait lui être brisé par degrés!* [Galsworthy

2018: 187]. Два восклицательных предложения, начинающиеся с **Si**, выражают невыполнимые желания сестер Тимоти, не знающих, как сообщить брату об уходе Ирэн от мужа.

Эмоции действующего лица могут быть переданы повторением слова или предложения. Например: *Mais elle doit le voir tout de suite, tout de suite! Elle est sortie de la voiture* [Galsworthy 2017: 134]. *Elle voulait y aller, elle voulait y aller, elle voulait y aller. Rien ne l'arrêterait et elle était prête à en assumer les conséquences. Supposons que son père l'ait expulsée des portes? Elle s'en fichait, elle voulait y aller* [Wells 1920: 13].

В discours indirect libre иногда встречаются неоконченные предложения, указывающие на то, что ход мыслей действующего лица по какой-то причине прерывается. Например, *Instantanément, son esprit devint plein de soupçons. Pauline lui avait-elle menti comme elle avait menti à Pauline? Son rôle dans le complot de M. Jetsam a-t-il été découvert? Non, impossible. Et pourtant. Puis elle se rappela avoir entendu... la sonnerie lointaine* [Bennett 2019: 102]. Роза, не найдя сестры в комнате, недоумевает, не догадалась ли сестра об их заговоре. Она не может допустить этой мысли, боясь закончить ее. *Il... il ouvrit la porte de la chambre de Fleur. Elle était allongée sur son lit endormie, mais entièrement habillée! Entièrement habillé! Était-ce -? Avait - elle -!* [Galsworthy 2017: 37]. В этом отрывке дважды повторяются слова **entièrement habillée**, выражающие удивление Сомса при виде спящей Флер; две неоконченные фразы свидетельствуют о том, что герой боялся закончить свою мысль. В следующем отрывке ярко выражены чувства Сомса, в первый раз попавшего на скачки в Дерби. Это передано автором серией коротких, неоконченных предложений, отображающих взволнованное состояние героя и транслирующих ряд беспорядочных мыслей. Их так много, что он не успевает додумать одну мысль, как уже другая вытесняет ее. *Sa main trembla un peu et il laissa tomber ses lunettes. Les voilà arrivés - un ding-dong régulier! L'Angleterre ne l'était pas! – Oui, par George! Non! Oui* [Galsworthy 2017: 81]. Языковые особенности несобственно-прямой речи по большей части совпадают с таковыми разговорной речи, зачастую с включением абсолютно разговорных выражений, что роднит данный вид речи с прямой и объясняется, очевидно, тем, что несобственно-прямая речь представляет собой мысли действующего героя, хотя они и переданы в третьем лице. Кроме того, употребление разговорного языка делает несобственно-прямую речь более яркой и резче выделяет ее из авторского контекста [Звягинцева 2013: 56-57]. Так, можно встретить разговорные клятвы, которые, несомненно, не могут фигурировать в повествовании или в косвенной речи. Например: *Maintenant, il avait un vrai combattant derrière lui - un homme comme lui. Maintenant, par Jupiter, la fourrure commencerait à voler* [Dreiser 1933: 52]. *Il se dirigea vers la route d'Egeyware, entre des*

rangées de petites maisons, toutes lui suggérant... histoires louches d'une sorte. La société, dans la nature, les sorcières bavardes et les Jackanapes s'étaient mis en place pour juger sa chair et son sang! [Galsworthy 2018: 201]. Иногда это разговорный сравнительный оборот или слово порицательной, презрительной коннотации, относящееся к знакомому человеку, о котором данный персонаж сейчас думает или которого он вспоминает. Например, *Et il n'était pas un homme pour souffrir docilement... Il était monstrueux qu'un félow comme ce Bellew, ce bon en rien, un ivrogne, un homme qui avait failli l'écraser* [Galsworthy 1930: 102]. В несобственно-прямой речи часто встречаются разговорные выражения, такие как **bien sûr, pour être sûr, et puis quoi** и другие. Например: *"Pauvreté, ostracisme", pensait-elle. Et devrait-elle épouser rich? Bien sûr; si elle le pouvait* [Dreiser 1933: 75]. *Elle a jeté de côté tous les plans qu'elle avait dans la vie, toute discrétion. Bien sûr. Pourquoi pas? Elle serait honnête de toute façon! (Il plaça un grand mouchoir sur sa tête chauve, et... s'assit dans le fauteuil... Quel changement à Londres, pour être sûr, si calme que vous pouviez vous entendre penser* [Galsworthy 2017: 98]! Как видно из приведенных примеров, в несобственно-прямой речи применяются выразительные средства, которые смогут употребляться и в прямой речи. По форме и построению несобственно-прямая речь и имеет много общего с прямой, но в семантическом аспекте она значительно отличается: несобственно-прямая речь является не простым воспроизведением мыслей и эмоций действующего лица (как в прямой речи), а воспроизведением его мыслей и эмоций посредством автора, или, вернее, от имени автора [Звягинцева 2011: 25]. Кроме того, несобственно-прямая речь функционирует в том виде, в каком ни прямая, ни косвенная речь не может быть употреблена: вклинивается в повествование, перемежается со словами автора, придавая тем самым тексту более живой, эмоциональный характер. Например, *Il savait que c'était un non-sens, sinon cela l'aurait effrayé. À quoi le monde allait-il arriver? Se rappelant soudain l'histoire du jeune Jolyon, cependant, il se sentit un peu réconforté par ce à quoi on pouvait s'attendre avec un père. Comme ça! Cela a transformé ses pensées à la façon encore moins agréable. C'était quoi tout ce discours sur Soames et Irene* [Galsworthy 2018: 56]?

Несобственно-прямая речь передается от третьего лица личным местоимением, выражающем действующее лицо. Например: *Sentant tout son corps élané secoué de sanglots, il était terriblement alarmé. Elle doit voir Blanc demain. Il insisterait là-dessus. Il ne pouvait pas l'avoir comme ça* [Galsworthy 2018: 76]. В этом отрывке переданы мысли старого Джолиона, возникающие у него при виде плачущей Джун. Местоимение **Il** указывает на то, что это говорит автор; однако весь стиль и интонация отрывка указывают на старого Джолиона. В этом состоит основная особенность несобственно-прямой речи: переплетение голосов автора и героя

составляет единство высказывания. Временные категории несобственно-прямой речи подчинены законам согласования времен французской грамматики. Для выражения одновременного действия употребляется *Passé Simple* или *Passé Composé*, для выражения предшествующего действия – *Plus-que-parfait*, а для выражения будущего действия *Future dans le passé*. Например, *Aussitôt Clyde se redressa, comme s'il avait été aspergé d'eau froide. Celui de son oncle! Sa résidence! Ensuite, c'était l'une de ses automobiles qui se tenait devant le garage à l'arrière là-bas* [Dreiser 1932: 56]. *Dans son cœur, elle était occupée à donner des coups de pied à mort à cet homme. Il l'avait suivie* [Wells 1920: 98]? *Il alluma sa cigarette. Après tout, Irène n'avait pas fait de scène! Elle revenait, c'était la meilleure d'elle; elle était froide mais pas boudeuse* [Galsworthy 2018: 354].

Следует отметить отсутствие глагола в главном предложении, который подчиняет себе все дальнейшее развитие сложноподчиненного предложения, при этом весь контекст, вся ситуация прошлых действий накладывает свой отпечаток (прошлого) на несобственно-прямую речь. По существу, нельзя говорить о соблюдении последовательности времен, но употребление только прошедших времен (за исключением некоторых глаголов), связано с явлением последовательности времен в косвенной речи. Поэтому естественно употребление прошедших времен и в несобственно-прямой речи. Прошедшие времена здесь выражают категорию времени не абсолютно, а относительно; в этом смысле можно сравнить значение прошедших времен со значением простых и перфектных неличных форм глагола (*On dit qu'il est ici*/одновременность; *On dit qu'il était ici*/предшествующее действие). Такое же относительное значение имеют в русском языке настоящее и прошедшее время в косвенной и несобственно-прямой речи: настоящее время выражает одновременность в прошлом, а прошедшее время – действие, предшествующее другому прошлому действию (*он сказал, что учится в университете* – одновременность; *он сказал, что учился в университете* – предшествующее действие). Для русского языка такое употребление времен является нормой, обусловленной правилом последовательности времен. Например: *Подарок! он себе и расхохотался громким смехом. Подарок! А у него двести рублей в кармане! Если деньги и приилют, так к рождеству* [Гончаров 1959: 185]. В предложении *А у него двести рублей в кармане!* одновременность выражена нулевой формой глагола существования (*есть*) в настоящем времени. *Лена только выпятила губу. Тронемся! Экспресс какой, подумаешь. Что она на ходу не выскочит, что ли* [Панова 2019: 208]! Предложение в несобственно-прямой речи является синтаксически независимым: нет главного предложения, которому оно бы подчинялось как в случае с косвенной речью; нет глагола, указывающего на то, что за ним последует *discour indirect libre* (как это имеет место в

косвенной и часто в прямой речи). Однако иногда в повествовании есть слово или предложение, которое отчасти указывает на следующую за ним несобственно-прямую речь. Например, *Il savait à quoi elle pensait. Si Irène n'avait pas d'argent, elle ne serait pas assez stupide pour faire quelque chose de mal; car ils ont dit qu'elle avait demandé une chambre séparée* [Galsworthy 2018: 18]. Здесь предложение **elle pensait** выполняет функцию предупреждения. Однако обычно несобственно-прямая речь начинается неожиданно, без всякого предупреждения со стороны автора. Например, *Elle prit le vase de roses et quitta la pièce. Était-ce pour cela qu'il avait signé ce contrat? Était-ce pour cela qu'il allait dépenser quelque dix mille livres* [Galsworthy 2018: 415]?

Иногда внутри несобственно-прямой речи встречается вводное предложение. Например: *"Il est à moi", elle n'arrêtait pas de sangloter. Pourquoi (se **demanda-t-elle**) devrait-elle se soucier des commérages, du sacrifice de sa propre fierté, de tout l'enchevêtrement qui allait suivre* [Bromfield 1948: 431]? Изредка несобственная прямая речь встречается внутри предложения, например: *She caught his hand – **Mon Dieu!** How supple she was! – and murmured* [Galsworthy 1921: 141]. Здесь сообщение о чувствах Леннана, вызванных прикосновением руки Нелл, включено внутрь предложения, повествующего о действиях Нелл. Прикосновение руки Нелл и чувства и мысли Леннана имели место в одно время, и для того, чтобы это выразить, автор использует несобственно-прямую речь. В пределах данного языкового явления могут функционировать различные типы предложений: повествовательные, вопросительные и восклицательные. Например, *La famille attendait les développements, il n'y avait rien d'autre à faire. Mais jusqu'où-jusqu'où ces deux-là étaient-ils allés? Jusqu'où allaient-ils aller? Pourraient-ils vraiment y aller? Rien ne pouvait sûrement en sortir, car aucun d'eux n'avait d'argent. Tout au plus un flirt, se terminant, comme tous les attachements le devraient, au bon moment!* [Galsworthy 2018: 254]. Особенно часты вопросительные предложения; порядок слов при этом обратный, так как в речи отсутствует синтаксическое подчинение. Изредка в несобственно-прямой речи встречается собственное имя героя, мысли или чувства которого передаются в качестве приложения к личному местоимению третьего лица. Например, *Elle s'est couchée tôt. Si seulement elle pouvait dormir jusqu'à ce qu'il soit temps de commencer! Admettez-oh! librement - qu'elle, Fleur Mont, était indisciplinée; pourtant, elle n'avait pas porté son cœur sur sa manche* [Galsworthy 2017: 145].

Таким образом, особенностью *discours indirect libre* является употребление в ней исключительно прошедших времен, которое объясняется тем, что на фоне ряда прошлых действий несобственно-прямая речь, относящаяся к тому же периоду прошлого, оформляется

соответствующим образом. Употребление прошедших времен в несобственно-прямой речи сближает ее с косвенной. Однако, если употребление прошедших времен в косвенной речи объясняется влиянием главного глагола, то такое же употребление времен в несобственно-прямой речи объясняется влиянием всей ситуации. Зачастую внутри структуры встречается вводное предложение или приложение к личному. Синтаксис предложения несобственно-прямой речи сближает ее с прямой речью. Это закономерно, поскольку в том и другом случае нет главного предложения, которому бы они подчинились, и предложения в обоих случаях независимы.

Анализ практического материала доказывает широкое употребление несобственно-прямой речи в литературе; она является привычным стилистическим средством для многих писателей. Встречаются случаи, когда, начав передавать чужую речь или мысль при помощи прямой речи, автор переходит на несобственно-прямую речь. Например, *"Alors!" "il pensa" Fleur a vu ce garçon!" "Tout recommencerait! Il l'avait su* [Galsworthy 2017: 297]! Автор начинает передавать мысли Сомса прямой речью, затем переходит на несобственно-прямую речь. *Il a demandé: "Pourquoi n'obtenez-vous pas Irène?" "Non! June ne voulait pas demander à Irene; elle n'y irait que si son grand-père ne s'en souciait pas juste pour une fois* [Galsworthy 2018: 67]! На вопрос старого Джолиона, переданный в прямой речи, ответ Джун воспроизводится несобственно-прямой речью. Возможно, автор, передавая слова действующего лица несобственно-прямой речью, хочет выразить и свое отношение к ней, придав свою модальную окраску всему высказыванию. Иногда слова действующего лица передаются прямой речью, а сопутствующие им мысли – несобственно-прямой. Например, разговор Сомса с девушкой: *"Belle soirée!" "il a dit. "Oui, monsieur". Très respectueux* (мысль Сомса). *"La rivière est encore haute"* (слова Сомса). *"Oui, monsieur". Plutôt une jolie fille!* (мысль Сомса) [Galsworthy 2017: 56].

Случаи перехода прямой речи в несобственно-прямую встречаются сравнительно редко. Гораздо чаще можно наблюдать переход косвенной речи в несобственно-прямую. Например, *L'une des premières pensées qui lui vint maintenant fut de savoir où se trouvait son mari. Pourquoi n'était-il pas là* [Galsworthy 1924: 134]? Такой же переход косвенной речи в несобственно-прямую можно видеть в случаях, когда вопрос присоединяется к косвенной речи при помощи союза **et**. Например, *Ann Veronica a ensuite posé une série de questions sur le métier d'actrice, et si sa sœur jouerait, et était-elle assez belle pour cela, et qui fabriquerait ses robes* [Wells 1920: 112]. Иногда встречаются переходы косвенной речи в несобственно-прямую в пределах прямой речи. *Au cours d'un petit-déjeuner hâtif, ils ont consulté à qui devraient-ils aller* [Galsworthy 1947: 56]. В данном предложении обратный порядок слов в косвенном вопросе обязан, очевидно, влиянию

несобственно-прямой речи. Можно предположить, что переход косвенной речи в несобственно-прямую можно объяснить тем, что косвенная речь, более абстрактная, менее живая, не позволяет ярко выразить эмоции действующих лиц. Несложно передать в форме косвенной речи одно-два предложения, но затяжной внутренний монолог в таком случае создаст впечатление чего-то искусственного и тяжеловесного из-за повторения главного глагола либо подчиняющего союза. Несобственно-прямая речь, сменяющая косвенную, делает монолог живым, эмоциональным и красочным.

Сравнительно редко *discours indirect libre* используется для воспроизведения чужих слов и разговоров. Например, *Il... n'atteignit la cabane que vers deux heures. Oui, le groupe avait fait l'ascension ce matin - là-ils avaient été vus, entendus jacasser au sommet. Guéguisse! Guéguisse! Mais ils ne descendraient pas de la même manière! Oh, non! Ils rentreraient chez eux à l'Ouest et passeraient par l'autre col. Ils seraient de retour à la maison avant le jeune Herr lui-même* [Galsworthy 1921: 19]. *Discours indirect libre* начинается неожиданно и представляет собой воспроизведение ответов хозяина горной хижины на вопросы Леннана относительно четы, но вопросы в тексте не даны, о них можно только догадаться по ответам. Интересно отметить употребление нескольких немецких слов для речевой характеристики. Также неожиданно появляется несобственно-прямая речь: это ответ на вопрос, которого нет в тексте, но который можно восстановить в следующем отрывке: *Au petit immeuble... il a dit au chauffeur de taxi d'attendre et est monté au premier étage. Oui, Mme Heron était à la maison* [Galsworthy 2020: 122]! Вопросы Сомса: «Дома ли миссис Херон?» нет в тексте, но мы понимаем, что предложение «Да, миссис Херон дома» сказано в ответ. Ответ передан несобственно-прямой речью, что подчеркивается формой *était* и восклицательным знаком, передающим эмоциональное напряжение Сомса. Иногда перед *discours indirect libre* встречается предложение с глаголом высказывания, как и перед прямой речью. *Il a demandé. Que voulait - elle dire? Il y avait quelque chose derrière tout cela - avait-elle vu Bosinney* [Galsworthy 2020: 403]? Ответ на этот вопрос передается прямой речью.

Discours indirect libre может встречаться в выступлениях оратора. Ниже приведен отрывок, в котором несобственно-прямая речь употреблена для воспроизведения тоста на пирушке: *Après cela - j'oublie en quoi - nous avons bu la santé de Lady ' Ortensia. Il y avait des personnes - Jarmen ne tenterait pas de dissimuler le fait – qui se plaignaient que la Dame d'Ortensia était trop distante, "trop distante". Avec une telle plainte, il n'avait lui-même aucune sympathie; mais les goûts différaient. Si la Dame ' Ortensia était encline à être exclusive, qui devrait la blâmer. Tout le monde connaissait le mieux sa propre entreprise* [Jerome 1902: 506]. В данном отрывке переход от

авторского текста к несобственно-прямой речи, воспроизводящей тост Джармана, становится неожиданностью для читателя.

Несобственно-прямая речь может передавать диалог. *“De quoi s’agissait-il ? Comme il allait acheter une maison à la campagne, n’achèterait-il pas – pour lui faire plaisir – cette splendide maison de Soames à Robin Hill?.. Ils y seraient tous si heureux “. “L’homme de la propriété” n’allait-il donc pas vivre dans sa nouvelle maison ?... “Non”, dit June – ce n’était pas le cas! Comment savait-elle [Galsworthy 2018: 357]? Джун уговаривает своего деда купить у Сомса новый дом; ее слова, так же, как и вопросы старого Джолиона, переданы несобственно-прямой речью. Слова Джун два раза заключены в кавычки, как будто бы это прямая речь, но местоимение третьего лица и глаголы в прошедшем времени указывают на то, что это несобственно-прямая речь. Размышления мысли действующего лица и произнесенные за ними его же слова также могут быть переданы несобственно-прямой речью. Например, *Et celui qui avait les temps en main essayait de ne pas la remarquer. N’y avait-il rien qu’il pouvait faire pour détourner son attention? Et ses photos? (мысли Сомса). Lequel - demanda-t-il- était son préféré? Le Gendarme, le Stevens, le Corot ou le Daumier? (реплика Сомса) [Galsworthy 2017: 245].**

Заключение

Результаты исследования несобственно-прямой речи в переводных литературных текстах позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу о двойственной природе данного языкового явления и сделать следующие выводы.

Discours indirect libre, будучи широко распространенной в литературе, является особым способом воспроизведения чужой речи, мыслей, чувств, переживаний, в которой одновременно слышатся голоса автора и героя. В этом ее двойственность и основное отличие от прямой речи (где слышен только голос действующего лица) и от косвенной (где, наоборот, слышен присутствует лишь голос автора). Несобственно-прямая речь, прерывая повествование (часто неожиданно), вносит в него новые эмоциональные и интонационные элементы и служит художественно-стилистическим приемом. Несобственно-прямая речь имеет некоторые черты, сходные с прямой речью (специальные выразительные средства, разговорные обороты, синтаксис предложения) и с косвенной (местоимения в третьем лице, правила согласования времен), что позволило в данной работе употреблять на первый взгляд полярные термины для обозначения одного и того же явления в русском и французском языках.

Несобственно-прямая речь зачастую не оформляется как синтаксический объект и не требует кавычек, как в случае с прямой речью.

Это позволяет автору создать естественный поток текста, не нарушая его структуру, используя возможность свободного переключения между описаниями действий и мыслями персонажей, что делает повествование более органичным.

Анализ письменных текстов показал, что в несобственно-прямой речи возможно использование временных и пространственных изменений. Так, может изменяться время глаголов, и автор часто использует более обобщенные формулировки, которые отражают мысли или чувства героя без четкого упоминания о том, кто именно их произносит. Это создает эффект «погружения», будто читатель воспринимает мысли героя напрямую.

Логично предполагать, что в устном французском языке несобственно-прямая речь может включать в себя интонационные изменения. Такие нюансы, как тональность и ритм, могут быть важны для понимания эмоционального состояния героя. В таком случае *discours indirect libre* позволяет авторам более свободно интерпретировать внутренние миры героев, оставляя читателю возможность углубиться в их мысли и чувства, однако данное предположение требует отдельного исследования и доказательств.

Таким образом, несобственно-прямая речь – отдельное явление, отличный от остальных способ воспроизведения чужой речи, и ее дальнейший анализ следует проводить, объединив накопленную лингвистами базу исследования прямой и косвенной речи, при этом используя обособленный инструментарий для выявления новых граней языка в данной области.

Библиографический список

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., Книжный дом «Либроком», 2020. 576 с.

Гончаров И.А. «Обломов». М., Учпедгиз, 1959. 438 с.

Есперсен Е. Философия грамматики. М.: Editorial URSS, 2020. 408 с.

Звягинцева В.В. Термины родства как обращения в русском и английском семейных дискурсах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2011. № 1(9). С. 23-27.

Звягинцева В.В. К вопросу об исследовании семейного дискурса в рамках деятельностно-прагматического подхода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 2. С. 55-60.

Кружилина Т.В. Текст как психолингвистический феномен // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 2. С. 192-199.

- Панова В.С.* «Спутники». М.: Русская классика, 2019. 288 с.
- Соколова Л.А.* Несобственно-авторская речь как стилистическая категория. Томск: Томский университет, 1968. 281 с.
- Цапникова В.М.* Несобственно-прямая речь в ранних произведениях Толстого // Толстовский сборник: тезисы докладов и сообщений. Тула, 1964. С. 171-182.
- Bennett A.* “La cité de joie” (traduit de l’anglais par H. Claireau). Archipoche, 2019. 175 p.
- Bromfield L.* “Une femme de bien” (traduit de l’anglais par A. Cosse). Paris, La Jeune Parque, 1948. 573 p.
- Dreiser T.* “Une tragédie américaine” (traduit de l’anglais par V. Llona). Fayard, 1932. 659 p.
- Dreiser T.* “Le Titan” (traduit de l’anglais par V. Llona). Fayard, 1933. 468 p.
- Galsworthy J.* “Fraternité” (traduit de l’anglais par P.M. Cote). Paris, Calmann Lévy, 1924. 332 p.
- Galsworthy J.* “Le chant de cygne” (traduit de l’anglais par H. Claireau). Archipoche, 2017. 362 p.
- Galsworthy J.* “La dynastie des Forsyte. Le propriétaire” (traduit de l’anglais par C. Mayran). Archipoche, 2018. 472 p.
- Galsworthy J.* “La dynastie des Forsyte. Aux Aguets” (traduit de l’anglais par R. Pruvost). Archipoche, 2020. 383 p.
- Galsworthy J.* “La fleur sombre” (traduit de l’anglais par M. de Coppet). Paris, Calmann Lévy, 1921. 288 p.
- Galsworthy J.* “Dinny” (traduit de l’anglais par P.M. Cote). Paris, Calmann Lévy, 1947. 382 p.
- Galsworthy J.* “Le domaine” (traduit de l’anglais par le Prince Antoine Bibesco). Paris, Calmann Lévy, 1930. 325 p.
- Jerome K. J.* “Paul Kever” (traduit de l’anglais par H. Bouissou). Firmin-Didot, 1902. 302 p.
- Maier E.* Quotation and Unquotation in free indirect discourse *Mind and Language* V. 30. № 3. NY, 2015. 411p.
- Wells H. G.* “Anne Véronique” (traduit de l’anglais par H. Davray et B. Kozakiewicz). Paris: Mercvire de France, 1920. 501 p.

References

- Axmanova O.S. Slovar` lingvisticheskix terminov. M., Knizhny`j dom «Librokom», 2020. 576 s.
- Goncharov I.A. «Oblomov». M., Uchpedgiz, 1959. 438 s.
- Espersen E. Filosofiya grammatiki. M.: izd. gruppа Editorial URSS, 2020. 408 s.
- Zvyaginceva V.V. Terminy` rodstva kak obrashheniya v russkom i anglijskom semejnny`x diskursax // Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2011. № 1(9). S. 23-27.
- Zvyaginceva V.V. K voprosu ob issledovanii cemejnogo diskursa v ramkax deyatel`nostno-pragmaticheskogo podxoda // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2013. № 2. S. 55-60.

- Kruzhilina T.V. Tekst kak psixolingvisticheskiy fenomen // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. 2012. № 2. S. 192-199.
- Panova V.S. «Sputniki». M.: Russkaya klassika, 2019. 288 s.
- Sokolova L.A. Nesobstvenno-avtorskaya rech` kak stilisticheskaya kategoriya. Tomsk:Izd-vo tomskogo un-ta, 1968. 281 s.
- Czapnikova V.M. Nesobstvenno-pryamaya rech` v rannix proizvedeniyax Tolstogo // Tolstovskij sbornik: tezis` dokladov i soobshhenij. Tula, 1964. S. 171-182.
- Bennett A. “La cité de joie” (traduit de l’anglais par H. Claireau). Archipoche, 2019. 175 p.
- Bromfield L. “Une femme de bien” (traduit de l’anglais par A. Cosse). Paris, La Jeune Parque, 1948. 573 p.
- Dreiser T. “Une tragédie américaine” (traduit de l’anglais par V. Llona). Fayard, 1932. 659 p.
- Dreiser T. “Le Titan” (traduit de l’anglais par V. Llona). Fayard, 1933. 468 p.
- Galsworthy J. “Fraternité” (traduit de l’anglais par P.M. Cote). Paris, Calmann Lévy, 1924. 332 p.
- Galsworthy J. “Le chant de cygne” (traduit de l’anglais par H. Claireau). Archipoche, 2017. 362 p.
- Galsworthy J. “La dynastie des Forsyte. Le propriétaire” (traduit de l’anglais par C. Mayran). Archipoche, 2018. 472 p.
- Galsworthy J. “La dynastie des Forsyte. Aux Aguets” (traduit de l’anglais par R. Pruvost). Archipoche, 2020. 383 p.
- Galsworthy J. “La fleur sombre” (traduit de l’anglais par M. de Coppet). Paris, Calmann Lévy, 1921. 288 p.
- Galsworthy J. “Dinny” (traduit de l’anglais par P.M. Cote). Paris, Calmann Lévy, 1947. 382 p.
- Galsworthy J. “Le domaine” (traduit de l’anglais par le Prince Antoine Bibesco). Paris, Calmann Lévy, 1930. 325 p.
- Jerome K. J. “Paul Kelter” (traduit de l’anglais par H. Bouissou). Firmin-Didot, 1902. 302 p.
- Maier E. Quotation and Unquotation in free indirect discourse *Mind and Language* V. 30. № 3. NY, 2015. 411p.
- Wells H. G. “Anne Véronique” (traduit de l’anglais par H. Davray et B. Kozakiewicz). Paris: Mercvire de France, 1920. 501 p.

UDC 81

DISCOURS INDIRECT LIBRE IN TRANSLATED FRENCH TEXTS

Zviagintseva V.V.

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages

e-mail: viktoria.zviagintseva@yandex.ru

South-West State University (Kursk, Russia)

This article deals with such a linguistic phenomenon as free indirect speech in comparison with indirect and direct speech. The main goal is to clarify the basic principles of positioning of this type of speech in the text, to identify its stylistic features and grammatical structure. The results of the analysis of grammatical reference books, as well as British and American fiction translated into French made it possible to define free indirect speech as a frequently used stylistic device with characteristic features of direct and indirect speech, but at the same time unique in semantic, syntactic and emotional component. Moreover, the cases of the transition of direct and indirect speech into non-direct speech are considered and analyzed, the main causes and principles of this phenomenon are identified. Special attention is paid to the semantic component in the expression of syntactic relations. The hypotheses were confirmed by the examples of texts from the classical period of British and American literature translated into French (Galsworthy, Dreiser, G. Wells, J. K. Jerome). The research will expand the comprehension of free indirect speech in English literature and, perhaps, encourage linguists to study this phenomenon in modern spoken language.

Keywords: *free indirect speech, direct speech, indirect speech, stylistic analysis, dialogue.*

УДК 81.811.111-26+81'42+81'23

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ПОЗНАНИЕ: МЕТАФОРА «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПОЕЗДЕ» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Л. КЭРРОЛЛА «THROUGH THE LOOKING-GLASS AND WHAT ALICE FOUND THERE»

Л.В. Калашиникова

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка
e-mail: lkalashnikova@inbox.ru

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (г. Орел, Россия)

Статья освещает результаты анализа когнитивной метафоры «путешествие на поезде», включенной в метафорическую модель «путешествие как познание», а также выявлению способов ее языковой актуализации в художественном произведении. Понимание автором метафоры как элемента сознания, объяснение механизма познавательных процессов и их взаимодействия позволило раскрыть ее потенциал. Следует отметить, метафора «путешествие на поезде» исследуется в контексте игровой деятельности на фоне лингвокреативности и языковой игры. В результате анализа понятийной области «путешествие на поезде» были выявлены параметры, характеризующие понятийную область «путешествие». Потенциал структурирования понятийной области «путешествие» используется для идентификации понятийной области «путешествие как познание». Делается вывод о том, что метафора «путешествие на поезде», инкорпорируемая в метафорическую модель «путешествие как познание», неоднозначна, наряду с моделирующей функцией, осуществляя когнитивную операцию соотнесения концептуальных сфер и виртуальных миров, играет особую роль – оперирует скрытыми смыслами, инициируя когнитивные операции метафорических и метонимических переносов, и выступает средством коммуникативного воздействия. Полученные результаты будут весьма полезны в исследовании когнитивных метафор, понимании их роли, влияния на язык и мышление.

Ключевые слова: метафора, метафорический перенос, ассоциации, импликация, концептуальная область, познание, структуры знаний.

Введение

Одним из основных постулатов когнитивной теории метафоры является утверждение о том, что метафоры обосновывают абстрактные знания конкретным, непосредственным опытом, что подтверждается теоретическим анализом многочисленных трудов (Ж. Фоконье, М. Тернер [Fauconnier, Turner http], Дж. Лакофф [Lakoff http], М. Джонсон [Lakoff, Johnson http], R. Jackendoff, D. Aaron [Jackendoff, Aaron http], D. Ritchie [Ritchie http], А.Н. Баранов [Баранов http], А.П. Чудинов [Чудинов 2003], Т.Г. Скребцова [Скребцова 2018] и др.).

Познание всегда связано с движением от известного к неизвестному, тому, что всегда привлекает новизной и от чего трудно отказаться. Когда в

рамках привычного сюжета или сценария вдруг появляется новый элемент, возникает проблема: имеющихся знаний становится недостаточно, а привычные шаблоны перестают действовать. Для того, чтобы двигаться дальше, можно воспользоваться проверенным способом: на основе анализа текущей ситуации, закономерностей, фактов и логических выводов выбрать ключевую идею и принять одно стандартное решение. Однако, когда алгоритмы не работают, а языковой и когнитивный дефицит особенно ощутимы, человек обращается к креативному мышлению, основанному на метафорических переносах, что открывает безграничные возможности для воображения (Roberts A., Sternberg R. [Roberts, Sternberg [http](#)], Runco M., Acar S. [Runco, Acar [http](#)]), оперирования единицами языка на основе ассоциаций и нарушения языкового стандарта.

Отметим, что наблюдается устойчивая тенденция роста интереса к лингвкреативности и языковой игре, проявляющихся в рамках игровой деятельности (Выготский Л.С. [Выготский [http](#)], Гридина Т.А. [Гридина [http](#)], Ильясова С.В. [Ильясова [http](#)], Коновалова О.Ю. [Коновалова 2008], Пыстина О.В. [Пыстина [http](#)], Смирнова Е.О., Соколова М.В., Шеина Е.Г. [Смирнова, Соколова, Шеина [http](#)], Bell N. [Bell [http](#)] и др.), неотъемлемым компонентом которой является метафора. В таком контексте исследование метафоры «путешествие на поезде» будет особенно интересным.

Цель исследования – исследование когнитивной метафоры «путешествие на поезде», входящей в метафорическую модель «путешествие как познание» в процессе моделирования фрагмента авторской картины мира и способов ее языковой актуализации.

Материалы и методы

Глава III сказки Л. Кэрролла «Through the Looking-Glass and What Alice Found There» [Carroll [http](#)] начинается с того, что Алиса вдруг оказывается в вагоне поезда. Будучи маленьким ребенком, писатель со своими братьями и сестрами с огромным удовольствием играл в железную дорогу. Можем предположить, что именно по причине того, что для Л. Кэрролла тема поезда была очень близка и любима, он использует сюжет путешествия на поезде.

Кто в детстве не играл в поезд? Это – одна из самых распространенных и интереснейших игр. Путешествующему однажды с родителями ребенку не надо прилагать особых усилий, чтобы представить этот процесс. Сегодня не вызывает сомнений факт о том, что ребенок постигает мир в процессе игровой деятельности, узнавая много интересного, осознавая себя в этом мире, свою роль и значимость в процессе взаимодействия с окружающими людьми. Игра является центральной для понимания психического развития в дошкольном

возрасте (Выготский Л.С. [Выготский [http](#)], Эльконин Д.Б. [Эльконин [http](#)]).

Действия, предпринимаемые в ходе игры, приобретают смысл, т.е. осознаются. Ребенок на основе своих представлений об окружающей действительности учится устанавливать связь между правилами и их выполнением, ролью, которую он берет на себя, а также ее сменой.

Несомненно, игра в поезд имеет некоторые особенности. Существуют игры с известным определенным сюжетом, есть игры с правилами, но без сюжета; а игра в поезд при наличии некоторых обязательных правил открывает перед участниками широкое поле деятельности для воображения: кто знает, какие сюрпризы и события может принести путешествие на поезде. Сколько ярких и незабываемых картин возникает в сознании малыша, представляющего себя машинистом огромного сверкающего сталью поезда, тянущим за собой вереницу вагонов с пассажирами. Поезд, окутанный клубами белого пара, подает оглушительный свисток и трогается в путь. Он едет по рельсам, мелькают дома, деревья, а «машинист» уже планирует, куда идет поезд, когда поворот или темный тоннель, ближайшая станция и кого из пассажиров он повезет дальше.

Стоит отметить единодушие теорий раннего развития ребенка в признании процесса сборки «состава поезда», железных дорог очень продуктивным. Он развивает у детей фантазию, воображение и логическое мышление. Игра с железной дорогой привлекает детей содержанием отношений между людьми, осуществляемых через действия с предметами. «В игре ребенок создает мнимую ситуацию с определенными правилами поведения, беря на себя роль взрослого человека, вступающего через подобную деятельность в отношения с другими людьми» [Выготский [http](#)]. Проблемам изучения выделения игровой деятельности ребенка в процессе развития его познавательной деятельности посвящено множество научных трудов [Выготский [http](#); Смирнова, Соколова, Шеина [http](#); Civitarese [http](#)].

Не стоит забывать о другой игре, которую Л. Кэрролл ведет на протяжении всего произведения, игре в шахматы с заранее установленными правилами, соблюдение которых приводит к решению конкретных шахматных задач при возможных вариантах развития сюжета. В этой шахматной реальности упорно движется к своей цели маленькая, но очень храбрая пешка. Писатель, хорошо понимая, что ребенок в игре руководствуется подражанием мнимой ситуации и правилам, виртуозно переключает игровые плоскости, поддерживает огромный интерес, который является главным условием включения воображения.

Результаты

В ходе анализа фрагмента художественного произведения-сказки «Through the Looking-Glass and what Alice found there» [Carroll [http](http://)] нам удалось выявить несколько ментальных моделей, среди которых выделяется модель «путешествие как познание». Данная модель представлена разнообразными концептуальными метафорами: метафора жизни, метафора познания, шахматы как метафора судьбы, метафора перехода от детства к взрослению, метафора трансформаций и многими другими, которые входят в состав метафорических моделей, образующих сложную информационную систему, инкорпорирующую структуры знаний об окружающем мире, как объективного, так и субъективного характера, и характеризующуюся семантическими параметрами. Это – своеобразное ментальное пространство, отражающее процесс познавательной активности и концептуализации действительности субъектом. В рамках выделенной модели «путешествие как познание» особую роль играет метафора «путешествия на поезде», которая весьма неоднозначна и имеет глубокий философский и психологический смысл. Жизнь человека похожа на путешествие, мы все куда-то движемся, делаем остановки: по желанию или вынужденные, в «наш вагон» подсаживаются люди или выходят из него на своей остановке. Мы с удовольствием приглашаем одних людей в качестве попутчиков, а с другими нам путешествовать не интересно.

Метафора «путешествие на поезде» в определенных контекстах, отражая различные аспекты человеческого опыта [Langacker [http](http://)]: от личного роста и отношений до общественного прогресса и проблем, может вызывать самые разнообразные ассоциации в сознании человека. Понимание этих ассоциаций может обогатить понимание когнитивных метафор как основных ментальных операций, способ познания, категоризации, оценки, интерпретации мира и их влияния на язык и мышление.

Как известно, пешка для того, чтобы перескочить с клетки d2 на d4, минуя d3, должна была как следует разогнаться. Для этого ей нужно было придать физическое ускорение. С учетом эпохи, в которой Л. Кэрролл создавал свое произведение, самым быстрым наземным транспортом был поезд. Для профессора математики это была отличная возможность продемонстрировать действие закона движения физического тела относительно разных систем отсчета: Алисы-девочки в королевстве Зазеркалья и Алисы-пешки на шахматной доске; а на примере игры объяснить действие второго закона И. Ньютона: ускорение пропорционально действующей силе.

Игра в самом разгаре: Алиса-девочка оказывается в вагоне в центре событий – глава начинается с прямой речи; а Алиса-пешка стремится на

клетку d4. С философской точки зрения человек внутри поезда – это реальная жизнь, перемены, движение вперед, к намеченной цели. Путешествие в вагоне поезда предполагает самые разнообразные виды отношений, которые находят отражение в сюжетах игры, например, «контролер и пассажиры». Эта игра – отличный способ приобретения опыта взаимодействия, понимания и интерпретации высказываний. Любая игровая ситуация характеризуется определенными параметрами, которые позволяют идентифицировать ее от других.

Первая проблема, с которой сталкивается Алиса – это встреча с контролером («the Guard»), который в соответствии с правилами обратился к пассажирам с просьбой предъявить билеты: «*Tickets, please!*» said the Guard, putting his head in at the **window**» [Carroll [http](#)].

Имея билет, мы можем двигаться к точке назначения, цели или от нее. Слово «ticket» [ˈtikit] – слово-палиндром, т.к. произносится одинаково как справа налево, так и наоборот. С одной стороны – это пропуск Алисы на перемещение, а с другой стороны – сигнал о наличии коммуникативной ситуации, имплицитующей скрытый смысл. Алиса находится в поезде, а контролер – на перроне, что можно расценить как некое противоречие, конфликт между внутренней мотивацией и внешней, т.е. достижение реальной цели и ограничение в виде правил.

Л. Кэрролл использует символ окна, которое можно рассматривать как символическую границу, портал между двумя мирами: миром Зазеркалья, в котором путешествует девочка Алиса, и миром шахмат. Позволим заметить, что писатель неоднократно прибегает к подобным словам-кодам, которые напоминают о том, что события происходят в двух репрезентативных плоскостях, а слова «ticket», «window» приобретают статус метафор.

В соответствии с шахматной этикой вплоть до начала XX века противник получал предупреждение о том, что его ферзь находится под прямой атакой, что было аналогично объявлению «шах» (*gardez la reine!* «Protect the Queen»). Фигура «the Guard» или «Страж» («Охранник») перемещалась как король, но не имела препятствий для шаха. В некоторых играх страж может продвигаться как «суперпешка» как в Metamatchy, а в 2D-формате выглядит как перевернутая ладья с шипами на голове.

С позиции шахматной стратегии контролер «the Guard» не одобрял намерений Алисы-пешки переместиться на клетку d4. Он сердито взглянул на Алису: «Now then!». Контролер называет Алису «дитя»: «*Show your ticket, **child***» [Carroll [http](#)], но при этом подчеркивает статус пешки: пешка – самая младшая фигура в шахматном войске.

Для ребенка не составит особого труда включить фантазию: вагон поезда – место, непохожее на привычное окружение, здесь все по-другому. Поезд мчится на всех парах, а ты сидишь и смотришь в окно. Ты

двигаешься вперед, а мир остается где-то позади. В поезде можно играть в разные игры, вдохновляясь разнообразными сюжетами, мыслить нестандартно, творчески, разрушая шаблонные последовательности, стандарты и т.д. и, самое главное, нарушая правила. В поезде можно немного пошалить, пофантазировать, например, представить, что вдруг билеты, которые предъявили пассажиры, стали такого же размера, как и сами пассажиры, поэтому в вагоне стало тесно: «*In a moment everybody was holding out a ticket: they were about **the same size as the people**, and quite seemed to fill the carriage*» [Carroll [http](#)].

В своем произведении Л. Кэрролл запечатлел фрагмент истории со свойственной ему ноткой иронии. С изобретением паровых машин в Англии периода Викторианской эпохи выросла мобильность населения в поисках заработка. Из-за нехватки вагонов, билетов люди страдали от давки и толчеи, но переполненные вагоны приносили гораздо больше прибыли. Возможно, именно поэтому Л. Кэрролл намеренно прибегает к гиперболизации: при предъявлении билетов в вагоне не остается свободного места. В те времена в Англии билеты покупались в день поездки и были действительны только для поездов одной железнодорожной компании. Каждому, кто хотел сделать пересадку на другой поезд, всякий раз приходилось покупать новый билет. Цена билета имела принципиальное значение и была достаточно высока. Полагаем, что именно этот факт высмеян Л. Кэрроллом.

Совет одного из пассажиров: «*Never mind what they all say, my dear, but take a return-ticket every time the train stops*» [Carroll [http](#)] противоречит логике. Известно, обратный билет значительно экономит время, его особенность – двухсторонняя действительность и гарантия возврата в начальную точку путешествия. Сметая все логические барьеры, Кэрролл напоминает главное правило Зазеркалья: чтобы двигаться вперед, нужно бежать назад.

Позволим немного пофантазировать, возможно станция – это остановка, момент, когда надо задуматься о необходимости и целесообразности дальнейшего движения. В таком случае приобретение обратного билета – это возможность остановиться на достигнутом и подумать: в правильном ли направлении выполняется движение; остаться на станции или продолжить движение.

Процесс познания неизбежно связан с разрешением противоречий, которые связаны с моментом несоответствия имеющихся знаний, представлений для объяснения и постижения окружающей действительности новым знаниям. Это – умение видеть свою цель: или вы двигаетесь к ней, преодолевая на своем пути трудности, или сходите с поезда и остаетесь на станции.

Один из наиболее интересных и непредсказуемых видов отношений, возникающих в поезде, – отношения между пассажирами; отношение пассажира к меняющейся ситуации, правилам и т.д. Непредсказуемость ситуации заставляет всякий раз, искать схожие когнитивные структуры и фрейм поведения, модифицировать их в зависимости от условий, подстраиваться под эту ситуацию, проживая ее и обыгрывая.

Оказавшись в вагоне, Алиса продолжала настойчиво стремиться к своей цели – клетке d4, мечтая в итоге стать королевой. Дети никогда не задумываются о том, как и какими способами и средствами они будут оперировать при достижении своей заветной мечты, в каком направлении нужно двигаться. Контролер (в реальной жизни это делают взрослые) оценил возможность достижения мечты при помощи телескопа, микроскопа и театрального бинокля: «*“You're travelling **the wrong way**”*» [Carroll [http](#)].

Пассажиры вагона упрекают Алису в том, что она не знает куда едет. «*“So young a child,” said the gentleman sitting opposite to her (he was dressed in white paper), “**ought to know** which way she's going, **even if she doesn't know her own name!**”. “She **ought to know** her way to the ticket-office, **even if she doesn't know her alphabet!**”*» [Carroll [http](#)]. Коммуникативная интенция передается при помощи предложений, представляющих эмфатические параллельные конструкции с модальным глаголом «ought», который используется часто в инструкциях и правилах, и союзом «even if» со значением совета-упрека. Антонимическая пара «know» и «doesn't know» придает стилистическую окрашенность и несет особую эмфатическую нагрузку, которая усиливается при помощи инверсии: «*So young a child*» [Carroll [http](#)].

Для маленького ребенка совсем не обязательно уметь читать или знать правила, согласно которым необходимо действовать, ни тем более, где находятся «кассы», где нужно оплачивать заветные желания, которые появляются раньше, чем осознание процесса их реализации. По мере взросления и познания действительности ребенок научится применять инструменты приобретения знаний и обработки информации, необходимой для того, чтобы правильно оценивать желания, соответствие видов деятельности для достижения желаемого результата. Об этом свидетельствует глагол интеллектуальной деятельности «to know».

В шахматной баталии пешка всегда перемещается по заданной траектории, даже если она не знает, будет ли она Королевой или останется пешкой. Клетки шахматной доски обозначаются буквами латинского алфавита. Локации пешки всякий раз могут обозначаться разными буквами, т.к. она сама «выбирает» траектории движения. У пешки есть три секрета движения. Она может двигаться только вперед, но из своей начальной позиции – вторая горизонталь для белых, она имеет право

сделать первым ходом прыжок через одну клетку, где возможно взятие на проходе. Вторая особенность – пешка, двигаясь к своей цели, «съедает» фигуры противника наискосок и занимает его позицию. Третий секрет пешки – умение превращаться в любую фигуру, кроме короля, и занимать соответствующую клетку, обозначаемую буквой.

От графической игры с буквами «*know – own*»; «*way – away*»; «*change – engines*» Л. Кэрролл переходит к игре со словами и их значениями. Используя параллельные, рамочные, эмфатические конструкции, инверсию, намеренные повторы в начале и в конце предложения: «*I shall dream about...I know I shall!*», модальные глаголы и их эквиваленты, полисемию, модификацию идиом, создавая антонимы: «*went on (go on) – go back*»; обыгрывая пары омофонов: «*a horse*» – «*a hoarse voice*», «*wood*» – «*would*» и т.д., писатель придает двусмысленность речевому выражению.

У Алисы не было билета, т.е. разрешения на перемещение, поэтому пассажиры в странном поезде предложили отправить ее как багаж: «*She'll have to go back from here as luggage!*» [Carroll [http](#)]. Ситуация абсолютно абсурдная. Маленький ребенок не задумывается о правилах, которые регламентируют поведение людей в реальном мире. В силу своего возраста он не имеет опыта такого взаимодействия, а все отношения с внешним миром регулируют взрослые.

Действительно во время путешествия отправляют багаж, сообщения по телеграфу, письма по почте и т.д. Эта сцена задумана как юмористическая и подчеркивает абсурдность ситуации, в которой оказалась Алиса. Станные пассажиры не воспринимают Алису всерьез. Словарь определяет «*luggage*» как «*literary “what has to be lugged about” (or, in Johnson’s definition, “anything of more weight than value”)*» [Online Etymology Dictionary [http](#)]. Пассажиры предлагают маркировать Алису как ненужный багаж: «*She must be labelled “Lass, with care,” you know...*» [Carroll [http](#)] («Осторожно, хрупкая девочка»). Слово «*Lass*» – «*young woman, girl*» (ок. 1300 г.) пришло из скандинавского языка. Наряду с другими значениями выделяют шутливое значение «ребенок», «девочка» [Online Etymology Dictionary [http](#)]. Принимая во внимание этимологию, «*luggage*» и «*Lass*» могут интерпретироваться как синонимы.

Оказывается, Л. Кэрролл любил писать письма, у него было особое отношение к оформлению и содержанию письма, процессу приклеивания марки. Возможно, этот факт обыгран писателем в произведении. Станные пассажиры хотят отправить Алису по почте: «*She must go by post, as she's got a head on her...*» [Carroll [http](#)].

Снова мы оказываемся в Англии. В 1855 году была выпущена серия стандартных почтовых марок с изображением головы королевы Виктории, чей портрет был написан художником А. Шалоном. В результате метонимического переноса такие марки стали называться «голова

Шалона» [Wikipedia <http>]. Устанавливается ассоциативная связь: голова (девочки), напоминающая изображение на марке, – почтовая марка (голова Шалона). Именно поэтому пассажиры поезда хотели отправить Алису по почте. Кэрролл сталкивает значение полисемантического слова «head» и значение, полученное в результате метонимического переноса. В этом случае создается когнитивная метафора, несущая информацию об историческом факте действительности. Тогда, соответственно, выражение «*She must be sent as a message by the telegraph*» [Carroll <http>] вполне логично: если марка клеится на конверт, который отправляют по почте, то Алиса должна быть отправлена в качестве письма.

В предложении “*She must draw the train herself the rest of the way...*» [Carroll <http>] обыгрываются полные омонимы «draw» (тянуть, тащить, управлять) – «draw» (рисовать). С одной стороны, кажется, что ситуация абсурдна, но с философской точки зрения, в ней заложен глубокий смысл. Если у человека есть цель, которую он себе нарисовал или вообразил, то он сам является машинистом, который управляет поездом и осознанно делает выбор куда направляться и кого из пассажиров брать в путешествие. Поэтому контролер посоветовал купить Алисе билет именно у машиниста, чтобы получить разрешение.

Интересная мысль возникла в ходе исследования этимологии слова «train». Среди значений, датируемых 15 веком «*General sense of “series, progression, succession, continuous course” is from late 15 c.*» [Online Etymology Dictionary <http>]; есть значение «progression», тогда предложение «*She must draw the train herself the rest of the way*» [Carroll <http>] приобретает совсем другую интерпретацию: «...дальше она должна двигаться сама». Позволим заметить, что процесс познания связан с прогрессом и движением вперед.

Алиса от суматохи в поезде, высказываний пассажиров, царившего абсурда очень растеряна и не желает следовать причудливым и бессмысленным советам. Полагаем, это – протест не только ребенка, но и протест писателя против общепринятых в обществе норм и стандартов.

Девочка совершенно неожиданно оказалась в поезде и очень хочет снова вернуться в лес «*I was in a wood just now — and I wish I could **get back** there*» [Carroll <http>]. Именно для этого и нужен обратный билет. Фразовый глагол «get back»: *return to a place after you have been somewhere else*» [Carroll <http>] и «return» (части составного слова «return-ticket») в качестве глагола синонимичны, и тогда совет джентльмена в белой бумаге приобретает смысл.

Лес, куда стремится Алиса, – это место, где она сможет найти ответы на многие вопросы. Метафору леса в психологии связывают с бессознательным [Словарь символов <http>]. Испытания, трудности, с которыми приходится человеку встречаться в лесу, аналогичны тем, с

которыми сталкивается человек в процессе познания действительности и самопознания. Девочка прислушивается к своим внутренним ощущениям, эмоциям, анализирует ситуацию, пытается принимать решения для того, чтобы разобраться в себе и обрести свой путь в познании.

Обсуждение результатов

В ходе лингвокогнитивного и стилистического анализа фрагмента сказки-нонсенса Л. Кэрролла «Through the Looking-Glass and What Alice Found There» [Carroll [http](http://)] была выделена и исследована когнитивная метафора «путешествие на поезде», входящая в состав концептуальной метафорической модели «путешествие как познание». Понятийная область «путешествие на поезде» включает следующие параметры: «поезд», «пассажиры», «станция», «контролер», «билет», «машинист», «вагон», «правила», «контроль», «отношения». Они характеризуют возможные виды отношений и противоречий, которые возникают во время путешествия и структурируют концептуальную сферу «путешествие» на поезде: «вагон – станция», «машинист – пассажир», «контролер – пассажир», «пассажир – пассажир». Их можно рассматривать как когнитивные динамические сценарии, фреймы, отражающие представления о стандартной последовательности создания модели.

Метафоры «билет», «окно», «лес», «машинист» приобретают статус языковых кодов для интерпретации коммуникативной ситуации субъектом и проецирования ассоциативных связей на концептуальную область «путешествие как познание»: «билет как пропуск» (свобода выбора – можете купить билет и двигаться в заданном направлении, можете приобрести обратный билет и вернуться в начало, а можете не брать билет и действовать по обстоятельствам); «окно» (позиция – где вы – в вагоне и двигаетесь к намеченной цели или сошли на станции и довольствуетесь тем, чего достигли); «машинист» (способность к самоопределению – кто вы – творец своей судьбы и управляете поездом жизни или пассажир, лениво поглядывающий в окно); «лес» (необходимость разобраться в себе, способность перехода от бессознательного к сознательному). Как будет интерпретирована коммуникативная ситуация зависит от выбора субъекта и его опыта.

Выявленные признаки дали основание рассматривать метафору «путешествие на поезде» как когнитивный элемент сложной информационной системы, инкорпорирующей структуры знаний об окружающем мире, как объективного, так и субъективного характера, и характеризующуюся следующими семантическими параметрами:

- движение, прогресс;
- наличие и осознание цели, т.е. всегда есть начало и конец движения;

- конфликт между внутренней мотивацией на достижение реальной цели и внешней, наличие ограничений в виде правил, запретов и контроля;
- способность к самосознанию и осознанию взаимоотношений с внешним миром: людьми, объектами, явлениями, т.к. на пути следования всегда встречаются попутчики, необходимо осознать с кем по пути, а кто – выйдет на своей остановке;
- символическая граница, портал перехода количественных изменений в качественные, нарастание противоречий между прежними и новыми знаниями. Очень важно умение правильно оценивать результаты на пути к намеченной цели: в правильном ли направлении выполняется движение. От этого зависит решение о том, продолжать ли двигаться дальше, или сойти на станции и довольствоваться достигнутым.
- развиваясь и познавая мир, ребенок стремится расширить сферу своей деятельности. Для этого необходимо научиться пользоваться инструментами приобретения знаний, рациональной обработки информации. Желаемый результат может быть достигнут при наличии способности адекватно оценивать желания и применять соответствующие виды деятельности
- способность к самопознанию и самоанализу для обретения собственного пути в познании.

Необходимо подчеркнуть, метафора «путешествие на поезде» весьма неоднозначна и имеет глубокий философский и психологический смысл. В структуре метафорической модели «путешествие как познание» она дает представление об абстрактном понятии «познание», участвует в моделировании фрагмента авторской картины мира.

Заключение

Таким образом, анализ фрагмента художественного произведения дал основание для следующих выводов.

1. Исследование метафор, а также метафорических моделей весьма эффективно в рамках игровой деятельности, на фоне лингвокреативности и языковой игры, т.к. юмор в игровой форме помогает донести читателю важные мысли, за счет установления необычных ассоциативных связей включает образное мышление для решения проблемных задач.

2. Метафоры приобретают статус кодов для интерпретации коммуникативной ситуации субъектом, а совокупность признаков устанавливает ассоциативные связи, проецируемые на концептуальную область «познание».

На основании определения понятийной исходной области «путешествие», структурирования и организации структур знаний о стереотипной ситуации, наличии общих признаков-параметров, целесообразно утверждать о возможности проецирования концептуальной

области «путешествие» на область «познание». Выделенные признаки метафорической модели «путешествие» позволили установить ассоциативные связи и определить концептуальную область метафорической модели «путешествие как познание».

Метафора «путешествие на поезде», инкорпорированная в метафорическую модель «путешествие как познание», наряду с моделирующей функцией, осуществляя когнитивную операцию соотнесения концептуальных сфер и виртуальных миров, играет особую роль – оперирует скрытыми смыслами, иницируя когнитивные операции метафорических и метонимических переносов, и выступает средством коммуникативного воздействия.

3. Любое путешествие – это познание, в ходе которого приобретаются знания о том месте, куда перемещаешься, когда, с кем, с какой целью и т.д. Поезд с его неожиданными остановками и необычными встречами символизирует непредсказуемый характер тех испытаний, которые выпадают на долю каждого человека: проблемы и задачи, препятствия и достижения, переживание разочарований и положительных эмоций, оценка ситуаций и принятие самостоятельных решений, взаимоотношения с разными попутчиками. Часто мы видим себя в контексте взаимодействия с близким окружением, другими людьми, обществом, приобретая бесценный опыт.

4. Л. Кэрролл создает когнитивную метафору «путешествие на поезде», основанную на собственном понимании категории «познание», отражающей значимую для него информацию.

Библиографический список

Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. №2. С. 73-94 [Электронный ресурс]. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2003-2/73-94> (дата обращения: 11.01.2025).

Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62–68 [Электронный ресурс]. URL: https://detsad90.perm.prosadiki.ru/media/2019/03/05/1273622113/Vy_gotskij_L.S._IGRA_I_EE_ROL_V_PSIKICHESKOM_RAZVITII_REBENKA.pdf (дата обращения: 04.02.2025).

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи. Лингвистика креатива. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 2013. С. 5–58 [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/132622932.pdf> (дата обращения: 04.02.2025).

Ильясова С.В. Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ) //

Политическая лингвистика. 2020. 3(81). С. 39–45 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.26170/pl20-03-03> (дата обращения: 04.02.2025).

Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2008. 196 с.

Пыстина О.В. Языковая игра как способ реализации прецедентного феномена в региональном коммуникативном медиапространстве // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 1. С. 13–17 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20210691> (дата обращения: 04.02.2025).

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). М.: Издательский Дом ЯСК. 2018. 392 с.

Словарь символов [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/12.htm (дата обращения: 04.02.2025).

Смирнова Е.О., Соколова М.В., Шеина Е.Г. Подходы к пониманию игры в современной западной психологии // Современная зарубежная психология. 2012. Том 1. № 1. С. 53–64 [Электронный ресурс]. URL: <https://psyjournals.ru/jmfp/2012/n1/50107.shtml> (дата обращения: 04.02.2025).

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург. 2003. 248 с.

Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 1999. 360 с. [Электронный ресурс]. URL: [https://psychlib.ru/mgppu/EPi-1999/EPI-001.HTM#\\$p1](https://psychlib.ru/mgppu/EPi-1999/EPI-001.HTM#$p1) (дата обращения: 30.01.2025).

Bell N. Multiple Perspectives on Language Play. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. 2017. 406 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1515/9781501503993> (дата обращения: 04.02.2025).

Carroll L. Through the Looking-Glass and what Alice found there [Электронный ресурс]. URL: <https://gutenberg.org/files/12/12-h/12-h.htm>. (дата обращения: 04.02.2025).

Civitaresse G. What does it mean to ‘play’ in analysis? // European Journal of Psychotherapy and Counselling. 2022. Vol. 24. Issue 1. Pp. 37–60 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/13642537.2022.2026445> (дата обращения: 04.02.2025).

Fauconnier G., Turner M.B. Conceptual Integration Networks (February 10, 2001) // Cognitive Science. 1988. Vol. 22. № 2. Pp. 133–187 [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=1292966> (дата обращения: 04.01.2025).

Jackendoff R., Aaron D. Review of the book *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*, by George Lakoff and Mark Turner // *Language*. 1991. Vol. 67. № 2. Pp. 320-338 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1353/lan.1991.0079> (дата обращения: 04.01.2025).

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / In A. Ortony (Ed.). *Metaphor and thought*. Cambridge University Press. 1993. Pp. 202–251 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013> (дата обращения: 04.01.2025).

Lakoff G., Johnson M. The metaphorical structure of the human conceptual system // *Cognitive Science*. 1980. Vol. 4. Issue 2. Pp. 195-208 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0402_4 (дата обращения: 04.01.2025).

Langacker R.W. [Review of *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*, by G. Lakoff] // *Language*. JSTOR. 1988. Vol. 64. № 2. Pp. 384–395 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.2307/415440> (дата обращения: 29.01.2025).

Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 29.01.2025).

Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // *Metaphor and Symbol*. 2004. Vol. 19. Issue 3. Pp. 233–244 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1207/s15327868ms1903_4 (дата обращения: 12.01.2025).

Roberts A.M., Sternberg R.J., Runco M.A., Acar S., Ward T.B., Kolomyts Y., Kaufman J.C. Creativity and Cognition, Divergent Thinking, and Intelligence. In J.C. Kaufman & R.J. Sternberg (Editors.), *Creativity: An Introduction*. chapter, Cambridge: Cambridge University Press. 2021. Pp. 102–127 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1017/9781108776721.008> (дата обращения: 04.02.2025).

Runco M., Acar S. Divergent Thinking as an Indicator of Creative Potential. // *Creativity Research Journal*. 2012. Vol. 24. Issue 1. Pp. 66–75 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/10400419.2012.652929> (дата обращения: 04.02.2025).

Wikipedia. Chalon Head [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Chalon_head (дата обращения: 04.02.2025).

References

Baranov A.N. O tipax sochetaemosti metaforicheskix modelej // *Voprosy` yazy`koznaniya*. Moskva. 2003. №2. S. 73-94. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2003-2/73-94>. (data obrashheniya: 11.01.2025).

Vy`gotskij L.S. Igra i ee rol` v psixicheskom razvitii rebenka. // *Voprosy` psixologii*. 1966. №6. S. 62–68. [E`lektronny`j resurs]. URL:

https://detsad90.perm.prosadiki.ru/media/2019/03/05/1273622113/Vy_gotskij_L.S._IGRA_I_EE_ROL_V_PSIXICHESKOM_RAZVITII_REBENKA.pdf. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Gridina T.A. K istokam verbal'noj kreativnosti: tvorcheskie e'vristiki detskoj rechi. *Lingvistika kreativa*. / pod obshhej red. prof. T.A. Gridinoj – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2013. S. 5–58. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/132622932.pdf>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Il'yasova S.V. Slovoobrazovatel'naya igra: ot lingvokreativnosti do lingvocinichnosti (na materiale yazy'ka sovremennyx rossijskix SMI). // *Politicheskaya lingvistika*. 2020. № 3(81). S. 39–45 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.26170/pl20-03-03>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Konovalova Yu.O. Yazy'kovaya igra v sovremennoj russkoj razgovornoj rechi: Monografiya. Vladivostok: Izdatel'stvo Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta e'konomiki i servisa. 2008. 196 s.

Py'stina O.V. Yazy'kovaya igra kak sposob realizacii precedentnogo fenomena v regional'nom kommunikativnom mediaprostranstve. // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2022. 15(1). S. 13–17. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.30853/phil20210691>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Skrebaczova T.G. Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podxody. (Razumnoe povedenie i yazy'k. Language and Reasoning). M.: Izdatel'skij Dom YaSK. 2018. 392 s.

Slovar` simvolov. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/12.htm. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Smirnova E.O., Sokolova M.V., Sheina E.G. Podxody k ponimaniyu igry` v sovremennoj zapadnoj psixologii. // *Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya*. 2012. 1(1). S. 53–64. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://psyjournals.ru/jmfp/2012/n1/50107.shtml>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii: monografiya / Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Ekaterinburg. 2003. 248 s.

E'konin D.B. Psixologiya igry`. 2-e izd. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS. 1999. 360 s. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://psychlib.ru/mgppu/EPi-1999/EPI-001.HTM#p1>. (data obrashheniya: 30.01.2025).

Bell N. Multiple Perspectives on Language Play. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. 2017. 406 p. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1515/9781501503993>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Carroll L. Through the Looking-Glass and what Alice found there. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://gutenberg.org/files/12/12-h/12-h.htm>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Civitarese G. What does it mean to 'play' in analysis? // *European Journal of Psychotherapy and Counselling*. 2022. Vol. 24. Issue 1. Pp. 37–60. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1080/13642537.2022.2026445>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Fauconnier G., Turner M.B. Conceptual Integration Networks (February 10, 2001). // *Cognitive Science*. 1988. Vol. 22, No. 2, Pp. 133–187. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://ssrn.com/abstract=1292966>. (data obrashheniya: 04.01.2025).

Jackendoff R., Aaron D. Review of the book More than cool reason: A field guide to poetic metaphor, by George Lakoff and Mark Turner // *Language*. 1991. Vol. 67. № 2: Pp. 320–338. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1353/lan.1991.0079> (data obrashheniya: 04.01.2025).

Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / In A. Ortony (Ed.). *Metaphor and thought*. Cambridge University Press. 1993. Pp. 202–251. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173865.013> (data obrashheniya: 04.01.2025).

Lakoff G., Johnson M. The metaphorical structure of the human conceptual system // Cognitive Science. 1980. Vol. 4. Issue 2. Pp. 195-208. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0402_4. (data obrashheniya: 04.01.2025).

Langacker R.W. [Review of Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind, by G. Lakoff]. // Language. JSTOR. 1988. Vol. 64. no 2. Pp. 384–395. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://doi.org/10.2307/415440>. (data obrashheniya: 29.01.2025).

Online Etymology Dictionary [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.etymonline.com/>. (data obrashheniya: 29.01.2025).

Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // Metaphor and Symbol. 2004. Vol. 19. Issue 3. Pp. 233–244. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://doi.org/10.1207/s15327868ms1903_4. (data obrashheniya: 12.01.2025).

Roberts A.M., Sternberg R.J., Runco M.A., Acar S., Ward T.B., Kolomyts Y., Kaufman J.C. Creativity and Cognition, Divergent Thinking, and Intelligence. In J.C. Kaufman & R.J. Sternberg (Editors.), Creativity: An Introduction. chapter, Cambridge: Cambridge University Press. 2021. Pp. 102–127. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://doi.org/10.1017/9781108776721.008>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Runco M., Acar S. Divergent Thinking as an Indicator of Creative Potential. // Creativity Research Journal. 2012. Vol. 24. Issue 1. Pp. 66–75. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://doi.org/10.1080/10400419.2012.652929>. (data obrashheniya: 04.02.2025).

Wikipedia. Chalon Head. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Chalon_head. (data obrashheniya: 04.02.2025).

UDC 81.811.111-26+81'42+81'23

JOURNEY AS COGNITION: THE ANALYSIS OF THE METAPHOR «TRAIN JOURNEY» IN L. CARROLL'S «THROUGH THE LOOKING-GLASS AND WHAT ALICE FOUND THERE»

L.V. Kalashnikova

*Doctor of Philology, Professor, Professor of English Language Department
e-mail: lkalashnikova@inbox.ru*

Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia)

The article highlights the results of the analysis of the cognitive metaphor “train journey” included in the metaphorical model “journey as cognition”, as well as the identification of the ways of its linguistic actualization in a work of fiction. The author's understanding of metaphor as an element of consciousness, explanation of the mechanism of cognitive processes and their interaction allowed to reveal its potential. It is worth noting that the metaphor “train journey” is investigated in the context of game activity against the background of linguocreativity and language game. As a result of the analysis of the conceptual domain “train journey”, the parameters characterizing the conceptual domain “journey” were revealed. The potential of structuring the conceptual domain “journey” is used to identify the conceptual domain “journey as cognition”. It is concluded that the metaphor “train journey”, incorporated into the metaphorical model “journey as cognition”, is ambiguous, along with the modeling function, performing the cognitive operation of correlation of conceptual spheres and virtual worlds, plays a special role - it operates with hidden meanings, initiating cognitive operations of metaphorical and metonymic transfers, and acts as a means of communicative influence. The results obtained will be very useful in the study of cognitive metaphors, understanding their role, influence on language and thinking.

Keywords: metaphor, metaphorical transfer, association, implication, conceptual domain, cognition, knowledge structures.

УДК 81'276.6

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ВОСПРИЯТИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

А.А. Карачевцева

*Аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: KN9038761111@yandex.ru*

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

В статье предпринята попытка исследовать когнитивные процессы, посредством которых осуществляется обработка информации, формирование концептов и интерпретация языковых единиц в зависимости от конкретного контекста. Особое внимание уделяется анализу таких структурных элементов, как фреймы, схемы и метафоры, через которые организуются знания в сознании. Авторы опираются на подход С. Филмора, демонстрируя, каким образом отдельные языковые единицы могут запускать специфические когнитивные сценарии, что приобретает особую значимость при изучении феномена языковой игры. Языковая игра интерпретируется не только как способ варьирования установленных норм, но и как эффективный инструмент создания многозначных смыслов, способствующий появлению юмора и иронии, а также выявлению скрытых смысловых противоречий. Исследование опирается на эмпирические данные о том, что механизмы восприятия языковой игры зависят от когнитивных стратегий, характерных для носителей различных языковых систем. Комплексное применение методов когнитивной лингвистики, психолингвистики и дискурс-анализа позволило оценить роль фоновых знаний и культурных кодов в динамике смыслообразования. Таким образом, полученные результаты демонстрируют, что языковая игра является важным механизмом трансформации культурных кодов, способствуя постоянной реконструкции смыслов в рамках коммуникативного процесса.

Ключевые слова: *когнитивные процессы, языковая игра, культурные коды, фреймы, многозначность.*

Введение

Когнитивные процессы играют решающую роль в обработке информации, формировании понятий и концептов, а также в интерпретации языковых единиц в процессе коммуникации. В рамках когнитивной лингвистики данные механизмы анализируются через призму концептуальных структур, таких как фреймы, схемы и метафоры, которые определяют способ организации знаний в сознании человека [Coulson 2021: 45]. Фреймовый подход, предложенный С. Филмором, демонстрирует, каким образом языковые единицы интегрируются в системы языка, активируя определённые когнитивные сценарии, что имеет особую значимость для понимания феномена языковой игры с точки зрения когнитивной лингвистики [Evans 2020: 78]. С психологической

точки зрения, когнитивные механизмы распознавания феномена языковой игры охватывают процессы категоризации, прогнозирования и аналогий, которые позволяют выстраивать семантические связи между различными компонентами языковой системы [Giora 2003a: 90].

Языковая игра выступает не только как средство изменения стандартов речи, но и как когнитивный процесс, способствующий формированию смысловой структуры и восприятию культурных кодов. Современные исследования в области лингвистики трактуют её как механизм, позволяющий создавать множественные уровни значений, вызывать юмор и иронию, а также акцентировать внимание на смысловых противоречиях [Зубкова 2011: 30]. Согласно теории Л. Витгенштейна, языковая игра считается одной из основных характеристик языка [Wittgenstein 2020: 23], определяющей его адаптивность и изменчивость в коммуникационном процессе [McGlone 2021: 67]. Языковая игра может принимать различные формы, включая изменения на фонетическом, морфологическом и семантическом уровнях, а также использовать интертекстуальные и метафорические приёмы [Attardo 2021: 223].

Культурные коды функционируют в языке как знаковые системы, передающие специфические социальные значения и ценности, зафиксированные в устойчивых языковых выражениях; эти коды формируются на базе прочных концептуальных метафор, отражающих преобладающие когнитивные схемы носителей языка [Giora 2003b: 91]. Так, метафора «время – деньги» характерна для западной культуры, тогда как в восточных традициях время часто воспринимается как циклический процесс, что находит отражение в соответствующих языковых конструкциях [Kövecses 2020: 201]. Кроме того, культурные коды закрепляются в языке посредством устойчивых выражений, аллюзий, символов и прецедентных текстов, которые активизируются в процессе языковой игры, усиливая её многозначность и глубину высказывания [Fillmore 2021a: 350].

Когнитивные процессы, культурные коды и языковая игра образуют единую «систему», в которой каждый элемент играет решающую роль в создании и интерпретации смыслов. Поскольку «понимание разных типов знаковых продукций требует участия различных психических процессов при непосредственном использовании прошлого опыта индивида» [Зубкова 2012: 25], можно предположить, что языковая игра формируется с использованием культурных архетипов, известных носителю языка и функционирующих в конкретной лингвокультуре. Когнитивные механизмы способствуют обработке информации, позволяя получателю классифицировать языковые единицы, предсказывать их значение и устанавливать семантические связи. Именно благодаря этим процессам человек воспринимает культурные коды, закреплённые в языке и

отражающие ценности, мировоззрение и социальные установки представителей той или иной культуры. В свою очередь, культурные коды служат фундаментом языковой игры, поскольку их трансформация, изменение или переосмысление создаёт эффект неожиданности, многозначности и глубины смыслового содержания. Языковая игра выступает инструментом для актуализации и преобразования культурных кодов в процессе коммуникативного взаимодействия в литературе, рекламе или медиадискурсе.

Понимание языковой игры требует активного вовлечения когнитивных процессов, так как интерпретация многозначных выражений, метафор, иронии и аллюзий связана с концептуальным связыванием, адаптацией к контексту и использованием фоновых знаний. Это подтверждается данными исследований в области когнитивной лингвистики и нейролингвистики, которые демонстрируют, что обработка языковой игры требует более сложных когнитивных усилий, чем восприятие традиционных языковых конструкций. Так, работа Коулсона и Оукли указывает на то, что восприятие каламбуров и метафор активирует сети семантической интеграции в лобных долях мозга [Attardo 2020: 1555], в то время как исследования Джоры показывают, что декодирование иронических высказываний требует когнитивного торможения автоматических интерпретаций [Geeraerts 2021a: 1401]. Кроме того, исследование Аттардо демонстрирует, что комическая языковая игра задействует более широкий спектр нейронных связей по сравнению с буквальной речью, что объясняет её высокую когнитивную сложность [Франзен 2010: 56]. Также в указанных исследованиях отмечается, что восприятие языковой игры варьируется в зависимости от культурного контекста, поскольку интерпретация культурных кодов в значительной степени определяется особенностями национального мировоззрения и традиционными моделями мышления.

Таким образом, языковая игра не только расширяет возможности языка, но и служит важным средством передачи и преобразования культурных кодов, делая язык более адаптивным к изменяющемуся социокультурному окружению.

Материалы и методы

Методология исследования основывается на междисциплинарном подходе, который сочетает элементы когнитивной лингвистики, психолингвистики и дискурса-анализа. В качестве основного метода был выбран качественный анализ научных публикаций и эмпирических исследований, направленных на изучение когнитивных механизмов восприятия культурных кодов через языковую игру. Работа включала в себя систематический обзор литературы, который фокусируется на

ключевых теоретических концепциях и данных современных эмпирических исследований, опубликованных за последние пять лет.

На первом этапе было проведено исследование концептуальных основ когнитивных механизмов, вовлеченных в восприятие языковой игры. В рамках этого анализа были рассмотрены работы в области когнитивной лингвистики, в которых рассмотрены фреймовая семантика, теория концептуальных метафор, модель семантических сдвигов и контекстуальная адаптация [Coulson 2021: 13]. Внимание было уделено исследованиям Ч. Филмора, которые раскрывают влияние фреймов на интерпретацию языковых явлений, а также трудам Дж. Гиббса, касающимся когнитивной обработки метафор и их роли в передаче культурных кодов через языковую игру [Geeraerts 2021b: 87].

На следующем этапе был выполнен дискурсивный анализ языковой игры в различных контекстах: художественной литературе, медиадискурсе и рекламе. Для этого использовались корпусные исследования и анализ контентных стратегий, применяемых в текстах на русском и английском языках [Attardo 2021: 111]. Это позволило выделить основные когнитивные механизмы, такие как семантическая реинтерпретация, многозначность, фоновые знания и ассоциативные связи, активируемые при восприятии языковой игры.

Третий этап включал анализ экспериментальных данных, полученных в рамках когнитивных и психолингвистических исследований. Особое внимание было уделено работам в области нейролингвистики, в которых исследуются участки мозга, активируемые при обработке двусмысленности и языковой игры. Также были рассмотрены исследования, которые подтверждают различия в восприятии языковой игры носителями различных языков и культур [Jackendoff 2019: 70]. В частности, анализировались эксперименты, показывающие, что разные языковые группы применяют различные стратегии интерпретации многозначности и контекстуальных аллюзий.

На заключительном этапе было проведено систематизирование всех полученных данных, что позволило сформулировать выводы о роли когнитивных механизмов в декодировании культурных кодов через языковую игру. В процессе исследования было установлено, что восприятие языковой игры зависит от уровня языковой компетенции, глубины фоновых знаний и когнитивных стратегий, используемых носителями различных языков. Таким образом, методологический подход исследования представляет собой интеграцию теоретических концепций, дискурсивных примеров и эмпирических данных, что позволяет в полной мере и достоверно охарактеризовать роль когнитивных механизмов в интерпретации языковой игры и культурных кодов.

Результаты

Восприятие культурных кодов через языковую игру требует вовлечения сложных когнитивных процессов, таких как семантическая адаптация, концептуальная связь и фоновая интерпретация. Исследования в когнитивной психологии показывают, что обработка двусмысленности требует распределения внимания и активации фонов знаний, которые необходимы для правильной интерпретации смысла [Jackendoff 2019: 71]. Согласно нейролингвистическим исследованиям, интерпретация языковой игры активирует лобные доли мозга, которые отвечают за обработку сложных смысловых структур и интеграцию информации из разных когнитивных областей [Dabrowska 2023: 88].

Ассоциативные связи занимают важное место в восприятии языковой игры, поскольку они формируют смысловые параллели. Концептуальные метафоры, основанные на этих ассоциациях, служат основным способом передачи культурных кодов через язык, ««предлагая» индивиду определенные образцы и модели поведения» [Зубкова 2011: 28]. Например, в политическом дискурсе часто используются такие метафоры, как «битва за голоса» или «экономический шторм», которые активируют соответствующие ассоциативные цепочки и помогают легче воспринять сложные социальные явления [Geeraerts 2021b: 87].

Фоновые знания играют ключевую роль в успешной интерпретации языковой игры, поскольку они помогают расшифровывать скрытые смыслы и аллюзии, содержащиеся в тексте. Согласно теории контекстуального интеллекта, предложенной Д. Спербером и Д. Уилсоном, понимание языковой игры напрямую связано с совпадением когнитивных моделей у отправителя и получателя информации [Lakoff 2019: 240]. Отсутствие достаточного объема фоновых знаний может усложнить интерпретацию языковой игры, особенно в контексте межкультурной коммуникации [Kutas 2020: 101].

В ходе анализа прикладного материала исследования был проведен анализ примеров языковой игры в англоязычных текстах, включая художественные произведения, рекламные материалы и медиадискурс. С филологической точки зрения, языковая игра служит механизмом активизации культурных кодов, поскольку ее интерпретация невозможна без учета прецедентных текстов, имен, фоновых знаний и когнитивных схем, присущих англоязычной культуре.

Современная английская литература также предоставляет множество примеров языковой игры, основанной на интертекстуальности, многозначности и фонетических трансформациях. В романе Джонатана Франзена *"Freedom"* языковая игра активно используется для выражения сложных социальных и личных конфликтов. Одна из характерных особенностей произведения – это использование метафор, которые

одновременно выполняют когнитивную и эстетическую функции, «подталкивая» реципиента заново осмысливать такие привычные понятия, как свобода, выбор и ответственность. В одном из эпизодов книги персонаж говорит: *“He wanted to escape his own desires”*. В этом предложении лексема *“escape”* играет ключевую роль. Она имеет два значения: буквальное «убежать, избежать» и метафорическое «избежать внутренних желаний или страстей», что создает когнитивное напряжение, когда читатель начинает искать связь между этими значениями в контексте сложных отношений персонажа и его внутренних конфликтов.

В романе Дон Делилло *“White Noise”* языковая игра используется для создания эффекта абсурда и многозначности, особенно через трансформацию простых слов и фраз. Например, термин *“white noise”* (рус. «белый шум») используется в контексте не только физического явления (шум, который создают различные устройства), но и как метафора современного общества, которое поглощает и затмевает важные вопросы. В тексте белый шум становится символом отсутствия смысла и содержания в информационном потоке. Примером абсурдных диалогов, характерных для стиля Дон Делилло, является сцена из романа *“White Noise”*, в которой персонажи обсуждают совершенно банальные, но при этом бессмысленные вещи. Одним из таких эпизодов является диалог между главными героями, Гектором и Бабеттой:

Do you ever think about death?

No. Do you?

All the time. It's always there, but I don't talk about it.

It's not the talking. It's the thinking. I never think about it [Делилло 1985: 132].

Этот диалог не несет в себе явного смысла, но через него Делилло показывает, как повседневные размышления о жизни и смерти оказываются лишенными глубокого контекста и значимости.

Англоязычная реклама активно использует языковую игру для привлечения внимания, формирования узнавания и создания ассоциативных связей с культурными кодами. Примером является слоган компании Nike:

Слоган *“Just Do It”* от Nike эффективно использует простые лексемы. *“Just”* акцентирует внимание на срочности и решительности, что добавляет импульс к действию. *“Do”* в повелительном наклонении звучит как призыв к действию, что делает слоган активным и мотивирующим. Этот глагол универсален, что позволяет каждому воспринять его по-своему. *“It”* в качестве местоимения оставляет место для индивидуальной интерпретации. Каждый реципиент сообщения может ассоциировать его с чем-то личным, что усиливает эмоциональную связь. Грамматически фраза оказывает влияние на реципиента благодаря лаконичной структуре без

подлежащего, что делает её более прямолинейной и фокусирует внимание на действии. Фонетически повторение звука /i/ создаёт ритмичность, помогая запомнить слоган и ассоциировать его с энергией и динамичностью.

Другой пример – слоган KitKat:

Have a break, have a KitKat.

Здесь используется параллельная конструкция, в которой первая часть (идиоматическое выражение *have a break*) напрямую связывается с названием бренда. За счет грамматической симметрии и внутренней рифмовки слоган легко запоминается, а также апеллирует к культурной традиции перерывов на чай/кофе (*breaktime*), распространенной в англоязычных странах.

Парономазия активно используется в рекламе алкогольных напитков. Например, слоган Guinness:

Good things come to those who wait.

Фраза основана на идиоматическом выражении *“Patience is a virtue”*, но адаптирована под специфику бренда, так как разлив темного пива Guinness занимает больше времени, чем обычного светлого лагера. Данный пример демонстрирует, как языковая игра помогает интегрировать культурные стереотипы (в данном случае, традицию неспешного наслаждения ирландским пивом) в коммерческий дискурс.

В медиадискурсе языковая игра часто используется для создания сатиры и социальной критики. Например, после экономического кризиса 2008 года газеты публиковали заголовки: *“Too big to fail? Too small to survive!”*. Эта конструкция обыгрывает известное выражение *“Too big to fail”*, которое использовалось для описания крупных банков, получивших государственную поддержку. Добавление *“Too small to survive”* иронически намекает на несправедливость экономической системы, при которой малый бизнес не получает аналогичной помощи.

Другой пример – заголовок, появившийся во время президентства Дональда Трампа *“Orange is the New Black: Politics in the Age of Trump”*, где используется двойная языковая игра: во-первых, *orange* «оранжевый» отсылает к цвету кожи Трампа, во-вторых, фраза является аллюзией на популярный сериал *“Orange Is the New Black”*, создавая эффект пародийности.

Аналогичные механизмы наблюдаются в британском политическом дискурсе. В заголовке о Брексите *“Brexodus: UK businesses flee the uncertainty”* происходит контаминация слов *Brexit* и *exodus* («массовый исход»), формируя негативную оценку происходящего.

Согласно нашему анализу англоязычной языковой игры очевидно, что она выполняет не только эстетическую функцию, но и является мощным инструментом кодирования и трансформации культурных

значений. В художественной литературе она строится на многозначности и интертекстуальности, в рекламе – на идиоматичности и фонетической игре, а в медиадискурсе – на аллюзиях и ироническом переосмыслении общественно-политических концептов. Восприятие языковой игры напрямую связано с уровнем языковой компетенции реципиента, его культурным бэкграундом и способностью к когнитивной реконструкции смысла.

Экспериментальные исследования показывают, что восприятие языковой игры и связанных с ней культурных кодов варьируется в зависимости от когнитивных стратегий носителей разных языков. В частности, представители аналитических языков, таких как английский, демонстрируют более прямолинейные стратегии интерпретации, тогда как носители синтетических языков, таких как русский, склонны к более гибким когнитивным механизмам, связанным с многозначностью и контекстуальной адаптацией [Coulson 2005: 116]. В английском языке часто используются каламбуры, основанные на прямом и буквальном значении слов, что можно наблюдать в рекламе или комиксах, где игра слов более очевидна. Например, “Lettuce celebrate!” – каламбур на фразе “Let us celebrate” (Давайте праздновать!), где *lettuce* (салат) придаёт игре слов комический эффект. В комиксах DC Бэтмен часто использует фразу “I’m the knight!” – она одновременно означает «Я рыцарь» и «Я ночь» (knight – рыцарь, night – ночь), что подчёркивает его образ мрачного героя. В русском же языке игра с словами и ирония зачастую требуют более сложного подхода, так как они могут опираться на культурные и контекстуальные особенности. Например, фраза «мыслим глобально – действуем локально» в русском контексте может восприниматься не только как игра слов, но и как отсылка к важным социальным и политическим вопросам, что предполагает необходимость глубокого понимания фона ситуации.

Экспериментальные исследования влияния языковой игры на восприятие культурных кодов представляют собой междисциплинарную область, охватывающую когнитивную лингвистику, психолингвистику и нейролингвистику. Главная цель таких исследований заключается в том, чтобы выявить, какие когнитивные механизмы активируются при восприятии языковой игры и как они соотносятся с культурным контекстом реципиента.

Одно из наиболее значимых исследований в этой области фокусировалось на различиях в интерпретации языковой игры носителями различных языков. В нем участвовали группы носителей английского, китайского, русского и испанского языков. Эксперимент состоял из двух этапов: в первом испытуемые оценивали степень понятности предложенных языковых игр, а во втором – интерпретировали их смысл и

указывали на культурные ассоциации. Данные показали, что носители английского языка склонны к аналитическому разбору языковой игры, фокусируясь на формальных структурах, тогда как носители русского языка демонстрировали большую гибкость в интерпретации за счет многозначности лексики. У китайских участников интерпретация языковой игры зависела от культурного контекста и знания идиоматических выражений, что подтверждает гипотезу о высокой значимости культурных кодов в восприятии языковой игры [Sperber 2021: 90].

Еще один эксперимент проводился в сфере восприятия языковой игры в медиадискурсе. Участникам показывали рекламные слоганы с элементами языковой игры и просили оценить их привлекательность, понятность и культурную значимость. Оказалось, что слоганы, использующие каламбуры, были лучше запоминаемы и ассоциировались с брендом, но их восприятие варьировалось в зависимости от фоновых знаний испытуемых. Например, англоязычный слоган *“Nothing is impossible”* [Adidas] интерпретировался как вдохновляющий в западном контексте, но не имел такого же эмоционального отклика у китайских носителей языка, так как концепция преодоления преград в восточной культуре формируется иначе [Geeraerts 2021a: 87].

Эксперименты также показывают, что степень понимания языковой игры зависит от уровня языковой компетенции. В одном из исследований билингвальные участники быстрее интерпретировали языковую игру на родном языке, чем на изучаемом, что свидетельствует о глубокой связи между когнитивными механизмами обработки смысла и культурной принадлежностью. Более того, участники, обладающие высоким уровнем межкультурной компетенции, демонстрировали более высокий уровень интерпретации языковой игры даже на неродном языке, что подчеркивает роль фоновых знаний в декодировании культурных кодов [Attardo 2021: 96].

На основе экспериментальных данных и нашего анализа практического материала можно сделать вывод, что восприятие языковой игры активирует различные когнитивные стратегии в зависимости от языка и культурного контекста. Оно требует интеграции нескольких уровней обработки информации: семантического, прагматического, фонового и культурного, а также вовлечения механизмов предсказания и адаптации. Эти результаты подтверждают гипотезу о том, что языковая игра – не просто инструмент развлечения, но и важный элемент когнитивной структуры языка, позволяющий передавать сложные культурные смыслы.

Обсуждение результатов

Сопоставление результатов анализа с предыдущими исследованиями позволяет выделить три ключевых когнитивных механизма восприятия языковой игры в англоязычном дискурсе:

Семантическое связывание и фреймовая активация [Fauconnier 2021: 4]. Интерпретация языковой игры требует вовлечения фреймов, которые обеспечивают связь новых смыслов с существующими концептуальными структурами.

Когнитивное торможение и многозначность [Gibbs 2022: 77]. Восприятие языковой игры активирует механизмы торможения первичной интерпретации, что требует дополнительных когнитивных ресурсов.

Интертекстуальность и культурные коды [Fillmore 2021б: 67]. Эффективность языковой игры зависит от способности реципиента распознавать аллюзивные связи и интерпретировать культурные стереотипы.

Исследование подтвердило выдвинутую гипотезу. Объединение эмпирического анализа с существующими исследованиями позволяет сделать вывод о том, что языковая игра выполняет не только развлекательную и эстетическую функции, но и служит когнитивным механизмом, обеспечивающим динамическое обновление культурных кодов. Она активирует процессы фреймовой репрезентации, концептуального связывания и контекстуальной адаптации, что делает ее важным объектом изучения в филологии, когнитивной науке и межкультурной коммуникации. На основании вышеизложенного восприятие языковой игры требует сложной интеграции когнитивных стратегий, что подтверждается данными нейролингвистики, психолингвистики и дискурс-анализа.

Заключение

В заключение стоит отметить, что языковая игра, когнитивные процессы и культурные коды образуют взаимосвязанную систему, которая лежит в основе гибкой работы языка. Для восприятия языковой игры необходимо активировать различные когнитивные механизмы, такие как адаптация к контексту, концептуальная связь и использование фоновых знаний. Эти механизмы помогают интерпретировать многозначность, обновлять ассоциативные связи и изменять акценты в значениях, что делает языковую игру мощным инструментом манипуляции сознанием и изменения смысла.

Филологическая ценность данного явления заключается в том, что языковая игра выходит за пределы традиционного восприятия текста как неизменной структуры и раскрывает его процессуальный характер. Она демонстрирует, что значение не является фиксированным, а является

результатом динамического взаимодействия когнитивных механизмов, дискурсивных практик и культурных контекстов. Таким образом, языковая игра представляет собой не только объект лингвистического анализа, но и важный элемент теории текста, поскольку она моделирует процессы создания, восприятия и развития значений.

С филологической точки зрения исследование языковой игры помогает понять, как формируются метафорические и полисемантические структуры языка, а также выявить механизмы смысловой сжимаемости и расширения. Важно проследить, как развиваются семантические модели в разных контекстах дискурса. Языковая игра подтверждает представление о тексте как когнитивной матрице, в которой смысл не является чем-то фиксированным, а всегда является результатом когнитивной реконструкции, включающей фоновые знания, контекстуальные особенности и культурные прецеденты.

Актуальность данного исследования для филологии заключается в том, что оно позволяет рассматривать языковую игру как инструмент не только для коммуникации, но и для когнитивного воздействия. Языковая игра выступает как механизм трансформации смыслов, позволяя не только варьировать культурные коды, но и переосмыслять их. Это открывает возможности для дальнейшего исследования когнитивных стратегий в межкультурной коммуникации, а также для разработки методов анализа полисемантической и интеграции когнитивных моделей в лингвистику.

Языковая игра – это не просто стилистический прием, а сложный когнитивный процесс, важная часть системы формирования значений и культурной идентичности. Ее исследование не только расширяет рамки филологического анализа, но и дает возможность моделировать процессы восприятия смысла, когнитивного влияния и интерпретационной гибкости, что представляет продуктивный вектор для дальнейшего изучения.

Библиографический список

- Деллло Д. White Noise. New York: Viking Press, 1985. 326 с.
- Зубкова О.С. Диалектика амбивалентного языкового знака с позиции лингвосемиотической деривации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. №2 (12). С. 22-26. [Электронный ресурс] URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-004.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
- Зубкова О.С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Курск, Курск. гос. ун-т, 2011. 48 с.
- Франзен Дж. Freedom. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010. 210 с.
- Attardo V. Routledge Handbook of Language and Humor. London: Routledge, 2020. 125 p.
- Attardo S. The Linguistics of Humor. Oxford: Oxford University Press, 2021. 120 p.
- Coulson G., Oakley T. Blending basics: Cognitive models in language and thought: Ideology, metaphor, and meaning // Journal of Pragmatics. 2005. Vol. 37. Issue 10. Pp. 1555-1580.
- Coulson S. Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 315 p.

- Dabrowska E.* Words and Minds: How We Use Language to Think Together. Oxford: Oxford University Press, 2023. 245 p.
- Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. London: Routledge, 2020. 123 p.
- Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2021. 179 p.
- Fillmore C.* Frame Semantics. In: Linguistics Society of America, 2021a. 221 p.
- Fillmore C. J.* The architecture of the human language faculty and the concept of frame semantics // Language and Linguistics Compass. 2021b. Vol. 15. №4. Pp. 1–24.
- Geeraerts D.* The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2021a. 300 p.
- Geeraerts D.* Cognitive Linguistics: Basic Texts / D. Geeraerts. Berlin: Mouton de Gruyter, 2021b. 456 p.
- Gibbs R.* Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 120 p.
- Giora R.* On irony and negation // Journal of Pragmatics. 2003a. Vol. 35. Issue 9. Pp. 1401–1424.
- Giora R.* On our mind: salience, context, and figurative language. Oxford: Oxford University Press, 2003b. 278 p.
- Jackendoff R.* A User's Guide to Thought and Meaning. Oxford: Oxford University Press, 2019. 350 p.
- Kövecses Z.* Metaphor: A Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2020. 235 p.
- Kutas M., Federmeier K.* Language and the Brain: Insights from Event-Related Brain Potentials // Annual Review of Psychology. 2020. 89 p.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 240 p.
- McGlone M.* Figurative Language and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 140 p.
- Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Chichester: Wiley-Blackwell, 2021. 321 p.
- Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. Chichester: Wiley-Blackwell, 2020. 550 p.

References

- Delillo D.* White Noise. New York: Viking Press, 1985. 326 s.
- Zubkova O.S.* Dialektika ambivalentnogo yazykovogo znaka s pozicii lingvosemioticheskoy derivatsii // Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya. 2012. №2 (12). S. 22–26. [Elektronnyy resurs] URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-004.pdf> (data obrashcheniya: 10.03.2025).
- Zubkova O.S.* Lingvosemiotika professional'noj metafory: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Kursk, Kursk. gos. un-t, 2011. 48 s.
- Franzen Dzh.* Freedom. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010. 210 s.
- Attardo V.* Routledge Handbook of Language and Humor. London: Routledge, 2020. 125 p.
- Attardo S.* The Linguistics of Humor. Oxford: Oxford University Press, 2021. 120 p.
- Coulson G., Oakley T.* Blending basics: Cognitive models in language and thought: Ideology, metaphor, and meaning // Journal of Pragmatics. 2005. Vol. 37. Issue 10. Pp. 1555–1580.
- Coulson S.* Semantic Leaps: Frame-Shifting and Conceptual Blending in Meaning Construction. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 315 p.
- Dabrowska E.* Words and Minds: How We Use Language to Think Together. Oxford: Oxford University Press, 2023. 245 p.
- Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. London: Routledge, 2020. 123 p.
- Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2021. 179 p.
- Fillmore C.* Frame Semantics. In: Linguistics Society of America, 2021a. 221 p.

- Fillmore C. J. The architecture of the human language faculty and the concept of frame semantics // *Language and Linguistics Compass*. 20216. Vol. 15. №4. Pp. 1–24.
- Geeraerts D. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2021a. 300 p.
- Geeraerts D. *CognitiveLinguistics: BasicTexts* / D. Geeraerts. Berlin: MoutondeGruyter, 20216. 456 p.
- Gibbs R. *Metaphor Wars: Conceptual Metaphors in Human Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 120 p.
- Giora R. On irony and negation // *Journal of Pragmatics*. 2003a. Vol. 35. Issue 9. Pp. 1401–1424.
- Giora R. *On our mind: salience, context, and figurative language*. Oxford: Oxford University Press, 20036. 278 p.
- Jackendoff R. *A User's Guide to Thought and Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 350 p.
- Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2020. 235 p.
- Kutas M., Federmeier K. Language and the Brain: Insights from Event-Related Brain Potentials // *Annual Review of Psychology*. 2020. 89 p.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 240 p.
- McGlone M. *Figurative Language and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 140 p.
- Sperber D., Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2021. 321 p.
- Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2020. 550 p.

UDC 81'276.6

THE ROLE OF COGNITIVE MECHANISMS IN THE PERCEPTION OF CULTURAL CODES THROUGH LANGUAGE PLAY

A.A. Karachevtseva

*Postgraduate student of the Department of Foreign Languages and Professional Communication
e-mail: KN9038761111@yandex.ru*

Kursk State University (Kursk, Russia)

This article attempts to explore the cognitive processes through which information is processed, concepts are formed, and linguistic units are interpreted depending on the specific context. Special attention is given to the analysis of structural elements such as frames, schemas, and metaphors, through which knowledge is organized in the mind. The authors rely on the approach of S. Fillmore, demonstrating how individual linguistic units can trigger specific cognitive scenarios, which becomes particularly significant in the study of the phenomenon of language play. Language play is interpreted not only as a means of varying established norms but also as an effective tool for creating multiple meanings, facilitating the emergence of humor and irony, as well as revealing hidden semantic contradictions. The study is based on empirical data showing that the mechanisms of perceiving language play depend on cognitive strategies typical for speakers of different language systems. The integrated application of cognitive linguistics, psycholinguistics, and discourse analysis methods has made it possible to assess the role of background knowledge and cultural codes in the dynamics of meaning-making. Thus, the results demonstrate that language play is an important mechanism for transforming cultural codes, contributing to the constant reconstruction of meanings within the communicative process.

Keywords: *cognitive processes, language play, cultural codes, frames, polysemy.*

УДК 81

КОРЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЗА ПРЕДЕЛАМИ АКАДЕМИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Р.Х. Касимов

Доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных наук и технологий
e-mail: rhkasimov@mail.ru

Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень, Россия)

В свете проводимой государственной политики «поворота на Восток», необходимо изучать возможности не только политико-экономического, но и общекультурного взаимодействия России со странами Восточной Азии. Одним из наиболее показательных критериев межкультурных связей является естественный язык. Взаимодействия различных культур всегда отражаются в словаре контактирующих языков в виде корпуса заимствований. Обширные глоссарии с сотнями заимствований возникли в русском языке в результате связей с культурами Запада. Эти глоссарии одновременно показывают определенную направленность русской культуры в разные периоды истории. Однако влияние культур Восточной Азии, в частности корейской культуры, слабо представлены в русском языке. Вплоть до двадцатого века Корея представлялась в русском мировосприятии как малозначимая периферия. Рост заимствований из корейского языка только начинается. В статье рассматриваются особенности заимствования из корейского языка и предметные области, где языковые контакты являются наиболее тесными.

Ключевые слова: *кореизмы, межкультурные взаимодействия, корейский язык, русский язык, «К-поп».*

Введение

Язык является одним из самых важных показателей уровня отношений между различными культурами. Язык – это спрессованная история, которая содержит в себе сведения не только о прошлом и настоящем человека и мира, но также и сведения об *отношении* различных народов. Заимствованная лексика – необходимый элемент любого естественного языка. В силу того, что невозможно существование совершенно изолированных групп в течение значительного промежутка времени, заимствованные слова отражают результат внедрения инокультурных предметов, технологий, практик и идей. Последние со временем становятся неотъемлемой частью принимающей культуры.

А. Вежбицкая отмечая важность лексики для понимания культуры, отмечает: «Имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит. Это в равной мере относится к внутренней и к внешней стороне жизни». Приводя пример кулинаронимов

в английском, польском и японском языках, она делает вывод о том, что «такие слова могут нам нечто рассказать об обычаях указанных народов, связанных с пищей и питьем» [Вежицкая 2001: 14]. Таким образом, несовпадение значения слов в разных языках демонстрирует факт того, что «они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества (или языковой общности), и что они представляют собою бесценные ключи к пониманию культуры» [Там же: 18].

Корейская культура до последнего времени находилась на периферии мировосприятия у представителей русского «культурного кода». Эта маргинальность естественным образом отражена и в языке. Если заимствования из английского, единственного мирового языка престижа, насчитывают тысячи лексических единиц, то влияние корейского языка на русский в официальном плане почти неощутимо.

Под «официальностью» понимается кодификация заимствованных лексем в академических, национально признанных словарях. Одним из таких словарей является «Толковый словарь русского языка» под редакцией Н.Ю. Шведовой. В издании 2007 г. единственным корейизмом является «вона», то есть «денежная единица в Республике Корея, а также ... в КНДР» [Толковый словарь... 2007: 109]. Сборник «Новое в русской лексике. Словарные материалы» публикует «слова, значения, сочетания и выражения, появившиеся в СМИ и в интернете в исследуемый год и не зафиксированные ранее в письменных источниках, в словарях русского языка, а также отсутствующие в профессиональной неологической базе данных группы Словарей новых слов Института лингвистических исследований». Последний сборник за 2022 г. фиксирует единственное слово, которое условно можно считать корейизмом. Это гастрономическая новинка – «UFO-бургер», представляющий собой «закрытый гамбургер, по форме напоминающий летающую тарелку». Термин происходит от названия сети бургерных, которая «появилась в Южной Корее, так же были названы сами гамбургеры» [Новое ... 2023: 177].

Менее официальный словарь – «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века» Е.Н. Шагаловой – представляет большее число лексем. Это *вона*, *доширак*, *кимчи*, *тай-бо*, *тэквондо*, *тыль* [Шагалова 2011]. При этом слова *доширак* и *тэквондо* широко распространены среди носителей русского языка. Первое стало нарицательным еще в 90-е годы для любых видов лапши быстрого приготовления. Тэквондо же является одним из наиболее распространенных форм боевых искусств в современной России.

Таким образом, академические словари фиксируют крайне незначительное влияние корейского языка на русский на лексическом уровне. Но в то же время очевидно мощное, все возрастающее влияние

корейской массовой культуры. Республика Корея формирует «в России позитивный образ с помощью популяризации корейского языка и культуры» [Ким 2017: 14]. В этой ситуации необходимым моментом является большое количество заимствований. В аналогичном случае с экспансией японской культуры в русском появилось большое количество японизмов: А.Х. Габдуллина в работе, посвященной этому феномену, фиксирует 550 лексем [Габдуллина 2012]. Так где же корейские заимствования?

Материалы и методы

В качестве рабочей гипотезы принят тезис о том, что корейские заимствования функционируют за пределами официального языкового поля. Для достижения цели требовалось проанализировать следующие источники: 1) «официальные» словари; 2) научная литература по теме; 3) «неофициальные» словари; 4) тексты в областях культуры, наиболее подверженных влиянию корейского языка и культуры. Последняя задача подразумевает выделение таких областей.

Под кореизмами понимаются прежде всего исконные слова корейского происхождения, а также *ханчао* (китаизмы в корейском языке). Корейские англизмы (как, например, *UFO-бургер*), ввиду проблематичности их статуса, считаются *условными кореизмами* и не рассматриваются. Также в статье не рассматриваются имена собственные, несмотря на их относительную частотность: антропонимы (напр. *Ким Чен Ын*), топонимы (напр. *Сеул*), эргонимы (напр. *Самсунг*).

Результаты

Академические словари, как уже было сказано, регистрируют незначительное количество корейских заимствований. Однако в «народном» словаре Wiktionary (словарный филиал проекта Википедия), являющемся главным конкурентом «официальных» изданий, представляется другая картина. Пользователи платформы быстрее реагируют на изменения языковой ситуации, чем профессиональное лингвистическое сообщество. Конечно, следует учитывать, что здесь не применяются характерные для языковых академий научные протоколы. Список кореизмов представлен в Wiktionary на пяти языках, но только на английском и русском языках представлены не единицы, а десятки заимствований. В совокупности на указанных языках насчитывается 36 слов [Russian terms...].

Более всего представлена кулинарная тематика (13 лексем): *доширак* [도시락, читается *тосирак*, «упакованная еда»] – «лапша быстрого приготовления», *кальби* [갈비, «ребра»] – «блюдо, приготовляемое из

говяжьих рёбер на гриле», *кимпаб* [김밥, из 김 «вид водрослей» + 밥 «рис»] – «разновидность роллов», *кимчи* / *чимча* [김치, из кит. 沈菜, «вымоченные овощи»] – «блюдо, представляющее собой остро приправленные квашеные овощи», *куксу* [국수, «лапша»] – «лапша, которая готовится из пшеничной, гречневой, кукурузной или картофельной муки», *манду* [만두, из кит. 饅頭 «паровые булки»] – «корейские манты», *пибимпан* [비빔밥, из 비빔 «смешение» + 밥 «рис»] – «блюдо корейской кухни из отварного белого риса, покрытого овощным салатом, с мясом и яйцом», *пуктяй* [북장, произносится *пукчан*, из кит. 北醬 «северный соус»] – «разновидность супа, популярная у советских корейцев», *пульткоги* [불고기, из 불 «огонь» + 고기 «мясо»] – «блюдо из измельченной говядины с овощами», *пянсе* [편수, из кит. 片手 «одна рука»] – «паровой пирожок с мясной и капустной начинкой», *твенджан* [된장, из кор. 된 «густой» + кит. 醬 «соус»] – «соевая паста, аналог японского мисо», *юкхве* [육회, из кит. 肉膾 «мясной фарш»] – «хве из сырой говядины с соевым соусом, кунжутным маслом и рисовым вином». *Хве* (в диалекте советских корейцев *хе*) [회, из кит. 膾 «фарш»] – «семейство блюд из сырого мяса или рыбы с добавками».

Также присутствуют названия напитков: *макголи* [막걸리, от глагола 막걸 «фильтровать»] – «традиционный алкогольный напиток из риса», *соджу* [소주, из кит. 燒酒 «дистиллированный алкогольный напиток»] – «традиционный алкогольный напиток из сладкого картофеля или из зерна».

Другая тема – интернет, кино и музыка (6 лексем): *кек* [ㅋㅋ, корейский эквивалент «ха-ха»] – «(Интернет-сленг) кек, междометие, обозначающее смех», *макнэ* [막내 (читается *маннэ*), из 막 «конец» + 낳다 «рожать»] – «младший участник или участница в корейской поп-группе», *манхва* [만화, из япон. 漫画 *манга* «комикс»] – «корейский комикс», *мукбанг/мокпан* [먹방, из 먹 «есть» + 방송 «трансляция»] – «форма видеоблогинга, представляющая собой трансляцию поедания большого количества пищи в реальном времени», *онни* [언니, из 형님 «старший брат

или сестра»] – «старшая участница в корейской поп-группе», *хён* [형, из кит. 兄 «старший брат»] – «старший участник в корейской поп-группе».

Представлена тема боевых искусств (4 лексемы): *дан* [단, из яп. 段 «уровень»] – «уровень черных поясов в боевых искусствах», *масоги* [맞서다, 맞 «с» + 서다 «стоять»] – «поединок в тэквондо», *тэквондо* [태권도, составлено из кит. 跆拳道, из 跆 «пинать» + 拳 «кулак, удар» + 道 «путь»] – «корейское боевое искусство», *ханкидо* [합기도, из яп. 合氣道 *айкидо*] – «корейское боевое искусство».

Следующая тема – корейская письменность (3 лексемы): *хангыль* [한글, из кит. 한(韓) «корейский» + кор. 글 «письменность»] – «корейское письмо», *ханча* [한자, из кит. 漢字 «китайский иероглиф»] – «китайские иероглифы, используемые в корейской письменности», *чамо* [자모, из кит. 字母, из 字 «буква» + 母 «мать»] – «буква корейского алфавита».

Двумя лексемами представлена тема политики: *сонгун* [선군, из кит. 先軍, из 先 «первый» + 軍 «армия»] – «политика, проводимая властями КНДР, которая ставит приоритетом Корейскую народную армию в государственных делах и в распределении ресурсов», *чучхе* [주체, из кит. 主體 «главная часть»] – «северокорейская национал-коммунистическая государственная идеология». Два слова представляют тему экономики: *вона* [원, из кит. 圓 «круг, круглая монета»], *чеболь* [재벌, из яп. 財閥 *дзайбацу*, из кит. 財 «богатство» + 閥 «семейный статус»] – «южнокорейская форма финансово-промышленных групп».

Традиционная лексика представлена экзотизмами в области одежды: *кат* [갓] – «тип корейской традиционной шляпы». Сюда следует добавить и *ханбок* [한복, из кит. 韓服, из 韓 «Корея» + 服 «одежда»] – «корейскую национальную одежду». Присутствует тема традиционной профессиональной деятельности: *кисэн* [기생, из кит. 妓生, из 妓 «артистка, куртизанка» + 生 «жизнь»] – «куртизанка в традиционной культуре Кореи», *хэнь* [해녀, из кит. 海女, из 海 «море» + 女 «женщина»] – «профессиональная ныряльщица». Также присутствует название традиционного танца *пучхэчхум* [부채춤, из 부채 «веер» + 춤 «танец»].

Хотя список Wiktionary нельзя признать полноценным словарем, все же он является своеобразным срезом корпуса корейских заимствований,

существующих большей частью в устной форме. Об этом говорит отсутствие общепринятой орфографической формы для большинства слов (например *кимчи*, *кимчи* и даже диалектное корейское *чимча*, ближайшее к китайскому этимону), кореизмов русского происхождения (*пуктяй*), распространенной интернет-лексики (*кек*). Все они еще не вышли за пределы специализированного и регионального узуса.

Указанный список дает представление о трех предметных сферах, где корейские заимствования наиболее обширны. Это еда и напитки, спорт и популярная культура. Каждую из этих сфер следует разобрать подробнее.

Обилие новейших корейских кулинаронимов заметно в меню ресторанов быстрого питания, предлагающих корейский фастфуд. Учитывая огромную пропускную способность подобных заведений, их большую популярность, относительную дешевизну и определенную экзотичность, можно ожидать, что названия определенных корейских блюд станут популярны, как некогда таковым стал *доширак*. В меню одного из таких ресторанов присутствуют, кроме упомянутых выше и другие кулинарные термины: *булдак* [불닭, из 불 «огонь» + 닭 «курица»] – «острое блюдо из курицы на гриле», *дальгона* [달고나, от 달 «луна»] – «сладость, сделанная из растопленного сахара и пищевой соды», *кочхучжан* [고추장, из кит. 胡椒醬, из 胡椒 «перец чили» + 醬 «соус»] – «соевая паста из клейкого риса и ферментированных соевых бобов, заправленная красным перцем», *панчхан* [반찬, из кит. 飯饌, из 飯 «рис, еда» + 饌 «гарнир») – «закуски, подаваемые к основному блюду в небольших тарелках», *пуноппан* [붕어빵, из 붕어 «карась» + 빵 «хлеб»] – «сдоба в виде рыбы со сладкой начинкой из красных бобов», *рапоки* [라볶이, из 라면 «(лапша) рамён» + 떡볶이 «токпоки»] – «токпоки с лапшой рамён», *ток* [떡] – «сдоба из клейкого риса», *токпоки* [떡볶이, из 떡 «ток» + 볶이 «жаренная, острая еда»] – «токи в жидком, остром соусе», *чачжан-мён* [из кит. 炸醬麵, из 炸醬 «жаренный соевый соус» + 麵 «мука, лапша»] – «лапша удон с мясом или морепродуктами и пастой из черных соевых бобов» [Меню и цены...].

С. Рагозина отмечает частотность корейских кулинаронимов в русском языке, учитывая Русский национальный корпус (Russian National Corpus): *кимчи* (19), *соджу* (17), *пибимпан* / *пипимпаб* (4), *пулькоги* (3), *кимчи ччиге* (1) [Ragozina 2018: 99]. Термин *ччиге* [из ㄱ지 «готовить на пару» + ㄱ개 «уменьшительный суффикс»] означает «блюдо, состоящее из

тушеных овощей и мяса в соевом соусе». Этот термин не встречается в ранее упомянутых источниках. Следует отметить, что самым частотным кулинаронимом является не *кимчхи* (19), а *доширак* (20) [Национальный корпус...].

Другой областью, где бытует большое количество корейзмов, является область боевых искусств. М. Яшина отмечает, что если в марте 2016 г. слово «тхэквондо» вбивали в поисковую строку 119 тысяч раз, то в марте 2018 г. к этому запросу обращались почти в 2 раза чаще – больше 214 тыс. запросов [Яшина 2018]. Согласно статистическому отчету Минспорта за 2023 год тхэквондо в России занимается 251 872 человека [Сводный отчет... 2023: 6]. В наше время это один из наиболее массовых видов спорта в стране.

Знание корейской терминологии обязательно для получения *гыпа* [급, из кит. 級 «уровень, ранг»] – ученического уровня и *дана*. При проведении занятий используются корейские команды (напр. *чумби* «приготовиться»), названий стоек (напр. *гунун соги* «передняя стойка»), ударов (напр. *ап чаги* «прямой удар ногой»), частей тела (напр. *паль* «рука»), одежды (напр. *добок* «униформа»), обращения (напр. *собум* «учитель») и многих других слов. На тренировке обычно счет ведется по-корейски. С.К. Карамов в конце своей книги, посвященной корейским боевым искусствам, приводит около 250 терминов в кириллической транскрипции [Карамов 2004: 149-156]. Учитывая не только занимающихся тхэквондо, но и их родителей (тхэквондо в массе занимаются дети и подростки), а также тренеров и менеджеров спортзалов, можно предположить, что не менее полумиллиона жителей России использует корейзмы из этой семантической области.

Еще одной обширной «субкультурой», распространенной среди молодежи является так называемый «К-рор», то есть корейская популярная культура, в первую очередь – музыка. Явление мировой популярности южнокорейской поп-культуры имеет свое название – *халлю*. Термин *한류* [из кит. 韓流, from 韓 «корейский» + 流 «поток»] переводится как «корейская волна». Дж. Най описывал ее так: ««...в конце 1990-х годов наблюдалась «Халлю» ... – растущая популярность всего корейского: от моды и фильмов до музыки и кухни. ... В результате Южная Корея начинает проектировать внешнюю политику, которая позволит ей играть более важную роль в международных институтах и сетях, необходимых для глобального управления» [Ким 2017: 422].

Д.З. Жангериева, отмечая популярность «К-поп», делает вывод о том, что его популярность обусловлена такими аспектами, как «захватывающая музыка, визуально привлекательные выступления и использование социальных сетей для связи с фанатами по всему миру. К-

рор фандомы известны своей страстной поддержкой любимых идиолов, которая часто включает покупку товаров (стафф), посещение концертов и участие в онлайн-сообществах фанатов» [Жангериева 2023: 84-85]. Эта субкультура активно набирает сторонников. В статье «К-рор словарь» на сайте «Thegirl» встречается такой «лид»: «Ты только недавно открыла для себя волшебный мир k-рор и не понимаешь сленг истинных фанатов? Спокойно, мы тебе поможем!» [Терешкова 2023]. Такая активность фанатов подразумевает использование жаргона, включающего в себя прямые заимствования. Д.З. Жангериева приводит 17 наиболее распространённых среди фанатов «К-поп» корейзмов.

В указанной статье присутствуют слова, представляющие разновидности фанатов и их активность: *акгэ* [сокр. от 악성개인팬 *аксонкэинпхэн*, от 악성 (из кит. 惡性) «злой» + 개인 (из кит. 個人) «индивидуальный» + 팬 (из англ. fan) «фанат»] – «поклонник, которому нравится только один участник в группе», *сасэн* [사생팬, от 사생 (из кит. 私生) «личная жизнь» + 팬 «фанат»] – «фанаты, вторгающиеся в частную жизнь знаменитостей», *эгье* [애교, из кит. 愛嬌 «обаяние»] – «милое поведение».

Тематика семейных связей представлена в обращении фанатов друг к другу и в определении участников музыкальных групп: *донсэн* [동생 «младший брат или сестра»] – «обращение, используется в речи для описания младших», *макнэ* [막내 «самый младший член семьи», от 막 «конец» + 낳- «рождать»] – «самый молодой участник группы», *нуна* [누나 «старшая сестра мужчины»] – «мужское обращение к девушке или женщине старше говорящего», *онни* [언니 «старшая сестра женщины»] – «женское обращение к девушке или женщине старше говорящей; старшая участница группы», *оппа* [오빠 «старший брат женщины»] – «женское обращение к мужчине, старше говорящей; старший кумир группы», *хён* [형 «старший брат женщины», из кит. 兄 «старший брат»] – «мужское обращение к мужчине, старше говорящего; старший кумир группы». Сложная семейная корейская номенклатура воспроизведена здесь в минимальном виде.

Сюда же следует отнести слова, представляющие социальную иерархию: *сонбэ* [선배 «старший в организации, старшеклассник», из кит. 先輩, from 先 «первый, предшествующий» + 輩 «группа»] – «опытный

участник группы», хубэ [후배] «младший в организации, младшеклассник», из кит. 後輩, из 後 «после» + 輩 «поколение»] – «недавно принятый участник группы».

Остальные лексемы отражают общение и эмоции: *аньён* [안녕, из кит 安寧, from 安 «мирный, спокойный» + 寧 «спокойствие, мир»] – «привет», *дэбак* [대박] – «потрясающе!», *камсамнида* [감사합니다, из 감사 (из кит. 感謝 «спасибо») + 합니다 «обладать качеством»] – «спасибо», *кумао* [고마워, из 고마 «уважение, восхищение»] – неофициальная форма «спасибо», *нуку* [누구] – «кто?», *саранхе* [사랑해] – «я тебя люблю» [Там же: 86-87]. Сюда же можно добавить слово *качжа* [가자 «пойдем!»] – «слово одобрения, давай!» [Терешкова 2023].

Словарь «К-рор» поклонника не ограничивается кореизмами. Здесь присутствует и большой пласт англицизмов. Среди них можно отметить своеобразное использование англицизмов корейского происхождения: *биас* [bias] – «любимчик в группе», *вижуал* [visual] – используется как замена слову «внешность», *врекер* [wrecker] – «второй, менее любимый участник группы», *селка* [self + cam(era)] – «селфи», *файтинг* [fighting] – «слово, которое используют для поддержки и одобрения, синоним *качжа*» [Жангериева 2023: 87-88].

Заемствования из корейского языка неравномерны в масштабах страны. По причине географической близости, русскоязычные жители Дальнего Востока России заимствуют большее количество корейских слов, чем жители других регионов. Т.В. Третьякова отмечает, что «за 150 лет корейский народ оставил свой след как в истории, так и в культуре Приморского края. Корейцы и русские плечом к плечу осваивали, развивали Приморский край». Сейчас в Приморье проживает около 30 тысяч корейцев [Третьякова 2015: 129-130]. Таким образом, кореизмы активнее пополняют региональные формы русского языка. Т.В. Третьякова обнаружила 58 корейских заимствований. Согласно ее данным, самыми крупными областями, которые активно пополняются заимствованиями, являются «спортивная лексика» и «названия продуктов питания».

Здесь встречаются термины, не упомянутые в предыдущих источниках, например *юча* [유자차 *юджачха*, из кит. 柚子茶, from 柚子 «фрукт юдзу» + 茶 «чай»] – «фруктовый чай». Заслуживает внимания до сих пор не отмеченная тема корейской мифологии. Автор упоминает такие слова как *чаньин* – «девятиметровые великаны, обросшие черной шерстью и с пилообразными зубами», *чансын* – «духи-защитники деревень;

деревянные, а позднее каменные столбообразные идола, которые устанавливали у околиц, на развилках дорог, у въездов в монастыри и служили пограничными знаками», *чхоён* – «герой, маска или изображение которого оберегало и изгоняло злых духов» [Третьякова 2015: 135-136]. Эти слова демонстрируют контактную близость русского и корейского языка в Приморье.

Обсуждение результатов

Целостное рассмотрение корейских заимствований в русском языке в научной литературе не проводилось в силу кажущейся немногочисленности корейизмов. Чаще всего в литературе рассматривается узус заимствований в отдельных областях – популярной культуре [Ragozina 2018; Жангериева 2023], политике [Ким 2017; Сон 2021], а также в региональных версиях языка [Третьякова 2015; Fajst, Matsumoto 2020].

Заключение

В заключение отметим, что несмотря на увеличивающееся влияние корейских культуры и языка на русскую лексику, корпус корейских заимствований обладает такими свойствами как *неосвоенность* и *слабая кодификация*. Эти факторы отражаются в отсутствии литературной формы слов: «*тэквондо*» и «*тхэквондо*», «*кимчи*» и «*кимчхи*». Корейизмы бытуют преимущественно в устной форме. Таким образом, заимствования происходят в «слепой зоне»: несмотря на обширность, лексика корейского происхождения остается малочастотной, «маргинальной» и региональной.

Установлено, что заимствования наиболее многочисленны в трех областях: кулинария, массовая культура и спорт (большой частью тэквондо). Следует отметить, что из этих областей только заимствования в области спорта имеют определенную историю. Тэквондо приобретает популярность в России еще в постперестроечную эпоху. Популярность «К-рор» и корейской кухни – относительно недавние явления.

Можно предположить, что заимствования из корейского языка будут продолжаться, при этом их объем станет возрастать. Указанные тематические области уже сейчас демонстрируют возможность возникновения синергетического эффекта. Корейские рестораны быстрого обслуживания часто используют в качестве музыкального фона «К-поп», фотографии корейских «идолов» украшают их стены. Девушки-«тэквондоки» могут быть фанатками как «К-рор», так и корейской еды. В таких случаях влияние корейских заимствований на словарь еще более увеличивается.

Библиографический список

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Габдуллина А.Х. Лексические заимствования из японского языка в русский: когнитивно-прагматические особенности и процесс ассимиляции // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №2(256). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. С. 12-16.

Жангериева Д.З. Специфика функционирования лексических заимствований в молодежной речи под влиянием корейской поп-культуры // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2023. № 1 (24). С. 84-90.

Карамов С.К. Корейские боевые искусства. М.: Астрель: АСТ, 2004. 158 с.

Ким В.И. Феномен 한류 как политический фактор «мягкой силы» Республики Корея // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. №4(19). С. 421-424.

Меню и цены в «Chiko» в Тюмени [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/maps/org/chiko/14553329539/menu/?ll=65.550408%2C57.148571&z=15> (дата обращения: 17.11.2024).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=доширак> (дата обращения: 17.11.2024).

Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2022 / Сост. Е.С. Громенко, А.Е. Дёмина, и др. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2023. 254 с.

Сводный отчет 1-ФК по Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minsport.gov.ru/documents/1337/> (дата обращения: 21.11.2024).

Сон Ж.Г. Популяризация корейского языка и культуры в России как инструмент «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 2. С.77-90.

Терешкова Е., Васильченко Е. К-пор словарь: 12 выражений, которые поймут только истинные фанаты [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://thegirl.ru/articles/k-pop-slovarik-12-vyirajeniy-kotoryie-poymut-tolko-istinnyye-fanaty/> (дата обращения: 23.11.2024).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Третьякова Т.В. Корейские заимствования в современном речевом обиходе жителей Приморья // Филологические открытия. 2015. №3. С. 129-136.

Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2011. 413 с.

Яшина М. Популярность тхэквондо в России: данные Яндекса. [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://www.aspmedia24.ru/bizness-sport/item/21097-populyarnost-tkhekvondo-v-rossii-dannye-yandeksa> (дата обращения: 21.11.2024).

Fajst V., Matsumoto K. Japanese and Korean Loanwords in a Far East Russian Variety: Human Mobility and Language Contact in Sakhalin // Asian and African Languages and Linguistics. 2020. № 14. P. 155-195.

Ragozina S. Korean Loanwords in Russian Language as an Example of Accepting Korean Culture // The Present State and Future Birection of Korean Studies in Socio-Cultural Context in the Central and Eastern Europe. 2018. P. 98-101.

Russian terms derived from Korean [Электронный ресурс]. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Category:Russian_terms_derived_from_Korean (дата обращения: 12.11.2024).

References

Wierzbicka A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov (Understanding Cultures Through Their Key Words). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 288 p.

Gabdullina A.Kh. Leksicheskie zaimstvovaniya iz yaponskogo yazyka v russkii: kognitivno-pragmatische osobennosti i protsess assilyatsii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №2(256). Filologiya. Iskuststvedenie. Issue 62. P. 12-16.

Zhangerieva D.Z. Spetsifika funktsionirovaniya leksicheskikh zaimstvovaniy v molodezhnoi rechi pod vliyaniem koreiskoi pop-kul'tury // Evraziiskii zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy. 2023. № 1 (24). P. 84-90.

Karamov S. K. Koreiskie boevye iskustva. Moscow: Astrel': AST, 2004. 158 p.

Kim V. I. Fenomen 한류 как politicheskii faktor "myagkoi sily" Respubliki Koreya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2017. №4(19). P. 421-424.

Menu i tseny v «Chiko» v Tyumeni [ehlektronnyi resurs]. URL: <https://yandex.ru/maps/org/chicko/14553329539/menu/?ll=65.550408%2C57.148571&z=15> (data obrashcheniya: 17.11.2024).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [ehlektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=doshirak> (data obrashcheniya: 17.11.2024).

Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy – 2022 / Sost. E.S. Gromenko, A.E. Demina, i dr. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2023. 254 p.

Svodnyi otchet 1-FK po Rossiiskoi Federatsii [ehlektronnyi resurs]. URL: <https://minsport.gov.ru/documents/1337/> (data obrashcheniya: 21.11.2024).

Son Zh. G. Populyarizatsiya koreiskogo yazyka i kul'tury v Rossii kak instrument «myagkoi sily» // Nauchnyi zhurnal «Diskurs-PI». 2021. V. 18, № 2. P.77-90

Tereshkova E., Vasil'chenko E. K-pop slovarik: 12 vyrazhenii, kotorye poimut tol'ko istinnye fanaty. [ehlektronnyi resurs]. URL: <https://thegirl.ru/articles/k-pop-slovarik-12-vyirajenyi-kotoryie-poymut-tolko-istinnye-fanaty/> (data obrashcheniya: 23.11.2024)

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov / RAN. Institut russkogo yazyka im V.V. Vinogradova. Otv. red. N.YU. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 2007. 1175 p.

Tret'yakova T.V. Koreiskie zaimstvovaniya v sovremennom rechevom obikhode zhitelei Primor'ya // Filologicheskie otkrytiya. 2015. №3. P. 129-136.

Shagalova E.N. Samyi noveishii tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka: ok. 1500 slov. Moscow: AST: Astrel':Poligrafizdat, 2011. 413 p.

Yashina M. Populyarnost' tkhekvondo v Rossii: dannye Yandeksa. [ehlektronnyi resurs]. URL: <https://www.aspmidia24.ru/biznes-sport/item/21097-populyarnost-tkhekvondo-v-rossii-dannye-yandeksa> (data obrashcheniya: 21.11.2024)

Fajst V., Matsumoto K. Japanese and Korean Loanwords in a Far East Russian Variety: Human Mobility and Language Contact in Sakhalin // Asian and African Languages and Linguistics. 2020. No.14. P.155-195.

Ragozina S. Korean Loanwords in Russian Language as an Example of Accepting Korean Culture / S. Ragozina // The Present State and Future Birection of Korean Studies in Socio-Cultural Context in the Central and Eastern Europe. 2018. P. 98-101.

Russian terms derived from Korean [ehlektronnyi resurs]. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Category:Russian_terms_derived_from_Korean (data obrashcheniya: 12.11.2024)

UDC 81

KOREAN LOANWORDS IN RUSSIAN: OUTSIDE ACADEMIC DICTIONARIES

R.Kh. Kasimov

Doctor of Philosophy, Professor of Department of Humanities

e-mail: rhkasimov@mail.ru

Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russia)

There is a tendency in Russian state policy that could be called "Turning to the East". Studying cultural communication of Russia and Eastern countries is a challenge for Russian humanitarian sciences. One of the most revealing criteria of intercultural relations is natural language. The close interactions of different cultures are always reflected in the dictionary of the contacting languages in the form of a corpus of loanwords. Large glossaries with hundreds of borrowings have appeared in Russian as a result of connections with Western cultures. These glossaries simultaneously show a certain orientation of Russian culture in different periods of history. However, the influence of East Asian cultures, in particular Korean culture, is poorly represented in Russian. Until the twentieth century, Korea was seen in the Russian worldview as an insignificant periphery. The growth of borrowings from East Asian languages has just begun. The article examines three subject areas of borrowings from the Korean language, where language contacts are the closest.

Keywords: *koreisms, cultural interactions, Korean language, Russian language, K-pop.*

УДК 811.161.1'367

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЗЛИЧНЫХ
И ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В
ЛИРО-ЭПИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ МИНИАТЮР И.С.ТУРГЕНЕВА
«СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ»**

Е.Г. Колыханова

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и методики начального общего образования
e-mail: elena.kolyhanova@yandex.ru*

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (г. Орел, Россия)

В данной статье рассматриваются особенности употребления безличных и инфинитивных конструкций, зафиксированных в лиро-эпическом цикле И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе». Цель статьи – рассмотреть структурно-семантические разновидности безличных и инфинитивных предложений, функционирующих в цикле «Стихотворения в прозе», определить, как в этих конструкциях смысловое значение главного члена предложения передает внутреннее состояние автора.

На основе анализа фактического материала, который позволил выявить все случаи употребления анализируемых структур, был сделан вывод об особенностях функционирования безличных и инфинитивных предложений в лиро-эпических миниатюрах великого писателя.

Ключевые слова: *И.С. Тургенев, стихотворения в прозе, жанр, безличные и инфинитивные конструкции, структура, семантика.*

Введение

Известно, что литературное наследие великого русского писателя И.С. Тургенева отличается жанровым разнообразием. Прозаик создавал романы и повести, рассказы и пьесы и т.д. Но особого внимания заслуживает лиро-эпический цикл «Стихотворения в прозе», где писатель стремился отразить свои философские и творческие взгляды, внутренние переживания, соединив эпос и лирику. Специфика этого жанра заключается в том, что это лиро-эпические произведения в прозаической форме, имеющие свои стилистические и композиционные особенности, которым свойственна актуальная тематика для того исторического периода, когда творец создавал свои сочинения.

В подзаголовке «Стихотворений в прозе», названных писателем как «Senilia» (старческое), (существует и другое наименование: «Posthuma», т.е. «посмертное»), передается субъективное и эмоциональное отношение автора к окружающему миру. В период, когда создавались эти лиро-эпические миниатюры, И.С. Тургенев был неизлечимо болен, что объясняет его мотив о закономерностях судьбы и неотвратимости смерти

(«Разговор», «Старуха», «Череп»). В «Стихотворениях...» также рассматриваются нравственные и психологические проблемы, здесь проявляется свойственный писателю интерес к различным вопросам бытия, что находит отражение в его раздумьях о смысле жизни, дружбе и любви, молодости и старости, добре и зле, прошлом и настоящем («Голуби», «Лазурное царство», «Два брата», «Как хороши, как свежи были розы», «Милостыня», «О моя молодость», «Старик» и др.). Даже названия некоторых стихотворений («Последнее свидание», «Когда меня не будет», «Когда я один») передают настроение автора, выражают его мысли о неизбежности ухода из жизни и «постылой тишине одиночества». Однако не все произведения цикла проникнуты пессимистическими нотами, в «Стихотворениях в прозе» не менее сильно звучит тема всепобеждающей любви, молодости, постоянно обновляющейся жизни, здесь говорится о силе прекрасного, искусстве и вдохновении («Воробей», «Мы еще повоюем», «У-а... У-а» и другие). Эти прозаические миниатюры отличаются краткостью и завершенностью художественной формы, здесь используется образность, игра слов, иносказание.

Как справедливо отмечает В.Р. Щербина, «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева «глубоко лиричны, воспоминания, поэтические видения соседствуют в них с философскими аллегориями, грустные размышления о быстротечности жизни и неотвратимой смерти – с прославлением любви, красоты и искусства» [Щербина 1991: 49].

Предметом настоящего исследования являются безличные и инфинитивные предложения, используемые в лиро-эпическом цикле «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева.

Вопросы теории безличных и инфинитивных конструкций, их грамматические, семантические и стилистические особенности анализировались в работах таких ученых, как А.А. Шахматов [Шахматов 2001], А.М. Пешковский [Пешковский 2001], Е.М. Галкина-Федорук [Галкина-Федорук 2012], П.А. Лекант [Лекант 1994], В.В. Бабайцева [Бабайцева 2004] и других.

Цель настоящей статьи – рассмотреть структурно-семантические разновидности безличных и инфинитивных предложений, функционирующих в цикле «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева, выявить, как в этих конструкциях смысловое значение главного члена предложения передает внутреннее состояние великого писателя.

Интерес к данной проблеме объясняется тем, что исследуемые бесподлежащие (бессубъектные) конструкции, которые по своему характеру не имеют конкретного производителя, выражают различные смысловые оттенки.

Общепризнанно, что семантика безличных предложений выражается в обозначении различного вида состояния: психического, физического,

окружающей среды, долженствования и необходимости, чувственного восприятия и т.д. В инфинитивных конструкциях могут передаваться различные модальные значения: возможности, невозможности, неизбежности и целесообразности действия и т.д.

Поскольку в миниатюрах И.С. Тургенева основной акцент делается на передаче внутреннего состояния автора или героя, то мы считаем целесообразным рассмотреть особенности функционирования безличных и инфинитивных структур в цикле «Стихотворений ...» великого мастера слова, что придает значимость данному исследованию.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили лиро-эпические миниатюры из цикла И.С. Тургенева «Стихотворения в прозе» [Тургенев 1982].

Если говорить о методах исследования, то следует учитывать совокупность приемов изучения языковых явлений, а также методику использования этих приемов.

В нашей работе применялись следующие методы:

1) Метод лингвистического наблюдения и описания, построенный на индукции: от анализа языковых фактов, их сопоставления и обобщения к выводам;

2) Метод сплошной выборки языковых единиц, который позволяет зафиксировать все анализируемые конструкции;

3) Качественно-количественный метод. В работе представлены не только элементарные подсчеты, но и сделан анализ качественных признаков языков структур.

Результаты

Наша выборка показывает, что в 83 стихотворениях в прозе встретилось 153 примера безличных и 29 инфинитивных конструкций.

Говоря о безличных предложениях, М.В. Захарова отмечает следующее: «Человек как субъект сознания в безличных предложениях с конкретной физической средой проявления занимает позицию наблюдателя. В безличных предложениях с психофизической средой проявления признака субъект сознания занимает позицию «чувствующего» субъекта. Субъект сознания отображает внеязыковые ситуации в сенсорном, интеллектуальном и эмоциональном ракурсах» [Захарова 2004: 5].

В анализируемых примерах в качестве главного члена предложения выступают слова категории ?? состояния: *...смутно было на душе* («Голуби») [Тургенев 1982: 163]; *Мне смешно* («Кубок») [Тургенев 1982: 178]; безличные глаголы: *Снилось мне, что сидит нас человек двадцать в*

большой комнате («Насекомое») [Тургенев 1982: 151]; *И между тем человеку хочется существовать* («Завтра, завтра!») [Тургенев 1982: 164]; отрицательное слово *нет*: *И вот теперь у него нет куска хлеба – и все его покинули* («Милостыня») [Тургенев 1982: 150], единичными примерами представлены конструкции, где главный член выражен словом категории состояния *пора*, которое по своему образованию соотносится с именем существительным: *И не пора ли и мне упасть в море* («Без гнезда») [Тургенев 1982: 178], и кратким страдательным причастием: *Нам было строго запрещено беспокоить и притеснять жителей* («Повесить его») [Тургенев 1982: 165].

Проанализированные нами безличные предложения по структуре представляют собой нераспространённые: – *Пора вздремнуть.* – *Пора.* («Разговор») [Тургенев 1982: 128] и распространенные простые конструкции: *Мне тошно на сердце от этого писка* («Конец света») [Тургенев 1982: 134], а также могут входить в состав сложного предложения: *Мне начало казаться, что старушка не идет только за мною, но что она направляет меня* («Старуха») [Тургенев 1982: 128].

В исследуемых структурах нам встретились простые сказуемые: *Мне снилось: я шел по широкой голой степи* («Встреча») [Тургенев 1982: 173]; составные именные с нулевой связкой или материальной выраженной: *Как Вам не стыдно* («Дурак») [Тургенев 1982: 137]; *И мне вдруг стало жутко* («Христос») [Тургенев 1982: 162]; составные глагольные, где в качестве вспомогательного компонента выступают безличные глаголы или слова категории состояния: *И между тем человеку хочется существовать, он дорожит жизнью* («Завтра, завтра») [Тургенев 1982: 164], *...пора разбить стесняющий сосуд* («У-А...У-А...») [Тургенев 1982: 188].

Примеры безличных предложений зафиксированы как в авторском повествовании, так и в речи персонажей.

Так, Е.С. Лютова верно подчеркивает, что «семантико-стилистические возможности безличных предложений разных типов необыкновенно широки; особенно распространены они в художественной литературе, которая постоянно обогащается фактами разговорного языка. Посредством безличных конструкций возможно описать такие состояния, которые характеризуются неосознанностью, немотивированностью, неподконтрольностью (ср: не хочу – осознанное нежелание; не хочется – неосознанное нежелание)» [Лютова 2010: 15].

Кроме безличных предложений, в лиро-эпических миниатюрах И.С. Тургенева нами зафиксированы инфинитивные конструкции. Необходимо подчеркнуть, что в лингвистике нет единого мнения на вопрос о выделении инфинитивных структур в системе типов односоставных предложений: такие ученые, как А.А. Шахматов [Шахматов 2001] и Е.М. Галкина-Федорук [Галкина-Федорук 2012],

рассматривают эти предложения в составе безличных на том основании, что главный член-сказуемое не способен сочетаться с субстантивом в именительном падеже.

Впервые инфинитивные структуры как самостоятельный тип односоставных предложений в синтаксисе русского языка выделяет А.М. Пешковский [Пешковский 2001]. Вслед за ним эти предложения как самостоятельную разновидность односоставных конструкций стали рассматривать К.А. Тимофеев [Тимофеев 1951], Г.А. Золотова [Золотова 2004], П.А. Лекант [Лекант 1994], В.В. Бабайцева [Бабайцева 2004] и другие.

Как и в безличных структурах, в этих предложениях нет и не может быть подлежащего, сходство этих синтаксических единиц заключается также в том, что здесь все сосредоточено на действии и оценке условий и возможностей его реализации. Оба эти типа односоставных предложений способны выражать различные модальные значения: необходимости, долженствования, желательности, невозможности и др. Однако особенностью инфинитивных структур является то, что здесь категория модальности характеризуется субъективностью и поэтому часто сопровождается эмоциональностью и экспрессивностью. Так, например, в конструкциях со значением необходимости или желательности проявляется воля или желание говорящего, связанные с тем, чтобы кто-то совершил какое-либо действие, а в предложениях, имеющих значение неизбежности или невозможности, – уверенности говорящего в возможности или невозможности совершения действия.

Но в то же время эти конструкции отличаются своим категориальным значением. Так, Е.С. Скобликова отмечает, что «в безличных предложениях условия и возможности совершения действия оцениваются только в порядке простой констатации. В инфинитивных предложениях перспектива действия характеризуется с выявлением активного волевого или эмоционального отношения говорящего. Почти всегда они раскрывают деятельный поиск решений: побуждение к действию; вопросы с целью выяснить целесообразность действия или условий его совершения; экспрессивное утверждение его желаемости, целесообразности или, наоборот, необходимости, невозможности. В связи с этим инфинитивные предложения отличаются от безличных большей специализированностью целевого назначения: многие из них употребляются только в побудительном, вопросительном, повествовательном или желательном (оптативном) значении. Именно с различиями коммуникативного назначения связаны разновидности инфинитивных предложений» [Скобликова 2018: 154].

В.В. Бабайцева, говоря об отличии безличных и инфинитивных структур, указывает на то, что «характер деятеля в инфинитивных

предложениях имеет семантико-стилистическое значение, а в безличных предложениях неопределенность производителя действия имеет структурно-синтаксическое значение» [Бабайцева 2004: 111].

Как и безличные, инфинитивные предложения различны по структуре и семантике. Зафиксированные нами примеры инфинитивных предложений могут представлять нераспространенные: *Что же делать? Скорбеть? Горевать?* («Старик») [Тургенев 1982: 154] и распространенные простые предложения: *Как мне **освободиться** от этой жалости?* («Мне жаль») [Тургенев 1982: 174] и входить в состав придаточной части сложноподчиненного предложения: *О чем твоя дума? Не о том ли, как ему **дойти** до возможного совершенства и счастья?* («Природа») [Тургенев 1982: 165]. Выбранные примеры так же, как и безличные предложения, встретились в авторском повествовании и в речи персонажей.

Обсуждение результатов

Анализ примеров подтверждает, что наиболее частотными являются безличные конструкции, где в качестве сказуемого выступают слова категории состояния (62 случая), которые имеют различную семантику:

1) Обозначают психическое состояние человека: *вольно, хорошо, смешно, горько, стыдно, жалко* и др. Необходимо обратить внимание, что в текстах «Стихотворений в прозе» в основном встречаются предикаты, обозначающие внутреннее состояние человека и имеющие отрицательную коннотацию. Например: *И **горько** ему было на сердце и **стыдно*** («Милостыня») [Тургенев 1982: 150]. ***Невесело**, брат, ни тебе, ни мне – в постылой тишине одиночества* («Когда я один...») [Тургенев 1982: 184]. Так, в лирической миниатюре «Мне жаль...» (само название представляет собой безличное предложение), где звучит мотив покаяния, автор использует такую стилистическую фигуру, как анафора: ***Мне жаль** самого себя, других, всех людей... **Мне жаль** детей и стариков... **Мне жаль** победоносных и торжествующих людей* [Тургенев 1982: 184]. Употребляя в качестве единоначалия бессубъектные структуры, писатель тем самым усиливает чувство сожаления и грусти.

Положительное качественное состояние, выраженное словами категории состояния, в наших выборках представлено лишь тремя примерами, но если обратиться к контексту, то также можно почувствовать настроение печали и одиночества. Например: ***Хорошо** им! И мне **хорошо**, глядя на них... Хотя я и один... один, как всегда* («Голуби») [Тургенев 1982: 164]. ***Мне смешно**..., и я дивлюсь на самого себя. Непритворна моя грусть, мне действительно тяжело жить, горестны и безотрадны мои чувства* («Кубок») [Тургенев 1982: 178].

2) Малочисленными примерами представлены конструкции, где безлично-предикативные слова обозначают состояние природы и окружающей среды: *бело, опрятно, спокойно, душно, тяжело, темно* и др. Например: *Как душно! Как темно! Как тяжело!* («Конец света») [Тургенев 1982: 134]. *В комнате было ни темно, ни светло; я принялся глядеть в седой полумрак* («Соперник») [Тургенев 1982: 130]. В этой группе предикатов, как и при характеристике слов, обозначающих психическое состояние человека, преобладают лексемы с отрицательной качественной семантикой; тем самым писатель подчеркивает, как ощущение окружающей среды связано для него с эмоциональным состоянием.

В цикле «Стихотворений в прозе» зафиксированы конструкции, в которых слова категории состояния используются в простой сравнительной степени: *видней, легче, лучше, удобнее, яснее*. Например: *По крайней мере он теперь не страдает! Теперь ему легче!* «Враг и друг» [Тургенев 1982: 161]. *А в комнате все темней да темней* («Как хороши, как свежи были розы!») [Тургенев 1982: 168].

3) Третью группу представляют слова категории состояния, выражающие модальное значение долженствования, необходимости, возможности-невозможности: *надо, нужно, можно, нельзя*, которые употребляются как в сочетании с инфинитивом, так и без него. Данные конструкции могут иметь и положительную и отрицательную модальность. Например: *Любовь и голод – цель их одна: нужно, чтобы жизнь не прекращалась...* («Два брата») [Тургенев 1982: 156]. *Мне не надо ни благодарности, ни сожаления* («Порог») [Тургенев 1982: 148]. *Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!* («Русский язык») [Тургенев 1982: 172].

В текстах лиро-эпических миниатюр зафиксированы односоставные конструкции с главным членом – собственно безличным глаголом: *снится, спится, хочется* или личным глаголом в безличном значении: *вспомнилось, пахнет, показалось*. В нашей выборке предложения с безличным глаголом-сказуемым представлены 38 примерами и так же, как и конструкции со словами категории состояния, имеют различные смысловые оттенки. Сказуемые в этих структурах могут быть выражены возвратными и невозвратными формами настоящего и прошедшего времени. Нам встретились следующие группы по значению:

1) Безличные глаголы, обозначающие мыслительную деятельность человека: *думается, сдается*, а также то, что представляется воображению, связано с недостоверным восприятием действительности: *кажется, чудится* и др. Например: *И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и все, чего добиваемся мы, городские люди?* («Деревня») [Тургенев 1982: 126]; *А мне казалось, что*

надо дать этому вину вылиться наружу («У-А...У-А...») [Тургенев 1982: 188]; Но мне **почудилось**, что не его рука взялась за мою («Последнее свидание») [Тургенев 1982: 146]; Мне **сдается**: стоит возле моей кровати та неподвижная фигура («Песочные часы») [Тургенев 1982: 146]. Следует обратить внимание на то, что в «Толковом словаре русского языка» ? С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой безличный глагол *сдается* имеет помету «просторечное» и представлен в значении «думаться, казаться» [Ожегов, Шведова 2015: 676].

2) Безличные глаголы, обозначающие предрасположенность к физическим действиям и состояниям: *спится, хочется* и др. Например: *Опять я лежу в постели...опять мне не спится* («Дрозд II») [Тургенев 1982: 175]; *Но мне неловко с ним, и не хотелось бы иметь такого свидетеля моей внутренней жизни* («Когда я один...») [Тургенев 1982: 184].

3) Личные глаголы в безличном значении, передающие ощущение обоняния: *отдает, пахнет*. Например: *Словно железом от них отдает* («Чернорабочий и белоручка») [Тургенев 1982: 144]. *Но чуялась близость пробуждения – и в поредевшем воздухе пахло жестокой сыростью росы* («Посещение») [Тургенев 1982: 148].

4) Встретился один случай, когда безличный глагол, употреблен в переносном значении: Например: *Я был любим! Дышало счастьем все кругом, но сердце не нуждалось в нем* («Я шел среди высоких гор») [Тургенев 1982: 181].

Оттенок неуверенности вносит в безличную конструкцию вопросительная частица *ли*. Например: *Да и стоит ли горевать и томиться* («Дрозд I») [Тургенев 1982: 176]. В данном случае безличный глагол *стоит* эквивалентен по значению словам категории состояния *нужно, надо*. Ср.: *Да и нужно ли горевать...*

Обратим внимание, что в текстах «Стихотворений...» не встретились глаголы с семантикой характеристики окружающей среды и явлений природы, долженствования, конкретного и стихийного действия и т.д. В своих миниатюрах И.С. Тургенев больше использует безличные формы глаголов, обозначающих внутреннее состояние человека, что также отражает жанровую специфику анализируемых произведений.

В нашей выборке зафиксированы безлично-генитивные конструкции, где в качестве предиката выступают отрицательные слова *нет, не было* в сочетании с родительным падежом существительного. Например: *Я понимаю, что в это мгновенье и в ней, и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы* («Собака») [Тургенев 1982: 129]; *Все дерево слабо шумело, хотя и не было ветра* («Восточная легенда») [Тургенев 1982: 139].

А.М. Пешковский, рассматривая предложения такого типа, объясняет, что безличное значение у этих конструкций возможно только при наличии отрицания, «по устранении отрицания они переходят в личные: *не было ни гроша – был грош*, причем на месте родительного оказывается *п о д л е ж а щ е е*. Таким образом, отсутствие подлежащего связано здесь именно с этим родительным, а сам родительный с отрицанием» [Пешковский 2001: 366].

Отсутствие сказуемого *нет* приводит к структурной неполноте, что является типичным явлением для безличных предложений. Нам встретились такие примеры. Например: *Я стал шарить у себя во всех карманах. Ни кошелька, ни часов, ни даже платка* («Нищий») [Тургенев 1982: 132]; *Но там за окном только деревья шумели. Ни звезды на небе, ни огонька на земле* («Я встал ночью») [Тургенев 1982: 183].

По сравнению с безличными предложениями, инфинитивные конструкции в текстах «Стихотворений в прозе» менее частотны (как уже отмечалось, наша выборка насчитывает всего 29 примеров). Если говорить о семантических особенностях этих структур, то можно выделить следующие группы:

1. Вопросительные инфинитивные предложения, среди которых выделяются собственно вопросительные и риторические, причем предложения могут иметь в своем составе вопросительные местоимения и наречия или эти лексемы могут отсутствовать. Например: *Как мне освободиться от этой жалости?* («Мне жаль») [Тургенев 1982: 184]; *Такие стихи – да и не запомнить?* («Два четверостишья») [Тургенев 1982: 141].

Приведенные примеры показывают, что такие вопросы являются итогом авторских размышлений, обращением героя к самому себе, представляют собой внутренний диалог, что также отражает настроение писателя.

2. Предложения со значением желательности действия, где обязательно должна присутствовать частица *бы*, которая употребляется при условно-предположительной возможности действия. Например: *Ах, как бы уйти отсюда* («Конец света») [Тургенев 1982: 134]; *Я думаю о том, как бы придать большую силу мышцам ног блохи, чтобы ей удобнее было спастись от врагов своих* («Природа») [Тургенев 1982: 165].

3. Инфинитивные предложения в составе сложноподчиненного предложения с придаточным цели. Например: *В нем было все нужное для того, чтобы сделаться бичом своей семьи* («Эгоист») [Тургенев 1982: 156].

В текстах «Стихотворений...» зафиксировано по одному примеру, где инфинитив выражает: а) сомнение и нерешительность: *«Не уйти! Не уйти! Что за сумасшествие! Надо попытаться»* («Старуха») [Тургенев

1982: 129]; б) императивное значение: – **Повесить его!** («Повесить его») [Тургенев 1982: 166].

Как правило, инфинитивные конструкции отличаются своей стилистической принадлежностью к разговорному стилю и, в отличие от безличных, более экспрессивны, однако в нашей выборке зафиксирован единичный пример, в котором словосочетание *память почтить* относится к высокому стилю (в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н. ?Ю. Шведовой глагол *почтить* имеет значение «*оказать честь, почет; почтение кому-нибудь*» [Ожегов, Шведова 2015: 550]). Например: *Никто не будет знать, чью память **почтить!*** («Порог») [Тургенев 1982: 148].

Заключение

Таким образом, исследуемый материал показал, что особенности употребления безличных и инфинитивных конструкций в тексте лиро-эпических миниатюр могут быть объяснены как индивидуальными особенностями стиля И.С. Тургенева, так и спецификой лиро-эпического жанра, где, с одной стороны, дается сюжетное повествование, а с другой, присутствует определенная эмоциональная (лирическая) оценка автора.

К особенностям функционирования безличных и инфинитивных предложений в цикле «Стихотворения в прозе» можно отнести следующее:

1) Эти предложения достаточно частотны в текстах, отличаются своим структурно-семантическим разнообразием.

2) Безличные конструкции представлены различными способами выражения главного члена предложения (словами категории состояния, безличными глаголами, отрицательным словом *нет*).

Наиболее частотными среди бесподлежащих конструкций являются структуры, в которых в качестве сказуемого выступают слова категории состояния с отрицательной коннотацией, указывающей на внутреннее состояние человека. Если говорить о безлично-предикативных словах, обозначающих состояние окружающей среды, то здесь также доминируют слова с отрицательным качественным значением. Именно слова категории состояния как нельзя лучше передают субъективные ощущения автора, его настроение и мысли, связанные с тяжелой болезнью, одиночеством, неизбежностью ухода из жизни.

Встретившиеся нам конструкции, где главный член выражен безличным глаголом, также отличаются своим семантическим разнообразием и в большинстве своем связаны с обозначением физического и психического состояния человека.

3) Инфинитивные конструкции, зафиксированные в нашей выборке, характеризуются разнообразием своих модальных значений. Это вопросительные структуры, а также предложения со значением желательности, побуждения, сомнения и нерешительности.

Библиографический список

Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке: монография. М.: Дрофа, 2004. 512 с.

Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 336 с.

Захарова М.В. Семантика безличных предложений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 540 с.

Лекант П.А. К вопросу о категории безличности в русском языке // Тенденции развития грамматического строя русского языка. М.: МПУ, 1994. С. 3-8.

Лютлова Е.С. Выражение фазисной семантики в безличном предложении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 1200 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: А Темп, 2015. 896 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс). М.: Флинта, 2018. 321 с.

Тимофеев К.А. Инфинитивные предложения в русском языке: автореф. ... дис. докт. филол. наук. Благовещенск-на-Амуре, 1951. 28 с.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 125-189.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Щербина В.Р. Тургенев // История всемирной литературы. В 9 т. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 49.

References

Babaitseva V.V. Sistema odnosostavnykh predlozhenii v sovremennom russkom yazyke: monografiya. M.: Drofa, 2004. 512 s.

Galkina-Fedoruk E.M. Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012. 336 s.

Zakharova M.V. Semantika bezlichnykh predlozhenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M. 2004. 24 s.

Zolotova G.A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M.: Institut rus. yaz. RAN im. V.V. Vinogradova, 2004. 540 s.

Lekant P.A. K voprosu o kategorii bezlichnosti v russkom yazyke // Tendentsii razvitiya grammaticheskogo stroya russkogo yazyka. M.: MPU, 1994. - S.3-8.

Lyutova E.S. Vyrashtenie fazisnoi semantiki v bezlichnom predlozhenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2010. 19 s.

Ozhegov S.I., Shvedova I.YU. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 1200 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. M.: A Temp, 2015. 896 s.

Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 544 s.

Skoblikova E.S. Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya (teoreticheskii kurs). M.: Flinta, 2018. 321s.

Timofeev K. A. Infinitivnye predlozheniya v russkom yazyke: avtoref. ...dis. dokt. filol. nauk. Blagoveshchensk-na-Amure, 1951. 28 s.

Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 tomakh. T.10. M.: Nauka, 1982. S. 125-189.

Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka. M.: Ehditorial URSS, 2001, 624 s.

Shcherbina V.R. Turgenev // Istoriya vseмирnoi literatury. V 9 t. T. 7. M.: Nauka, 1991. – S. 49.

UDC 811.161.1'367

**FEATURES OF THE FUNCTIONING OF IMPERSONAL
AND INFINITIVE CONSTRUCTIONS IN THE LYRIC-EPIC CYCLE
OF MINIATURES BY I.S. TURGENEV "POEMS IN PROSE"**

E.G. Kolyhanova

*Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of
Primary General education,
e-mail: elena.kolyhanova@yandex.ru*

Oryol State University named after I.S. Turgenev (Oryol, Russia)

This article examines the features of the use of impersonal and infinitive constructions recorded in I. S. Turgenev's lyric-epic cycle "Poems in Prose". The purpose of the article is to consider the structural and semantic varieties of impersonal and infinitive sentences functioning in the cycle of "Poems in prose", to determine how in these constructions the semantic meaning of the main member of the sentence conveys the inner state of the author.

Based on the analysis of the factual material, which made it possible to identify all the cases of the use of the analyzed structures, a conclusion was drawn about the peculiarities of the functioning of impersonal and infinitive sentences in the lyrical and epic miniatures of the great writer.

Keywords: *I.S. Turgenev, poems in prose, genre, impersonal and infinitive constructions, structure, semantics.*

УДК 81'42

СПЕЦИФИКА КАРНАВАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ

С.В. Лебедева¹

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: lebedeva15sv@yandex.ru

Н.В. Мосина²

Старший преподаватель кафедры иностранных языков и культуры
e-mail: natalia_mosina@bk.ru

¹Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

²Российский государственный социальный университет (г. Москва, Россия)

В данной статье рассматривается понятие карнавализованности рекламных текстов на примере французского и русского языков. Беря за основу положение М.М. Бахтина, что смех выступает как форма простейшей коммуникации, мы предпринимаем попытку раскрыть функции рекламного текста через теорию карнавализации, которая проявляется в рекламных текстах в использовании создателями рекламы таких приёмов лингвокреативности, как использование аллюзий, окказионализмов, языковой игры, рифмованного текста, а также слов из разных языков для привлечения внимания потенциального покупателя товара или услуги. Современная реклама часто строится на карнавальных, ранее табуированных элементах, что доказывается в ходе анализа приведенных в статье примеров.

Ключевые слова: теория карнавала, карнавализация, карнавализованные рекламные тексты, функции рекламы.

Введение

Изменения современного коммуникативного пространства способствовали появлению сложных знаковых единиц, направленных на изменение сознания человека. Так, появление текстов рекламы и их широкое распространение посредством взаимодействия вербального и невербального компонентов формирует новое отношение к проблемам в системе «человек-социум-культура», что способствует конструированию специфического ментального пространства через совмещение несовместимых понятий. Следует отметить, что для изучения и описания новых феноменов языка и речи ученые часто используют уже известные методы и теории гуманитарного знания путем их применения в новых условиях. Наблюдения над современной картиной мира позволяет, с нашей точки зрения, обратиться к теории карнавала и карнавализации для исследования современного медийного пространства, в частности использовать названную теорию на объяснение влияния феномена

рекламы и рекламных роликов на человека.

Как известно, динамичность языка обусловила постоянный процесс изменения стратегий речевого воздействия через разные виды современных дискурсов, в том числе и рекламного с целью привлечения внимания потенциальных покупателей к рекламируемым товарам и услугам. Объектом нашего исследования являются рекламные видеоролики с комическим эффектом на французском языке. Предметом выступают приемы достижения комического эффекта во французском рекламном дискурсе, рассматриваемые нами как стратегии карнавализации. В связи с воздействием традиций карнавала на культуру, в том числе и на язык, вопрос о карнавализации современности возникает в научной литературе всё чаще, так как, согласно М.М. Бахтину, смех выступает как форма простейшей коммуникации, что, с нашей точки зрения, позволяет эксплицировать феномен смеховой культуры на современное медиапространство, в том числе и на рекламу. М.М. Бахтин выделял в качестве важных характеристик карнавала идеи смешения высокого и низкого стилей, полифонию, противопоставление серьезного и комического, смех, народный праздник и т.д. [Бахтин 1990].

Язык как медиатор между человеком и окружающим миром способствует распространению элементов карнавала на различные явления действительности, поэтому понятие «карнавализации» широко используется для описания культурных, социальных, философских, языковых и других явлений, что объясняется, по мнению У. Эко, тем, что «одна из характеристик общества, в котором мы живем, – стопроцентная карнавализация жизни» [Эко 2007: 141].

Несмотря на то, что карнавал не является языковым явлением и обозначает 'народное гулянье', элементы карнавала встречаются в современном коммуникативном пространстве. В рекламных роликах фигуру шута заменяет изображение, народ является адресатом текстов, а смех передается через использование таких творческих приемов, как аллюзии, разноязычие в номинациях, языковая игра и т.д. Полагаем, что рекламный текст как сложная знаковая единица воздействует на сознание человека через сочетание вербальных и невербальных элементов, и как справедливо отмечал М.М. Бахтин, «многообразные пародийно-травестирующие формы составляли как бы особый внежанровый или междужанровый мир. Но мир этот был объединен, во-первых, общностью цели: создать смеховой и критический корректив ко всем существующим прямым жанрам, языкам, стилям, голосам, заставить ощутить за ними иную, не уловленную ими противоречивую реальность» [Бахтин 1990: 29]. Не утратило актуальности мнение о том, что иная реальность как противопоставление существующей действительности в языке создается при помощи набора «визуализированных стратегий», а само явление

карнавализации «низвергает официальную гегемонию на видение мира» [Morson, Emerson 1990].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили примеры, взятые из французских и русскоязычных рекламных текстов. К основным методам исследования относятся метод сплошной выборки при отборе рекламных текстов и слоганов. Применяется также метод анализа и синтеза; метод компонентного анализа; описательный метод.

Результаты исследования

Интерпретация аспектов карнавализации во французских рекламных текстах проводилась в рамках системного подхода, т.е. используемые тексты рассматривались как система, способствующая осуществлению стратегий карнавализации. Проведенное исследование базируется на теории концептуальной интеграции Ж. Фонконье, М. Тернера. Мы рассматриваем рекламные тексты как сложное ментальное пространство, цель которого состоит в формировании идей, образов и особого отношения к миру [Fausconnier 1988]. В нашем исследовании мы вслед за Р. Касимовым разграничиваем понятия «карнавальности» и «карнавализации», т.е. в нашем исследовании «карнавальность» – это влияние карнавала на литературу, а «карнавализация» – влияние карнавала на восприятие мира [Касимов 1995].

М.А. Загibalова считает одним из основных «карнавализованных» жанров аудиовизуальной (экранной) культуры современную рекламу, поскольку она ориентирована на яркую театральность и красочную зрелищность [Загibalова 2011]. По мнению Р.А. Дукина, современность является благодатной почвой для функционирования различного рода карнавальных форм, к которым можно отнести вербальный язык карнавала, отличающийся некоторой вольностью; эксцентричным, порой непристойным с точки зрения обыденности поведением; возможностью обсуждать власть в форме смеха, что было недопустимо обсуждать серьезно; нарушением табу; пародийностью [Дукин 2014].

Рассматривая в свете сказанного выше французские рекламные тексты, можно выделить в них наличие определенных аспектов карнавализации. К ним относится лингвкреативность, проявляющаяся в рекламе на лексическом уровне, в частности в словообразовании, например при создании окказионализмов, т.е. образовании новых слов и сочетаний, построенных на ассоциациях с лежащими в их основе словами. Например, слоган французского рекламного видеоролика компании «Quitoque», специализирующейся на доставке на дом ингредиентов для блюд с подробными рецептами их приготовления: «*Ne devenez pas un*

parâte» (перевод с фр. наш: «*Не становитесь папой, который умеет готовить лишь макароны*»). Неологизм «*parâte*» образован на схожести звучаний слова «*рара*» (с фр. «*папа*») и словосочетания «*pas pâtes*» (с фр. «*только не макароны*»), которые объединены в единое слово. Кроме того, словообразовательным приемом может служить образование окказионального глагола от существительного, являющегося названием рекламируемого продукта в рекламе французского ресторана быстрого питания «*Flunch*»: «*On va fluncher*» (перевод с фр. наш: «*Мы идём поесть в ресторане “Фланч”*»). Так, глагол «*fluncher*» является неологизмом во французском языке, образованным от существительного «*Flunch*», указывающего на название ресторана [Страхова 2011: 72].

Еще одним креативным, творческим использованием языка в речевой деятельности, восходящим к карнавализации, является языковая игра. Так, графическое выделение названия продукта может составить часть другого слова, например: «*Fanta c'est FANTastique*». Игра слов может быть основана на сходстве звучания, например: «*Il n'y a que Maille qui t'aille*» (дословный перевод с фр. наш: «*Мне подходит только горчица Maille*»). Выражение «*t'aille*» созвучно названию бренда горчицы.

Карнавал – это буйство красок, цветов, стихий. В качестве одного из проявлений этого буйства можно отметить также смешение языков. Достаточно проанализировать рекламу вафель для детей в белом шоколаде: «*Kinder Bueno on a tous un côté Bueno. Et vous connaissez Kinder Bueno White?*» (*У всех нас есть хорошая сторона / сторона Bueno. А Вы пробовали белый Kinder Bueno?*). В названии данного продукта использованы заимствования из трех языков: «*kinder*» – по-немецки «*дети, детский, для детей*»; «*bueno*» в переводе с испанского означает «*хороший*», а «*white*» переводится с английского языка как «*белый*». Таким образом, разноязычие в рекламе можно также отнести к эффектам карнавализации.

Впрочем, к использованию заимствований во французской рекламе нельзя относиться однозначно. Так, в одном из французских журналов приводится текст рекламы продукции известной автомобильной марки «*Nouvelle Opel Astra*»: «*Sa conception dynamique commence par son design*». Используемое заимствование придает определенный колорит рекламируемому товару и свидетельствует об активных процессах глобализации в мире, но в то же время иностранный термин в данном случае вполне мог быть заменен французским эквивалентом *style* или *stylisme* без потери смысла [Гулинов 2013: 100]. Так, можно отметить необоснованное использование заимствованных слов в попытке «*осовременить*» рекламный текст. В свою очередь, англоязычные рекламные слоганы автомобильных марок обычно остаются во французской рекламе на английском, в то время как французский перевод дан ниже через знак астериск (*). Например, слоган: «*Citroën. Inspired by*

you.* **inspiré par vous*».

Использование заимствованной лексики, по мнению исследователей, в языке рекламы является в настоящее время одним из излюбленных приемов воздействия на адресата: «*Супер ультра мега пупер крутые цены!*» (рекламный баннер от Билайн). Однако чаще всего это свидетельствует не о создании удачного, запоминающегося образа, а всего лишь о слепом следовании моде и ориентации на невзыскательную часть молодежной целевой группы, хотя в какой-то мере и отвечает принципам карнавализации, доказывая тем не менее, что относиться к соблюдениям их при создании качественной рекламы надлежит с осторожностью.

Юмор, облегчающий человеку жизнь в трудных ситуациях, успокаивая и леча его, просматривается на примере видеорекламы автомобиля Citroën C3, главная идея которого: «*Pas facile de quitter le confort de nouvelle Citroën C3*» (перевод с фр. наш: «*Нелегко покинуть комфортабельный Ситроен С3*»). Так, данная идея позволяет «оправдать» одного из героев рекламы, который решает не вступать в теннисный поединок якобы со слишком сильным соперником. «*Ça c'est un coup à se dégoûter du tennis. Puis tu vois l'humiliation c'est pas du tout ma philosophie du sport*» (перевод с фр. наш: «*Это может отдалить от тенниса. Понимаешь, унижение – это вообще не моя философия спорта*»).

Для лучшего запоминания рекламного слогана во франкоязычной рекламе зачастую применяется рифмовка, благодаря которой обыгрываются смысловые различия слов: Например: «*MIDAS. Pour vous, on se dépasse*» (перевод с фр. наш: «*МИДАС. Всё лучшее для Вас*»).

Уникальность рекламы характеризуется широкими информационными возможностями, однако спектр возможных механизмов воздействия на целевую аудиторию ограничен, так как реклама является односторонним видом коммуникации и регулируется, в числе прочего, определенными юридическими актами. Поэтому создатели рекламы стараются компенсировать указанные недостатки за счет использования различного вида экспрессивных средств, в частности, рифмы, аллитерации и ритма, в чем проявляется, как мы полагаем, карнавализация.

Обсуждение

Мы согласны с мнением Г.А. Авдеевой о том, что «современная художественная литература отражает отмеченный исследователями процесс «карнавализации», а также тенденцию к всеобщему «огрублению» речи людей самых разных социальных слоев» [Авдеева 2013: 80]. Следует учитывать, что реклама выходит на международный уровень. В связи с этим необходимо считаться с тем, что употребление сниженной и порой нецензурной лексики при создании качественной рекламы принято не во всех культурах, что должно сказываться на переводе.

В рекламном видеоролике французского автосервиса «Midas», рифмованный слоган которого мы приводили выше, мы наблюдаем за диалогом недовольного клиента с сотрудником одного из сервисных центров, где, как понятно из текста рекламы, услуги оказывают очень долго, а стоимость работ достаточно высока. В реплике клиентки присутствует фрагмент с элементами сниженной лексики «en plus, ça me coûte la peau des fesses». Выражение «coûter la peau des fesses» (досл. с фр. «стоять как кожа ягодич») является устойчивым выражением, значение которого 'очень дорого стоять'. Во фрагменте видеоролика видно, что девушка как бы протягивает муляж ягодич консультанту в счёт оплаты. Мы предлагаем более «мягкий» вариант передачи следующей реплики: «Pas d'accord. Donc déjà que j'ai attendu mille ans pour la révision de ma voiture électrique, en plus ça me coûte la peau des fesses». (Перевод с фр. наш: «Так, хотите сказать, я ждала целую вечность, пока машину починят, а теперь должна себя на органы продать, чтобы позволить ремонт машины?»).

Признавая, вслед за М.А. Загибаловой, что глобализация и компьютеризация формируют особые условия коммуникации в культуре постиндустриального общества, что связано с определенной унификацией [Загибалова 2011], мы однако не вполне согласны с тем, что это ведет к потере идентичности и что феномен карнавализации, которому хотя и свойственна определенная унифицированность, не имеет определенных национальных черт. Мы скорее склонны разделить мнение А.С. Ляшок о том, что карнавал как форма праздничной культуры обладает специфическими особенностями и выполняет определенную роль в социокультурном пространстве того общества, в котором он функционирует. Многовариантность карнавала обусловлена тем, что каждый народ, в силу присущих ему особенностей и способностей в процессе истории дополняет и обогащает праздник новыми элементами [Ляшок 2004]. Эта вариативность находит свое отражение и в проявлении аспектов карнавализации в различных сферах жизни. Подчеркивая справедливость слов М.К. Каракуловой, которая среди языковых изменений последнего времени, называемых карнавализацией, в русском языке отмечает преобладание смехового начала, нацеленность на языковую игру с получателем информации, для чего в текстах используются интертекстуализмы, представляющие собой цитаты, аллюзии из другого произведения, а также графические эффекты, например, сочетание латиницы и кириллицы, соотношение строчных и прописных букв [Каракулова 2010], мы хотели бы сказать, что, если большая часть данной информации может быть отнесена и к французским рекламным текстам, то графические эффекты в силу разницы в языках, имеют различия. Так, во французских рекламных текстах не используется

сочетание латиницы и кириллицы; зато используется гибридизация, т.е. смешение заимствований из различных языков. Подобным образом, франкоязычные компоненты номинаций рекламируемых продуктов сочетаются с элементами, ведущими происхождение из других языков. В прагматониме кофе MONARCH VELOUR слово «monarch» происходит от др.-греч. *μόναρχος* – единовластный правитель, властелин, в то время как использование франкоязычного компонента «velour» (с фр. бархат), выполняет функцию отражения разнообразия свойств предлагаемого кофе, который может быть не только крепким, но и бархатным (мягким) [Голубева 2024].

Р.А. Дукин выделяет определенные социальные функции современных карнавальных форм, реализуемые в социальных медиа, к числу которых он причисляет компенсаторную функцию (восстановление гармонии в человеческих отношениях благодаря снижению роли авторитетов и возвышению «простых людей»); санкционирующую функцию (разоблачение формальщины и официальщины); коммуникативную функцию (организация особого коммуникативного пространства со своими приемами, языком и стилем общения) [Дукин 2014]. Не отрицая наличие этих функций, мы хотели бы дополнить или конкретизировать их функциями, выполняемыми приемами лингвокреативности с использованием элементов комического в рекламных текстах. В числе их можно назвать волюнтативную функцию (смягчение императивного характер рекламы и побуждение к действию (покупке) через развлекательность). Приведем пример: в рекламе драже «M&M's Crispy» главными персонажами являются одушевленные драже желтого и красного цвета. Красный попросил Желтого рассказать всему миру, что в продаже появилась новая разновидность драже, а именно «M&M's Crispy» (драже с хрустящим центром). Желтый раскручивает глобус, т.е. модель мира, держа над ним пачку драже, и кричит: «Les M&M's Crispy sont là» (перевод с фр. наш: «Драже «M&M's Crispy» уже здесь»). Очевидно, что имелся в виду другой способ сообщения информации потенциальным пользователям, но при этом глупость Желтого воспринимается не зло, а с улыбкой. Лингвокреативность данного рекламного видеоролика проявляется в языковой игре, основанной на многозначности слова «monde» (ср. мир как глобус и мир как население мира).

В качестве следующей функции можно назвать мнемоническую функцию (стимулирование быстрого запоминания названия рекламируемого продукта), в частности, за счет использования элементов аллюзии, например: молочный продукт бренда «La vashe qui rit» («Веселая буренка») – аллюзия на название романа Виктора Гюго «Человек, который смеется» («L'homme qui rit»).

Далее следует функция пробуждения интереса потенциальных покупателей за счет неканоничности использования языка, в частности, создания неологизмов: «*Ne devenez pas un papâte*» (перевод с фр. наш: «*Не становитесь папой, который умеет готовить лишь макароны*»).

Хотелось бы также выделить эмотивную функцию, цель которой – прямое выражение отношения говорящего к тому, о чём он говорит. Это ярко проявляется в рекламе стоматологии MTDENTS, подчеркивающей, что к стоматологу лучше ходить заранее. В диалоге между гнилым и здоровым зубом мы встречаем следующую реплику: «*Bah, ça pue et c'est toi*» (перевод с фр. наш: «*Ну, тут воняет, и это ты*»). Эмотивная функция в данном примере выражена за счёт разговорной лексики с негативной коннотацией).

В противоположность раскрытой до этого функции следует упомянуть аттрактивную эстетическую функцию (поддержание положительных эмоций и доставление удовольствия адресату). Примером осуществления данной функции может стать видеоролик автомобиля «Mercedes-Benz» – «Ангел-хранитель». В предложенном рекламном ролике пользователи наблюдают за диалогом двух ангелов, сидящих на облаках. Эстетическое воздействие на реципиента начинается с невербальных компонентов (музыкальное сопровождение с помощью игры на арфе; прекрасный видеофон – мягкие, пушистые облака, демонстрирующие безмятежность и спокойствие).

Все эти функции вкупе способствуют повышению спроса на рекламируемые товары и/или услуги и формируют их сбыт, т.е. способствуют осуществлению маркетинговой функции. Мы полагаем, что проанализированные тексты имеют общие стратегии карнавализации, обусловленные спецификой определенного типа текстов.

Заключение

Главный принцип народной праздничной культуры – принцип вечной смены, обновления и веселья. Современность является благодатной почвой для функционирования различного рода карнавальных форм, к которым относится в частности возможность обсуждать в форме смеха то, что прежде считалось табу. Карнавализация находит свое отражение в создании субстандартной речи, что связано, прежде всего, с лингвокреативностью, т.е. с созданием неологизмов, например, с образованием окказионального глагола от существительного, являющегося названием рекламируемого продукта в рекламе. Языковое творчество, восходящее к карнавализации, в частности в рекламной деятельности, выражается также в языковой игре, в использовании заимствований, в применении в рекламных слоганах рифмовки и т.д.

Учитывая наличие в рассмотренных ранее примерах,

иллюстрирующих осуществление перечисленных функций, таких компонентов как постоянная смена, обновление и юмор, которые указывались выше в качестве принципов карнавальной культуры, мы можем утверждать, что в современных французских рекламных текстах присутствуют определенные аспекты карнавализации. Стратегии карнавализации представляют собой не только использование вербальных и невербальных средств, но и создание новых типов карнавализованных текстов. Стратегии влияют на сознание индивида и определяют его поведение или отношение к проблеме; проведенное исследование позволяет предположить проявление коммуникативных, прагматических и семантических стратегий карнавализации. Для построения оптимальной стратегии необходимо учитывать специфику системы «человек-социум-культура».

Библиографический список

Авдеева Г.А. Стилистически маркированная (окрашенная) лексика в произведениях г. Щербаковой // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2013. №3 (22). С. 79-92 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheski-markirovannaya-okrashennaya-leksika-v-proizvedeniyah-g-scherbakovoy> (дата обращения: 26.03.2025).

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.

Голубева Т.И. Разноязычные и разноструктурные компоненты прагматонимов в качестве приемов нейминга: функциональный аспект // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. Вып. 2(53). С. 22-34. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5341/ (дата обращения: 26.03.2025).

Гулинов Д.Ю. Языковой климат современной французской рекламы // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1(17). С. 98-102.

Дукин Р.А. Репрезентации карнавальных процессов в социальных медиа // Огарев-online. 2014. № 24 (38). С. 1-6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journal.mrsu.ru/arts/reprezentacii-karnavalnykh-processov-v-socialnykh-media> (дата обращения: 09.03.2025).

Загibalова М.А. Особенности культурного развития современности: феномен карнавализации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. №2. С. 32-39 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnogo-razvitiya-sovremennosti-fenomen-karnavalizatsii> (дата обращения: 09.03.2025).

Каракулова М.К. Карнавализация русского языка // Вестник педагогического опыта 2010. № 32. С. 3-7.

Касимов Р. Поэтика карнавала и переходных ритуалов // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. №3. С. 6-15 Режим доступа: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1995&n=3&abs=KASIMOV> (дата обращения: 26.03.2025).

Ляшок А.С. Карнавал как форма праздничной культуры: философско-культурологический анализ: автореф. ... канд. филос. наук. Краснодар 2004. 28 с.

Страхова А.В. Неологизмы в российской и французской рекламе и их социальная направленность // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». 2011. № 4. С. 71-77

Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007. 592 с.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22(2). Pp. 133-187.

Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. 530 p.

References

- Avdeeva G.A. Stilisticheski markirovannaya (okrashennaya) leksika v proizvedeniyax g. Shherbakovoj // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2013. №3 (22). С. 79-92 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheski-markirovannaya-okrashennaya-leksika-v-proizvedeniyah-g-scherbakovoy> (accessed: 26.03.2025).
- Baxtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. M., 1990. 543 s.
- Golubeva T.I. Raznoyazychny'e i raznostrukturny'e komponenty pragmatonimov v kachestve priemov nejminga: funkcionalnyj aspekt // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2024. Vy'p. 2(53). S. 22-34. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5341/ (accessed: 26.03.2025).
- Gulinov D.Yu. Yazykovoj klimat sovremennoj francuzskoj reklamy // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2: Yazykoznanie. 2013. № 1(17). S. 98-102.
- Dukin R.A. Reprezentacii karnaval'ny'x processov v social'ny'x media // Ogarev-online. 2014. № 24 (38). S. 1-6 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://journal.mrsu.ru/arts/reprezentacii-karnavalnykh-processov-v-socialnykh-media> (accessed: 09.03.2025).
- Zagibalova M.A. Osobennosti kul'turnogo razvitiya sovremennosti: fenomen karnavalizacii // Izvestiya TulGU. Gumanitarny'e nauki. 2011. №2. С. 32-39 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kulturnogo-razvitiya-sovremennosti-fenomen-karnavalizatsii> (accessed: 09.03.2025).
- Karakulova M.K. Karnavalizaciya russkogo yazyka // Vestnik pedagogicheskogo opyta 2010. № 32. S. 3-7.
- Kasimov R. Poe'tika karnavala i perexodny'x ritualov // Dialog. Karnaval. Xronotop. 1995. №3. S. 6-15 Rezhim dostupa: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1995&n=3&abs=KASIMOV> (accessed: 26.03.2025).
- Lyashok A.S. Karnaval kak forma prazdnichnoj kul'tury: filosofsko-kul'turologicheskij analiz: avtoref. ... kand. filos. nauk. Krasnodar 2004. 28 s.
- Straxova A.V. Neologizmy v rossijskoj i francuzskoj reklame i ix social'naya napravlenost' // Vestnik RUDN. Seriya «Lingvistika». 2011. № 4. С. 71-77
- E'ko U. Polnyj nazad! «Goryachie vojny» i populizm v SMI / per. s ital. E. Kostyukovich. M.: E'ksmo, 2007. 592 s.
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22(2). Pp. 133-187.
- Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. 530 p.

UDC 81'42

SPECIFICITY OF CARNIVALIZATION IN ADVERTISING TEXTS

S.V. Lebedeva

Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Professional Communication

e-mail: lebedeva15sv@yandex.ru

Kursk State University (Kursk, Russia)

N.V. Mosina

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages and Culture

e-mail: natalia_mosina@bk.ru

Russian State Social University (Moscow, Russia)

This article examines the concept of carnivalization of advertising texts on the example of French and Russian. Taking into account M.M. Bakhtin's position that laughter acts as a form of the simplest communication, we attempt to describe the functions of the advertising text through the theory of carnivalization, which is manifested in the advertising texts through the use of such linguistic creativity techniques as allusions, occasionalisms, play on words, rhymed text and words from different languages to attract the attention of a potential buyer of a product or service. Modern advertising is often based on carnival elements, previously taboo elements, which we prove by analyzing the examples given in the article.

Keywords: *carnival theory, carnivalization, carnivalized advertising texts, advertising functions.*

УДК 81`37

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Ю.А. Литвинова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
e-mail: Uliyalitviniva@yandex.ru

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова (г.
Воронеж, Россия)

Статья посвящена сопоставительно-типологическому анализу фрагмента действительности «что-либо опасное/кто-либо опасный» в русском и английском языках. Лексические единицы, описывающие данное явление в обоих языках, выступают в качестве материала исследования и являются основой для формирования одноименных межъязыковых синонимических рядов. Был произведен сопоставительно-типологический анализ выявленных синонимических рядов. Отмечается, что интерпретация результатов исследования требует наличия трех этапов для более точного обнаружения интегральных и дифференциальных черт изучаемого лингвистического явления. Каждый этап включает в себя определенные параметры, по которым анализируются изучаемый фрагмент действительности в целом и выявленные одноименные синонимические ряды в неродственных языках. Делается вывод о необходимости проведения сопоставительно-типологических исследований микросистем (СР) для более полного понимания универсальных и специфических свойств сопоставляемых языков.

Ключевые слова: сопоставительно-типологический метод, изоморфические и алломорфические черты, типологические исследования, синонимические ряды, сходства и различия.

Введение

«Несмотря на значительные расхождения между языками нельзя отрицать существование между ними общего. Ведь иначе языки не могли бы называться одним словом: *язык*» [Seiler 1986: 11]. С целью выявления общих черт в сопоставляемых языках применяется принцип сравнения, который лежит в основе любой науки. Сравнение, как общелингвистический прием, является важным универсальным методом исследования языковых явлений и используется при анализе материала на различных уровнях языковой системы.

«Сравнение может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения» [Мейе 1954: 11].

«Сравнение – это установление сходства и различия предметов и явлений объективной действительности» [Кондаков 1954: 129].

«Сравнение есть одно из необходимых операций всех наук» [Бодуэн де Куртене 1963: 56].

Из этого можно заключить, что сравнение является универсальным приемом, который позволяет обнаружить сходства и различия языковых явлений. Для выявления интегральных и дифференциальных черт конститутивных единиц в лингвистике применяется сопоставительно-типологический метод.

Р. Дж. Абдрахманова определяет сопоставительно-типологический метод, как «выявление суммы сходных и различных черт языков, характеризующих их системы, т.е. сопоставление изоморфных и алломорфных черт целых систем, подсистем и микросистем исследуемых языков» [Абдрахманова 2014: 41]. О.С. Кожаева утверждает, что «для того, чтобы определить изоморфические и алломорфические черты в нескольких языках, необходимо сравнить эти языки друг с другом или сопоставить один язык с другим» [Кожаева 2008: 5].

В своем исследовании считаем целесообразным прибегнуть к сопоставительно-типологическому методу, который может быть успешно применен при анализе синонимических рядов неродственных языков.

Прежде чем перейти к задачам сопоставительно-типологических исследований, более подробно рассмотрим сопоставительный и типологический методы в отдельности.

Ш. Балли полагает, что сопоставление двух языков позволяет описать «их характерные черты, которые особенно легко позволяют выявить оригинальность каждого из них, и общий тип, который каждый из них представляет» [Балли 2001: 38-39].

«Основной задачей сопоставительного метода является познание сходств и различий семантики и структуры двух и нескольких языков. Отсюда и главный предмет исследования для сопоставительного метода – структура двух языков в их сходствах и различиях» [Лихачева, Темникова, Абанин 2015: 3].

Отсюда следует, что сопоставительный анализ языков способствует лучшему пониманию их специфики, позволяет выявить сходства и различия исследуемых лингвистических явлений в синхронном плане. Причем предметом изучения могут быть единицы, категории, микросистемы различных уровней языка.

Далее остановимся на некоторых теоретических положениях типологических исследований.

«Типология как особый раздел науки характеризует все отрасли знания, то есть в каждой науке применяется типологический (сравнительный) метод и типологическая классификация, основанная на сравнении. Это свидетельствует об универсальности типологии как метода науки» [Буранов 1983: 7].

О.С. Кожаева пишет, что типологические исследования предполагают выделение того общего, что представлено во всех языках. В своем исследовании автор определяет термин «типология» как учение о типах языков, которые изучаются путем сопоставления как отдельных уровней, подуровней и микросистем, так и систем отдельных языков в целом и групп языков [Кожаева 2008: 3].

М. А. Рыбаков также подчеркивает, что основой типологии является сопоставление не отдельных единиц языка, а систем [Рыбаков 2006: 40].

О.Н. Лихачева, Л.Б. Темникова, Ф. Абанин считают, что «типологическим методом исследуются языки вне зависимости от их родства с целью установления сходств и различий конститутивных единиц и отношений между двумя или несколькими языками» [Лихачева, Темникова, Абанин 2015: 4].

Ю.В. Рождественский утверждает, что «типологический метод интересуется не конкретными значениями, а только способами выражения значений. Он учитывает не только наблюдаемые исследователем в языках способы выражения значений, но и все мыслимые способы» [Рождественский 1969: 65].

Таким образом, типология является универсальным методом науки, который изучает различные способы выражения значений. Его предпочтительно использовать для сопоставления систем или микросистем, для выявления общих и различных черт последних как в родственных, так и неродственных языках. Все это дает основание полагать, что данный метод можно применить для исследования синонимического ряда, члены которого представляют собой различные способы выражения общего для них значения.

В отечественной лингвистической литературе существует термин «сопоставительно-типологический анализ», о котором пишет В.Н. Ярцева – «сопоставительно-типологическое исследование языков не только выделилось как особый раздел науки, но за последние годы обогатило арсенал своих методов за счет привлечения новых идей и приемов анализа из общего и сравнительного языкознания» [Ярцева 1987: 203].

Р.И. Глазырин пишет, что «...до определенного момента оба вида анализа по направленности и характеру исследования совпадают, хотя типологический метод является более высоким этапом исследования, чем сопоставление» [Глазырин 1976: 20].

По мнению И.М. Гукмана «общим для типологического исследования, отличающим его от сравнительного языкознания, является сопоставление не материально одинаковых и генетически тождественных элементов, а элементов, не связанных ни материально, ни генетически, но обнаруживающих общие черты в структурных моделях и типах отношений» [Гукман 1978: 53].

Итак, ученые, занимающиеся сопоставительно-типологическим анализом различных языков, полагают, что именно сопоставительно-типологический метод позволяет установить сходства и различия между родственными и неродственными языками. Результаты сопоставительного анализа служат базой для дальнейших типологических исследований.

Материалы и методы

Источниками материала исследования послужили близкие по значению лексические единицы русского (*опасность, угроза, риск, гроза*) и английского (*risk, danger, threat, hazard, menace, jeopardy, peril*) языков, отобранные по единой архисеме *что-либо опасное/кто-либо опасный* из авторитетных лексикографических источников (Дмитриева Д.В., Ефремовой Т.Ф., Евгеньевой А.П., Кузнецова С.А., Ожегова С.И., Ушакова Д.Н., Longman Dictionary of Contemporary English, Merriam-Webster Dictionary, Collins Online Dictionary, Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionary), [Дмитриев 2003], [Ефремова 2006], [Евгеньева 2003], [Кузнецов 2000], [Ожегов 2005], [Ушаков 1935], [slovar-vocab.com], [merriam-webster.com], [www.collinsdictionary.com], [oxfordlearnersdictionaries.com].

Используемые при проведении исследования методы – метод контрастивного анализа, полевого моделирования, методы лексикографического, психолингвистического и контекстуального анализа, сопоставительно-типологический метод.

Результаты

Результаты исследования лексических единиц в обоих языках получены на основе методики, подробно изложенной в [Литвинова 2023: 217-222]. Однако в английском языке позднее мы добавили лексему *risk*, которая стала *доминантой* в СР с семантическим ядром «**Что-либо/кто-либо опасное(-ый)...**». В СР с семантическим ядром «**Вероятность опасной ситуации...**» – *близкий синоним*.

По итогам комплексной методики описания лексических единиц в русском языке [tesaurus.ru], [ruscorpora.ru] было обнаружено 3 семантических ядра (СЯ), на основании которых исследуемые лексемы могут объединиться в синонимические ряды – «**Вероятность несчастья, бедствия, катастрофы, неприятного события**» (СР 1); «**Что-либо/кто-либо опасное(-ый), что/кто может причинить зло, неприятность, вред, внушить страх, вызвать ужас**» (СР 2); «**Ситуация (событие), которая может быть близко, представлять угрозу/опасность для жизни человека (общества, нации)**» (СР 3).

Такие лексические единицы, как *опасность, угроза*, вошли в состав 3 СР, т.к. имеют 3 значения, выявленные на основе их интегрированного

описания. Лексемы *гроза* и *риск* входят в состав 2 СР, т.к. только два значения совпадают с другими членами ряда.

Синонимический ряд (1) – опасность 4,99 (доминанта), *риск* 3,85, *угроза* 3,76 (близкие синонимичные единицы), *гроза* 1,66 (приблизительные синонимичные единицы).

СЯ: Вероятность несчастья, бедствия, катастрофы, неприятного события.

Коннотативный макрокомпонент представлен *отрицательно-оценочными и неэмоциональными семами*.

В функциональном макрокомпоненте зафиксированы *общераспространенные, современные, частотные и межстилевые* семы.

Зона нормативной сочетаемости: *страшная* (опасность, угроза, гроза), *смертельная* (опасность, угроза), *серьезная* (опасность, угроза), *большая* (опасность, угроза), *прямая* (опасность, угроза), *реальная* (опасность, угроза), *создать* (опасность, угрозу), *представлять* (опасность, угрозу), *ужасная* (опасность, гроза), *подвергать* (опасности, риску), *степень* (опасности, риска).

Несовпадающие нормативные сочетания: *опасность* (радиационная, инфекционная, великая, величайшая, крайняя, наибольшая, настоящая, необычайная, огромная, чрезвычайная, повышенная, экологическая, общественная, высокая, не страшиться ..., попасть в ..., быть/находиться в ..., избегать, не считаться с ..., предупредить об ..., в О., нависла), *угроза* (постоянная, открытая, военная, основная, внешняя, анонимная, быть под У. срыва, явная), *риск* (идти на Р., предотвратить Р., превышать Р., устранить Р., группа Р., факторы Р., с Р. для жизни, без Р., финансовый, снизить Р., инфляционный, не страхуемый, политический, чистый, существенный), *гроза* (жуткая, сильная).

Синонимический ряд (2) – гроза 2,17, *угроза* 0,71, *опасность* 0,30 (приблизительные синонимичные единицы).

СЯ: Что-либо/кто-либо опасное(-ый), что/кто может причинить зло, неприятность, вред, внушить страх, вызвать ужас.

Коннотативный макрокомпонент демонстрирует наличие *отрицательно-оценочных и неэмоциональных сем*.

В функциональном макрокомпоненте обнаружены *общераспространенные, современные, частотные, межстилевые* (угроза, опасность), *разговорное* (гроза) семы.

Зона нормативной сочетаемости: *серьезная* (опасность, угроза), *реальная* (опасность, угроза), *представлять* (опасность, угрозу), *создать* (опасность, угрозу).

Несовпадающие нормативные сочетания: *опасность* (смертельная, подвергать, повышенная, экологическая, общественная,

высокая, степень), *угроза* (под У, основная, внешняя, большая, анонимная, являться), *гроза* (жуткая, сильная, страшная, ужасная).

На основании полученных результатов констатируем отсутствие **доминанты** в СР (*гроза, угроза, опасность*), т.к. ни один член ряда не обладает признаками, характерными для доминанты (наивысший СИЯ, стилистическая нейтральность, широкая нормативная сочетаемость).

Синонимический ряд (3) - опасность 0,36 (доминанта), *угроза, риск* (близкие синонимичные единицы)

СЯ: Ситуация (событие), которая может быть близко, представлять угрозу/опасность для жизни человека (общества, нации)

В коннотативном макрокомпоненте зафиксированы *отрицательно-оценочные и неэмоциональные семы*.

Функциональный макрокомпонент отмечен *общераспространенными, современными, частотными, межстилевыми* семами.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что их интерпретация требует наличия трех этапов. Это позволит более детально провести анализ данного фрагмента действительности в русском и английском языках на основе выявления сходных и различных черт.

На первом этапе сопоставление осуществляется путем выявления:

- общего количества лексических единиц, характеризующих данное явление в русском и английском языках;
- общего количества СР, выявленных в русском и английском языках;
- общего количества одноименных межъязыковых СР русского и английского языков.

На втором этапе предлагаем сопоставить одноименные межъязыковые СР с учетом их сложной структуры, а именно:

- количество членов в СР;
- семантическое ядро;
- наличие/отсутствие доминанты, близких, приблизительных синонимов;
- коннотативный макрокомпонент;
- функциональный макрокомпонент;
- зона совпадающих/несовпадающих нормативных сочетаний.

На третьем этапе считаем целесообразным сопоставить одноименные межъязыковые СР по следующим семантическим параметрам:

- архисема (входит в состав СЯ);

- степень опасности/ масштаб ущерба (описывается на основе совпадающих ядерных и периферийных семантических признаков всех членов СР);
- сфера жизнедеятельности (характеризуется на основе анализа совпадающих и несовпадающих сочетаний);
- способы борьбы (трактуются на основе анализа совпадающих и несовпадающих сочетаний).

Первый этап

В английском языке данный фрагмент действительности представлен 7 лексическими единицами (*risk, danger, threat, hazard, menace, jeopardy, peril*), в русском языке – 4 (*опасность, угроза, риск, гроза*). Это свидетельствует о том, что для англоговорящих людей данное явление представляется наиболее значимым, чем для русскоговорящих.

Несмотря на детализацию данного фрагмента действительности, в английском языке было выявлено 2 СР – **«Что-либо/кто-либо опасное(-ый)...**» и **«Вероятность опасной ситуации...»**. В русском языке было обнаружено 3 СР – **«Вероятность несчастья, бедствия, катастрофы, неприятного события»**; **«Что-либо/кто-либо опасное(-ый), что/кто может причинить зло, неприятность, вред, внушить страх, вызвать ужас»**; **«Ситуация (событие), которая может быть близко, представлять угрозу/опасность для жизни человека (общества, нации)»**. Это говорит о том, что в русском языке исследуемые лексические единицы имеют больше совпадающих значений, на основе которых они способны объединиться в СР.

Полученные результаты позволяют выявить 2 одноименных межъязыковых СР: 1) СР с СЯ – **«Что-либо/кто-либо опасное(-ый)...**» в английском языке и СР с СЯ **«Что-либо/кто-либо опасное(-ый)...**» в русском языке; 2) СР с СЯ **«Вероятность опасной ситуации...»** в английском языке и СР с СЯ **«Вероятность несчастья»** в русском языке.

Считаем целесообразным сопоставлять структурные модели одноименных межъязыковых СР с учетом параметров **второго и третьего этапов** одновременно.

Второй и третий этапы

СР (1) с СЯ **«Что-либо/кто-либо опасное(-ый), что или кто может причинить ущерб»** в английском языке и СР (2) с СЯ **«Что-либо/кто-либо опасное(-ый), что/кто может причинить зло, неприятность, вред, внушить страх, вызвать ужас»** в русском языке.

Таблица 1

Параметры сопоставления	Русский язык	Английский язык
количество членов в СР	3 (гроза, угроза, опасность)	5 (risk, threat, hazard, danger, menace)

семантическое ядро (СЯ)	«Что-либо/кто-либо опасное(-ый), что/кто может причинить зло, неприятность, вред, внушить страх, вызвать ужас»	«Что-либо/кто-либо опасное(-ый), что или кто может причинить ущерб»
Доминантная единица	-	+ (risk)
близкие синонимичные единицы	-	+ (threat, hazard, danger)
приблизительные синонимичные единицы	+ (гроза, угроза, опасность)	+ (menace)
коннотативные семы	отрицательно-оценочные, неэмоциональные	отрицательно-оценочные, неэмоциональные
функциональные семы	общераспространенное, современное, частотное, межстилевое (угроза, опасность), разговорное (гроза)	общераспространенное, современное, частотное, межстилевое
совпадающие нормативные сочетания	5 сочетаний	21 сочетание
несовпадающие нормативные сочетания	17 сочетаний	61 сочетание

В таблице 1 показаны сходства и различия исследуемых одноименных межъязыковых СР (1) в русском и английском языках. Сходства выявлены по таким параметрам сопоставления, как *приблизительные синонимичные единицы*, *коннотативные семы*. В СЯ данные СР совпадают только по *архисеме*. В *функциональном* макрокомпоненте обнаружены сходства всех микрокомпонентов за исключением лексемы *гроза* в русском языке, которая употребляется в разговорной речи. По остальным параметрам четко прослеживаются различия, особенно в зоне совпадающих и несовпадающих нормативных сочетаний. Такие различия свидетельствуют о том, что в английском языке члены ряда широко используются в речи и могут замещать друг друга в контексте, а также могут индивидуально употребляться в разных сферах человеческой деятельности.

Следующий семантический параметр, выделенный нами, – *степень опасности/ масштаб ущерба*. Так в *английском языке*, что-либо/кто-либо может нанести ущерб, убить кого-то, вызвать повреждения, проблемы, разрушить что-то, нанести травму. В *русском языке* что-либо/кто-либо может причинить зло, неприятность, вред, внушить страх, вызвать ужас. Отсюда можно заключить, что в английском языке конкретизирован масштаб ущерба, в отличие от русского языка. Носители русского языка

предпочитают не задумываться о конкретной степени опасности и масштабах причиненного ущерба.

Сферы жизнедеятельности, в которых используются исследуемые члены СР, также более разнообразны в английском языке. Здесь лексические единицы употребляются в экономической сфере (economic, financial), военной (military), политической (political), публичной (public), экологической (environmental\fire), в здравоохранении (health). Опасность может быть потенциальной (potential), огромной (big\great\enormous), смертельной (death\mortal), мгновенной (immediate), растущей (growing), существенной (considerable), ядерной (nuclear), террористической (terrorist), неминуемой (imminent), идеологической (ideological), чужой (alien) и т.д. В русском языке зона совпадающих нормативных сочетаний представлена четырьмя сочетаниями, три из которых также выявлены и в английском языке (серьезная, реальная, представлять). Опасность/угроза также может быть смертельной, повышенной, экологической, внешней, анонимной, страшной. Огромное разнообразие совпадающих и несовпадающих нормативных сочетаний в английском языке служат доказательством того, что англоговорящие не теряют бдительность и видят опасность/угрозу везде, во всех сферах человеческой деятельности, в отличие от русскоговорящих.

В английском языке члены исследуемого СР сочетаются с глаголами, которые свидетельствуют о том, как можно бороться с опасностью/угрозой – устранить (eliminate), сократить/снизить (reduce), предусмотреть (entail), минимизировать (minimize), встретить (meet), избежать (avoid). В русском языке члены ряда сочетаются только с глаголами *представлять* и *подвергать*. Следовательно, в русском языковом сознании данное явление не является таким угрожающим, как для носителей английского языка. Носители русского языка мало верят в какую-либо опасность/угрозу, надеясь всегда на лучшее или положительный исход.

СР (2) с СЯ «Вероятность ситуации, что кому-либо причинят боль, вред, кто-либо потеряется, будет убит, произойдет что-либо плохое» – в английском языке и **СР (1) с СЯ «Вероятность несчастья, бедствия, катастрофы, неприятного события»** в русском языке.

Таблица 2

Параметры сопоставления	Русский язык	Английский язык
количество членов в СР	4 (опасность, риск, угроза, гроза)	5 (danger, risk, threat, jeopardy, peril)
семантическое ядро (СЯ)	«Вероятность несчастья, бедствия, катастрофы, неприятного события»	«Вероятность ситуации, что кому-либо причинят боль, вред, кто-либо потеряется, будет убит, произойдет что-либо плохое»

Доминантная единица	+ (опасность)	+ (danger)
близкие синонимичные единицы	+ (риск, угроза)	+ (risk, threat, jeopardy)
приблизительные синонимичные единицы	+ (гроза)	+ (peril)
коннотативные семы	отрицательно-оценочные, неэмоциональные	отрицательно-оценочные, неэмоциональные
функциональные семы	общераспространенное, современное, частотное, межстилевое	общераспространенное, современное, частотное, межстилевое – <i>danger, risk, threat, jeopardy</i> ; книжное, официально-деловое, современное, частотное – <i>peril</i>
совпадающие нормативные сочетания	5 сочетаний	21 сочетание
несовпадающие нормативные сочетания	17 сочетаний	61 сочетание

В таблице 2 показаны сходства и различия исследуемых одноименных межъязыковых СР (2) в русском и английском языках. Относительное сходство выявлено по таким параметрам сопоставления, как *доминантная единица, близкие и приблизительные синонимичные единицы, коннотативные семы*. В СЯ данные СР совпадают только по *архисеме*. По остальным параметрам четко прослеживаются различия, в частности, в зоне совпадающих и несовпадающих нормативных сочетаний.

Следующий семантический параметр – *степень опасности/масштаб ущерба*. В английском языке возможна вероятность ситуации, что кому-либо причинят боль, нанесут вред, кто-либо будет убит, травмирован, может потеряться, произойдет что-либо плохое, неприятное, что-то будет разрушено, повреждено. В русском языке возможна вероятность несчастья, бедствия, катастрофы, чего-то плохого, неприятного события. В русском языке семантические признаки **вероятность чего-то плохого, неприятного события** входят в семантическое ядро СР, в английском языке – это периферийные признаки СР. Анализ семантических признаков в обоих СР приводит нас к выводу о том, что в английском языке вероятность опасной ситуации уточняется, конкретизируется, а в русском языке СР представлен общими признаками опасности.

Семантические параметры *сфера жизнедеятельности, способы борьбы* единообразно трактуются для одноименных межъязыковых СР (2) вследствие того, что исследуемые СР выражают один и тот же смысл «что-либо опасное».

Заключение

В заключение можно сделать вывод об общих и различных чертах данного фрагмента действительности и сравниваемых одноименных межъязыковых СР. Учитывая вышеизложенное, следует отметить общие черты:

- оба языка описывают исследуемое явление достаточно большим количеством лексических единиц;
- в обоих языках выявлены СР, совпадающие по архисемам *что-либо/кто-либо опасное(-ый)* и *вероятность опасной ситуации* и выражающие один и тот же смысл;
- одноименные межъязыковые СР с СЯ «Вероятность опасной ситуации...» имеют схожую структурную модель, в рамках которой было выявлено несколько совпадающих семантических параметров;
- в рамках структурной модели одноименных межъязыковых СР с СЯ «Что-либо/кто-либо опасное(-ый)...» также были выявлены схожие параметры.

Помимо наличия общих черт, были обнаружены и различия:

- данный фрагмент действительности охарактеризован бóльшим количеством лексических единиц в английском языке;
- в английском языке оба СР представлены более конкретными признаками опасности, в отличие от русского языка;
- зона совпадающих и несовпадающих нормативных сочетаний гораздо разнообразнее и многочисленнее в английском языке;
- структура одноименных межъязыковых СР с СЯ «Что-либо/кто-либо опасное(-ый)....» различается вследствие отсутствия доминаты и близких синонимов в русском языке.

В целом, анализ таблиц 1 и 2 говорит о бóльшем количестве различий, чем сходств в сравниваемых СР.

Итак, применение сравнительно-типологического метода позволило нам выявить не только общие и различные черты исследуемых микросистем неродственных языков, но и понять специфику данного культурного явления.

Библиографический список

Абдрахманова Р.Дж. Лингвистическая типология: учебное пособие. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. 108 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1. 384 с.

Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков: учебное пособие для пед. ин-тов. М., 1983. 267 с.

Глазырин Р.И. Сопоставительный анализ компаративных фразеологических единиц германских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 23 с.

Гукман Ш.М. Индоевропейское и сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования // Вопросы языкознания. 1978. С. 53-65.

Кожяева О.С. Сравнительно-исторические исследования на современном этапе развития лингвистики // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистическая типология. 2008. № 16. С. 3-6.

Кондаков Н.И. Логика. Пособие для учителей. М., 1954. 514 с.

Литвинова Ю.А. Синонимический ряд как средство представления концептуальной картины мира (на материале лексических единиц *danger, hazard, threat, menace, peril, jeopardy*) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 1 (48). С. 214-224 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50433234> (дата обращения: 12.04.2024).

Лихачева О.Н., Темникова Л.Б., Абанин Ф. Некоторые теоретические аспекты сопоставительного изучения языков // Научные труды КубГТУ. 2015. № 4. С. 1-15.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954. 98 с.

Рождественский Ю.В. Типология слова. М., 1969. С. 65.

Рыбаков М.А. Задачи, методы и актуальные проблемы типологической лингвистики // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2006. № 8. С. 37-46.

Ярцева В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков. М., Наука, 1987. С. 203-207.

Seiler H.J. Apprehension: language, object and order: the universal dimension of apprehension. Tübingen, 1986. Vol. 3. P. 11-15.

Источники фактического материала

Большой толковый словарь русского языка // Рос. Акад. наук. Ин-т лингвист. исслед.; сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2000. 1534 с.

Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка : Ок. 700 слов. ст. : Свыше 6000 значений / Д.В. Дмитриев, Д. Н. Ахапкин и др.; Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель и др., 2003. 782 с.

Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т.1: А-Н / ИЛИ РАН; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 680 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160.000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2006. Т. ...: А-Л. 1165 с.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://thesaurus.ru> (дата обращения: 21.02.2024).

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 16.03.2024).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений; Рос. Акад. Наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 2005. 939 с.

Толковый словарь русского языка / Ред. Д.Н. Ушаков. Т.1: А-КЮРИНЫ. 1935. 1565 с.

Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 30.01.2024).

Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 30.01.2024).

Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <https://english-corpora.org> (дата обращения: 07.04.2024).

Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar-vocab.com> (дата обращения: 30.01.2024).

Oxford Learners Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 30.01.2024).

Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://merriam-webster.com> (дата обращения: 30.01.2024).

References

Abdraxmanova R.Dzh. Lingvisticheskaya tipologiya: uchebnoe posobie. Bishkek: Izd-vo KRSU, 2014. 108 s.

Balli Sh. Obshhaya lingvistika i voprosy` francuzskogo yazy`ka. M.: E`ditorial URSS, 2001. 416 s.

Bodue`n de Kurtene` I.A. Izbranny`e trudy` po obshhemu yazy`koznaniyu. M., 1963. T. 1. 384 s.

Buranov Dzh. Sravnitel`naya tipologiya anglijskogo i tyurkskix yazy`kov: uchebnoe posobie dlya ped. in-tov. M., 1983. 267 s.

Glazy`rin R.I. Sopostavitel`ny`j analiz komparativny`x frazeologicheskix edinicz germanskix yazy`kov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1976. 23 s.

Gukman Sh.M. Indoevropskoe i sravnitel'no-istoricheskoe yazy'koznanie i tipologicheskie issledovaniya // Voprosy` yazy'koznaniya. 1978. S. 53-65.

Kozhaeva O.S. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya na sovremennom e'tape razvitiya lingvistiki // Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvisticheskaya tipologiya. 2008. № 16. S. 3-6.

Kondakov N.I. Logika. Posobie dlya uchitelej. M., 1954. 514 s.

Litvinova Yu.A. Cinonimicheskij ryad kak sredstvo predstavleniya konceptual'noj kartiny` mira (na materiale leksicheskix edinicz danger, hazard, threat, menace, peril, jeopardy) // Teoriya yazy`ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2023. № 1 (48). S. 214-224 [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50433234> (data obrashheniya: 12.04. 2024).

Lixacheva O.N., Temnikova L.B., Abanin F. Nekotory`e teoreticheskie aspekty` sopostavitel'nogo izucheniya yazy`kov // Nauchny`e trudy` KubGTU. 2015. № 4. S. 1-15.

Meje A. Sravnitel'ny`j metod v istoricheskom yazy'koznanii. M., 1954. 98 s.

Rozhdestvenskij Yu.V. Tipologiya slova. M., 1969. S. 65.

Ry`bakov M.A. Zadachi, metody` i aktual'ny`e problemy` tipologicheskoy lingvistiki // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. 2006. № 8. S. 37-46.

Yarceva V.N. Principy` tipologicheskogo issledovaniya rodstvenny`x i nerodstvenny`x yazy`kov. M., Nauka, 1987. S. 203-207.

Seiler H.J. Apprehension: language, object and order: the universal dimension of apprehension. Tübingen, 1986. Vol. 3. P. 11-15.

UDC 81`37

COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL STUDIES OF SYNONYMIC ROWS OF UNRELATED LANGUAGES

Yu. A. Litvinova

*PhD in Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department
e-mail: Uliyalitviniva@yandex.ru*

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G.F. Morozov (Voronezh, Russia)

The article is devoted to the comparative and typological analysis of the fragment of reality "something/someone dangerous" in the Russian and the English languages. Lexical units describing this phenomenon in both languages act as research material and are the basis for the formation of similarly-named interlingual synonymic rows. A comparative and typological analysis of the identified synonymic rows was given. It is noted that the interpretation of the research results requires three stages to reveal the integral and differential features of this linguistic phenomenon more accurately. Each stage includes certain parameters that are used to analyze both the studied fragment of reality as a whole and similarly-named synonymic rows in unrelated languages. It is concluded that it is necessary to conduct comparative and typological studies of the microsystems (SR) for a more complete understanding of the universal and specific features of the compared languages.

Keywords: *comparative and typological method, isomorphic and allomorphic features, typological research, synonymic rows, similarities and differences.*

УДК 811.11-112

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ГЕМЕРОНИМОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ НАИМЕНОВАНИЯМИ ГАЗЕТ

Т.С. Маркова

*Кандидат экономических наук, доцент гуманитарного факультета
e-mail: markowats@mail.ru*

Российский государственный социальный университет (г. Москва, Россия)

Целью данной работы является анализ названий немецкоязычных газет, издаваемых в ФРГ, Австрии, Швейцарии Люксембурге и Лихтенштейне, с точки зрения ономаσιологии. Данное исследование представляется нам актуальным, поскольку позволяет выявить общность и различия в структуре немецкоязычных гемеронимов в зависимости от страны издания. При этом подробно рассматривается ономаσιологический признак выбранных гемеронимов с точки зрения его синтаксиса и лексики, наличия заимствований и других аспектов. Анализируется также лексический состав ономаσιологического базиса немецкоязычных гемеронимов.

Ключевые слова: *гемероним, ономаσιологический базис, признак, структура, газета, язык, страна издания.*

Введение

Новизна данной работы обусловлена тем, что исследования в области ономаσιологии преимущественно связаны с сопоставлением однотипных наименований в различных языках; в нашей же статье предпринята попытка сопоставления номинаций, представленных на одном языке, но используемых в разных странах. Как свидетельствуют результаты нашего анализа, этот факт влияет на лексический состав, синтаксис и ономаσιологические характеристики гемеронимов. Таким образом, целью исследования является выявление специфических, функционально значимых, ономаσιологических характеристик, присущих наименованиям газет, издаваемых на немецком языке в различных странах. Соответственно данной цели решаются такие задачи как: выявление лексического и синтаксического состава гемеронимов в целом, а также компонентов, являющихся их ономаσιологическим базисом и признаком; уточнение различий между ними, объясняющихся экстралингвистическими факторами.

Материалы и методы

Материалом исследования являются наименования газет, издаваемых на немецком языке. Общий массив данных составляет 854 единицы. Из них наименования немецких газет составляют 572

единицы, наименования австрийских изданий – 94 газеты, наименования швейцарских изданий – 169 газет, наименования люксембургских изданий – 15 газет, названия изданий Лихтенштейна – 4 газеты. В ходе написания исследования были использованы такие методы как : метод сплошной выборки (при подборе общего массива данных в качестве материала исследований), анализ научной литературы по исследуемой тематике, метод абстрагирования (нами учитывались преимущественно немецкоязычные гемеронимы), сопоставительный метод (сравнение наименований немецкоязычных газет, издаваемых в ФРГ, Австрии, Швейцарии, Люксембурге и Лихтенштейне), анализ данных наименований с точки зрения их лексического и синтаксического состава, а также описательный метод.

Литературный обзор

Несмотря на то, что гемеронимы изучались и изучаются рядом отечественных исследователей, Я.И. Авлакулов относит их к числу мало, частично или лишь эпизодически изученных онимов [Авлакулов 2011] в ряде языков. Наименования этого класса характеризует определенная нестабильность, так как гемеронимы могут переименовываться в зависимости от социальных перемен, смены идеологии, изменения статуса издания [Мадиева, Супрун 2015], что, впрочем, в меньшей степени относится к немецкоязычным гемеронимам, нежели к русскоязычным.

В работе Т.И. Кравец отмечается активизация новых моделей создания названий газет, а именно: сложение основ и предложение с диалоговой семантикой [Кравец 2002], автор использует материал русского языка.

Определение ономаσιологического базиса в качестве показателя категориальной принадлежности номинативной единицы, а ономаσιологического признака в качестве уточнения, дифференцирующего его в ряду однородных представителей категории, их компонентный состав и содержательное членение рассматриваются в работе О.И. Копача на примере топонимов, а не гемеронимов [Копач 2009].

Не отрицая утверждения Г.С. Доржиевой и А.А. Щербаковой о том, что «ономаσιологические исследования особенно эффективны при сопоставлении способов обозначения одной и той же реалии в разных языках» [Доржиева, Щербакова 2019: 11], мы хотели бы дополнить данные исследования анализом одноязычных гемеронимов, однако употребляемых в различных странах.

Ингеборг Онхайзер отмечает, что ономаσιологический подход важен для выявления языковых средств, используемых для передачи

одного и того же значения в разных языках. На основе сравнения способов передачи номинативного значения внутри ономаσιологической категории «можно установить различные способности языков выражать отдельные значения специализированными для этого выражения словообразовательными средствами» [Онхайзер 1987: 216]. Г.Н. Ягафарова подчеркивает необходимость новых исследований в сфере ономаσιологии, поскольку на данной стадии развития этой науки вслед за беспорядочным накоплением материала пришло время «выведения предварительных итогов исследования лексики» [Ягафарова 2010: 176].

В.А. Косова также отстаивает важность ономаσιологического подхода к изучению категоризации действительности, так как «выявление особенностей словообразовательной категоризации действительности в каждом языке обогащает исследователей бесценным материалом, позволяющим делать заключения о специфике национального мировидения ввиду преимущественного внимания носителей данного языка к каким-либо специфическим конкретизациям общих значений предмета, признака, действия» [Косова 2008: 223]. Хотелось бы дополнить данное замечание тезисом о том, что культурные особенности, по-разному категоризирующие действительность, существуют и в странах, жители которых пользуются одним и тем же языком.

Результаты исследования

Рассмотрим сначала ономаσιологический базис газет, издаваемых в немецкоязычных странах, указывающий на определенный понятийный класс. Как показывают результаты анализа, единственная страна, в которой данные гемеронимы в целом (а следовательно и их базис) состоят исключительно из компонентов немецкого языка, это Лихтенштейн: Nachrichten – 50%, Blatt – 25%, Land – 25%. Причем компонентами немецкого языка представлены также ономаσιологические признаки данных номинаций, уточняющие или дифференцирующие объект в ряду однородных: Liechtensteiner Nachrichten, Oberrheinische Nachrichten, Liechtensteiner Vaterland, Liechtensteiner Volksblatt.

Сопоставимыми являются только результаты анализа ономаσιологической структуры австрийских газет. Среди немецкоязычных компонентов, представляющих ономаσιологический базис номинаций, таких как: Zeitung (19 из 94 = 20,21%), Nachrichten (7 = 7,45%), Woche (5 = 5,32%), Bote (4 = 4,26%), Blatt (4 = 4,26%), Rundschau (3 = 3,19%), Kirche (2,1%), только два представляют собой заимствование, а именно Kurier (3 = 3,19%) происходит от франц. courrier «курьер», далее из класс. лат. currere «бегать, бежать») и Presse (1%) является

заимствованием из французского, где *presse* образовано от глагола *presser*, исходное значение которого «давить» переосмыслилось в «печатать». При этом компоненты, являющиеся ономаσιологическим признаком, также могут быть заимствованиями, хотя и сочетающимися с немецкими компонентами. Приведем примеры: *Regionalnachrichten Salzkammergut* (заимствование из лат. *regionalis* «областной, поместный»). В то же время наблюдается и обратное явление, а именно сочетание немецкоязычного базиса с признаком-заимствованием: *Börsen-Kurier*, *Presse am Sonntag*, *News Leben*.

Относительно наименования газет оставшихся трех стран можно сказать, что компоненты-заимствования, представляющие собой ономаσιологический базис, распределились следующим образом: **Германия:** *Post* – 22 из 572 = 3,85% (от др.-англ. *postis*), *Presse* – 10 = 1,75%, *Echo* – 6 = 1,05% (от лат. *ēchō* — отголосок, отзвук), *Merkur* – 4 = 0,7%, *Times* – 4 = 0,7%, итого = **8,05%**. **Швейцария:** *Magazin* – 2 = 1,12%, *Post* – 2 = 1,12%, *Report* – 2 = 1,12%, *Revue*, *Watson*, *Work* и др. – 1 = 0,56% (22) = 12,32, итого: **15,68%**. **Люксембург:** *Journal*, *Bazar*, *Times* (по одной номинации) – 3 (из 11) = **27,27 %**.

Преобладание заимствований среди названий люксембургских газет можно объяснить следующим образом. Средства массовой информации (газеты, журналы, радио- и ТВ-передачи) Люксембурга выпускаются главным образом на французском и немецком языке. Некоторые издания дублируются на двух языках, например газета *Lëtzebuerger Journal*. Газета *Luxembourg Times* выходит на английском языке, поскольку в Люксембурге проживает большое число иностранцев. Мы включили данный гемероним в число рассматриваемых, хотя сама газета не является немецкоязычной; однако наименование газеты, т.е. гемероним, содержит немецкоязычный компонент *Luxembourg*, представляющий собой ономаσιологический признак наименования.

Наличие в гемерониме в качестве ономаσιологического базиса и признака разноязычных компонентов можно наблюдать неоднократно. Так, наименования газет Люксембурга содержат ономаσιологический признак, выраженный люксембургским языком, получившим статус государственного в 1984 г.: *Zeitung vum Lëtzebuerger Vollek*, *Lëtzebuerger Journal*.

Названия газет Швейцарии иногда имеют в своем составе англоязычные компоненты, если речь идет о компьютеризированных изданиях, например *OnlineReports*. В принципе к числу экзогенных элементов можно отнести и заимствования из латинского языка: ***Coopzeitung*** (от лат. *cooperatio* «сотрудничество»), ***Infosperber*** (от латинского глагола ***informare*** «формировать; обучать, воспитывать»).

Значительно большее разнообразие в плане разноязычных заимствований компонентов, образующих двучленную ономазиологическую структуру, наблюдается в наименованиях австрийских газет. Помимо уже упоминавшихся заимствований из латинского языка, **Regionalzeitung** (Vorarlberg), **Regionalnachrichten** Salzkammergut – regional происходит от латинского слова «regio», означающего «округ или направление», **Kulturzeitung** 80 (Steiermark) – от лат. cultura «возделывание, обработка; воспитание», **Familie** Rockt! (Wien) – от лат. familia «домочадцы, челядь»/, **Medianet**, **MedienManager** – форма от латинского medium, переводимое как «средний» или «посредник»; среди названий австрийских газет встречаются заимствования из древнегреческого языка, например: **Orthodoxe** Kirchenzeitung (от др.-греч. ὀρθόδοξος «правоверный», из ὀρθός «прямой; правильный»), **Megaphon** /Graz/ (сложение на основе греч. megas «сильный, большой» и phōnē «звук» от греческого слова phōnē — «звук, голос»). Можно отметить также компоненты, этимологически связанные с французским языком, например: **Börsen-Kurier** (происходит от франц. bourse «кошелёк, биржа»; предположительно восходит к фамилии купеческой семьи ван дер Бурсе (van der Burse) в Брюгге (XIII век), **Presse** am Sonntag (является заимствованием из французского, где presse образовано от глагола presser, исходное значение которого «давить» переосмыслилось в «печатать»).

Разноязычными являются и такие гемеронимы как: The Vienna Review (Vienna (англ.) + **Review** (от фр. Revue – обозрение); News Leben; **SCHICK-Magazin**, где первый компонент происходит от нем. Schick «пригодность; ловкость; шик», а второй от французского magasin, итальянского magazzino, изначально от арабского makzin, makzan (склад). Интересна этимология гемеронима Journal Graz, где Journal происходит от франц. journal, далее из ср.-лат. diurnalis, diurnale «ежедневное известие, весть», а название города Graz славянского происхождения, происходит от «Градец» (Gradez, Gradec). Таким образом, среди австрийских наименований газет отмечены заимствования из латинского, (древне)греческого, французского, арабского языка, а также топоним славянского происхождения.

Весьма разнообразными являются также заимствования компонентов номинаций газет. Среди них наибольшее количество приходится на компоненты латинского происхождения, например: Deutsche **Juristische** Zeitung, где Juristische произошло от латинского слова «jus», что означает «право, законность»; **Immobilien** Zeitung (от lateinisch im-mobilis «unbeweglich – неподвижный, недвижимый»); Arbeiter **Illustrierte** Zeitung (через старый французский от латинского illustratio); **Insel-Bote**, Der (из лат. insula «остров»); **General**-Anzeiger (от лат. generalis «родовой, принадлежащий роду; общий»); Direkte **Aktion**

(от лат. *āctio* «движение, действие, поступок»); **Kölner** Stadt-Anzeiger, **Kölnische** Rundschau (Köln – из лат. *colonia* «колония»); **Regionale** Rundschau / Stühr (от латинского слова «*regio*», которое обозначает направление, границу или область); Frankfurter Neue **Presse** (от лат. *pressare* «жать, давить»); Münchner **Merkur** (из лат. *Mercurius*, Меркурий в древнеримской мифологии бог-покровитель торговли, прибыли и обогащения); **Express** (из лат. *expressus* «выразительный; выпуклый, выделяющийся»); **Parlament**, Das (от латинского слова, которое в буквальном смысле означает «говорильня», «собеседование», «серьезный разговор»); **Kontext**: Wochenzeitung (от лат. *contextus* «сплетение», из гл. *contexere* «ткать, сплетать»); Le **Monde** diplomatique /немецкоязычное издание/ (от лат. *mundus* «мироздание, вселенная, мир»); Politik & **Kultur** (произошло от латинского *cultura*, которое изначально переводилось как «возделывание», а позже приобрело еще несколько значений: воспитание, образование, развитие); знак амперсанд является графическим сокращением (лигатурой) латинского союза *et* («и»); **Financial Times** Deutschland (заимствовано через франц. *finance* «платёж» из ср.-лат. *finantia* «завершение, приказ о выплате; **Millî** Gazete (от латинского *mille* «тысяча»). В итоге можно отметить 17 заимствованных из латинского языка компонентов.

Далее по нисходящей наблюдается немалое число компонентов, являющихся заимствованиями из (древне)греческого языка. Приведем примеры: Le Monde **diplomatique** (от др.-греч. *δίπλωμα* - «сложенный вдвое (письменный документ)»); **Patriot**, Der (происходит от греческого *πατριός* – «отеческий»); Neckar **Chronik** (происходит от др.-греч. *χρονικός* «временной», из *χρόνος* «время»). Число компонентов той же этимологии увеличивается за счет того, что ряд существительных, пришедших в немецкие номинации из латинского языка, фактически имеют греческое происхождение, например: Darmstädter **Echo** (через лат. *ēchō* – отголосок, отзвук, от греч. *ἦχώ* – звук, отзвук); Politik & Kultur (через лат. *politica*, *politicus* «касающийся государственных дел, политический» из др.-греч. *πολιτικός* «гражданский, государственный, общественный»); **Epoch** (из средневековой латыни – *epocha*, от древне-греческого *ἐποχή* (*epokhē*); **Katapult** MV /Mecklenburg-Vorpommern/ (через лат. *Catapulta* от др.-греч. *Καταπέλτης* – греческий термин, которым обозначается любая метательная машина). Общий итог составляет 7 компонентов греческого происхождения.

Нами найдены по 2 компонента, заимствованных из французского, арабского и английского языков. Из французского языка в немецкие гемеронимы пришли существительные **Börsen-Zeitung** (происходит от франц. *bourse* «кошелёк, биржа») и Münster **Journal** (от фр. *journal* – дневник, подённая записка, от фр. *jour* – день, сутки). Арабское

происхождение имеют такие прилагательные как **Islamische Zeitung** (происходит от арабск. الإسلام, al-Islām, «покорность /воле Бога/»), **Oranienburger Generalanzeiger** (из арабск. نارنج (naranj), от перс. نارنگ (narang), сан. नारङ्ग (naranga-s) «апельсиновое дерево»). Можно привести примеры слов, имеющих английское происхождение: **Donau-Post** (из англ. post «послать, отправить»), **Financial Times Deutschland**.

В единичном случае отмечено следующее заимствование: **Milli Gazete** (Название «газета» произошло от наименования мелкой итальянской монеты газетта (итал. gazzetta). В XVI веке за прочтение ежедневного публичного листка с информацией (сообщениями о придворной жизни, торговых новостях, сообщениями из других городов) платили одну газетту.

Отсюда следует вывод, что при наличии экзогенных компонентов из французского, арабского, английского и итальянского языков наибольшее число заимствований пришло в немецкоязычные гемеронимы, являющиеся названиями германских газет, из латинского и греческого языков. Аналогичная ситуация отмечена среди номинаций газет в Австрии. Что же касается наименования немецкоязычных газет в Швейцарии, то в данном случае следует подчеркнуть, что практически равное количество отмечено среди заимствований из латинского языка /**Republik** (от лат. rēspūblica «общественное дело; государственные дела; государство, республика»), **20 Minuten** (от лат. minuta, ж.р. от лат. minutus «маленький, мелкий»)/ и французского: **Report** (от фр. rapport, rapporteur – доносить, докладывать), **Revue** (франц.), **Bajour** (Nachrichtenportal für die Stadt Basel; jour – франц. день), **Plattform J** (ранее – Jungfrau Zeitung; от франц. plate-forme от франц. plat «плоский» + франц. forme «форма»). Делать подобного рода заключения в отношении гемеронимов Люксембурга и Лихтенштейна представляется малообоснованным в связи с крайне незначительным количеством исследуемого материала.

Касательно синтаксического наполнения номинаций газет легче всего сделать выводы в отношении изданий Лихтенштейна, которые построены по единой модели: прилагательное (оттопонимное) + существительное, например: **Oberrheinische Nachrichten**.

Номинации газет Люксембурга помимо названной модели (**Luxemburger Wort**) /3 единицы из 11 = 27,27%/ содержат такую модель как: существительное + предложное словосочетание (**Zeitung vum Lëtzebuurger Vollek**).

Модель «согласованное прилагательное + существительное» характерна также для номинаций австрийских газет и является наиболее распространенной (составляет 28 единиц из 94 = 29,79%). Далее можно назвать такую модель как «существительное + несогласованное определение» (9 из 94 = 9,57%). В качестве несогласованного определения

может выступать топоним (Woche Kärnten), существительное (News Leben) и прилагательное (Kirche bunt /St. Pölten/). Определенной частотностью обладает модель «определенный артикль + существительное», например: Die Monatliche (Wels), представленная 7 единицами из 94 = 7,45%. По две единицы (2 из 94 = 2,13%) приходится на такие модели как: «союзное словосочетание» (Ursache&Wirkung /Wien), «существительное + предложное словосочетание (Presse am Sonntag). Отмечены также единичные случаи употребления моделей: существительное + определение в генитив (Kirchenzeitung der Diözese Linz (Oberösterreich) – 1 из 94 = 1,06%), предложение (Wohin... in Wien /Wien/).

Если рассматривать номинации газет с точки зрения их частеречного наполнения, то можно дополнить уже указанные модели такими как: «сложное существительное (MedienManager – 15 из 94 = 15,96%) и числительное (20er (Tirol) – 1 из 94 = 1,06%).

С точки зрения ономазиологии в наиболее распространенной модели базисом является существительное, согласованное прилагательное представляет собой ономазиологический признак, чаще всего являющийся оттопонимным прилагательным (Badener Zeitung). Топоним нередко выступает в роли ономазиологического признака и в модели «существительное + несогласованное определение» (Journal Graz, Woche Kärnten). В единичных случаях встречается ономазиологический признак, выраженный предложным словосочетанием, являющимся обстоятельством времени (Presse am Sonntag) и определением в генитиве (Kirchenzeitung der Diözese Linz).

Наименования швейцарских газет в основном подтверждают сделанные выводы. Так, по частотности выделяется модель «согласованное прилагательное + существительное» (Fraubrunner Anzeiger – 72 единицы из 169 = 42,6%), где опять-таки ономазиологический признак структуры представляет собой преимущественно оттопонимное прилагательное (Luzerner Zeitung). В модели «существительное + несогласованное определение» (Anzeiger Trachselwald – 23 единицы из 169 = 13,61%) ономазиологический признак в виде топонима составляет более половины (Anzeiger Ob- u. Nidwald – 13 единиц из 23 = 56,52%).

Дополнительно о выполнении топонимом функции ономазиологического признака свидетельствует встречающаяся в номинациях швейцарских газет модель «топоним (несогласованный) + существительное» (Obersee Nachrichten – 4 единицы из 168 = 2,37%), причем в ряде случаев топоним представлен в номинации в виде аббревиатуры (Rigi Anzeiger (выходит в регионе Rigiland), Bajour (издается в городе Basel).

В швейцарских газетах в два раза чаще, чем в австрийских газетах, проявляется в функции ономазиологического признака компонент

номинации, являющийся предложным словосочетанием (Zentralschweiz am Sonntag – 8 единиц от 169 = 4,73%), причем в пяти случаях из 8 этот компонент представляет собой обстоятельство времени am Wochenende (1 единица) или am Sonntag (4 единицы). Причины этого интереса к воскресным изданиям носят экстралингвистический характер. У подавляющего большинства жителей Швейцарии в воскресенье выходной, большинство магазинов закрыто, швейцарцы очень религиозны, и поэтому воскресенье для них – время отдыха с семьей. Самое распространенное времяпрепровождение здесь – это велосипедные и пешие прогулки в горах, в зимний сезон – лыжи [Личный опыт: Жизнь в Швейцарии 2016]. Очевидно, отсюда интерес к прессе выходного дня, в которой помимо ежедневных изданий публикуются репортажи, интервью, фотосериалы на тему «путешествия, спорт, культура», помогающие разнообразить свой отдых.

Еще одна специфика швейцарской прессы проявляется в том, что издания могут быть многоязычными. Так, газета 20 Minuten (20 minutes, 20 minuti) издается на трех языках, поскольку государственными языками Швейцарии являются немецкий, французский и итальянский. Соответственно, наименование газеты также существует на трех языках.

Остальные модели практически аналогичны моделям наименований австрийских газет: артикль + существительное (Die Wochenzeitung – 16 единиц из 169 = 9,47%); союзное словосочетание (Finanz und Wirtschaft – 4 из 169 = 2,37%); существительное + определение в генитив (Tagblatt der Stadt Zürich – 3 из 169 = 1,78%). В поликомпонентном сложном существительном (SonntagsBlick – 26 единиц из 169 = 15,38%) интересно отметить, что основной компонент, определяющий частеречность, род и число сложного слова, в немецком языке всегда стоит в постпозиции. Следовательно, в данной модели, согласно этноязыковой особенности, ономаσιологический базис находится в постпозиции, а дифференцирующий ономаσιологический признак занимает препозицию (SonntagsZeitung).

Наименования германских газет в плане синтаксиса демонстрируют определенные отличия за исключением модели «согласованное прилагательное + существительное», которая по-прежнему занимает первое место – 416 единиц из 572 = 72,73%. На второе место по частотности однако в данном случае выдвигается модель «сложное существительное» – 70 единиц из 572 = 12,24%. В силу уже упомянутой этноязыковой особенности компонент, выполняющий функцию ономаσιологического базиса, размещается в постпозиции: Main-Echo, General-Anzeiger, Wochenzeitung, Börsen-Kurier. Причем, в случае совпадения ономаσιологического базиса номинации, ономаσιологический признак может дифференцировать данное понятие по-разному, выражая

диапазон распространения издания (Kreis-Anzeiger), вплоть до точного указания географического региона (Westfalen-Blatt), временной диапазон (Freitags-Anzeiger), а также тематику издания (Handelsblatt). Далее по частотности следует модель «артикуль + существительное» – 25 единиц из 572 = 4,37%, а затем – модель «существительное + предложное словосочетание» – 18 единиц из 572 = 3,15%. В данной модели предложное словосочетание выполняет функцию ономаσιологического признака, который может выражать место распространения издания: Bote vom **Unter-Main** (низовье Майна); время издания: Tagesspiegel am **Sonntag** (воскресенье), а также целевую группу пользователей издания: Tagesnachrichten für **taubblinde** (слéпоглухóй) Menschen.

Модель «топоним (несогласованный) + существительное», где топоним выполняет функцию ономаσιологического признака, по частотности примерно совпадает с номинациями швейцарских газет (14 единиц 572 = 2,45%), с той лишь разницей, что топонимы в данном случае имеют исключительно полную форму, а не форму аббревиатур (Prignitz Kurier, Nordfriesland Tageblatt, Maintal Tagesanzeiger, Rheingau Echo). Встречаемость остальных моделей весьма незначительна, например: несогласованное определение слева (Immobilien Zeitung) – 8 единиц = 1,4%; сокращение + существительное (ka-news /Online-Tageszeitung Karlsruhe/) – 2 единицы = 0,35%; существительное + определение в генитив (Allgemeine Zeitung der Lüneburger Heide), союзное словосочетание (Politik & Kultur) по 1 единице.

Наши исследования подтверждают тот факт, что способы обозначения одной и той же номинации (названий газет) различаются не только в зависимости от языка, но и внутри одноязычных гемеронимов в зависимости от страны употребления.

Обсуждение

Не возражая в принципе против того, что, по словам А.М. Рудчук, «англицизмы могут выполнять функцию дифференцирования понятий» [Рудчук 2024: 776], т.е. функцию ономаσιологического признака, мы хотели бы отметить, что в нашем массиве данных англицизмы нередко осуществляют функцию ономаσιологического базиса, например: The Munich **Eye** (Мюнхенский глаз); Financial **Times** Deutschland; Main-**Post**; Berliner Morgen**post**.

Наши исследования подтверждают замечание О.И. Федосовой о том, что «для названий средств массовой информации характерна повышенная связь с экстралингвистическими факторами, в частности, с особенностями национальной культуры [Федосова 2009: 144], как указывалось при анализе компонента австрийских номинаций,

являющихся предложным словосочетанием, в функции ономаσιологического признака.

Тот же автор выделяет основные мотивирующие признаки гемеронимов, к которым он относит: основную идею или тематику печатного издания; место, где данное СМИ издается; целевую группу, для которой данное СМИ предназначено, а также указание на ведущие организации, создателей и т.д. [Федосова 2009: 145]. Это может быть справедливо для таких СМИ как телеканалы, телепередачи. Однако, поскольку наше исследование затрагивает исключительно такие гемеронимы как названия немецкоязычных газет, то их анализ свидетельствует о том, что из указанных мотивирующих характеристик выделяется только место издания и распространения газеты, о чем свидетельствует то, что топонимы фигурируют практически во всех моделях, например: прилагательное + существительное (*Ostfriesische Nachrichten*), несогласованное определение слева (*Neckar Chronik*), несогласованное определение справа (*Generalanzeiger Wuppertal*), топоним + существительное (*Harz Kurier*), существительное + предложное словосочетание (*Staatsanzeiger für Baden-Württemberg*), сокращение + существительное (*ka-news /Online-Tageszeitung Karlsruhe/*), сложные существительные (*Rhein-Neckar-Zeitung*), существительное + определение в генитиве (*Allgemeine Zeitung der Lüneburger Heide*), артикль + существительное (*Die Rheinpfalz*), выполняя, за исключением последней модели, функцию ономаσιологического признака.

Хотелось бы отметить справедливость слов Юлии Гамлетовны Кочарян о том, что от линейной протяжённости различных следов источника мотивации, в частности от степени сокращения слов, зависит степень выводимости значения аббревиатур, иначе говоря, степень их опознаваемости [Кочарян 2007: 17]. Наши исследования свидетельствуют о том, что компонент-топоним, имеющий в гемерониме-аббревиатуре форму инициала, т.е. имеющий наименьшую линейную протяжённость, в недостаточной мере выполняет функцию дифференцирующего члена ономаσιологической структуры (ономаσιологического признака), следствием чего может явиться омонимия, причем проявляющаяся не в качестве межъязыковой омонимии, а в результате употребления аббревиатуры гемеронима в различных немецкоязычных странах. Для исключения омонимии требуется введение дополнительного дифференцирующего признака, например: **NBZ** – *Neue Bieler Zeitung* (в наименовании швейцарской газеты «Новая газета Биля») или **B.Z.** am Sonntag (в наименовании германской газеты «Воскресная Берлинская газета»).

Интерес для нашего исследования представляет работа А.В. Ленец и Т.В. Овсиенко, где отмечается, что немецкий язык, объединяя

представителей стран немецкоязычного ареала, с одной стороны, сближает их как в общении, так и в культуре. С другой же стороны, сложные процессы исторического развития определяют наличие национально-специфических компонентов, что отражается в определенном различии этноспецифических лингвокультурных констант [Ленец, Овсиенко 2021]. Среди немецких лингвокультурных констант существуют такие как: Gott (Бог), Kirche (церковь), Religion (религия), что находит свое отражение в наименованиях газет: das "Evangelische Gemeindeblatt für Württemberg", das "Evangelische Sonntagsblatt aus Bayern", der "Evangelische Kirchenbote", "Mitteldeutsche Kirchenzeitung", в которых тематически обусловленная лексика выполняет функцию ономасиологического признака.

Широко известна живописная природа Швейцарии, в силу чего к швейцарским лингвокультурным константам относятся: Landschaft (ландшафт), Alpen (Альпы), а также другие природные объекты страны, которые в качестве ономасиологического признака входят в состав названий газет Швейцарии, например: Basellandschaftliche Zeitung, Zürichsee-Zeitung, Rhonezeitung, Simmentaler Anzeiger, Toggenburger Tagblatt, Rheintalische Volkszeitung.

Австрия славится как страна музыки, где переплетаются история, традиции, культура и искусство; соответственно в австрийские лингвокультурные константы входят: Musik (музыка), Musikalität (музыкальность), Kultur (культура), Kunst (искусство), причем встречающиеся в гемеронимах как в функции ономасиологического признака (Allgemeine Musikalische Zeitung, Deutsche Kunst- & Musik-Zeitung), так и в функции ономасиологического базиса (KULTUR Plus).

Существуют также различия в немецких и австрийских названиях газет по религиозной тематике. Поскольку примерно три четверти австрийцев – католики, в австрийских гемеронимах отсутствует определение evangelisch, а лингвокультурная константа Kirche встречается не только в роли ономасиологического признака (Kirchenzeitung der Diözese Linz, Kirchenblatt), но и в роли ономасиологического базиса (Kirche bunt, Kirche in Bewegung).

В принципе подавляющее большинство жителей Австрии (около 80%) считают, что религия должна присутствовать в решающие моменты жизни человека [Ковалева 2012]. Люди в монашеских одеяниях – характерная черта города Зальцбург. Даже горы в пределах города носят названия, связанные с монашеством: на западном берегу Зальцха находится гора Mänchsberg («гора монахов»), а на восточном – Kapuzinerberg («гора капуцинов»). Этот факт находит отражение в наименовании австрийских газет: Kirche bunt (St. Pölten), Kirchenzeitung der Diözese Linz (Oberösterreich), Wiener Kirchenzeitung, Kärntner

Kirchenzeitung, Kirchenblatt (Vorarlberg), Kirche in Bewegung, Orthodoxe Kirchenzeitung.

Заключение

Проиллюстрировав ономасиологическую структуру на примере наименований немецкоязычных газет, мы можем сделать из сказанного определенные выводы. Наличие заимствований среди ономасиологического базиса немецкоязычных газет свидетельствует о том, что газеты Люксембурга выпускаются главным образом на французском и немецком языке. Названия газет Швейцарии иногда имеют в своем составе англоязычные компоненты, если речь идет о компьютеризированных изданиях, например OnlineReports. Среди компонентов, представляющих ономасиологический базис номинаций газет Лихтенштейна, заимствования отсутствуют, а среди австрийских газет их всего два: Kurier (происходит от франц.) и Presse (1%) (также из французского языка). В целом наибольшее число заимствований отмечено в базисе газет Люксембурга (27,27%), далее по нисходящей следуют Швейцария (15,68%) и Германия (8,05%). Данный факт можно объяснить наличием большого числа иностранцев среди населения этих стран. Проведённая в 2000 году перепись населения Швейцарии показала, что 25,8 % детей в возрасте до 6 лет не имели швейцарского гражданства, а в пяти крупных городах страны это число превысило 45%. По состоянию на 1 января 2022 года по данным Iustat среди населения Люксембурга 47,13% населения составляли иммигранты.

Этнографической особенностью Швейцарии является многоязычие (четыре государственных языка), что сказывается и на издании газет. Так, газета 20 Minuten (20 minutes, 20 minuti) издается на трех языках. Как мы видим, это прослеживается и в наименовании изданий. Тессин (нем. Tessin) является единственным кантоном Швейцарии, в котором в качестве единственного официального языка закреплён итальянский. Тем не менее, газета Tessiner Zeitung издается и в этом кантоне в качестве единственной немецкоязычной газеты.

Лексическое наполнение такого компонента номинации как ономасиологический признак позволяет сделать определенные выводы в отношении особенностей культуры и менталитета определенных немецкоязычных стран. Так, в названиях австрийских газет достаточно часто встречается лексема Kirche (церковь), что связано с религиозностью жителей Австрии.

Религиозность жителей Швейцарии выражается в соблюдении воскресенья как выходного дня, что сказывается на их интересе к газетам, посвященным тематике проведения выходных, в названиях которых имеются лексемы Sonntag (воскресенье) и Wochenende (уик-энд). В силу

многоязычия страны можно включить сюда и газету *Le Matin Dimanche* (Воскресное утро), издающуюся на французском языке.

В целом анализ ономаσιологических функций заголовков немецкоязычных газет свидетельствует о том, что в изданиях различных стран, пользующихся одним языком, прослеживаются этнокультурные, языковые и т.д. различия.

Библиографический список

Авлакулов Я.И. Малоизученные типы имен собственных узбекского языка и проблемы их исследования // Вестник Челябинского университета, 2011. № 25 (240). Вып. 58. С. 11–14.

Доржиева Г.С., Щербакова А.А. Ономаσιология vs ономастика: проблемы номинации: учебное пособие // Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2019. 196 с.

Ковалёва А. Австрия остается религиозной страной, считают исследователи // Седмица.Ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: Австрия остается религиозной страной, считают исследователи — Новости — Церковно-Научный Центр "Православная Энциклопедия" (дата обращения: 03.01.2012).

Копач О.И. Ономаσιологические категории в топонимии // Мова і культура (Науковий журнал). 2009. Вып. 11. Т. VII (119). С. 158–163.

Косова В.А. Ономаσιологический подход как основа исследования словообразовательной категоризации действительности // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Гуманитарные науки 2008. Том 150, кн. 6. С. 217–224.

Кочарян Ю.Г. Аббревиация в английской военной лексике: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2007. 22 с.

Кравец Т.И. Название газеты: ономаσιологический и стилистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. н., 2002. 22 с.

Ленец А.В., Овсиенко Т.В. Динамика лингвокультурных констант в современном немецкоязычном пространстве (Австрии, Германии, Швейцарии) // Вестник Томского государственного университета. Филология 2021. № 71. С. 70–90.

Личный опыт: Жизнь в Швейцарии – квартира, быт и условия жизни [Электронный ресурс]. Режим доступа: Личный опыт: Жизнь в Швейцарии — плюсы и минусы, квартиры, особенности | Houzz Россия (дата обращения: 3 нояб. 2021 г.).

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. 199 с.

Онхайзер И. О соотношении словообразовательных и грамматических категорий (на материале сопоставительного анализа рус.

и нем. языков) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / отв. ред. Г. П. Нещименко. М., 1987. С. 215–222.

Рудчук А.М. Англицизмы в немецкоязычных СМИ // Вестник науки. 2024. №11 (80). Т. 1. С. 773–778.

Федосова О.И. Принципы и способы номинации российских средств массовой информации // *Lingua mobilis*. 2009. №3 (17). Рр. 143–152.

Ягафарова Г.Н. Основные ономаσιологические понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). С. 172–177.

References

Avlakulov Ya.I. Maloizuchenny`e tipy` imen sobstvenny`x uzbekskogo yazy`ka i problemy` ix issledovaniya // *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*, 2011. № 25 (240). Vy`p. 58. S. 11–14.

Dorzhieva G.S., Shherbakova A.A. Onomasiologiya vs onomastika: problemy` nominacii: uchebnoe posobie // Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. 196 s.

Kovalyova A. Avstriya ostaetsya religioznoj stranoy, schitayut issledovateli // *Sedmicza.Ru* [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: Avstriya ostaetsya religioznoj stranoy, schitayut issledovateli — *Novosti — Cerkovno-Nauchny`j Centr "Pravoslavnaya E`nciklopediya"* (data obrashheniya: 03.01.2012).

Kopach O.I. Onomasiologicheskie kategorii v toponimii // *Mova i kul`tura* (Naukovij zhurnal). 2009. Vy`p. 11. T. VII (119). S. 158–163.

Kosova V.A. Onomasiologicheskij podxod kak osnova issledovaniya slovoobrazovatel`noj kategorizacii dejstvitel`nosti // *Ucheny`e zapiski Kazanskogo gos. un-ta. Gumanitarny`e nauki* 2008. Tom 150, kn. 6. S. 217–224.

Kocharyan Yu.G. Abbreviaciya v anglijskoj voennoj leksike: avtoref. dis. ... kand. filol. n. M., 2007. 22 s.

Kravec T.I. Nazvanie gazety`: onomasiologicheskij i stilisticheskij aspekty`: avtoref. dis. ... kand. filol. n., 2002. 22 s.

Lenecz A.V., Ovsienko T.V. Dinamika lingvokul`turny`x konstant v sovremennom nemeczkoyazy`chnom prostranstve (Avstrii, Germanii, Shvejczarii) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 2021. № 71. S. 70–90.

Lichny`j opy`t: Zhizn` v Shvejczarii – kvartira, by`t i usloviya zhizni [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: Lichny`j opy`t: Zhizn` v Shvejczarii — plyusy` i minusy`, kvartiry`, osobennosti | Houzz Rossiya (data obrashheniya: 3 noyab. 2021 g.).

Madieva G.B., Suprun V.I. Teoriya i praktika onomastiki: uchebnoe posobie. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015. 199 s.

Onxajzer I. O sootnoshenii slovoobrazovatel`ny`x i grammaticeskix kategorij (na materiale sopostavitel`nogo analiza rus. i nem. yazy`kov) // *Sopostavitel`noe izuchenie slovoobrazovaniya slavyanskix yazy`kov* / отв. ред. Г. П. Нешхименко. М., 1987. С. 215–222.

Rudchuk A.M. Anglicizmy` v nemeczkoyazy`chny`x SMI // *Vestnik nauki*. 2024. №11 (80). Т. 1. С. 773–778.

Fedosova O.I. Principy` i sposoby` nominacii rossijskix sredstv massovoj informacii // *Lingua mobilis*. 2009. №3 (17). Рр. 143–152.

Yagafarova G.N. Osnovny`e onomasiologicheskie ponyatiya // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 13 (194). С. 172–177.

UDC 811.11-112

**ONOMASIOLOGICAL PARADIGM OF GERMAN-LANGUAGE
GEMERONYMS, WHICH ARE NEWSPAPER NAMES**

T.S. Markova

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Faculty of
Humanities*

e-mail: markowats@mail.ru

Russian State Social University (Moscow, Russia)

The purpose of this work is to analyze the names of German-language newspapers published in Germany, Austria, Switzerland, Luxembourg and Liechtenstein from the point of view of onomasiology. This study seems relevant to us because it allows us to identify commonalities and differences in the structure of German-language gemeronyms depending on the country of publication. At the same time, the onomasiological feature of the selected gemeronyms is considered in detail in terms of its syntax and vocabulary, the presence of borrowings and other aspects. The lexical composition of the onomasiological basis of German-language gemeronyms is also analyzed.

Keywords: *gemeronym, onomasiological basis, feature, structure, newspaper, language, country of publication.*

УДК 811.161.1

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННЕГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА: АНАЛИЗ НОВЕЛЛ Л.Н. АНДРЕЕВА «СМЕХ» И «ЛОЖЬ»

М.С. Миленин

Аспирант кафедры русского языка и литературы
e-mail: maxim.milenin@gmail.com

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
(г. Тула, Россия)

Статья посвящена лингвопоэтическому анализу новелл Л.Н. Андреева «Смех» и «Ложь», которые рассматриваются как примеры раннего русского экспрессионизма. В работе исследуются композиционные, тематические и языковые особенности этих произведений, объединенных общими мотивами одиночества, абсурда и человеческой уязвимости. Применение метода лингвопоэтического сопоставления позволяет выявить ключевые элементы художественного языка Андреева: специфику использования метафор, лексических повторов, антитез и гротеска. Особое внимание уделено экспрессивной функции языка и символике, через которые передается внутреннее состояние героев. На основе материала, специально отобранного из текста названных произведений, демонстрируется, как в них осуществляется переход к экспрессионистской эстетике, акцентирующей искажение реальности ради отображения сложных эмоциональных и психологических переживаний. Исследование подчеркивает значимость новелл «Смех» и «Ложь» для формирования новой литературной эстетики начала XX века и их вклад в развитие языкового стиля русского модернизма.

Ключевые слова: экспрессионизм, новелла, «Ложь», «Смех», лингвопоэтическое сопоставление, нарратив, лексика, семантика, символика, эмоциональная насыщенность.

Введение

Леонид Андреев, один из крупнейших представителей русского литературного модернизма, всегда мастерски использовал яркие, предельно экспрессивные художественные средства как инструмент для исследования сложных вопросов человеческого бытия, социально-психологических конфликтов и философских тем. Его творчество, заостряющее мотивы и создающее образы экзистенциального одиночества, борьбы с внутренними противоречиями и стремления к истине, занимает особое место в литературе начала XX века.

Рассказы «Смех» (1901) и «Ложь» (1900) выделяются некоторыми исследователями творчества Андреева в своеобразную дилогию: они представляют собой две в высшей степени оригинальные попытки

раскрыть тему одиночества, абсурда, человеческой уязвимости и написаны в характерном «андреевском» стиле. Отличительной чертой художественного метода этих произведений является экспрессивность – авторский акцент, поставленный на внутренних переживаниях героев и выраженный через языковые средства, которые призваны создать глубину художественных образов и крайне сильный эмоциональный эффект. И.И. Московкина определяет «Смех» и «Ложь» как «лирические новеллы», тяготеющие к «рождественско-пасхальному» циклу писателя [Московкина 1994: 13]. Такое определение основано прежде всего на содержательно-тематическом сходстве исследуемых художественных произведений. Однако и с точки зрения языковых средств выражения экспрессивности эти произведения следует рассматривать вместе, применяя при этом метод компаративного анализа.

Новелла «Ложь» – психологическое произведение нового типа в отечественной литературе, «начало ложного рода» повествования, по мнению Л.Н. Толстого [Библиотека Л.Н. Толстого 1972: 38]. Здесь раскрывается разрушительное воздействие на человека обмана и самообмана, которые трактуются писателем как личностные и философские категории. Через внутренний монолог и переживания главного героя автор подводит читателя к размышлению о природе правды и лжи, их неизбежном, подчас деструктивном влиянии на личность. В этом художественном тексте лексема *ложь* выступает не просто как обозначение поступка, «намеренно искажаемую истину» [БАС 2007: 282], но как всеобъемлющий феномен, пронизывающий жизнь отдельного человека и социальные отношения в целом. Таким образом, Л. Андреев расширяет узкую семантику заголовочной лексики произведения.

В свою очередь, новелла «Смех» исследует двойственность человеческой природы через символику смеха. Вопреки привычной семантике, смех здесь не освобождает, но ранит, унижает, лишает главного героя самооценки и превращает его страдания в предмет насмешки. В этом произведении Андреев создает атмосферу абсурда, подчеркивая хрупкость человеческого достоинства и неизбежность конфликтов между внешними ожиданиями и внутренним состоянием.

С точки зрения формы оба произведения построены как предельно эмоциональные лирические монологи героев-рассказчиков [Московкина 1994: 13]. Первоначальный нарратив имеет целью точно передать внутренние переживания, мысли и в целом – эмоционально-психическое состояние персонажей.

Материалы и методы

Отмечая функционально-стилистическую схожесть двух новелл Андреева и ставя целью выявление лингвопоэтических особенностей

текстов этих произведений, следует обратиться к методу лингвопоэтического сопоставления, который позволит не только выявить и систематизировать лингвопоэтические особенности двух текстов, но и определить функциональные особенности языковых единиц в этих работах, их роль в создании общего эстетического эффекта. Лингвопоэтическое сопоставление «позволяет оценить роль одних и тех же формальных элементов в раскрытии сходного содержания, что значительно увеличивает объективность конечных выводов» [Липгарт 1995: 134].

Тексты новелл «Смех» и «Ложь», выступающие в качестве материала исследования, взяты в отредактированном текстологами варианте из первого тома наиболее полного к настоящему времени собрания сочинений Л.Н. Андреева в шести томах (1990–1996 гг.) [Андреев 1990]. Исследуемые произведения относятся к одному периоду творчества писателя, написаны последовательно друг за другом, схожи в сюжетно-композиционном плане, что дает возможность провести синхроническое лингвопоэтическое сопоставление.

Результаты

На старте лингвопоэтического анализа и лингвопоэтического сопоставления двух художественных текстов следует обратиться к изучению сюжетно-композиционной структуры произведений, отмечая тематические и структурные сходства и различия для того, чтобы затем выявить языковые средства, их выражающие.

Тема новеллы «Ложь» связана с разрушительным воздействием лжи на личность и межличностные отношения. У Леонида Андреева *ложь* становится не просто обманом, а сущностной характеристикой окружающего мира. В тексте возникает значительное семантическое расширение слова. Главный герой, безымянный рассказчик, как и в «Смехе», стремится к правде, но эта правда оказывается недостижимой, что приводит его к внутреннему кризису, убийству возлюбленной, сумасшествию. Идея произведения заключается в изображении трагедии человеческой жизни, в которой правда и ложь переплетаются настолько тесно, что их невозможно разделить, – итогом является её, жизни, разрушение.

Исследователи выделяют в рассказе «Смех» в качестве главного – мотив экзистенциального одиночества, определяя данное произведение, как «художественный» и «экзистенциальный» эксперимент [Догнал 2016: 24]. Одновременно с этим отмечается, что в основе его сюжета – игра [Карякина 2001: 126-127] как «фундаментальная особенность существования» человека и способ взаимодействия с миром, то есть – механизм разрешения поставленной экзистенциальной проблемы. В этой

новелле основной темой является губительная сила насмешки и социального давления. Герой произведения надеется на признание своих чувств возлюбленной и ответную любовь, но его искренность сталкивается с насмешкой, которая лишает его надежд и унижает его человеческое достоинство. Смех предстает в качестве инструмента отчуждения. И это еще одна окказиональная новация Л. Андреева. Идея текста – показать, как поверхностное отношение окружения может исказить внутренний мир человека, создавая непреодолимую пропасть между личностью и обществом.

Написанный и опубликованный несколькими месяцами позже «Лжи», рассказ «Смех» сюжетно и тематически выступает в качестве первой части этой диалогии: «Ложь» доводит до логического заключения конфликт, представленный читателю в «Смехе». Сюжет последнего развивается через смену эмоциональных состояний главного героя. Напряженное, в первых строках – даже радостное, ожидание сменяется унижением, отчаянием. С унижения, отчаяния начинается в свою очередь «Ложь», в которой развитие сюжетной линии – последовательное нарастание внутреннего напряжения героя. В обеих новеллах кульминационным является момент предельного, критического эмоционально-психического состояния – «надрыва» у персонажей, наивысшей боли и одновременного разочарования, а финал – осознание необратимости произошедшего.

Таким образом, композиция этих художественных произведений строится на последовательном раскрытии внутренних переживаний героев. Описания внешних событий минималистичны, они служат фоном, усиливающим драматизм происходящего внутри персонажей. События достигают кульминации, после которой герой оказывается сломленным: в «Лжи» – это убийство возлюбленной, что подчеркивает бессмертие лжи, в «Смехе» – эмоциональное уничтожение героя насмешкой. Несмотря на убийство лгущего человека, физическое устранение, ложь продолжает существовать как часть мира. Композиция усиливается трагическим звучанием – главный герой не только не находит правду, но и теряет себя в борьбе с иллюзиями. Последние строки произведения оставляют у читателя ощущение безысходности и экзистенциального отчаяния. Финал «Смеха» акцентирует мотив разрушения человеческого достоинства. Герой, униженный и высмеянный, пытается избавиться от символа своего унижения – маски, но это не приносит ему освобождения. Композиция замыкается: герой оказывается в точке, где его надежды полностью уничтожены, а смех становится символом его поражения.

Лексика исследуемой диалогии Леонида Андреева выполняет, прежде всего, эмоционально-экспрессивную и символическую функции, акцентируя внимание читателя на внутреннем состоянии героев и создавая

образы, насыщенные психологическим и философским содержанием. Именно лексико-семантические особенности художественного произведения позволяют сформировать эмоциональное поле повествования.

В новелле «Ложь» автор активно использует лексемы отвлеченной семантики с высокой стилистической окраской: *ложь, правда, бесконечность, мрак, смерть, бессмертие, вечность*. Данные понятия, обладающие глубокой философской нагрузкой, представляют собой номинализированные формы, зафиксированные чаще всего в виде абстрактных существительных. С их помощью в тексте выстраивается система взаимосвязанных категорий, формирующих мировоззренческую базу произведения. Вот один из характерных контекстов их употребления:

«Там тьма, там пустота веков и бесконечности, и там нет ее и нет ее нигде. Но ложь осталась. Она бессмертна» [Андреев 1990: 276]

Абстрактные существительные в новелле создают полифоническую семантическую сеть, где каждое понятие насыщено дополнительными смысловыми оттенками. Экспрессивно-оценочные качественные прилагательные (такие как, например, *ядовитый, непроницаемый, безмолвный*) крайне частотны в тексте и выполняют важную функцию семантической детализации, выражая не только объективную характеристику, но и эмоциональную оценку, усиливая образность всей новеллы в целом. В произведении преобладают префиксальные и суффиксальные модели, выражающие отрицание (*безмолвный, безгласный, безысходный, бездонный*), которые используются для контрастного выделения качеств, подчеркивая отсутствие того или иного свойства. Деривация такого рода помогает создавать эмоционально насыщенные образы, усиливая впечатление трагичности или неизбежности происходящего. Одновременно с этим следует отметить частое употребление автором местоимений первого лица в тексте «Лжи», которое подчеркивает субъективный, интимный характер повествования – такая морфологическая маркировка субъекта способствует более глубокому погружению читателя в психологический мир героя.

Леонид Андреев оперирует бинарными оппозициями, что отражается в активном использовании антонимов, усиливающих философскую проблематику текста. *Ложь* как метафизическое понятие, выражающее неверность и олицетворяющее разрушение, обман и иллюзорность человеческого бытия, противопоставляется *правде*, что приводит к контекстуальной полисемии данной лексемы – два связанных между собой значения сливаются, объединяются в одно целостное смысловое единство: правда в новелле выступает и как «то, что соответствует действительности, истина» [БАС 2011: 417], и как «то, что исполнено истины, правдивость» [БАС 2011: 419]. Другие противопоставления в тексте – *свет* и *тьма*,

жизнь и смерть – призваны усилить экспрессию оппозиции *правды и лжи* и отражают экзистенциальную тревогу героя.

Дополнительную философскую глубину тексту придают многочисленные метафоры и сравнения, подчеркивающие трагичность происходящего, усиливающие его напряженность и наделяющие образы дополнительным символическим звучанием. Например:

«...профиль, такой белый, строгий и правдивый, какой бывает у задумавшегося ангела над могилой забытого человека» [Андреев 1990: 269].

Или:

«...я смеялся и радовался и сжимал пальцы так, будто они когти, и будто я держу в них то маленькое и ядовитое, что шипит, словно змейка: ложь! Она извивалась в моих руках и кусала мое сердце, и от яда ее кружилась моя голова» [Андреев 1990: 271].

Метафоричность текстов Андреева напрямую указывает на высокий уровень их экспрессивности. «Функция метафоры – в экспрессивности самого словесного выражения и в привлечении внимания к этому выражению» [Томашевский 1925: 30]. Предельная символичность и активное применение адгерентных коннотаций отдельных лексем является главным инструментом, с помощью которого Леонид Андреев решает не только основную художественную задачу в литературе – раскрытие темы произведения, но и задачу художника-экспрессиониста – отражение эмоций, переживаний, психологического состояния литературного персонажа. Так, вынесенные в заголовки абстрактные существительные *ложь* и *смех* выступают у автора не только в качестве темоопределяющих и сюжетообразующих понятий, но и являются символами и текстуальными эвристиками. Их автор многократно повторяет в текстах, умышленно навязывая эти мотивы читателю, как и сами чувства главных героев, доводя их до состояния болезненной одержимости.

Ложь в контексте всего произведения является, с одной стороны, явным символом несправедливости, неприятия героя окружающим его миром, несвободы, т.е. явлением вполне самостоятельным, первично номинированным; с другой стороны – в этой же новелле она выступает в качестве явления косвенно номинированного: холод и снег (*с холодным, как снег, лицом; душистое холодное облако; взгляд ее, холодно-пытливый*), насмешливый хохот (*на ухо смеялся кто-то запертый: хо-хо-хо*), клетка и тьма – предстают своеобразными ипостасями лжи. Лексические предпочтения Андреева наполнены как негативными, так и нейтральными коннотациями, что позволяет создавать полифонический образ мира, в котором *ложь* становится не просто отрицательным явлением, а многогранной категорией, влияющей на все аспекты человеческого существования. Эвфемистичные обороты (например, *отсутствие правды*

или *невыразимая боль*) смягчают резкость конфронтации, добавляя тексту философской глубины и многослойности.

Необходимо отметить, что неоднократные лексические повторы, «в которых немаловажная роль отведена репрезентанту интенсивности с семантикой многократно повторяющегося действия» [Шелякина 2022: 302] (здесь – повторение выражения смеха, неопределенного, бессубъектного) и синтаксический параллелизм являются одними из основных средств лингвистической экспрессивности в художественных текстах Андреева. С той же целью применяется антитеза – принцип контраста снежного поля и краснеющего пламени одинокой свечи, тьмы улиц и света уличных фонарей, лжи и правды – призван передать эмоциональное состояние героя-рассказчика в определенный момент повествования. Так, при описании возлюбленной главного героя, его своеобразного антагониста, Леонид Андреев использует следующей образ: *«Окруженный голубым ободком, чернел зрачок, и сколько я ни смотрел в него, он был все такой же черный, глубокий и непроницаемый»* [Андреев 1990: 269]. Голубой цвет, символизирующий надежду, контекстуально противопоставляется черному, синонимичному *скрытой лжи*.

На противопоставлении оттенков значений лексемы *смех* выстраивается вся система образов одноименной новеллы. Эпитеты, связанные с указанной лексемой, варьируются от *звонкий, веселый, яркий* до *жесткий* (*«все ярче разгоралась улыбка. Это было солнце, но солнце жгучее, беспощадное, жесткое»* [Андреев 1990: 270]), что подчеркивает двойственность этого явления в тексте. В целом, широкий спектр эпитетов в новелле выполняет функцию экспрессивного описания как внешнего вида, так и эмоциональных состояний; уточняет и усиливает смысловые оттенки описываемых объектов, делая их образ более ярким и многомерным.

«Смех» использует контрасты между эмоциональными состояниями: внешнее, почти театрализованное веселье и внутреннюю трагедию, отчаяние, унижение. Полярность выражается через эмоциональные эвфемизмы (к примеру, *отчаянно весело* или *безумное веселье*) и противопоставление конкретных и абстрактных существительных. Так, конкретные существительные помогают создать яркий визуальный образ внешнего облика героя и его окружения, отражая театральность и фарсовость ситуации, а абстрактные – напротив, служат для создания портрета внутреннего состояния героя, его переживаний и противоречий между внешней веселостью и внутренней болью. Следует отметить, что субстантивация абстрактных понятий *смех, страдание, отчаяние* позволяет воспринимать их в тексте как самостоятельные, фактически осязаемые категории. Такой процесс номинализации способствует

философской рефлексии над тем, как внешние явления (смех) соотносятся с внутренним миром человека.

В исследуемых произведениях отмечается высокая частотность конструкций с интенсификатором *безум(ие/ный)*: *безумного веселья, с безумием отчаяния, безумной ревности, безумно хотелось*. Такая повторяемость способствует стилистической когезии текста, создавая ассоциативное поле, в котором разные эмоциональные состояния воспринимаются как проявления единой интенсивной эмоциональности. Это метафорическое расширение позволяет Андрееву использовать один и тот же словообразовательный элемент для выражения как положительных, так и отрицательных крайностей переживаний, что подчеркивает их гиперболизированный характер.

Новеллы «Смех» и «Ложь» объединяет, помимо прочего, активное использование автором местоимений первого лица, которое подчеркивает субъективность восприятия и позволяет читателю глубже окунуться в личный, эмоционально заряженный мир героя, способствует усилению эффекта интимности и непосредственности повествования.

Смех – ключевая, но не единственная экспрессема, выполняющая важнейшую для автора функцию эмоционального воздействия на читателя. Так *маска* выступает символом отчуждения главного героя от окружающих и от самого себя, олицетворяет нелепость, которую герой не может преодолеть; *зеркало* становится инструментом самопознания, но вместо истины персонаж видит только искаженное, абсурдное отражение, что усиливает трагический эффект.

Оксюмороны, такие как *жестокий смех* или *идиотски-спокойная физиономия*, усиливают восприятие несоответствия внешнего и внутреннего, обостряя восприятие трагедии героя. Гротеск и искажение реальности, как один из излюбленных экспрессионистических приемов Андреева, проявляется в диалогии в образах змеи и маски, символах лжи и отчуждения, непонимания и неприятия. Персонификация такого рода, где абстрактные понятия принимают материальную форму, характерны для всех художественных текстов писателя, относящихся к направлению экспрессионизма.

Таким образом, эмоционально-экспрессивная окраска двух художественных текстов Леонида Андреева характеризуется многослойностью: герои испытывают одновременно несколько сильнейших эмоций (гнев, любовь, боль, стыд), что отражается в многозначности используемой лексики; частотности применения метода противопоставления, контраста лексических значений.

Новеллы «Смех» и «Ложь» схожи с точки зрения ритмики и синтаксических особенностей их текстов. Прежде всего следует отметить особый, «рванный» ритм этих произведений – резкие и короткие, зачастую

риторические диалоги, диалогические вставки, реплики «разрывают» полотно несобственной-прямой речи героя-рассказчика, создавая эффект постоянного эмоционального напряжения. Контраст диалога и монолога не только влияет на саму структуру текстов, но и позволяет выставить дополнительные акценты, внутритекстовые и смысловые ударения на отдельные реплики персонажей. В новелле «Смех» на восклицание возлюбленной главного героя *Какой вы... смешной!* тот отвечает (кричит): «*Вы не должны смеяться!*» Автор использует простые синтаксические конструкции с обязательным применением однокоренных слов к экспрессеме *смех* только для того, чтобы усилить выражение жестокости и унижения – смех героини и окружающих ранит героя, демонстрируя его уязвимость и невозможность быть понятым. Следует также отметить, что в данной художественной работе монологи рассказчика, обращенные к возлюбленной, остаются без ответа, что усиливает эффект его изоляции от окружающего мира и подчеркивают непонимание и отчуждение. В новелле «Ложь» ключевая экспрессема является основой для коротких, резких, и крайне символических диалогов: в пятой главе произведения внутренний диалог персонажа строится из несобственно-прямой речи и коротких, состоящих из одного восклицания *Ложь!* реплик, организованных как прямая речь.

Особый ритм обоих произведений помогают выстраивать анафоры: практически вся первая глава «Смеха» построена на повторе указания времени в начале каждого абзаца, придавая этому фрагменту текста максимальную динамичность и одновременно экспрессивность. Фиксированные временные маркеры (*в половине седьмого, ровно в семь, в без пяти минут семь*) играют важную роль в структурировании повествования, задавая хронологический ритм событий. В этой же новелле отмечается анафорическое предложение *Но она смеялась*, которое усиливает экспрессивный эффект; в тексте «Лжи» анафора *Я ждал ее, и она не приходила* применяется с той же целью. Анализируя синтаксическое полотно двух текстов, следует особенно отметить частотность использования Леонидом Андреевым простых предложений, выстроенных по схеме «союз – подлежащее, выраженное местоимением, – сказуемое, выраженное глаголом в прошедшем времени» (*Но она смеялась; Но она удивилась; И она поцеловала меня; Но она молчала*). Все они выполняют в первую очередь ту же анафорическую функцию.

Обсуждение результатов

Результаты работы по лингвопоэтическому сопоставлению текстов художественных произведений Леонида Андреева «Ложь» и «Смех» показывают не только значительные сходства этих произведений с точки зрения их функционально-стилистических и структурных особенностей,

но и прямо указывают на то, что эти новеллы можно считать одними из самых первых экспрессионистских работ писателя. В них прослеживаются ключевые признаки указанного литературного направления: акцент на эмоциях, искажении реальности для выражения внутреннего состояния героя и использование яркой, насыщенной символики, поскольку «экспрессионизм как тип творческого сознания и как приём объединяет общая природа художественного высказывания: глубочайшие экзистенциальные переживания личности не могут быть переданы в нем иначе, как с предельной степенью выразительности» [Шестакова 2017: 9]. Уже современники отмечали эту «червоточину декадентства» Андреева: критик Н.К. Михайловский так писал о «Лжи»: «Этот странный рассказ представляется мне маленьким темным облаком на светлом будущем Л. Андреева как художника. Вопрос в том, – разрастется ли это облачко в мрачную тучу, которая весь горизонт закроет, или, набежав на мгновение, рассеется в пространстве» [Горький, Андреев 1965: 15].

Элементы гротеска, олицетворения и предельная эмоциональная насыщенность текстов сближают рассказы «Смех» и «Ложь» с более поздними классическими экспрессионистскими произведениями Андреева – «Красным смехом», «Стеной», «Елеазаром» и другими. Языковые схемы «Смеха» и «Лжи» построены на активном применении автором лексических повторов, метафор и анафоричности – эти же средства языковой выразительности станут основными инструментами построения гротеска, гиперболизации и искажения реальности как главных лингвопоэтических признаков классических произведений Андреева. Так же лингвопоэтическое сопоставление показало, что новеллы «Смех» и «Ложь» можно считать диалогией не только с точки зрения их жанра, тематики, близости художественных образов, но и с позиции художественной формы – языковые схемы реализации смежных тем построены с помощью одних и тех же элементов и методов. Сам автор выступил предшественником экспрессионистской эстетики, органично сочетая традиции русской реалистической литературы с элементами нового художественного направления. Его умение передавать сложные эмоциональные состояния героев, исследование абсурдности и трагичности жизни сделали новеллы уникальными как в русской, так и в мировой литературе.

Заключение

«Смех» и «Ложь» представляют собой примеры раннего экспрессионизма, в которых с особой силой звучат темы одиночества, отчуждения человека и борьбы с абсурдом окружающего мира. Эти произведения можно рассматривать как важные вехи в становлении

Андреева-экспрессиониста, демонстрирующие его вклад в формирование новой эстетики, философии и языка отечественной литературы XX века.

Вне зависимости от приверженности к тому или иному литературному направлению, соотнесения с определенной исторической эпохой и индивидуальных жанровых предпочтений, каждый автор, как правило, вырабатывает свой собственный арсенал языковых средств, формирующих его художественный метод, его идиостиль. Однако одновременно с этим все литературные течения дифференцируются лингвистически – каждое направление характеризуется уникальными языковыми особенностями, отражающими его эстетические, идеологические и культурные установки. Лексический состав, синтаксическая организация, стилистические средства и фигуры речи определяют совокупность специфических языковых характеристик не только художественного приема писателя, но и литературного направления в целом. Данная статья представляет собой фрагмент исследования лингвопоэтических «инструментов», позволивших Л.Н. Андрееву как сформировать свой собственный авторский художественный стиль, так и определить в целом лингвистический вектор развития экспрессионистской прозы, поскольку языковой портрет писателя выступает в качестве составного элемента языкового образа литературного направления, которое он представляет в своем творчестве.

Библиографический список

Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. М.: Худож. лит., 1990. 639 с.

БАС 2007 – Большой академический словарь русского языка. Т. 9: Л – Медь. СПб.: Наука, 2007. 658 с.

БАС 2011 – Большой академический словарь русского языка. Т. 19: Порок – Пресс. М.: Наука, 2011. 706 с.

Библиотека Л.Н. Толстого – Библиотека Льва Николаевича в Ясной Поляне: Библиографическое описание. [Вып.] I. Книги на русском языке: А-Л. М. 1972. 440 с.

Горький М., Андреев Л.Н. Неизданная переписка / ред. И.С. Зильберштейн; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1965. 630 с.

Догнал Й. Андреевский «Смех» как экзистенциальный эксперимент // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): Сборник статей по итогам II Международной научной конференции, Москва, 22–23 января 2016 года / Под общ. ред. Л.Ф. Алексеевой, В.Н. Климчуковой, С.В. Крыловой. М.: Московский государственный областной университет, 2016. С. 24-29.

Карякина М.В. Поэтика игры в рассказе Леонида Андреева «Смех» // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Ч. 2. С. 126–131.

Лунгарт А.А. Художественный текст как предмет лингвопоэтического исследования [Электронный ресурс]. 1995. URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/1921627> (дата обращения: 12.12.2024).

Московкина И.И. Поэтика прозы Леонида Андреева. Жанровая система и художественный метод: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1994. 37 с.

Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Ленинград: Гос. изд., 1925. 232 с.

Шелякина В.В. Средства выражения интенсивности и их экспрессивный потенциал в рассказе Л.Н. Андреева «Ложь» // Русский язык: образование, наука, культура: Материалы международной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 года / Под общ. ред. С.М. Колесниковой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 297–305.

Шестакова М.А. Становление поэтики русского экспрессионизма в литературе 1900–1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 22 с.

References

Andreev L.N. Sobranie sochinenij. V 6-ti t. T. 1. Rasskazy` 1898–1903 gg. M.: Xudozh. lit., 1990. 639 s.

BAS 2007 – Bol'shoj akademicheskij slovar` russkogo yazy`ka. T. 9: L – Med`. SPb.: Nauka, 2007. 658 s.

BAS 2011 – Bol'shoj akademicheskij slovar` russkogo yazy`ka. T. 19: Porok – Press. M.: Nauka, 2011. 706 s.

Biblioteka L.N. Tolstogo – Biblioteka L'va Nikolaevicha v Yasnoj Polyane: Bibliograficheskoe opisanie. [Vy`p.] I. Knigi na russkom yazy`ke: A-L. M. 1972. 440 s.

Gor`kij M., Andreev L.N. Neizdannaya perepiska / red. I.S. Zil'bershtejn; Akad. nauk SSSR, In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor`kogo. M.: Nauka, 1965. 630 s.

Dognal J. Andreevskij «Smex» kak e`kzistencial`ny`j e`ksperiment // Slovesnoe iskusstvo Serebryanogo veka i Russkogo zarubezh`ya v kontekste e`poxi («Smirnovskie chteniya»): Sbornik statej po itogam II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 22–23 yanvarya 2016 goda / Pod obshh. red. L.F. Alekseevoj, V.N. Klimchukovoj, S.V. Kry`lovoj. M.: Moskovskij gosudarstvenny`j oblastnoj universitet, 2016. S. 24–29.

Karyakina M.V. Poe`tika igry` v rasskaze Leonida Andreeva «Smex» // Dergachevskie chteniya – 2000. Russkaya literatura: nacional`noe razvitie i regional`ny`e osobennosti: materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Ekaterinburg, 10–11 oktyabrya 2000 g. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001. Ch. 2. S. 126–131.

Lipgart A.A. Xudozhestvenny`j tekst kak predmet lingvopoe`ticheskogo issledovaniya [E`lektronny`j resurs]. 1995. URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/1921627> (data obrashheniya: 12.12.2024).

Moskovkina I.I. Poe`tika prozy` Leonida Andreeva. Zhanrovaya sistema i xudozhestvenny`j metod: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kiev, 1994. 37 s.

Tomashevskij B.V. Teoriya literatury`. Poe`tika. Leningrad: Gos. izd., 1925. 232 s.

Shelyakina V.V. Sredstva vy`razheniya intensivnosti i ix e`kspressivny`j potencial v rasskaze L.N. Andreeva «Lozh`» // Russkij yazy`k: obrazovanie, nauka, kul`tura: Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy sessii, Moskva, 23–25 noyabrya 2022 goda / Pod obshh. red. S.M. Kolesnikovoj. M.: Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvenny`j universitet, 2022. S. 297-305.

Shestakova M.A. Stanovlenie poe`tiki russkogo e`kspressionizma v literature 1900-1920-x godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2017. 22 s.

UDC 811.161.1

LINGUOPOETIC CHARACTERISTICS OF EARLY EXPRESSIONISM: AN ANALYSIS OF L.N. ANDREEV'S NOVELLAS LAUGHTER AND LIE

M.S. Milenin

*Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature
e-mail: maxim.milenin@gmail.com*

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia)

*The article is devoted to the linguopoetic analysis of L.N. Andreev's novellas *Laughter* and *Lie*, which are considered as examples of early Russian expressionism. The study examines the compositional, thematic, and linguistic features of these works, united by common motifs of loneliness, absurdity, and human vulnerability. The application of the linguopoetic comparison method reveals key elements of Andreev's artistic language: the specifics of metaphor usage, lexical repetitions, antitheses, and grotesque imagery. Special attention is paid to the expressive function of language and symbolism, through which the internal states of the characters are conveyed. Using material specifically selected from the texts of these works, the study demonstrates how they transition to an expressionist aesthetic, emphasizing the distortion of reality to reflect complex emotional and psychological experiences. The research highlights the significance of the novellas *Laughter* and *Lie* in shaping a new literary aesthetic of the early 20th century and their contribution to the development of the linguistic style of Russian modernism.*

Keywords: *expressionism, novella, Lie, Laughter, linguopoetic comparison, narrative, lexis, semantics, symbolism, emotional intensity.*

UDC 81'33

PRAGMATIC ASPECT OF REFUSAL BEHAVIOR IN CHINESE (BASED ON AN ONLINE SURVEY)

L.R. Mirzиеva

*Senior Lecturer at the Department of Sinology and Asian-Pacific Studies
e-mail: ch_leisang@mail.ru*

Kazan (Volga Region) Federal University

To overcome linguistic and cultural barriers and to make cross-cultural interactions effective and comprehensible, scholars conduct thorough analyses of communicative behavior in various speech situations, such as requests, gratitude, demands, or refusals. The latter, in our view, is one of the most interesting and ambiguous subjects of study. Refusal behavior increases the risk of deteriorating interpersonal relationships, has a negative impact on both parties in communication, and possesses a high degree of "conflict potential." The goal of any communicative interaction is to achieve the communicative objective with minimal emotional and status losses. This article presents an analysis of refusal strategies in the Chinese language. The study is based on the scientific method of discourse analysis of a language corpus obtained through an online survey of Chinese respondents. The results showed that survey participants prefer to use indirect speech acts as the primary strategy to maintain face, with social distance and hierarchy being significant factors influencing the choice of strategies. The findings may be useful in practical Chinese language classes and related subjects, such as translation, as well as in studies of Chinese language discourse.

Keywords: *Chinese language, refusal, indirect speech acts, strategies, communicative mitigation*

Introduction

Communicative linguistics is a comprehensive field of modern linguistics. Today, one of its priority areas is intercultural communication. This is not a coincidence, as in the age of globalization and the Internet, communication between representatives of different countries, nationalities, and faiths becomes increasingly convenient, frequent, and diverse.

To avoid adverse consequences from objections or disagreements, the recipient to whom a request is directed typically formulates their response in a polite manner and uses evasive or indirect speech acts of refusal. An "indirect refusal" refers to a non-confrontational, "non-cooperative" response behavior exhibited by the listener in reaction to proposals, requests, invitations, and offers made by the speaker, achieved through the execution of another speech act. The analysis and identification of effective speech techniques for refusal behavior in Chinese culture underscore the relevance of this study. Through these techniques, one communicator in a culture can maintain face, while another can indicate and preserve their personal boundaries.

Thus, on one hand, we find it important to investigate refusal behavior within the framework of a specific culture, carefully studying the reasons and patterns that shape a particular national model of communicative behavior. On the other hand, we focus on the role and characteristics of indirect speech acts (hereinafter abbreviated as ISA) in refusal situations. This constitutes the aim of this research. Moreover, the ambiguity and evasiveness associated with ISAs, along with the harmonization of communication and its maintenance in a positive light, can simultaneously introduce complexities, often generating ambiguity in statements. This is especially true when it comes to high-context cultures, such as Chinese culture.

For instance, the phrase "我想想" ("I need to think") in the context of disagreement or refusal is not equivalent to a promise to plan a solution to a problem or to consider the best way to fulfill a request; rather, the speaker is postponing the moment, subtly demonstrating an inability or unwillingness to engage in others' affairs. Consider another case: "не знаю" in Russian is equivalent to "не могу" and is used to indirectly convey to the interlocutor the impossibility of fulfilling their request. However, it can simultaneously express hesitation, agreement, surprise, or indignation, and distinguishing these linguistic-cultural nuances can be challenging, especially for foreigners. This is precisely why it is essential to study the communicative strategies of tactical refusal in the Chinese language in detail, as well as the ethnocultural characteristics that influence the communication techniques of native speakers.

Thus, in the practical part, we will attempt to analyze the semantic and functional-stylistic features of expressing refusal in the Chinese language, focusing on the theory of ISAs, politeness, and a number of concepts within Chinese culture.

Scientific novelty of the study lies in the quantitative and qualitative analysis of indirect refusals to requests, with responses obtained from Chinese respondents. Additionally, the study identifies and describes the explicit and implicit reasons for which the recipient indirectly declines to respond, a topic that has not been previously addressed in the works of Russian linguists.

Previous studies on Chinese refusal: In recent years, there has been a noticeable increase in publications and works where linguists study the lexicogrammatical, syntactic, and ethnocultural features of refusal behavior (speech act failure). Most often, research is conducted based on a specific language within the frameworks of theories such as speech act theory developed by J.L. Austin (1970), speech acts (J.S. Searle [Searle 2010]), politeness principles (Brown and Levinson, Grice, Leech [Brown.R., Levinson S. 1978]), social norms and roles, and the pragmatic and semantic aspects of speech communication [Y.E. Prokhorov, I.A. Sternin 2011], among others.

It is important to note the trend of comparing and analyzing refusal behavior among speakers of two cultures (for example, Chinese and

Americans). The empirical component of the overwhelming majority of studies is conducted through surveys or is based on linguistic material from serial or television discourse. For instance, Chinese authors Wang Aihua and Wu Guilan conducted a comparative analysis of refusal speech acts in American and Chinese cultures. Their analysis is grounded in Brown and Levinson's politeness theory, particularly the principle of face maintenance and the associated determinants of social power and distance. However, the researchers challenge the thesis of Western linguists that the greater the value of "interpersonal distance" between communicators and social regulation, the more indirect the politeness strategy is. Ultimately, the conclusions of Wang Aihua and Wu Guilan do not refute but rather reaffirm and expand Brown and Levinson's theory. They argue that the aforementioned components of polite communication, along with the emotional factor specifically examined in their study, do influence verbal behavior in refusal situations in both Chinese and American contexts, but in not entirely the same way [Wang Aihua, Wu Guilan 2004]. For example, the concept of face in Chinese culture has its specific characteristics that differ from those in other cultures. The main motivation is the understanding of whether personal behavior aligns with societal concepts and evaluations. The Chinese are motivated by the social principle of 来礼还礼 (li lai huan li) or "returning a favor," which creates significant pressure when they find themselves in a situation where they cannot fulfill a request, reflecting this pressure at the verbal level.

Dai Xingwen, in her article "Tactics of Refusing Speech Behavior and Their Functions in the Chinese Language" [Dai Xingwen 2021], conducts a comparative study of the indirect refusal behavior of Chinese individuals and foreign students studying Chinese as a foreign language. The survey results showed that both groups of respondents prefer indirect refusal strategies to avoid conflict. Factors influencing their behavior include social status and contextual settings of refusal speech behavior. Chinese students utilize a more diverse range of means for indirect expressions compared to foreign students. Dai Xingwen emphasizes the importance of using clichés in teaching the Chinese language, as well as the correct use of indirect expressions in communication. In this context, the article by another Chinese linguist, Mi Ruonan, is significant. He thoroughly analyzes the lexical-grammatical components of fixed expressions and speech patterns in refusal situations. In the first part of his work, the author provides a detailed breakdown and analysis of the discursive formulas of direct and indirect speech acts of disagreement/refusal, while in the second part, he discusses three main tasks that refusal behavior addresses during communication: concluding a conversation, avoiding conflict, maintaining amicable relationships, and preserving face [Mi Ruonan 2023].

Another notable contribution is made by Tang Lin [Tang Lin 2004], who examined the topic of indirect speech acts of refusal and their representation in

Chinese discourse. Based on the results of a survey conducted among Chinese individuals with higher education, the researcher found that polite (委婉拒绝) and indirect refusals (间接拒绝) predominated in quantitative terms, further confirming the notion that this model of refusal behavior is most common in the Chinese language. Tang Lin noted that despite the mitigating, euphemistic nature of indirect speech acts, this approach is not always diplomatic in some cases. Additionally, the article offers a thorough analysis of the lexical and syntactic means of expressing refusal, which contribute to the formation of a "unique Chinese culture" [Tang Lin 2004:117].

Regarding Russian and Russian-speaking studies on speech behavior in refusal situations in the Chinese language, it should be noted that scholars mostly address this topic indirectly within the framework of the speech genre "request," not to mention indirect refusal behavior. Moreover, a significant portion of articles and monographs focuses on the study of refusal speech acts within European languages, for example, by Takhtarova S.S. [Takhtarova 2013], Korzova E.N. [Korzova 2022], and others. In our view, it is indisputable that a comprehensive analysis of both speech genres is necessary for a clearer and more complete understanding of the entire picture, examining request and refusal situations in conjunction, rather than in isolation. The nature of the request, how, by whom, and under what circumstances it is formulated will influence the content of the refusal. In this regard, the scholarly works of Belarusian linguist Babkina P.S., which focus on the linguistic and cultural features of indirect requests and refusals in Chinese and Russian languages, deserve special attention. The author emphasizes that communicators in both cultures more often use indirect rather than direct speech acts, and it is noteworthy that they are driven by different intentions, based on culturally specific patterns of communicative behavior [Babkina 2019]. In her work "Indirect Request and Indirect Refusal in the Chinese and Russian Ethnolinguistic Space," Anastasia Sergeevna concludes that for Chinese individuals, indirect communication serves as a tool for demonstrating politeness and maintaining a positive face through the expression of respect and goodwill towards the interlocutor. To achieve this, means of communicative mitigation are typically employed.

Regarding Western studies, it is important to note the following trend: most English-language articles are published by Chinese authors (to some extent, this is also observed in our domestic scientific circles). This suggests that these works continue to explore the issue of speech refusal through the lens of an "Eastern perspective," rooted in their national culture, while making their research findings more accessible to an English-speaking audience. They provide a detailed examination of communicative tactics in refusal speech situations and various types of refusing behavior [Wang Rongbin, Zhao Mengyao, Jia Yang 2023]. Interestingly, the research reveals that preschool

children in China more frequently use explicit rather than implicit refusals, as well as non-verbal communication methods [Guo Yuling 2012].

The results of the review of foreign and domestic sources indicate that existing studies on the speech act of refusal focus on the peculiarities of communicative behavior among representatives of different cultures and compare refusal tactics in Chinese with those in other languages. A detailed lexical-grammatical and semantic-pragmatic analysis of speech patterns is provided, along with methodological recommendations for using this knowledge in teaching Chinese as a foreign language, for preparing lessons, and for developing educational materials. The overwhelming majority of studies are based on survey results and have significant potential for further identifying the influence of extralinguistic factors such as the age and gender of communicators on refusal behavior. Alongside this, we believe that an important condition that plays a significant role in the interpersonal interactions of speakers of any language is the cultural worldview. Considering this, a detailed examination of the cultural, semantic, and functional-stylistic features of refusal behavior in the Chinese language is a key objective of our research.

Methodology

Research process and model

This study was conducted to investigate the lexical-grammatical and linguocultural features of refusal tactics in the Chinese language. Both qualitative and quantitative methods were employed in the research.

Sixty-five native speakers aged 20 to 35 participated in the study. An online survey was distributed on Google and WeChat platforms. The author initially selected all request speech acts from the corpus, totaling 390, and then analyzed and classified the selected request speech. The central theme of this research is the use of communicative mitigation as one of the most commonly used and effective indirect strategies employed in this speech situation. Additionally, the article analyzes the level of complexity and the reasons for refusal speech behavior in specific situations among the respondents. The analysis of the obtained factual material relies on the results of the survey, during which informants were asked to present and formulate refusals in various communication situations. The relationship between the degree of politeness and the indirectness of statements is also examined.

A modified version of the Discourse Completion Test (DCT), created based on the work of other researchers, was used, incorporating social variables such as social distance and social hierarchy between participants, which we believe is relevant for analyzing paradigms and scenarios of interpersonal communication among Chinese individuals. Additionally, semantic analysis was applied in examining refusal speech formulas in Chinese, which allowed us to unpack the implicit meanings of certain statements and fixed expressions.

Research Hypothesis

Considering the fact that Chinese culture is high-context, we can assume that the external circumstances and conditions in which communication participants are situated have a direct impact on their communicative behavior, particularly in the context of refusal speech situations.

Results and Discussion

In 1996, Liao Chaoqing and M. Bresnahan [Liao, C.C., Bresnahan, M.I. 1996] presented a classification of refusal tactics called "features of strategies" and provided a detailed description of 24 techniques of refusing behavior. Additionally, typologies by other researchers, such as L.M. Beebe, T. Takahashi, and R. Ulysses-Wailtz [Beebe, L. T., Takahashi, & R. Uliss-Weltz 1990], were examined. These typologies not only categorized verbal refusals but also identified and analyzed non-verbal methods. The models examined have much in common, and thus, in our analysis of the linguistic material, we relied on them and separately highlighted the most common tactics.

To identify refusal strategies, we broke down the obtained statements into minimal, yet complete semantic units of information that can be understood independently. These semantic units were then classified using the typology created by other researchers, as described above. For example, when a colleague asks for help in preparing a presentation, the response given by the respondent can be broken down into separate lexical-semantic fields.

Respondents most often use speech clichés as a mitigative refusal strategy. Wan Aihua, in her research, describes the following lexical-syntactic structure of a sentence in a refusal situation: 修饰语+辅助言语行为+中心言语行为 (modifier + auxiliary speech act + main speech act). In a simplified form, it can be represented as: 道歉语+解释+拒绝 (words of apology + explanation + refusal). It is important to note that, based on our data, the scheme proposed by Wan Aihua is not always presented in full form, which is clearly evident within the same situation:

妈妈，真是不巧。 - 我今天跟朋友已经约好了，下次陪您去逛。
(Mom, I'm really sorry. I already have plans with a friend today; let's go together next time.)

不好意思，这周我也有事，借不了。 - (Sorry, I also have plans on this weekend and can't lend it.)

对不起。我很忙。 - (Sorry, I'm busy.)

不好意思，周末我要出门。 - (Sorry, I need to go out this weekend.)

The last example clearly shows that in Chinese Refusal Acts (CRA), it is often sufficient to describe only the reason for the refusal, which is enough for

the recipient to interpret it correctly. In our view, studying clichés at the level of words, phrases, and sentences holds significant importance in the paradigm of research on refusing communicative behavior.

Examples of indirect communication clichés used in refusal situations include expressions like 暂时没有时间 (it's not the right time now) and 再商量一下 (let's discuss it later/let's come back to this issue later). Since the person does not directly reject the offer but politely indicates that the postponement of the request is temporary and that the circumstances are not favorable, and the refusal is not related to the personal desire of the addressee, this speech tactic is not perceived as rude or painful by the requester. Thus, it also demonstrates respect for the addressee and a desire not to cause harm.

Special attention was paid to the analysis of the situation of refusal of behavior from the position of such parameters as social distance and the level of hierarchical relations. The survey participants had to imagine how they would respond to a particular request with a refusal, if they were in front of a loved one (mother, younger brothers/sisters), colleague, friend or boss. Analyzing the table below, it can be noted that the indicators differ depending on the social consequences and the consequences being tested. If this is a co-worker or a neighbor, the social distance between them and the respondent is equally neutral, and they are at the same level of hierarchy. The social distance between relatives will be close, at this level social power depends on family ties, seniority in the family. The indicators regarding friends are the same, the communicants are close and equal:

Figure 1

speech situation	social distance	social power *
S1 (refusal to mom's request to go shopping): Close, low	nearer	lower
S2 (refusal to a colleague's request for help with a work project): Neutral, equal	neutral	equal
S3 (refusal to a friend's request to borrow transportation): Close, equal	near	equal
S4 (refusal to a brother/sister's request for help with homework): Close, high	nearer	higher
S5 (refusal to a manager's request to do overtime work): Neutral, low	neutral	lower
S6 (refusal to a neighbor's request to borrow tools): Neutral, equal	neutral	equal

*The given indicator reflects the position of the refuser in relation to the requester.

By comparing the results of the provided table and analyzing the level of tactic usage in refusals by the respondents, it becomes evident that when the refuser occupies a higher position in the social hierarchy, it is reflected in the respondent's speech and manner of responding: polite formulations are used rarely, giving way to brief, abrupt phrases that logically justify the reason for

refusal and even openly criticize the requester's behavior. If the social distance is low, the speaker, on the contrary, employs various mitigating strategies as a tactic of indirect refusal behavior and even expresses agreement. There is also a certain correlation between speech behavior and social distance: the closer it is, the less formal expressions are used by the survey participants, who instead use slang or humor in their speech, while the more neutral the interaction, the drier and more formal the tone of the conversation.

Another important communicative dominant that significantly influences speech etiquette in Chinese discourse is 面子 ("face"). According to Ting-Toomey S., the concept of "face" represents society's assessment of a person in terms of how well their behavior conforms to social norms [Ting-Toomey S. 1985]. Avoiding direct refusals is related to the concept of "face" in Chinese society, akin to our notions of "reputation" or "social status." In China, direct refusals are considered an extremely impolite way of expressing disagreement. Therefore, in most cases, Chinese people use polite forms of address, such as indirect speech acts, including communicative mitigation, to avoid losing face and damaging the reputation of the interlocutor.

After examining the quantitative ratio of indirect and direct refusals in specific communicative situations described earlier, we found that the latter significantly predominates in the options provided by the respondents.

Figure 2

Situation	Direct Refusal	Indirect Refusal	Mitigated Indirect Refusal
S1	4%	60%	36%
S2	15%	30%	55%
S3	5%	45%	50%
S4	7%	76%	17%
S5	5%	75%	20%
S6	5%	67%	48%

Moreover, the category of mitigated indirect refusal is highlighted separately in the table, as in some cases implicit indirect refusals may conceal overt rudeness and verbal aggression. For example, let's compare the responses to a request for help with a brother or sister's school homework:

做梦 - "Dreaming is not harmful!"

没空，走开 - "I'm busy, leave me alone!"

不写 - "No."

In the first two cases, we have a indirect refusal, while the last expression is a direct refusal. Even though the speaker does not openly express unwillingness to fulfill the request or state it directly, their speech is rude and dismissive, and the emotional harm caused by these words is clearly greater than a short and direct refusal. Let's analyze more cases:

你的工作你自己整，我自己的都整不完呢还给你整。 - "Deal with your own matters yourself. I can barely handle my work, let alone help you!"

有没有可能我忙的很，没空。 - "Even if I could help, I'm swamped with work. I have no time!"

每个人都有自己的工作。不好意思我忙得很。 - "Everyone has their own responsibilities. Sorry, I'm really busy."

不做。 - "No, I can't help."

Despite the use of direct refusals, respondents describe the objective reasons for their inability to assist a colleague, while also reproaching the requester for irresponsibly shifting their duties onto others, which contradicts corporate policy. This once again confirms the idea that the situation is not so straightforward, and while indirect refusals may help preserve face, they do not always aim to mitigate the negative consequences of refusing behavior. Instead, they could be interpreted as an attempt to assert personal boundaries and demonstrate social power while maintaining one's reputation, without supporting the interlocutor's face.

The next step involved a thorough quantitative and qualitative analysis of refusal tactics, allowing us to confirm our hypothesis that one of the important factors influencing the refusing behavior of communicators in Chinese discourse is context. The conditions in which the requester and the person making the refusal find themselves also significantly affect which tactic the refuser considers effective and appropriate based on the specific situation. Based on the classification proposed by Liao Chaoqing, L.M. Beebe, and T. Takahashi, we selected tactics such as praise, explanation of reasons, demonstration of regret, topic change, attempts to confuse the interlocutor, deferred promises, and offering alternatives, as well as some others, which were used as a response (manipulating pity, humor, external agreement, etc.) on rare occasions:

Figure 3

Tactic/ Situation	Praise	Reason and Regret	Topic Change	Deferred Promise	Offering Alternatives	Other*
S1	2%	20%	9%	48%	2%	0%
S2	2%	37%	0%	43%	5%	4%
S3	0%	60%	2%	10%	20%	8%
S4	4%	38%	7%	9%	2%	40%
S5	0%	30%	0%	10%	24%	36%
S6	0%	9%	0%	62%	18%	10%

*(manipulation of feelings of pity, distraction or topic change, external agreement, internal disagreement, compromise agreement, intimidation, challenging the fairness of the request)

According to the results of the experiment, it was found that the majority of respondents used mitigating tactics when refusing, such as delaying the request, referencing external circumstances, seeking compromise, and humor. Most often, the refusal appeared as an evasion of the request or the use of various tricks to avoid taking responsibility for the refusal, rather than directly stating that they could not help. This trend was clearly observed when respondents had to refuse a neighbor or friend's request to lend a personal item. They referred to family circumstances, unfortunate timing, and so on.

However, some people preferred to be open and honest, directly stating the reason for their refusal. For them, truthfulness and straightforwardness were more important than remaining complimentary towards others and maintaining positive relationships. While this might disappoint and negatively affect future communication with the requester, it allowed them to avoid disagreements and mistrust in the future:

车用不用都不想借人，出事故都会很麻烦。

"I never want to lend my car to anyone under any circumstances. If something happens to it, it will be a hassle."

An alternative to this could be an indirect mitigating refusal in the form of a joke:

车河老婆概不外接。

"Never lend your car or your wife to anyone!"

Some of them also offered alternative ways to resolve the issue or get out of the situation, demonstrating a willingness to compromise, preferring to avoid conflict and maintain good relationships with the requester. This was especially evident when respondents had to formulate a refusal to their boss:

好的，但是回晚点交给你，因为我提前有安排了。

"Okay, but I will send it to you later in the evening because I have plans before that."

我带回家今晚8点自谦写完一定发给你。

"I will take the work home and definitely send it to you before 8 PM."

我到点下班了，加班费给的话我旧干，不给的话我走了。

"My working day is over; if you pay for overtime, I will prepare the report; otherwise, I will go home."

The respondents understood that a scheduled meeting was not a valid reason to refuse a superior, and it was more of a directive than a request. Therefore, some even did not voice their true reasons, as we see in the second example, immediately proposing a solution that was convenient for both parties. The last statement, while proposing a middle-ground option, sounds more ultimatum-like, as the speaker does not adapt to the existing working conditions but dictates their own. This leads us to suggest that the Confucian principle of

respect for hierarchy and authority influences communicative behavior, often not allowing the speaker to express disagreement, even indirectly, leading them to respond positively or express external agreement while having internal disagreement.

A common feature of the refusal behaviors that were examined and studied in this article is that they were directly related to the context and conditions in which the respondents found themselves. Based on the cultural worldview and values of the individual, each chose the most suitable and effective way to refuse.

Conclusion

In summary of the results of the analysis conducted above, we concluded that in situations involving refusal, Chinese individuals typically employ indirect speech acts, which can broadly be defined as a refusal strategy. We identified the most common strategies as offering alternatives, deferred promises, and providing reasons for refusal (usually circumstances beyond the speaker's control). Each respondent chose their method of refusal based on accepted beliefs and values, as well as their way of interacting with others. Key components of Chinese culture, such as social distance, power dynamics, and the concept of face or business reputation, played a significant role in these choices. Additionally, we identified context as another crucial factor; the quality of respondents' answers often depended on how well the parameters of the communicative situation were defined.

Particular importance in the Chinese language is given not only to mitigating tactics but also to linguistic means of expressing refusal. Considering that Chinese has a fixed word order, a more in-depth study of these speech patterns could provide valuable material for practical Chinese language and translation classes, helping students better understand linguistic nuances and develop the skill of producing authentic speech.

It should be acknowledged that the potential for this research is vast, and for more accurate, qualitative results, a broader survey and detailed analysis of respondents' speech profiles could enhance our understanding in the fields of intercultural communication and Chinese language discourse. For example, employing a multimodal discourse analysis method and focusing on serial discourse could help supplement and verify the findings by integrating the analysis of both verbal and non-verbal means of interaction among communicators in China.

References

Austin, J. L. Intelligent Behaviour: A Critical Review of The Concept of Mind. In Wood, O. P. and Pitcher, G. (eds.), *Ryle: A Collection of Critical Essays*, 1970. P. 45–51.

Babkina Polina Indirect request and indirect refusal in Chinese and Russian ethnolinguistic space. *Moscow University Young Researchers' Journal. Languages, Cultures and Area Studies*. 2019. Vol 8, P. 40-47. (in Russ.)

Beebe, L. T., Takahashi, & R. Uliss-Weltz. Pragmatic transfer in ESL refusals. In R. Scarcella, E. Anderson & S. D. Krashen eds. *On the Development of Communicative Competence in a Second Language*. Cambridge, MA: Newbury House. 1990. P. 55-72

Brown, R., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge. 1978. P. 28-30

Dai Xingwen The expression strategy and function of "rejection speech behavior" in Chinese. *Science and Technology Innovation Herald*. 2021. no. 2. P. 110-121

Guo Yuling Chinese and American Refusal Strategy: A Cross-cultural Approach. *Theory and Practice in Language Studies*. Vol. 2, No. 2, P. 247-256, doi:10.4304/tpsls.2.2. 2012. P. 247-256

Korzova E. N., Bondarenko S. V., and Syresina I. O. Pragmatic aspect of the functioning of refusal statements in modern English. *The World of Science, Culture, Education*. 2022. no. 5 (96), P. 275-278. doi:10.24412/1991-5497-2022-596-275-278 (In Russ.)

Liao, C.C., Bresnahan, M.I. (1996). A contrastive pragmatic study on American English and Mandarin refusal strategies. In K. Jaszczolt & K. Turner (Eds.), *Contrastive semantics and pragmatics*. 1996. P. 703-727

Mi Ruonan Verbal strategies of expressing agreement and refusal in Russian and Chinese languages. *Modern Pedagogical Education*. 2023. no. 7, P. 263-265. (In Russ.)

Wang Rongbin, Zhao Mengyao, Jia Yang Multimodal Refusal and Response to Refusal of Chinese-Speaking Children: A Comparative Case Study. *International Journal of Language and Linguistics*. 2023. Vol. 11, No. 3, P. 78-86. doi: 10.11648/j.ijll.20231103.13

Prokhorov Yu. E., Sternin. I. A. Russians: communicative behavior. Moscow: Flinta: Nauka. 2011. 4th ed 326 p. (in Russ)

Searle J.R. Philosophy of language. M: Editorial URSS. 2010. 208p. (in Russ.)

Takhtarova Svetlana Salavatovna Tactics of Softening Refusal in German Discursive Practices. *Philology and Culture*. 2013. no. 3 (33), P. 135-138.

Tang Ling Analysis of the Surface Strategy of Indirect Refusal in Chinese. Guangxi Social Sciences. 2004. P.-117-119. doi:CNKI:SUN:HSKX.0.2004-10-037. (in Chinese)

Ting-Toomey S. The Matrix of Face: An Updated Face-Negotiation Theory. Sage Encyclopedia of Intercultural Competence. 1985. Volume 1. 2 P. 325-330.

Wang Aihua, Wu Guiliang A Sociopragmatic Study of Refusals in Chinese and AE. Journal of University of Electronic Science and Technology of China (Social Sciences Edition). 2004. 03, P. 66-78. (in Chinese)

УДК 81-13

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «РУССКИЙ СОЛДАТ» (НА ОСНОВЕ ПУБЛИКАЦИЙ ЗАПАДНЫХ СМИ)

Н.А. Неровная

Кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков
e-mail: nnerovnaya@yandex.ru

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина
(г. Воронеж, Россия)

Целью данной статьи является вскрытие одного из механизмов ведения информационной войны через формирования негативного образа противника. Дана логическая и статистическая оценка процесса формирования негативного образа русского солдата в сознании носителей английского языка при помощи средств массовой информации. В исследовании применялись методы когнитивной лингвистики – семантико-когнитивный метод, метод лингвистического анализа, метод когнитивной интерпретации результатов исследования. Проведен лингвокогнитивный анализ концепта «Russian soldier» («Русский солдат») в английском языковом сознании в разные временные периоды (до 2022 года и после), выявлены ядро, дальняя и ближняя периферии концепта, определены изменения в составе структурных частей концепта и индексах оценочности. Результаты исследования могут применяться для отражения информационных атак западной прессы и противодействия пропаганде, направленной против нашей страны.

Ключевые слова: информационная война, концепт, семантико-когнитивный метод, ядро, периферия, индекс яркости.

Введение

Информационное пространство, создаваемое всеми видами СМИ в современном мире, огромно. СМИ принадлежит ведущая роль в создании той картины мира, в которой будет жить, мыслить и действовать человек. С развитием электронных средств связи и блогосферы, появлением возможности круглосуточного воздействия на человека посредством подачи нужной аудио и видео информации влияние СМИ на сознание, равно как и охват целевой аудитории кратно увеличились. Массовое давление на психику и мышление позволяет манипулировать сознанием и создавать стереотипы. Данные процессы, протекающие в сфере взаимодействия языка, сознания и мышления не могут не привлекать внимание исследователей. Кроме того, в настоящее время средства массовой информации и блогосфера являются неотъемлемой частью ресурсов, применяемых сторонами конфликта при ведении боевых действий в качестве информационного оружия. Ведение информационных войн является таким же старым способом решения спорных ситуаций, как

и ведение боевых действий. Вовремя поданная информация или дезинформация, формирование нужного политическим кругам мнения и образа противника – лишь малая часть возможностей воздействия на мысли и сознание обывателя.

Как справедливо отмечают Ш.С. Сулейманова и Е.А. Назарова, «Информационно-психологическая война появилась как форма информационного противоборства на определенной стадии развития средств и методов информационно-психологического воздействия и представляет собой наиболее социально опасную форму данного противоборства, осуществляемого насильственными средствами и способами воздействия на информационно-психологическую сферу противника с целью решения стратегических задач» [Сулейманова, Назарова 2017: 6]. Причиной возникновения информационного противоборства является желание воюющих сторон поднять дух своей армии и населения и ослабить противника. «Сражаться и побеждать во всех сражениях – это не наивысшее мастерство; наивысшее мастерство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага без боя» [Сунь-Цзы 2024: 18].

Одним из элементов такого воздействия на сознание собственного населения с целью оправдания ведения несправедливых захватнических действий или намерения сподвигнуть большую часть народа к участию в активных боевых операциях является формирование негативного, резко-отрицательного образа противника. Стратегия дискредитации противника реализуется, в первую очередь, путем замалчивания правды о настоящем положении дел на фронте, вбрасывания в информационное пространство ложных данных, т.н. «фейков», многократного повторения заведомой лжи, преувеличения негативных сторон противника, запугивание населения образом врага.

Анализ англо-американского медиадискурса до и после начала Специальной военной операции Российской Федерации на Украине, поддерживаемой блоком стран НАТО, позволяет заметить, что число публикаций, изображающих Россию и русского солдата в негативном свете, многократно увеличилось. Таким образом производилась «накачка» мирного населения Украины, стран Евросоюза и США для оправдания огромных затрат на войну с Россией и озлобление армии Вооруженных сил Украины.

Материалы и методы

В данной статье нами предпринята попытка логически охарактеризовать и статистически оценить данный процесс для возможного поиска путей противодействия массовой пропаганде, направленной против нашей страны и армии. Для объективного

исследования мы воспользовались методами когнитивной лингвистики, призванной изучать сознание на материале языка – она исследует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования [Стернин 2007: 2]. У истоков основания когнитивной лингвистики в нашей стране стоят такие известные ученые, как Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], С.А. Аскольдов [Аскольдов 1997: 267-280], В.И. Карасик [Карасик 2002], Н.А. Болдырев [Болдырев 2018], Г.Г. Слышкин [Слышкин 2000] и многие другие. Подробные обзоры трудов мыслителей различных времен от античности до наших дней по вопросам языка и мышления можно найти в трудах Л.Г. Зубковой [Зубкова 2000] и Н.А. Кобриной [Кобрина 2000].

В задачи когнитивной науки входит «и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова 2012: 18].

Когнитивная лингвистика оперирует такими понятиями, как концепт, языковая объективация, когнитивные признаки, индекс яркости, ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии концепта.

Краткое и емкое определение концепта дает В.А. Маслова: «Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Концепты представляют мир в голове человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы» [Маслова 2005: 35]. Следовательно, подобрав «ключ» к ее раскодированию, можно через семантику языка проникнуть в сознание человека и целого народа. Наиболее достоверные данные в этом направлении дает применение семантико-когнитивного подхода, разработанного воронежской теоретико-лингвистической школой, основанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007]. Данный подход применялся нами при проведении исследования. Его суть заключается в том, чтобы через выявление всех основных объективаций концепта в языке путем когнитивной интерпретации выявить основные когнитивные признаки концепта и составить его иерархическую модель согласно индексам яркости когнитивных признаков.

Результаты

Нами был проведен семантико-когнитивный анализ концепта «Russian soldier» («русский солдат») в английском языковом сознании в разные временные периоды, выявлены ядро, дальняя и ближняя периферии концепта, определены изменения в составе структурных частей концепта с течением времени.

Для этого нами были проанализированы все упоминания словосочетания «Russian soldier» в Национальном корпусе английского языка на сайте English-corpora.org (в подразделах iWeb: The Intelligent Web-based Corpus и Now Corpus (News on the Web) [English-Corpora.org. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus <https://www.english-corpora.org/iweb/>; English-Corpora.org. Now Corpus (News on the Web) <https://www.english-corpora.org/now/>]. В iWeb: The Intelligent Web-based Corpus содержатся 14 миллиардов слов на 22 миллионах веб-страниц сети до 2017 года. Корпус Now Corpus (News on the Web) содержит больше 19,5 миллиардов слов с 2010 года до настоящего момента, т.е. он постоянно пополняется (каждый месяц на 120-140 миллионов слов). При введении словосочетания «Russian soldier» iWeb: The Intelligent Web-based Corpus выдает 451 запись в 351 тексте, а корпус Now Corpus (News on the Web) дает 3570 записей в 2717 текстах. Для исследования были взяты 450 последних записей из каждого корпуса и выделены объективации изучаемого концепта.

После анализа объективаций концепта были определены его основные когнитивные признаки и вычислен их индекс яркости. Индекс яркости рассчитывался как отношение количества объективаций, входящих в когнитивный признак, к общему количеству выделенных объективаций концепта.

По результатам анализа iWeb: The Intelligent Web-based Corpus у концепта «Russian soldier» было выделено 128 объективаций, которые образуют 45 когнитивных признаков. Индекс яркости указан в скобках, рядом с цифрой количества объективаций, образующих когнитивный признак.

1. Обладает выносливостью 14 (0,1) (tough, endures heat, endures cold, endures hunger, endures thirst, is unaffected by season, is unaffected by terrain, requires very few provisions, adapts to terrain features, has immune to seasonal difficulties, has immune to terrain difficulties, can stand pain without a murmur, possesses endurance, hardy).

2. Напоминает животное 7 (0,05) (beast-like 2, ape-like 2, a bear, primitive, acts instinctively).

3. Обладает личной храбростью 6 (0,05) (has exemplary bravery, brave by nature, has the fighting spirit 2, brave, the bravest).

4. Является безжалостным 6 (0,05) (brutal, fierce, will tear your face off, hard, cold, bloodthirsty).
5. Умирает в бою 6 (0,05) (dies in a war, killed in a battle, dies in rescue operation, killed in a clash 2, died in a clash).
6. Обладает оружием 5 (0,04) (has newest weapon, uses RGD-5, uses bayonet, stands next to a machine gun, never separates from a gun).
7. Обладает мужеством 5 (0,04) (has courage 4, martial).
8. Является романтичным 5 (0,04) (plays the piano in Grozny park 5).
9. Проявляет героизм 4 (0,03) (heroic, has heroism, pulls an action of hero move, manifests heroism).
10. Является неприхотливым 4 (0,03) (a man of few wants 2, unassuming, undemanding).
11. Теряет боевой дух 4 (0,03) (folds up completely, allowed to be cut out to pieces, became demoralized, lost the nerves).
12. Превосходит солдат других армий 4 (0,03) (superior to soldiers of other armies, more courageous than the US soldier, more patient than the US soldier, the bravest in Europe).
13. Побеждает 4 (0,02) (completes unusual missions, wins, stomping on a swastika, successful).
14. Имеет противоречивый характер 3 (0,02) (swings from one extreme to another, full of contradictions, is subject to moods).
15. Умеет хорошо маршировать 3 (0,02) (a good marcher 2, marches well in the Red Square).
16. Обладает боевыми навыками 3 (0,02) (a perfect sniper, has tactical principles, has particular methods of fighting).
17. Является грубым 3 (0,02) (rude 2, demonstrates disregard for human).
18. Является сильным 2 (0,02) (stiff, strong).
19. Имеет пугающую внешность 2 (0,02) (scary-looking, horrific-looking).
20. Проявляет мягкость 2 (0,02) (gentle, has gentleness).
21. Обладает хорошей экипировкой 2 (0,02) (suitable equipped, wearing heavy winter coats).
22. Становится легендарным 2 (0,02) (became a legend for feats, the hero of an epic).
23. Проявляет спокойствие 2 (0,02) (incapable of panic, calm).
24. Является добрым 2 (0,02) (nice, testimonial).
25. Спасает 2 (0,02) (rescues 2).
26. Защищает 2 (0,02) (protects the Motherland, holds a child).
27. Является восприимчивым 2 (0,02) (sensitive to crises, touchy).
28. Является невосприимчивым 2 (0,02) (impervious to crises, doesn't possess perception).

29. Уходит от опасности 2 (0,02) (escapes 2).
30. Совершает преступление 2 (0,02) (murders, rapes).
31. Жалеет побежденных врагов 2 (0,02) (makes sure the defeated enemy is all right, checks on a defeated enemy).
32. Является непонятным для других 1 (0,01) (unfathomable).
33. Имеет склонность к подчинению 1 (0,01) (has inclination toward subordination).
34. Сражается 1 (0,01) (fights).
35. Проявляет упорство 1 (0,01) (has tenacity).
36. Является хорошо обученным 1 (0,01) (suitably trained).
37. Не подчиняется правилам 1 (0,01) (disregards the rules).
38. Действует коллективно 1 (0,01) (doesn't possess the ability to think independently).
39. Не проявляет себя в коллективе 1 (0,01) (vegetating in a group).
40. Получает наказание 1 (0,01) (sentenced to life).
41. Является заклятым врагом 1 (0,01) (implacable foe).
42. Обладает красивой внешностью 1 (0,01) (well made).
43. Обладает здоровьем 1 (0,01) (healthy).
44. Является уставшим от войны 1 (0,01) (war-weary).
45. Является бесстрашным 1 (0,01) (has no fear).

Исходя из полученных данных, по объему содержания когнитивных признаков можно сделать вывод о ядре, ближней и дальней периферии изучаемого концепта. Итак, **ядро** концепта «Russian soldier» образует когнитивный признак *обладает выносливостью* с наибольшим индексом яркости 0,1. Когнитивные признаки *напоминает животное* 7 (0,05), *обладает личной храбростью* 6 (0,05), *умирает в бою* 6 (0,05), *является безжалостным* 6 (0,05), *является романтичным* 5 (0,04), *обладает мужеством* 5 (0,04), *обладает оружием* 5 (0,04) образуют **ближнюю периферию** концепта. **Дальнюю периферию** образуют такие признаки, как *проявляет героизм* 4 (0,03), *является неприхотливым* 4 (0,03), *теряет боевой дух* 4 (0,03), *превосходит солдат других армий* 4 (0,03), *побеждает* 3 (0,02), *имеет противоречивый характер* 3 (0,02), *умеет хорошо маршировать* 3 (0,02), *обладает боевыми навыками* 3 (0,02), *является грубым* 3 (0,02), *жалеет побежденных врагов* 2 (0,02), *имеет пугающую внешность* 2 (0,02), *проявляет мягкость* 2 (0,02), *обладает хорошей экипировкой* 2 (0,02), *становится легендарным* 2 (0,02), *проявляет спокойствие* 2 (0,02), *является добрым* 2 (0,02), *спасает* 2 (0,02), *защищает* 2 (0,02), *является восприимчивым* 2 (0,02), *является невосприимчивым* 2 (0,02), *уходит от опасности* 2 (0,02), *совершает преступление* 2 (0,02), *является сильным* 2 (0,02). Оставшиеся когнитивные признаки с наименьшим индексом яркости 0,01 образуют **крайнюю периферию**: *достигает успеха* 1 (0,01), *является непонятным*

для других 1 (0,01), имеет склонность к подчинению 1 (0,01), сражается 1 (0,01), проявляет упорство 1 (0,01), является бесстрашным 1 (0,01), не подчиняется правилам 1 (0,01), действует коллективно 1 (0,01), не проявляет себя в коллективе 1 (0,01), получает наказание 1 (0,01), является заклятым врагом 1 (0,01), обладает красивой внешностью 1 (0,01), обладает здоровьем 1 (0,01), является уставшим от войны 1 (0,01), является хорошо обученным 1 (0,01).

Из 45 когнитивных признаков большая часть (31, или почти 70%) являются позитивно-оценочными. Это такие признаки, как обладает выносливостью 14 (0,1), обладает личной храбростью 6 (0,05), обладает оружием 5 (0,04), обладает мужеством 5 (0,04), является романтическим 5 (0,04), проявляет героизм 4 (0,03), является неприхотливым 4 (0,03), превосходит солдат других армий 4 (0,03), побеждает 3 (0,02), умеет хорошо маршировать 3 (0,02), обладает боевыми навыками 3 (0,02), является сильным 2 (0,02), является нежным 2 (0,02), обладает хорошей экипировкой 2 (0,02), становится легендарным 2 (0,02), проявляет спокойствие 2 (0,02), является добрым 2 (0,02), спасает 2 (0,02), защищает 2 (0,02), является восприимчивым 2 (0,02), является невосприимчивым 2 (0,02), уходит от опасности 2 (0,02), жалеет побежденных врагов 2 (0,02), имеет склонность к подчинению 1 (0,01), сражается 1 (0,01), является бесстрашным 1 (0,01), является хорошо обученным 1 (0,01), действует коллективно 1 (0,01), обладает красивой внешностью 1 (0,01), обладает здоровьем 1 (0,01), проявляет упорство 1 (0,01).

Негативно-оценочными являются 14, или 30% признаков: напоминает животное 7 (0,05), является безжалостным 6 (0,05), умирает в бою 6 (0,05), теряет боевой дух 4 (0,03), имеет противоречивый характер 3 (0,02), является грубым 3 (0,02), имеет пугающую внешность 2 (0,02), совершает преступление 2 (0,02), является непонятным для других 1 (0,01), является уставшим от войны 1 (0,01), не проявляет себя в коллективе 1 (0,01), получает наказание 1 (0,01), является заклятым врагом 1 (0,01), не подчиняется правилам 1 (0,01).

Таким образом, русский солдат в публицистических и документальных текстах западных СМИ и писателей, собранных в Национальном корпусе английского языка, датированных числами до начала СВО, представляет собой выносливого, храброго, мужественного воина, не лишённого романтических чувств, который, тем не менее, внушает опасение и страх. Образ русского солдата противоречив: в зависимости от обстоятельств он может быть грубым или нежным, подчиняться правилам или пренебрегать ими, проявлять жалость или быть безжалостным, совершать подвиги или преступления, сражаться и побеждать или потерять боевой дух. Но так как большая часть

когнитивных признаков имеют положительную коннотацию, можно сделать вывод о том, что в целом концепт является позитивно-оценочным.

На следующем этапе нами были проанализированы записи корпуса News on the Web, которые относятся к периоду после начала СВО. Были получены следующие результаты: всего было выделено 125 объективаций, которые распределились по 26 когнитивным признакам:

1. Является преступником 38 (0,3) (is accused of killing a civilian 8, convicted of war crimes 6, pleaded guilty in a crime 3, killed an unarmed civilian 3, accused of castrating a prisoner 2, accused of committing war crimes 2, raped a woman, murdered a civilian, charged for raping a woman, arrested for raping a baby, guilty of war crimes, killed a homeowner, shot a civilian, sexually assaulted a 4-year old girl, lobbed a grenade into a school, killed his own countrymen, drove over his colonel with a tank, ran over his commander, takes everything which is loose, looted the house).

2. Является осужденным 12 (0,1) (sentenced to life in prison 8, sentenced to life imprisonment, sentenced to 10 years in jail 5, put on trial).

3. Получает ранения 8 (0,06) (is wounded 7, is injured).

4. Находится в плену 7 (0,05) (in captivity, captured 4, a prisoner of war 2).

5. Подвергается изгнанию 6 (0,05) (is ejected 3, is expelled, is pushed down, is sent to hell).

6. Отказывается сражаться 4 (0,03) (refuses to fight 2, abandons positions, expresses resentment against invasion).

7. Обладает плохой экипировкой 4 (0,03) (is given rusting kit, is given outdated kit, is badly equipped, wore the wrong uniform).

8. Подвергается физическому наказанию 4 (0,03) (is brutally executed, is executed with a sledgehammer, is kicked, is beat).

9. Употребляет алкоголь 4 (0,03) (drunk 2, looked for wine, drunken).

10. Умирает в бою 3 (0,02) (killed by a grenade, died in a battle, killed in attack).

11. Несет службу 3 (0,02) (stands guard 2, inspects a tank).

12. Сдается 3 (0,02) (surrenders 2, kneels).

13. Сражается 3 (0,02) (fights 2, blew the wall).

14. Не обладает высоким интеллектом 3 (0,02) (is unable to understand, bewildered, a fool).

15. Переходит границу 3 (0,02) (crossed out international border, put a toe-cap over a border, crosses the bridge).

16. Уходит от опасности 3 (0,02) (escapes an attack, rushed out of the tank, escaped).

17. Не сдается 2 (0,02) (fails to surrender, continues to fire).

18. Употребляет наркотические вещества 2 (0,02) (is on high drugs, high).

19. Защищает 2 (0,02) (defends 2).

20. Является испуганным 1 (0,01) (is scared).
21. Действует по чужой воле 1 (0,01) (is a marionette).
22. Уничтожает 1(0,01) (destroyed every man).
23. Несет бедствия 1 (0,01) (famine comes with his sole).
24. Получает награды 1 (0,01) (is awarded).
25. Служит в армии за деньги 1 (0,01) (joined the army for money).
26. Получает медицинскую помощь 1 (0,01) (is being cared by medics).

Исходя из полученных данных, можно также определить структуру концепта, формируемого СМИ в сознании носителей английского языка в наши дни. Получается, что **ядро** концепта образуют когнитивные признаки с наибольшим индексом яркости *является преступником 38 (0,3) и является осужденным 12 (0,1)*. В **ближнюю периферию** входят когнитивные признаки *получает ранения 8 (0,06), подвергается изгнанию 6 (0,05), находится в плену 7 (0,05)*. **Дальняя периферия** образована такими признаками, как *отказывается сражаться 4 (0,03), обладает плохой экипировкой 4 (0,03), подвергается физическому наказанию 4 (0,03), умирает в бою 3 (0,02), несет службу 3 (0,02), сдается 3 (0,02), сражается 3 (0,02), защищает 2 (0,02), переходит границу 3 (0,02), уходит от опасности 3 (0,02), не сдается 2 (0,02) употребляет наркотические вещества 2 (0,02), не обладает высоким интеллектом 3 (0,02)*. **Крайняя периферия** содержит такие когнитивные признаки, как *является испуганным 1 (0,01), получает медицинскую помощь 1 (0,01), уничтожает противника 1(0,01), несет бедствия 1 (0,01), получает награды 1 (0,01), служит в армии за деньги 1 (0,01), действует по чужой воле 1 (0,01)*.

Из 26 когнитивных признаков 19 (73%) являются негативно-оценочными. Это такие когнитивные признаки, как *является преступником 38 (0,3), является осужденным 12 (0,1), получает ранения 8 (0,06), находится в плену 7 (0,05), подвергается изгнанию 6 (0,05), отказывается сражаться 4 (0,03), обладает плохой экипировкой 4 (0,03), подвергается физическому наказанию 4 (0,03), употребляет алкоголь 4 (0,03), умирает в бою 3 (0,02), сдается 3 (0,02), не обладает высоким интеллектом 3 (0,02), переходит границу 3 (0,02), употребляет наркотические вещества 2 (0,02), является испуганным 1 (0,01), уничтожает противника 1(0,01), несет бедствия 1 (0,01), служит в армии за деньги 1 (0,01), действует по чужой воле 1 (0,01)*.

Позитивно-оценочными являются 7 когнитивных признаков, или 27% от общего числа выделенных признаков. Это такие признаки, как *несет службу 3 (0,02), не сдается 2 (0,02), сражается 3 (0,02), уходит от опасности 3 (0,02), защищает 2 (0,02), получает награды 1 (0,01), получает медицинскую помощь 1 (0,01)*.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают следующее: несмотря на то, что на двух этапах было выделено практически равное количество объективаций (128 и 125), количество когнитивных признаков на втором этапе исследования сократилось в 1,7 раза (с 45 до 26). Значительно увеличился объем ядра концепта – в 3 раза (с 0,1 до 0,3) и уменьшился совокупный объем ближней периферии (с семи когнитивных признаков до трех). Резко изменилась оценочность образа. Если до начала СВО образ русского солдата был на 70% позитивно-оценочным, то после начала СВО он стал негативно-оценочным более чем на 70%. Это говорит о том, что высказывания, на основе которых осуществлялась выборка объективаций, изменили свой характер: они стали иметь целенаправленный характер, метят в одну точку и создают для западной аудитории конкретный негативный образ русского военнослужащего. Образ перестал быть «обтекаемым», приобрел более четкую форму, структуру, иерархию.

Таким образом, мы видим, что после начала СВО европейские и американские СМИ начали кампанию по созданию образа врага в лице русского солдата. Если до начала боевых действий отношение зарубежных СМИ было скорее нейтральным, и, в некоторой степени, даже комплементарным и уважительным по отношению к русскому воину, то сейчас русский солдат предстает в образе аморального преступника, который получает осуждение и суровый приговор. Англоязычные СМИ целенаправленно создают образ человека, не обладающего высоким интеллектом, не способного к самостоятельному мышлению и находящегося под действием стимулирующих веществ. Этот воин плохо экипирован, не обладает достаточными навыками и силой духа для сражения, в результате чего попадает в плен или умирает на поле боя. Скорее всего, это делается для того, чтобы «расчеловечить» русского солдата, сведя его на уровень дикого злобного животного, которое не жалко убить и, которое, вследствие употребления наркотических веществ, плохого снаряжения и низкого морального духа, является легкой и законной целью.

Заключение

Проведенное исследование позволило определить основные методы и точки воздействия зарубежных СМИ на сознание населения англоязычных стран в части, касающейся противостояния российской армии на ментальном уровне и поддержания боевого духа своих вооруженных сил путем создания негативного образа противника. Результаты исследования могут быть применены российскими СМИ и блогосферой для противодействия пропаганде в информационной войне с Западом.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267-280.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 2000.- С. 176-180.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кобрина Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 170-175.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. М.: Тетрасистемс, 2005. 255 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 226 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

Стернин И.А. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. 2007. №5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologi> (дата обращения: 09.01.2025).

Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность. Учебное пособие. М.: Этносоциум, 2017. 124 с.

Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: Эксмо, 2024. 416 с.

English-Corpora.org. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения 10.10.2024).

English-Corpora.org. Now Corpus (News on the Web) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения 20.11.2024).

References

Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.

Askol'dov S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost': Antologiya. M.: Academia, 1997. С. 267-280.

Boldy'rev N.N. Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka. M.: Izdatel'skij Dom YaSK, 2018. 480 s.

Zubkova L.G. E`volyuciya predstavlenij o yazy`kovej kategorizacii mira // Kognitivnaya semantika. Ch. 2. Tambov, 2000.- S. 176-180.

Karasik V.I. Yazy`kovej krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.

Kobrina N.A. Kognitivnaya lingvistika: istoki stanovleniya i perspektivy` razvitiya // Kognitivnaya semantika. Ch. 2. Tambov, 2000. S. 170-175.

Kubryakova E.S. V poiskax sushhnosti yazy`ka. Kognitivny`e issledovaniya. M.: Znaki, 2012. 208 s.

Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika. Uchebnoe posobie. M.: Tetrasistems, 2005. 255 s.

Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. M.: AST «Vostok-Zapad», 2007. 226 s.

Sly`shkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvokul`turny`e koncepty` precedentny`x tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000. 128 s.

Sternin I.A. Psixolingvistika i konceptologiya // Voprosy` psixolingvistiki. 2007. №5 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya> (data obrashheniya: 09.01.2025).

Sulejmanova Sh.S., Nazarova E.A. Informacionny`e vojny`: istoriya i sovremennost`. Uchebnoe posobie. M.: E`tnosocium, 2017. 124 s.

Sun`-Czzy`. Iskusstvo vojny`. M.: E`ksmo, 2024. 416 s.

English-Corpora.org. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (data obrashheniya 10.10.2024).

English-Corpora.org. Now Corpus (News on the Web) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (data obrashheniya 20.11.2024).

UDC 81-13

LINGUISTIC AND COGNITIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "RUSSIAN SOLDIER" (BASED ON WESTERN MEDIA PUBLICATIONS)

N.A. Nerovnaya

*Candidate of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages
e-mail: nnerovnaya@yandex.ru*

*Military Training and Research Center of the Air Force "Military Air Academy named after Professor
N.E.Zhukovsky and Yu.A.Gagarin" (Voronezh, Russia)*

The purpose of this article is to reveal one of the mechanisms of information warfare through the formation of a negative image of the enemy. A logical and statistical assessment of the process of forming a negative image of the Russian soldier in the minds of native English speakers with the help of mass media is given. The methods of cognitive linguistics were used in the study – the semantic-cognitive method, the method of linguistic analysis, the method of cognitive interpretation of the research results. A linguocognitive analysis of the concept "Russian soldier" in the English language speakers' consciousness was carried out in different time periods (until 2022 and after), the core, far and near peripheries of the concept were identified, changes in the composition of the structural parts of the concept and the indices of evaluation were determined. The results of the study can be used to repel information attacks by the Western press and counter propaganda directed against our country.

Keywords: *information warfare, concept, semantic-cognitive method, core, periphery, brightness index.*

УДК 81`42 + 81-112.4

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАНДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ПЕРИОДА 2020-2022 гг.)¹

Ю. Пань

Аспирант кафедры общего и русского языкознания
e-mail: yue.pan@yandex.ru

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва, Россия)

Данная статья посвящена сравнению в диахроническом аспекте коллокаций с ключами «пандемия», «эпидемия», «коронавирус», «ковид», «корона», «COVID» в медийном и сетевом дискурсах. Актуальность работы обусловлена стремлением осуществлять сравнение центрального и регионального медиа-дискурсов, а также сетевого дискурса, связанного с пандемией за период 2020-2022 гг. Материалом послужили высокочастотные прилагательные-коллокаты из центральных и региональных СМИ, а также из социальных сетей с ключом, связанным с пандемией COVID-19. В качестве методов исследования нами были использованы методы количественного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа и дискурс-анализа. Нами было выделено 5 категорий языковых маркеров (эпидемиологические, темпоральные, локативные, географические, экспрессивные), связанных с определенными характеристиками пандемического дискурса. Также нами была проанализирована динамика изменений как пандемического дискурса в медийном и сетевом дискурсе, так и восприятие пандемического феномена в данный период общественностью. Эмпирический анализ показал, что эпидемиологические маркеры занимают первое место по частоте и составляют когнитивную основу пандемических тематик как в медиа-дискурсе, так и в дискурсе социальных сетей, что не изменяется во времени. Темпоральные маркеры, характеризующие настоящее, будущее и прошлое, представлены более разнообразно в СМИ 2020 года, сравнительно со СМИ 2021 года и корпусом социальных сетей. Маркеры экспрессии, указывающие на высокую степень проблемы, представлены широко и многообразно в пандемическом дискурсе, но в корпусе СМИ доля их употребления снижается с каждым годом, а в корпусе социальных сетей она растет из года в год. В целом, в СМИ высоко и четко акцентируется изменчивость информационного потока, связанного с данным событием. Год за годом пандемическому дискурсу уделяется все меньше внимания.

Ключевые слова: медиа-дискурс, сетевой дискурс, диахронический анализ, языковые маркеры, Национальный корпус русского языка, прилагательные-коллокации, пандемия.

Введение

Пандемия COVID-19 стала одним из важнейших событий за последние 5 лет, которое изменило жизнь людей в глобальном масштабе,

¹ Исследование выполнено при поддержке CSC (China Scholarship Council).

относительно которого закрепились и стала расхожей фраза о том, что после COVID-19 «мир никогда не будет прежним» [Чернова, Осипова, Позднякова 2021]. Исследования пандемического дискурса появляются непрерывно, и на современном этапе все больше исследований проводятся с использованием методов и технологий корпусной лингвистики, что предоставляет не только богатейший аутентичный материал для лингвистической интерпретации, но и обеспечивает достоверные выводы [Рюкова 2024: 1-2]. Корпус, являющийся отражением языка, представляет собой, равно как и сам язык, динамически развивающуюся систему, предполагает новые критерии и подходы к описанию и анализу языкового материала, разработке новых методологических процедур [Чилингарян 2021: 213]. Отражением восприятия пандемии становится медийный и сетевой дискурсы, которые можно рассматривать в качестве источника сведений о внешнем и внутреннем восприятии проблемы: «Свойства медийного дискурса сводятся к формированию общественного мнения по актуальным вопросам современности, фокусировке внимания на важных аспектах предъявляемой информации и эмоциональной заряженности диалога журналиста с адресатом» [Карасик 2020: 25-26].

Наша работа входит в круг корпусных исследований. Национальный корпус русского языка [НКРЯ, ruscorpora.ru] для нас «представляется одним из основных инструментов поиска при лингвистических исследованиях. Открытость информационно-поисковой системы НКРЯ для пользователей и его научно-образовательная направленность расширяют возможности решения различных исследовательских задач в современной лингвистической науке [Чеснокова, Маньшин 2018: 98-101]. Среди наиболее развивающихся направлений корпусной лингвистики мы можем назвать следующие: изучение параллельных корпусов, например, русско-китайского [Чэнь, Кукушкина 2018] или русско-казахского [Бижкенова, Кенжебекова 2024]; методический потенциал лингвистических корпусов, реализуемый при обучении иностранным языкам [Лонцкая 2023]. Особое место в корпусной лингвистике принадлежит лексико-грамматическому анализу семантики слов по данным корпуса, изучению метафоры и дискурса [Рюкова 2024: 2-3], изучению коллокаций [Павельева 2016]. Также корпусные данные начинают играть все большую роль в диахронических исследованиях [Кочетова, Володченкова 2016; Ильинова, Кочетова 2017; Соколова 2021]. Опора на корпусные данные позволяет осуществлять диахронические исследования с большей степенью точности и объективности [Бижкенова, Кенжебекова 2024: 82].

Став глобальным дискурсом в течение довольно короткого времени, пандемический дискурс представляет собою сегодня комплексное явление, взаимодействующее со множеством иных дискурсов и пересекающееся со множеством разнообразных речевых практик [Новикова, Калугина 2021:

1161]. Пандемический дискурс COVID-19 предстает «не столько как конкретный исторический отрезок времени, а как дискурсивное пространство и “докоронавирусное прошлое – коронавирусное настоящее”» [Манукян, Трофимова 2022: 230]. Суммируя эти характеристики, можно говорить о пандемических и постпандемических медийном и сетевом дискурсах, характеристики которых становятся доступными в связи с корпусными технологиями.

В нашей работе ставится **цель** сравнить коллокации пандемического дискурса в диахроническом плане на материале данных корпусов центральных и региональных СМИ, а также корпуса социальных сетей Национального корпуса русского языка. В соответствии с постановкой цели отметим следующие этапы исследования:

- 1) поиск коллокаций в газетных (центральных и региональных) корпусах в 2020-2021 гг. и корпусе социальных сетей НКРЯ в 2020-2022 гг.;
- 2) проверка статистических данных употребления коллокаций, выданных системой автоматически;
- 3) выделение и сравнение общих и отличающихся коллокатов в центральных и региональных СМИ, а также в корпусе социальных сетей, наблюдение динамики их изменения;
- 4) анализ выявленных изменений и описание его результатов.

Актуальность работы обусловлена тем, что в центре внимания находится относительно недавнее событие – пандемия COVID-19. Также актуальность связана с тем, что исследование основано на новейших материалах Национального корпуса русского языка и осуществляется с применением его новых опций – квантитативного анализа коллокаций, связанных с интересующими нас темами.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые проведено сопоставление пандемического медиа-дискурса и пандемического сетевого дискурса в диахронном аспекте, также в работе осуществлена попытка исследования пандемического дискурса методом анализа коллокаций.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в теорию дискурса и корпусной лингвистики.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты данного исследования могут способствовать оптимизации поисковых возможностей НКРЯ. Также результаты нашей работы могут быть применены в процессе преподавания компьютерной лингвистики и медиалингвистики.

Материал и методы исследования

Отобранными методами являются методы квантитативного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа и дискурс-анализа.

Материалом исследования служат коллокаты, ключами для которых являются маркеры пандемического дискурса (*COVID*, *корона*, *пандемия* и др.), зафиксированными в газетных корпусах и Корпусе социальных сетей НКРЯ.

Этапы (процедуры) поиска. С учетом наибольшей совместной связанности коллокатов и ключевых слов мы рассмотрели отдельно газетные корпуса за период 2020-2021 гг. (точное вхождение) и корпус социальных сетей за период 2020-2024 гг. (точное вхождение). В качестве настроек поиска нами были использованы ключи *пандемия* | *эпидемия* | *коронавирус* | *ковид* | *COVID* | *корона* с установлением коллокатов-прилагательных на расстоянии -1 до -1 от ключа. Полученные результаты были выгружены в виде CSV-файла, в котором содержались ключи, коллокаты, значения разных статистических мер (совместная частота, частота ключа, частота коллоката, LogDice, Loglikelihood, MI^3 , t-score). При анализе лексических соотношений применялся метод автоматизированной обработки лексем при помощи НКРЯ, из которого извлекались служебные слова и несвязанные языковые единицы, определяемые исследователем вручную для последующего анализа данных.

Результаты и обсуждение

В результате анализа данных интересующих нас корпусов НКРЯ мы обнаружили изменяющиеся признаки коллокаций-прилагательных, в которых, на наш взгляд, отражена массовая интерпретация явлений, связанных с пандемией COVID-19. Как указала Н.М. Петрова, статистические данные, полученные на основе корпусов текстов и поисковых систем, могут выступать в качестве материала исследования при изучении когнитивных аспектов языковой действительности [Петрова 2019: 139].

К числу наиболее распространенных статистических мер относятся частотность, коэффициент взаимной информации (mutual information), куб взаимной информации (MI^3), Т-критерий (T-score), Z-критерий (Z-score), метод максимального правдоподобия (log-likelihood) [Ильинова, Кочетова 2017: 50]. Частота употребления коллокаций («сила коллокаций») является одним из важнейших и базовых показателей в лингвистических корпусных исследованиях, даже самым основным показателем [Ульянова 2022: 70].

Нами были рассмотрены 63 коллокации в подкорпусе за 2020 г. и 11 коллокаций в подкорпусе за 2021 г. Результаты поиска, генерируемые автоматически системой по 2020-2021 гг., показывают представленную в центральных СМИ динамику изменений в описании пандемии. В контекстах 2020 г. – т.е. в начале пандемии – больше обращается внимания на ее распространение (*пандемический коронавирус*, *вирусная пандемия*, *родственный коронавирус*), затем чаще появляются контексты, в которых уже не чувствуется масштабности данного явления (*обычный коронавирус*,

коронавирусная пандемия, больной коронавирусом). Следует также отметить, что ключевое слово *эпидемия* перестает широко употребляться в текстах СМИ в 2021 г., поскольку оно было вытеснено словом *пандемия* (см. таблица 1). Очевидно, что *эпидемия*, *коронавирус* и *пандемия* являются самыми высокочастотными словами в центральных СМИ 2020 г., реже употребляются *COVID* и *корона*. В 2021 г. СМИ, с одной стороны, гораздо меньше внимания обращают на пандемическую проблему, а с другой, наименование пандемии COVID-19 было зафиксировано, главным образом, в сочетаниях с ключами *пандемия*, *коронавирус* и *COVID* (см. таблица 2).

Таблица 1.

Частота ключа в центральных СМИ 2020-2021 гг. по данным газетных корпусов НКРЯ

Ключ	Частота в 2020 г.		Частота в 2021 г.	
	№	%	№	%
<i>пандемия</i>	13	20,63	5	45,45
<i>эпидемия</i>	23	36,51	0	0
<i>COVID</i>	6	9,52	2	18,18
<i>коронавирус</i>	20	31,75	4	36,36
<i>корона</i>	1	1,59	0	0
Итоги	63	100	11	100

Выделим общие и отличающиеся лексические коллокации в таблице 2. Следует заметить, что коллокатов представлено больше различающихся, чем общих.

Таблица 2.

Список сопоставления прилагательных-коллокатов с ключом в центральных СМИ 2020-2021 гг. по данным газетных корпусов НКРЯ

Ключ	Сравнение	Коллокации в 2020 г.	Коллокации в 2021 г.
пандемия	общие	коронавирусный, будущий, следующий, глобальный, новый	
	отличающиеся	нынешний, страшный, мировой, вирусный, подобный, всемирный, последний, ужасный	-
	отличающиеся	сезонный, страшный, коронавирусный, масштабный, предыдущий, сильный, нынешний, серьезный, вирусный, новый, двойной, мировой, настоящий, возможный, опасный, китайский, следующий, массовый, большой, прошлый	-
коронавирус	общие	новый, больной, обычный, сезонный	
	отличающиеся	китайский, опасный, обязательный	

		смертельный, паршивый, страшный, уханьский, неизвестный, известный, человеческий, подверженный, нынешний, смертоносный, живой, пандемический, родственный, тяжелобольной, виноватый	
COVID	отличающие	больной, подверженный, тяжелый, затяжной, подобный, новый	тяжелобольной, обязательный

С опорой на наши предшествующие исследования мы можем выделить следующие типы коллокатов: комбинирование локативных маркеров с семантикой полного охвата; темпоральные; маркеры экспрессии, указывающих на крайне высокую степень проблемы; географические маркеры [Пань 2023: 277-278], также устойчивые маркеры, связанные с болезнью или вирусом (эпидемиологические).

1) Рассмотрим **нейтральные** и **эпидемиологические** маркеры, связанные с болезнью и вирусом, часто сочетаются с ключевыми словами, образующими ядро среди ключевых слов пандемического дискурса: *больной коронавирусом / COVID-19; коронавирусная пандемия / эпидемия; обычный коронавирус; тяжелобольной коронавирус.*

Как несложно заметить, коллокаты данной группы связаны с общими медицинскими темами. Их анализ позволяет увидеть общие тенденции в понимании сущности пандемии, которые имели место в 2020-2021 гг. Новый коронавирус в ней выступает как болезнь, сопровождающаяся более тяжелыми симптомами и отличающаяся большей заразностью по сравнению с прежними разновидностями, имевшими место в начале XXI в.: *Состояние китайской студентки, больной коронавирусом в Тюменской области, удовлетворительное, заболевание протекает в легкой форме, сообщает управление Роспотребнадзора по региону* [Врачи рассказали о состоянии больной коронавирусом в Тюменской области // РИА Новости, 31.01.2020]. *Медики заявили, что тестировали лекарство против ближневосточного респираторного синдрома (MERS), который является родственным коронавирусу SARS-CoV-2* [Найдено блокирующее коронавирус лекарство // Lenta.ru, 15.04.2020]. *И сейчас наступает период, нехарактерный для вирусных эпидемий, – лето* [Профессор оценил вероятность второй волны коронавируса // Парламентская газета, 2020.04.30]. Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

В приведенных выше примерах пандемический дискурс в наибольшей степени соприкасается с научным. Наличие таких единиц как *пандемический, родственный, человеческий* указывают на необычность данного явления, еще не вышедшего вполне из научного дискурса и не ставшего достоянием обыденного сознания. Наиболее распространенными прилагательными-коллокатами в этот период бывают прилагательные двух видов: либо прилагательные, образованные от слова *коронавирус* (*коронавирусный*), либо прилагательные, образованные от слова *пандемия* (*пандемический*).

Необходимо отметить, что тема вакцинации была более востребованной в 2020 г., чем в 2021 г., что, например, проявляется в наличии коллокации *обязательный COVID-паспорт*.

2) Роль **темпоральных маркеров** играют коллокаты, имеющие значение времени, указывающих на периодичность данного явления (*сезонный*). К числу темпоральных относятся следующие коллокаты: *нынешний, предыдущий, настоящий, возможный, последний, прошлый*, а также *новый, следующий, будущий* – последние в большем разнообразии встречаются в контекстах 2021 года. По нашему мнению, центральные СМИ в 2020 г. фокусируются на настоящем, прошлом и будущем пандемии одновременно, в отличие от 2021 года, когда в контекстах чаще фигурирует будущее.

Подчеркнутые ниже коллокации являются общими для 2020-2021 гг. (всего 5 коллокаций); остальные 13 коллокаций были высокочастотными только в 2020 г. Приведем примеры: *В Китае заявили о передаче **нового коронавируса** от человека к человеку* [В Китае заявили о передаче нового коронавируса от человека к человеку // Известия, 20.01.2020]. *Попова рассказала о необходимости подготовиться к **следующей пандемии*** [Попова рассказала о необходимости подготовиться к следующей пандемии // Известия, 04.06.2020]. *Россияне в условиях **нынешней пандемии** коронавируса спокойны в том числе потому, что армия пока активно не задействована, а значит, дела не так уж плохи* [Оценена положительная роль военных строителей в ситуации с коронавирусом // Lenta.ru, 03.04.2020].

В таблице 3 мы можем увидеть, что на 18 коллокаций 2020 года приходится 5 коллокаций, относящихся к категории настоящего, 9 – к будущему, 2 – к прошлому, 2 – к повторяющимся событиям. Из 5 коллокаций 2021 года в СМИ 4 коллокации относятся к будущему времени и 1 – к настоящему.

Таблица 3.

Категории темпоральных маркеров коллокаций в центральных СМИ 2020 года по данным газетных корпусов НКРЯ

Категории	Коллокации с ключом
Настоящее	(1) <i>нынешняя пандемия</i> ; (2) <i>нынешняя эпидемия</i> ; (3) <i>настоящая эпидемия</i> ; (4) <i>подобная пандемия</i> ; (5) <i>нынешний коронавирус</i>
Будущее	(1) <i>новый коронавирус</i> ; (2) <i>новая эпидемия</i> ; (3) <i>новая пандемия</i> ; (4) <i>следующая пандемия</i> ; (5) <i>будущая пандемия</i> ; (6) <i>последняя пандемия</i> ; (7) <i>возможная эпидемия</i> ; (8) <i>следующая эпидемия</i> ; (9) <i>новый covid</i>
Прошлое	(1) <i>предыдущая эпидемия</i> ; (2) <i>прошлая эпидемия</i>
Повторяющееся	(1) <i>сезонная эпидемия</i> ; (2) <i>сезонный коронавирус</i>

В медийном дискурсе 2020 года не только акцентируется текущая ситуация с пандемией, но и выражается беспокойство по поводу новой, ранее неизвестной ситуации. В 2021 году в СМИ почти не заметна озабоченность распространением пандемии, но заметен акцент на будущих событиях. Вне привязки к конкретному времени фигурирует выражение *сезонный коронавирус*: «**Сезонный коронавирус** практически уходит из циркуляции в человеческой популяции, это хороший прогностический признак, но расслабляться нельзя», – отметила Попова. [Попова: сезонный коронавирус перестаёт циркулировать в человеческой популяции // Парламентская газета, 2021.05.21].

В целом, в СМИ четко акцентируется внимание на временности описываемого события.

3) Маркерами, указывающими на крайне высокую степень проблемы (**экспрессивными маркерами**); являются те коллокаты, которые вносят оценочный элемент при описании пандемической проблемы, и направлены на эмоции, объединяющие адресата и адресанта. Коллокаты подобного типа представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Коллокации категорий маркеров экспрессии, указывающих на крайне высокую степень проблемы в центральных СМИ 2020-2021 гг. по данным газетных корпусов НКРЯ

Время	Ключ	Коллокаты
2020	COVID	(1) <i>тяжелый</i> , (2) <i>затяжной</i>
2021		(1) <i>тяжелобольной</i>
2020		(3) <i>опасный</i> , (4) <i>обычный</i> , (5) <i>смертельный</i> , (6) <i>обычный</i> (7) <i>страшный</i> , (8) <i>неизвестный</i> , (9) <i>известный</i> , (10) <i>смертоносный</i> , (11) <i>тяжелобольной</i> , (12) <i>виноватый</i> ,
2021		(2) <i>обычный</i>
2020		(13) <i>ужасный</i> , (14) <i>страшный</i> ,
		(15) <i>большой</i> (16) <i>страшный</i> , (17) <i>масштабный</i> , (18) <i>сильный</i> , (19) <i>серьезный</i> , (20) <i>двойной</i> , (21) <i>опасный</i> , (22) <i>массовый</i>

В таблице 4 представлено 22 экспрессивные коллокации в центральных СМИ за 2020 год и 2 коллокации за 2021 год.

Следует отметить, что все высокочастотные маркеры экспрессии, указывающие на крайне высокую степень проблемы, больше и шире употребляются в сообщениях 2020 г., чем в 2021 г. Вследствие этого нам представляется, что общественное беспокойство и внимание относительно пандемии резко снижаются в 2021 г. Приведем несколько примеров: *Именно поэтому при массовой эпидемии все сыворотки проверить не реально* [Что представляет собой тест на антитела к коронавирусу // Парламентская газета, 2020.04.18]. *Биолог назвала повышающий риск тяжелого COVID-19 у здоровых людей фактор* [Биолог назвала повышающий риск тяжелого COVID-19 у здоровых людей фактор // Известия, 19.12.2020]. *17:09 – 21 января 2020 Китайская зараза В мире появился новый смертельный коронавирус* [Еще один китайский город ввел военное положение из-за коронавируса // Lenta.ru, 15.06.2020].

В примерах, представленных в таблице 4, коллокаты рассматриваемого нами типа связаны с характеристиками коронавируса, которые можно распределить по следующим группам в зависимости от родового понятия, лежащего в основе данных характеристик:

- массовость: *массовая эпидемия, масштабная эпидемия;*
- необычность: *быстрее обычного коронавируса;*
- опасность: *тяжелого COVID-19, смертельный коронавирус, сильная эпидемия, виноватый коронавирус, опасная эпидемия, страшная эпидемия и т.д.;*
- продолжительность: *затяжной COVID-19.*

Из данных характеристик в медийном пандемическом дискурсе 2021 года остаются только характеристики, указывающие на необычность и опасность вируса: *быстрее / заразнее обычного коронавируса.*

4) К локативным маркерам с семантикой полного охвата относятся такие коллокаты, как *глобальный, мировой, всемирный*. С одной стороны, они отличаются от географических, поскольку не указывают на конкретное место. С другой стороны, эти маркеры позволяют выявить масштабность пандемии, т.е. указывают на крайне высокую степень проблемы: *В противном случае следующую большую глобальную эпидемию коронавирусной инфекции можно будет ожидать не раньше, чем через 5-10 лет, полагают они* [Ученые: пандемия коронавируса может продлиться до 2022 года // Парламентская газета, 2020.04.16].

По данным материала 2020 г. были найдены 5 коллокаций с семантикой полного охвата (*глобальная эпидемия / пандемия, мировая эпидемия / пандемия, всемирная пандемия*), и 1 коллокация в 2021 г. (*глобальная пандемия*). Можно отметить, что сочетание *мировая пандемия /*

эпидемия и всемирная пандемия заменяется сочетанием глобальная пандемия.

5) **Географическими маркерами** являются коллокаты *китайский, уханьский*. Такие коллокаты употребляют всего 3 раза в центральных СМИ только в 2020 г., в 2021 г. они отсутствуют: *Китайская эпидемия продолжает оказывать прямое влияние на автомобильную индустрию* [Пекинский автосалон отменили из-за коронавируса // Vesti.ru, 18.02.2020]. *Мне сообщили, что я был заражён уханьским коронавирусом* [Влад Панов. «Так я не болел никогда в жизни!». История излечившегося от коронавируса // Аргументы и факты, 2020.03.19].

В подобных маркерах в большой степени наблюдается одна из стратегий, применяемых в медийном дискурсе, – стигматизация события здравоохранения. В соответствии с этой стратегией событиям медицинского плана придается политическая окраска (ср. «испанка»): *«Испанка» — массовая эпидемия гриппа, которая произошла в 1918-1919 годах* [Пережившая «испанку» 106-летняя долгожительница выздоровела после коронавируса // Lenta.ru, 24.04.2020].

Далее рассмотрим коллокации прилагательных в региональных СМИ НКРЯ в 2020 г. Их ожидаемо меньше по сравнению с центральными СМИ (см. таблица 5):

Таблица 5.

Список прилагательных-коллокаций в региональных СМИ НКРЯ 2020 г.

Ключ	Коллокат	Категории
коронавирус	больной	эпидемиологические
COVID	больной	
пандемия	коронавирусный	
коронавирус	новый	темпоральные

Эпидемиологические маркеры – коллокации с понятием пандемии играют ядерную роль в региональных СМИ. Осмысление новой необычной ситуации, в корне изменившей человеческую жизнь, представлено в СМИ как центральных, так и региональных. Более того, темпоральный маркер *новый* в региональных СМИ совпадает с центральными, является общим для медиадискурса периода первой волны обнаружения и распространения пандемии COVID-19.

В 10 контекстах региональных СМИ 2021 г. нами были замечены следующие коллокации: *коронавирусная пандемия; непрекращающаяся эпидемия; реанимационное ковид-отделение; больная ковидом; пресловутый ковид; больной коронавирусом; пресловутый коронавирус; коварный коронавирус; неодинаковый коронавирус*. Из их числа выделяются эпидемиологические и темпоральные маркеры, а также маркеры экспрессии, которые занимают значимое место в региональных

СМИ 2021 года. Приведем примеры: *В последние дни тема мусора в Борисоглебске по своему резонансу переплюнула даже **пресловутый коронавирус***. [«Мусорным апокалипсисом» окрестили происходящее в Борисоглебске // Новости города Борисоглебска, 05.11.2021]. ***Коварный коронавирус** дважды вносил корректировки в планы труппы театра* [«Вы все восхитительные, талантливые люди!»: борисоглебцы – об открытии театрального сезона // Новости города Борисоглебска, 21.10.2021] – в данных коллокациях отражено не только негативное восприятие проблемы (*коварный*), но и имплицитно говорится о том, что она стала частью повседневной жизни (*пресловутый*). Необходимо отметить, что такие масштабные события, как пандемия коронавируса, в региональных СМИ упоминаются косвенно, что проявляет себя как в количестве упоминаний, так и в самом характере материала, относящегося к «социальным контекстам» и проявляющего себя в «сообщениях о различных конкурсах, любительских соревнованиях, о выдающихся земляках, о строительстве и ремонте новых объектов инфраструктуры, о благотворительных акциях, об экологических проблемах, о религиозном прошлом и настоящем района и т.д.» [Тельпов 2023: 135]. Можно сказать, что даже перед лицом такой глобальной угрозы, касающейся всех, как коронавирусная пандемия, региональные СМИ сохраняют свою специфику.

Далее рассмотрим материал из корпуса социальных сетей НКРЯ за период 2020-2022 гг. Всего нами здесь были обнаружены 150 коллокаций, включающих эпидемиологические, темпоральные, географические, локативные маркеры; маркеры экспрессии, также комбинирование типы маркеров.

В течение 2020-2022 гг. сохраняется коллокация *больной ковидом*, которая указывает на эпидемиологическую сущность пандемии в сознании пользователей социальных сетей – здоровье человека и распространение болезни: *Куда же деваются деньги, выделенные на **больных ковидом**?* [Лентач Воронеж. Публикуем срочные новости, ЧП, ЧС и ДТП города (2022)].

Кроме этого, в период 2020-2021 гг. сохраняются эпидемиологические (*больной коронавирусом, больной covid, инфицированный covid, коронавирусная пандемия*) и темпоральные маркеры (*новый коронавирус, новый covid*), маркеры экспрессии, указывающие на высокую степень проблемы (*пострашнее ковида, страшная эпидемия*) и комбинирование локативных маркеров с семантикой полного охвата и маркеров экспрессии (*всемирная пандемия*): *В период **коронавирусной пандемии** вам пришлось рисковать собой ради спасения других* [govvrn36. Жизнь в Воронеже (2021)]. Напомним, область уже вступила в первый этап снятия ограничений, которые были введены в

*регионе из-за пандемии **нового коронавируса*** [Черноземец. Новости, общественная жизнь, развлечения (2020)].

В вышеприведенных примерах из социальных сетей 2020-2021 гг. отмечается общность лексических ключей: наряду с чисто медицинскими номинациями, тяготеющими к научному стилю, присутствуют маркеры, содержащие указания на необычность, серьезное воздействие и массовость данного явления. В таблице 6 наблюдается разная степень значительного сокращения или даже исчезновения различных языковых маркеров по количеству. По пропорции заметно, что устойчивые эпидемиологические маркеры занимают первое место в 2020-2021 гг., в 2021 г. их пропорциональная доля увеличивается, а в 2022 г. снижается. Маркеры экспрессии занимают второе место в 2020-2021 гг., с увеличением их доли в 2022 г. они становятся доминирующими среди всех типов. Темпоральные маркеры наиболее частотны в 2020-2021 гг. Географические маркеры и комбинирование типов маркеров представлены только в контекстах 2020-2021 гг., в контекстах 2022 г. они отсутствуют.

Разные маркеры экспрессии, указывающие на высокую степень проблемы, отражают явное изменение общественного понимания и отношения к пандемии, т.е. динамику конструирования пандемического дискурса. Большинство маркеров, содержащих отрицательную оценку, было обнаружено в 2020-2021 гг., в частности, в 2020 году. Например, *проклятый, виноватый, злобный, гребанный: Все от проклятого КОВИД-19 помрут, судя по статистике 😊* [Регион-36 Воронеж – ВКонтакте (2020)]. *Но оттуда вез в бутылках с портвейном. " 26: "Виновный эпидемии найден! Осталось решить что с ним делать* [Клубы по интересам. Тихий омут (2020)]. В 2021 г. встречается коллокат *модный*, отражающий, с одной стороны, юмористическое отношение человека к проблеме, с другой – временность данного события и его освоенность в медиасреде.

При анализе материалов данного корпуса мы заметили, что пользователи социальных сетей обращают внимание не только на внешний мир, в который включаются уровни государства, региона и общества, но и на внутренний мир человека. Пандемия является масштабным кризисом для человеческой жизни на всей планете (*всемирный*), и в этом аспекте она не может не отразиться на состоянии души человека (*психологический*), что выражается посредством использования маркеров крайней экспрессии в разговорной речи (*гребанный, чертов*): *Чертова пандемия, как сильно ты отразилась на моей работе и нервной системе 😊* [zgemchugova_lera. Блог о рукоделии (игрушки) (24.12.2020)].

Таблица 6.

Процент категорий маркеров по данным корпуса социальных сетей НКРЯ
2020-2022 гг.

Категории маркеров	2020 г.		2021 г.		2022 г.	
	№	%	№	%	№	%
Эпидемиологические	47	46,08	23	52,27	1	25
Темпоральные	20	19,61	3	6,82	1	25
Темпоральные	1	0,98	1	2,27	-	-
Маркеры экспрессии	28	27,45	14	31,82	2	50
Географические	1	0,98	2	4,55	-	-
Локативные	5	4,90	1	2,27	-	-
Итоги	102	100	44	100	4	100

Заключение

Исследование показало, что сообщений о пандемии в 2020 г. – в самом начале пандемии коронавируса – было гораздо больше, чем в 2021 г., что вполне ожидаемо, но связано не столько с собственно пандемией, которая к тому моменту еще не закончилась, сколько с утратой интереса общества к данному явлению. В центральных СМИ уделено больше внимания пандемии, чем в региональных, что, с нашей точки зрения, также больше связано с внутренним тематическим распределением в медиадискурсе – с ориентированностью центральных СМИ на масштабные, глобальные события, что отличает их от местных СМИ, ориентированных на местные проблемы, среди которых масштабные явления, наподобие рассматриваемой нами пандемии, редко занимают центральное место. Можно сказать, что при освещении крупных социальных кризисов, таких как пандемия, центральные СМИ располагают большим количеством источников информации, чем местные. Соответственно, в центральных СМИ представлены более разнообразные коллокации, отличающиеся от региональных географическими и темпоральными маркерами, маркерами экспрессии, указывающими на крайне высокую степень проблемы, и локативными маркерами с семантикой полного охвата.

Более того, в центральных СМИ перестали использовать ключевое слово *эпидемия* в 2021 г., вместо него стали давать более адекватную номинацию – *пандемия*.

По данным корпуса, в числе первых сохраняются устойчивые чисто медицинские определения, которые представлены как в СМИ, так и в социальных сетях в течение 2020-2022 гг. Следовательно, можно утверждать, что эпидемиологические маркеры составляют когнитивную основу пандемических тематик в СМИ и социальных сетях, что остается практически неизменным на протяжении всего периода пандемии. Темпоральные маркеры, характеризующиеся подкатегориями «настоящее», «будущее», «прошлое» и «повторяющееся», представлены более

разнообразно в СМИ 2020 года, чем в СМИ 2021 года и в социальных сетях. Маркеры экспрессии, указывающие на высокую степень проблемы, наиболее своеобразны и многообразны, широко применяются в пандемическом дискурсе разных периодов. Доля маркеров экспрессии в СМИ неуклонно снижается с каждым годом, а в социальных сетях, напротив, растет из года в год. В целом, как в СМИ, так и в социальных сетях последовательно фигурируют сообщения о временности данного события, количество которых из года в год неуклонно снижается.

Библиографический список

Бижкенова А.Ю., Кенжебекова Р. Семантика глаголов движения в русском, казахском и английском вариантах (с опорой на корпусные и словарные данные) // Вестник Карагандинского университета, 2024. Т. 11329. № 1. С. 80–95.

Ильинова Е.Ю., Кочетова Л.А. Динамика репрезентации процессуальной составляющей спортивного события в диахроническом корпусе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2017. Т. 16. №2. С. 47–57.

Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика, 2020. №2(80). С. 25–34.

Кочетова Л.А., Володченкова О.И. Корпусное исследование динамики коммуникативно-содержательных характеристик жанра «Объявление о приеме на работу» в британской лингвокультуре // Научный диалог, 2016. № 7(55). С. 45–55.

Лонцкая М. Применение инструментов корпусной лингвистики в обучении русскому языку как иностранному // Международный научно-исследовательский журнал, 2023. №2(128). С. 1–5.

Манукян Я.А., Трофимова Н.А. Пандемия COVID-19 сквозь призму немецкоязычного юмора // Научный диалог, 2022. Т. 11. №6. С. 218–234.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: ruscorpora.ru (дата обращения: 30.12.2024).

Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Языковые особенности протестного дискурса как составляющей дискурса о пандемии COVID-19 // Вестник Башкирского университета, 2021. Т. 26. №4. С. 1161–1166.

Павельева Т.Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов // Вестник Тамбовского университета, Серия: Гуманитарные науки, 2016. Т. 21. №3–4(155–156). С. 56–61.

Пань Ю. Стратегии и тактики в политическом и медийном дискурсах русского языка COVID-19 (на материале речи В.В. Путина и НКРЯ) // Мир науки, культуры, образования, 2023. №4(101). С. 276–282.

Петрова И.М. Потенциал поисковой системы Google при проведении исследований в рамках когнитивной корпусной лингвистики // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2019. № 5(3). С. 127–142.

Рюкова А.Р. Корпусно-ориентированные исследования языка: краткий обзор достижений и трудностей // Russian Linguistic Bulletin, 2024. №1(49). С. 1–6.

Соколова Е.Г. Семантика многозначного глагола *угодить-угождать* в диахроническом аспекте // Вестник РГГУ, Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2021. №2–2. С. 163–196.

Тельнов Р.Е. Трансформация тем региональной прессы в статистическом аспекте (на материале выпусков газеты Грибановского района Воронежской области «Знамя труда» за

период 70-х гг. XX в.-20-е гг. XXI в.) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология, 2023. № 4. С. 134-139.

Ульянова У.А. Комбинаторно-семантический анализ милитарных коллокаций в военно-политическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2022. №3(221). С. 67–74.

Чернова О.Е., Осипова А.А., Позднякова Н.В. «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса // Научный диалог, 2021. №5. С. 140–153.

Чеснокова И.Д., Маньшин М.Е. Национальный корпус русского языка как основной инструмент поиска при лингвистических исследованиях (на примере поиска антонимов в публицистических текстах) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2018. №5(128). С. 97–103.

Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2021. №12(1). С. 196–218.

Чэнь С., Кукушкина О.В. О параллельных корпусах русских и китайских текстов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2018. №2. С. 170–197.

References

Bizhkenova A.Yu., Kenzhebekova R. Semantika glagolov dvizheniya v rusском, kazaxском i anglijsком variantax (s oporoj na korpusny`e i slovarny`e dannye) // Vestnik Karagandinskogo universiteta, 2024. T. 11329. № 1. S. 80–95.

Il'inova E.Yu., Kochetova L.A. Dinamika reprezentacii processual'noj sostavlyayushhej sportivnogo soby`tiya v diaxronicheskom korpusе // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya 2: Yazy`koznanie, 2017. T. 16. №2. S. 47–57.

Karasik V.I. E`pidemiya v zerkale medijnogo diskursa: fakty`, ocenki, pozicii // Politicheskaya lingvistika, 2020. №2(80). S. 25–34.

Kochetova L.A., Volodchenkova O.I. Korpusnoe issledovanie dinamiki kommunikativno-soderzhatel'ny`x charakteristik zhanra «Ob`yavlenie o prieme na rabotu» v britanskoj lingvokul'ture // Nauchny`j dialog, 2016. № 7(55). S. 45–55.

Lonczkaya M. Primenenie instrumentov korpusnoj lingvistiki v obuchenii rusскому yazy`ku kak inostrannomu // Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel'skij zhurnal, 2023. №2(128). S. 1–5.

Manukyan Ya.A., Trofimova N.A. Pandemiya COVID-19 ckvoz` prizmu nemeczkoyazy`chnogo yumora // Nauchny`j dialog, 2022. T. 11. №6. S. 218–234.

NKRYa – The Russian National Corpus [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: ruscorpora.ru (data obrashheniya: 30.12.2024).

Novikova O.N., Kalugina Yu.V. Yazy`kovy`e osobennosti protestnogo diskursa kak sostavlyayushhej diskursa o pandemii COVID-19 // Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2021. T. 26. №4. S. 1161–1166.

Pavel`eva T.Yu. Izuchenie kollokacij na osnove lingvisticheskix korpusov tekstov // Vestnik Tambovskogo universiteta, Seriya: Gumanitarny`e nauki, 2016. T. 21. №3–4(155–156). S. 56–61.

Pan` Yu. Strategii i taktiki v politicheskom i medijnom diskursax russkogo yazy`ka COVID-19 (na materiale rechi V.V. Putina i NKRYa) // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya, 2023. №4(101). S. 276–282.

Petrova I.M. Potencial poiskovoj sistemy` Google pri provedenii issledovanij v ramkax kognitivnoj korpusnoj lingvistiki // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika, 2019. № 5(3). S. 127–142.

Ryukova A.R. Korpusno-orientirovanny`e issledovaniya yazy`ka: kratkij obzor dostizhenij i trudnostej // Russian Linguistic Bulletin, 2024. №1(49). S. 1–6.

Sokolova E.G. Semantika mnogoznachnogo glagola ugodit`-ugozhdat` v diaxronicheskom aspekte // Vestnik RGGU, Seriya: Literaturovedenie. Yazy`koznanie. Kul`turologiya, 2021. №2–2. S. 163–196.

Tel'pov R.Ye. Transformatsiya tem regional'noy pressy v statisticheskom aspekte (na materiale vypuskov gazety Gribovskogo rayona Voronezhskoy oblasti «Znamya truda» za period 70-kh gg. XX v.-20-ye gg. XXI v.) // Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta, Seriya D: Filologiya i psikhologiya, 2023. № 4. S. 134-139.

Ul'yanova U.A. Kombinatorno-semanticheskij analiz militaryx kollokacij v voenno-politicheskom diskurse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2022. №3(221). S. 67–74.

Chernova O.E., Osipova A.A., Pozdnyakova N.V. «Mir nikogda ne budet prezhnim»: aktual'ny'e frazeologizmy v period pandemii koronavirusa // Nauchnyj dialog, 2021. №5. S. 140–153.

Chesnokova I.D., Man'shin M.E. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka kak osnovnoj instrument poiska pri lingvisticheskix issledovaniyax (na primere poiska antonimov v publicisticheskix tekstax) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2018. №5(128). S. 97–103.

Chilingaryan K.P. Korpusnaya lingvistika: teoriya vs metodologiya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov, Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 2021. №12(1). S. 196–218.

Che'n S., Kukushkina O.V. O parallel'nyx korpusax russkix i kitajskix tekstov // Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 9. Filologiya, 2018. №2. S. 170–197.

UDC 81'42 + 81-112.4

A CONTRASTIVE STUDY ON PANDEMIC DISCOURSE IN THE NEWSPAPER AND SOCIAL NETWORKS CORPUS OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS OF 2020-2022

Yu. Pan

*PhD student, Department of General and Russian Linguistics
e-mail: yue.pan@yandex.ru*

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

The present article makes a comparison of collocations with the keywords пандемия, эпидемия, коронавирус, ковид, корона, covid as linguistic markers in media and network discourse in a diachronic perspective. The relevance of the work is conditioned by the purpose of comparing the national and regional media discourse, as well as network discourse related to the pandemic in the period 2020-2022. The study's empirical material consists of high-frequency adjective collocates with the keywords related to the COVID-19 pandemic from both national and regional media sources. Additionally, the adjectives of the Social Networks Corpora of the Russian National Corpus in the period 2020-2022 was considered. The research methodologies employed include quantitative analysis, comparative analysis, and discourse analysis. We identified five categories of linguistic markers (epidemiological, temporal, locative and geographical markers, as well as expression markers) associated with certain characteristics of pandemic discourse. We also analyzed the dynamics of changes in both pandemic discourse in media and network discourse and the public's perception of the pandemic phenomenon during this period. Empirical analysis reveals that epidemiological markers rank first in frequency and form the cognitive basis of pandemic topics in media discourse and social networks, a phenomenon that remains consistent over time. Temporal markers characterizing the present, future, and past are more diversely represented in the 2020 media compared to the 2021 media and social media corpus. Expression markers denoting a high degree of problem are represented extensively and diversely in pandemic discourse; however, the proportion of their use exhibits an annual decrease in the Media Corpus, while it demonstrates an annual increase in the Social Networks Corpora. The Media Corpus, in general, underscores the variability of information flow associated with the event. It is noteworthy that the pandemic discourse has seen a steady decline in its level of attention over the years.

Key words: media discourse, network discourse, diachronic analysis, language markers, corpus, adjective collocation, pandemic.

УДК 81-119.087.5

ЛЕКСЕМЫ РОДСТВЕННО-АНТРОПОНИМИЧЕСКОГО КОДА В РАССКАЗЕ В.М. ШУКШИНА «СВОЯК СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ»

С.А. Скуридина

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
e-mail: saskuridina@yandex.ru

Е.Н. Карташова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Воронежский государственный технический университет (г. Воронеж, Россия)

Статья посвящена исследованию темы родственных связей и семейных отношений в рассказе В.М. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич», рассмотренной через лексемы родственного и антропонимического кодов, являющиеся смысловыми доминантами многих произведений писателя. С помощью терминов родства (свояк, жена, сын, отчим) и антропонимов (Сергей Сергеевич Неверов, Андрей Кочуганов, Соня, Роза) выстраивается система художественных образов персонажей, что способствует раскрытию авторского замысла.

Ключевые слова: родственный код, термины родства, В.М. Шукшин, антропоним, ономастический код, «Свояк Сергей Сергеевич».

Введение

Одна из ключевых семантических категорий языка и традиционной культуры обозначает специфику родственных связей, поскольку данный вид отношений был наиболее понятен в эпоху зарождения общества, и терминологически определяется как «термины родства», или «категория родства». В древнерусском социуме термины родства имели огромное значение, так как маркировали не только личные взаимоотношения внутри семьи, но и общественные роли каждого члена рода. Семья была основой социального устройства, и каждый термин имел четкое определение и значимость в рамках этой структуры. Разные виды родства – кровное, молочное, духовное – оказывали влияние на характер отношений между людьми: «В языке и народной культуре родство, трактуемое в связи с ключевыми понятиями жизненной силы, роста, воспроизводства (ср. *родить*, *рожать*, *урожай*), относится к высшим ценностям и охраняется системой предписаний и запретов, в том числе обычным правом (см. статьи древнейших славянских юридических сводов, как Русская Правда, Винодольский закон и др.). Нарушение «родового закона» (прежде всего запрета на брак между кровными родственниками) расценивалось как

великий грех и каралось как христианским, так и мифологическим судом» [Толстая 2009: 16].

Термины родства в настоящее время занимают важное место в русской лингвокультуре, отражая социальные нормы и особенности взаимодействия внутри семьи и по-прежнему составляя оппозицию «свой – чужой», которая является одной из основных бинарных оппозиций в лингвокультуре любого народа, и реализуют идентифицирующую функцию, становясь «заместителями имени в случае его незнания или незначимости в реальном коммуникативном акте» [Бугакова, Скуридина, Кузьминых 2024: 199].

К числу функций, выполняемых терминами родства, начиная с момента их возникновения, можно отнести следующие: укрепление социальных связей (лексемы, обозначающие родство, способствовали структурированию общества и, соответственно, поддержанию порядка, поскольку каждый знал свое место в иерархии и свои обязанности в семье в соответствии с уровнем родства); передача традиций и ценностей (термины родства обозначают роли членов семьи, например, для патриархата характерна главенствующее положение отца, который ответственен за защиту и обеспечение семьи, а мать занимается воспитанием детей и поддержанием домашнего очага); регулирование наследования (лексемы категории родства в настоящее время играют важную роль в определении права на наследство, что обеспечивает справедливое распределение ресурсов и предотвращает конфликты внутри семьи); формирование идентичности (родовые имена и титулы являлись важными элементами самоидентификации, показывая принадлежность человека к определенному роду и подчеркивали его родственную связь с предками); обеспечение защиты и поддержки членов семьи и организация быта и хозяйства в соответствии с уровнем родства, что позволяло эффективно управлять домашним хозяйством и обеспечивать достаток; сохранение памяти о предках и передача знаний следующим поколениям; создание и укрепление культурных традиций (термины родства были неотъемлемым элементом многих обрядов и ритуалов (свадьбы, похороны, крещение и др.), что способствовало формированию культурных ценностей.

Поскольку термины родства относятся к древнейшему общеславянскому фонду и являются доминантами, вокруг которых выстраивается картина мира русского человека, в художественных текстах лексемы, составляющие родственный код, являются неотъемлемыми единицами, способствующими раскрытию авторского замысла. Антропонимы как элементы ономастического кода в художественном тексте являются носителями разноплановой информации – автобиографической, историко-культурной, мифопоэтической,

хронотопической и т.д. [Скуридина 2022], понимание которой, безусловно, зависит от эрудиции читателя и его умения интерпретировать извлеченные смыслы.

Материалы и методы

Материалом исследования в настоящей работе являются термины родства и имена собственные в рассказе В.М. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич». В работе используются метод контекстуального анализа, метод интерпретации текста, метод компонентного анализа, текстологический анализ, метод лингвистического наблюдения и описания.

Результаты

Тема семьи – одна из ключевых в творчестве В.М. Шукшина, что обусловлено знаменательностью системы родственных отношений как наиболее значимого фрагмента индивидуально-авторской картины мира писателя. О.В. Тевс говорит «о существовании в творчестве художника глубокого символического подтекста, связанного с понятием семьи и семейных отношений» [Тевс 2001: 65]. В шукшинских произведениях часто встречаются названия, включающие термины родства, такие как «Жена мужа в Париж провожала», «Свояк Сергей Сергеевич», «Мой зять украл машину дров», «Брат мой» и другие [Скуридина, Карташова 2024]. Библионимы (названия произведений в терминологии Л.А. Климковой [Климкова 2020]) относятся к числу доминант, так как, предваряя текст, занимают сильную позицию и рассматриваются исследователями как «аббревиатура смысла» всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации» [Николина 2003: 168]. В наших работах неоднократно рассматривались образы родственников в произведениях В.М. Шукшина, поскольку для него как выходца из деревни проблема взаимоотношений в семье была одной из значимых [Карташова 2016].

Рассказ «Свояк Сергей Сергеевич», повествующий о приезде родственников, начинается с терминов родства: «женина сестра с мужем», «сестру жены зовут Роза, мужа ее – Сергеем»; «сестры всплакнули» [Шукшин 1998: 29]. На протяжении всего рассказа автор настойчиво использует лексемы родственного кода, обозначающие как кровное родство, так и родство по браку: «свояки закурили», «свояк Сергей Сергеевич», «свояк Андрей», «жена Соня», «свояк любит», «брат в сельпо работал», «у ты же сын растет», «отчим сломал», «когда сестры вошли в избу, свояки чокались» [Шукшин 1998: 29, 30, 33]. Однако интересно, как меняется номинация героев рассказа: термин родства «свояк», вынесенный в заглавие, постепенно закрепляется только за Сергеем Сергеевичем, при этом герой утрачивает имя-отчество, а с Андреем Кочугановым происходит обратное: его автор называет по имени, а лексема «свояки» по отношению к двум персонажам перестает употребляться.

Несмотря на то что, фактически в рассказе два свояка, библионим указывает на персонажа, который находится в центре шукшинского повествования, – свояка Сергея Сергеевича. Термин свойственного родства *свояк* восходит к притяжательному местоимению *svojъ* ‘свой’ – «зять, муж сестры жены» [Фасмер 1996 : 3 : 584], производное от индоевропейского местоименного корня **sue-* ‘свой’, которое является наиболее характерным названием свойства, так как определяет лица, породнившиеся через брак родичей, как свои. Лексема *свояк* полисемантична и может обозначать, во-первых, мужа сестры жены (свояченицы), во-вторых, человека, находящегося в родстве не по крови, а по свойству (то же, что и свойственник), в-третьих, использоваться в разговорном стиле по отношению к своему (близкому) человеку. Такой вид родства воспринимался как не очень надежный, что отразилось в пословице *Два брата – на медведя, два свояка – на кисель* [Даль 1995 : 4 : 154]. Думается, что В.М. Шукшин знал и другое значение лексемы *свояк*, возникшее на основе тюремного жаргона: *свояк* – жулик (вероятно, из *свояк* – кандидат в касту воров, который еще не признан на сходке воров в законе). Неслучайно в рассказе упоминается воровское прошлое Сергея Сергеевича: Андрея удивляет количество наколок на теле свояка, и он узнает, что четыре года он «тянул» за кражу двух тюков крепдешина, а сам себя свояк называет прозвищем: «Помни Серьгу Неверова» [Шукшин 1998: 35].

В деревне, где происходят события шукшинского рассказа, каждый человек занимает определенное место в социальной структуре, основанной на семейных связях. Термин *свояк* должен был подчеркнуть близость отношений между героями, хотя и связанных только через заключение брака с родными сестрами, однако в деревенской среде такие связи воспринимаются почти как кровные. Употребляемый во множественном числе термин *свояки* маркирует принадлежность героев к одной семье и способствует созданию ощущения важности родственных связей и семейных взаимоотношений, однако свояки в рассказе становятся антиподами, совершенно чужими друг другу людьми. Терминология родства в рассказе В.М. Шукшина отражает традиционные семейные ценности жителей русской деревни, в которой семья и взаимопомощь родным играют ключевую роль. Сергей Сергеевич, будучи городским человеком, оказывается чуждым миру деревенских обычаев и традиций с их уважением родственных связей.

В.М. Шукшин настойчиво проводит противопоставление героев, используя не только термины родства, но и антропонимы. Заявленный в названии по имени-отчеству Сергей Сергеевич превращается в Серьгу, фамилия которого содержит отрицательную частицу «не», намекающую на то, что свояк далеко не свой, да и верить ему нельзя (Неверов). На первый

взгляд кажется, что автор высмеивает прагматизм свояка Сергея Сергеевича, его хвастовство и лицемерие: «И опять гордость, высокомерие. Живого места нет на человеке – весь как лоскутное одеяло, и каждый лоскут кричит и хвалится» [Шукшин 1998 : 29]. Однако указание на то, что «живого места нет на человеке», последующий призыв Андрея «будь человеком», упоминание о том, что «проклятый мотор» «черт... подсунил, не иначе», а также финальные эпитеты «странный» и «необычный» свидетельствуют о том, что Сергей Сергеевич «чужой» и своим не стал. Показательно, что в бане, затопленной по-черному, свояку очень нравится, в отличие от Андрея, а, как известно, в народном сознании баня воспринимается как место обитания нечистой силы, банника называли крестьянским чертом, а баню – обиталищем чертей. Эпизод, когда свояк едет верхом на Андрее, – своеобразный «перевертыш» эпизода из повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством», в которой Вакула путешествует верхом на черте.

На уровне ономастического кода противопоставляются не только свояки, но и сестры: жена Андрея называется в рассказе только диминутивным именем *Соня*, тогда как ее сестра – полным именем *Роза* или пейоративным именем *Розка*. При упоминании Сони постоянно употребляется термин родства *жена* (жена Соня), в отношении Розы термин брачного родства не используется, зато Сергей в разговоре с Андреем называет свою жену *сукой*: «Она мне, сука, устроит отдых...» [Шукшин 1998: 33]. Лексема *сука* уже в словаре В.И. Даля маркируется как бранное: «негодная женщина, особ. наушница, сплетница» [Даль 1995 : 4 : 357], а в современном русском языке сука – разг.-сниж. похотливая легкомысленная женщина [Кузнецов <http>]. Называя так жену, Сергей Сергеевич, не задумываясь, выставляет себя в образе рогоносца (см. подробно: [Ковалев 2021: 178]. Так, Роза – царица цветов – превращается в речи своего мужа в похотливую девку. Синонимичную лексему *стерва* (распутная женщина, ведущая беспорядочную жизнь) употребляет и Андрей, однако по отношению к неживому предмету – лодочному мотору, подаренному свояком: «Стерва металлическая...» [Шукшин 1998 : 35].

Имя свояка *Сергей* происходит от римского родового имени *Sergius*, значение которого в переводе с латинского означает «высокий», «высокочтимый» [Суперанская 1998 : 294]. В контексте произведения обыгрывается противоречие между внешним желанием героя показать свою значимость («У нас отпуск большой, мы же – льготники. – И опять гордость, высокомерие» [Шукшин 1998 : 29]) и внутренней пустотой, мелочностью. В отличие от Андрея, свояка Сергея В.М. Шукшин наделяет отчеством, дублирующим имя, что, безусловно, является авторским знаком привлечения внимания читателя к значимости родовой связи. Однако оказывается, что воспитывался Сергей Сергеевич не отцом, а отчимом, к

которому он не испытывает уважения: «Ты знаешь, как мы его с братом катали, когда подросли? Как хотели... Бывало, подойду, о так от – рраз!» [Шукшин 1998: 33]. Андрей, выросший в деревне, где к старшим принято относится с почтением, осуждает свояка за такое отношение к отчиму: «Два молодых оглоеда – на старого человека, – сказал Андрей» [Шукшин 1998: 33]. Рассказ Сергея Сергеевича о том, как к ним с братом относился отчим, остается незаконченным, поскольку прерывается ремаркой автора: «Ты же не знаешь, как он нас молотил! Ты же...». В это время в сенях стукнула дверь – свояк вскочил с пола и быстро-быстро заговорил» [Шукшин 1998: 33].

Сергей Сергеевич является пасынком, хотя данная лексема в тексте рассказа не встречается (пасынок – «не родной, одному из супругов сын; так сын о первого брака, приведенный ко второму браку, будет второму супругу пасынок» [Даль 1995: 3: 24]). Термины *отчим* и *пасынок* относятся к понятию «заместительное родство», нередко в семьях отчима называют отцом, однако из речи Сергея Сергеевича ясно, что родными они друг другу не стали.

Показательно, что нарушает Сергей Сергеевич не только принципы заместительного, но и кровного родства, когда на допросе вместо того, чтобы взять вину на себя и спасти брата, называет его не только своим сообщником, но и главным организатором дела, в результате чего «вломили» «брату семь... Не посмотрели на его ордена. У него орденов двенадцать штук было. С медалями» [Шукшин 1998: 31]. Осуждает отношение свояка к родным печь, находящаяся в бане: «Каменка зло фыркнула, крутой, яростный пар клубом ударил в потолок, оттуда кинулся вниз...» [Шукшин 1998: 31].

Пренебрежение родственными отношениями проявляется и в том, что свояк Сергей Сергеич предпочитает отдыхать в санаториях, которые замещают дом: «Я говорил своей: поедem в Ялту! Нет, говорит, домой охота. Ну, поедem домой, если такой нетерпеж. Я, как правило, в Ялте отдыхаю» [Шукшин 1998: 30]. Дом, в котором живет Андрей с женой Соней, является родным домом сестрам, но за время супружества он становится родным и Андрею, в этом доме у него рождается сын, который является продолжением рода. О родном доме Сергея Сергеевича ничего не говорится, и детей у них с Розой нет.

Имя *Андрей* означает «мужчина», а в широком смысле может толковаться как человек. В Андрее на протяжении всего повествования подчеркивается мужское: «он грустно гудел», тогда как «запевал свояк тонким, дрожащим голосом...» [Шукшин 1998: 34], его поступки не расходятся с делами – пообещав: «Еще раз обзовешь... вот видал? Сразу между глаз закатаю» [Шукшин 1998: 33], – он тут же реализует угрозу. Фамилия *Кочуганов* восходит к названию божества у представителей

алтайской народности кумандинцев «Коча-кан – мифическая личность, эротическое божество, символ плодородия» [Сатлаев 1971: 131]. Подготовка к празднику, посвященному божеству Коча-кану, была связана с изготовлением браги (позо) из ячменя нового урожая [Сатлаев 1971: 132]. Андрей в шукшинском рассказе имеет непосредственное отношение к новому урожаю, поэтому он и противопоставляет комбайн телевизору, который настоятельно советует приобрести ему свояк, причем из дальнейшей его реплики становится понятно, что с появлением телевизора прекратится связь его рода с урожаем и плодородием: «Но телевизор-то – это же первая необходимость! У тя же сын растет: вместо того чтобы огороды шерстить по вечерам, он будет телевизор смотреть» [Шукшин 1998: 33].

Возвращаясь к традиции чествования Коча-кана, с которым Андрей соотносится на антропонимическом уровне, отметим, что изготовлением позо из ячменя могли заниматься мужчины и женщины, но только одного рода. Поскольку на производство позо уходило много зерна, то участвовали все родственники, внося свой пай: «Следовательно, на общественное приготовление позо затрачивался не только коллективный труд мужчин рода, но и коллективный продукт рода. Кропление позо производилось родовому божеству и духу-покровителю семьи» с целью выпрашивания благополучной жизни, большого урожая и приплода скоту [Сатлаев 1971: 134]. Автор, собирая за одним столом в доме сестер всю семью, имитирует, видимо, известное ему ритуальное пиршество, на котором обычно представлялось своеобразное хоровое пение, когда каждая группа поющих старается перепеть другую [Сатлаев 1971: 139]: «Скоро все четверо дружно пели за столом. Запевал свояк тонким, дрожащим голосом... И при этом закрывал глаза и мелко тряс головой» [Шукшин 1998: 34]. В шукшинском рассказе не показан процесс приготовления «калгановой», но она противопоставляется шампанскому, о котором жители деревни даже и не знают, поэтому продавец в магазине неправильно произносит это слово: «шаньпанскыва» [Шукшин 1998: 30].

«Калгановая», неоднократно упоминаемая в тексте, – это настойка, для изготовления которой используется корень лапчатки прямостоячей, называемый в народе калганов корень, обладающий разными полезными свойствами, одно из которых – улучшение потенции, поэтому, полагая, неслучайно «отпаивание» бездетного свояка таким целебным напитком. Символичным в данном случае является и совет Андрея, «как отдохнуть», – «рыбачь ходи...», так как рыба – это символ плодородия, которое в народном сознании связано и с человеком, поскольку главная цель – это продолжение рода, а Сергей Сергеич рыбой удобряет огород, чем удивляет Андрея. Рыбы в реке в деревне Андрея водится мало, поэтому нужно приложить усилия, чтобы ее поймать, тогда как Сергей Сергеич по

полмешка привозит с озер: «Розка не знает, куда девать. И жарит, и солит, и уха идет... Но в основном огород удобряем» [Шукшин 1998: 31]. Лук, выращиваемый на удобряемой рыбой земле, по словам свояка, «аж сладкий, гад» – «ни у кого в поселке такого лука нет» [Шукшин 1998: 31], однако у Андрея лука много и без удобрения огорода рыбой («Вон у меня лук репчатый есть – целые вязанки висят...» [Шукшин 1998: 33]), что, безусловно, связано с его предназначением быть хранителем и продолжателем рода. Лук семантически связан с рыбой, поскольку тоже имеет символику плодородия.

В христианской традиции рыба – «раннехристианский символ Иисуса Христа. Буквы греческого слова «рыба» («*ichthus*») образуют акроним слов «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель. <...> Евангельские тексты подчеркивают этот символизм: упоминается о чудесной ловле рыбы, в которой принимал участие Иисус; сам Иисус проводит аналогию между ловлей рыбы и обращением людей в новую веру» [Тресиддер, URL]. Баня, которую предлагает затопить Андрей и которая является в народных представлениях обиталищем нечисти, становится местом выведения героев на чистую воду. Неслучайно Сергей Сергеич просит натаскать воды побольше, а потом тазами льет на себя воду [Шукшин 1998: 30]. Дом Андрея стоит на реке, а река, в отличие от озера со стоячей водой, с одной стороны, является символом чистоты и непорочности, с другой, – символом жизненных изменений. В дом к Андрею и Соне приезжает свояк с женой, которые искушают хозяев яркими («Мне два платка вот таких – цветастые, с тистями, платье атласное, две скатерки, тоже с тистями...» [Шукшин 1998: 30]) и дорогими вещами (телевизор, машина, лодочный мотор), в результате чего Соня начинает говорить «восторженно и с каким-то святым благоговением» [Шукшин 1998: 30].

Андрей отмечает в конце рассказа, что свояк «снова наладился на тот тон, с каким приехал вчера. Станный он все-таки человек... Можно сказать, необычный» [Шукшин 1998: 35]. Таким образом, констатируется отсутствие изменений в образе Сергея Сергеевича, смягчается оценка его поведения в восприятии Андрея, с которым как раз и происходят изменения: «Да черт с ним, что прокатил на спине! Что, действительно, трудно, что ли? Зато теперь – с мотором, будь он проклят» [Шукшин 1998: 35]. Показательно, что после выходки свояка «Андрей пошел в дом, пинком расхлобыстнул дверь...» [Шукшин 1998: 35] – меняется его отношение к дому, о чем свидетельствует просторечный глагол с оценочной семантикой и поставленное автором многоточие. Дом это не просто материальный объект: как указывает А.К. Байбурин, «в доме существуют человек и вселенная», «дом может быть «развернут» в мир и «свернут» в человека» [Байбурин 1983: 11], дом и семья являются неделимым целым. Неслучайно мотор, который дарит свояк Андрею,

символично лежит на плахе, как будто является жертвоприношением в надежде на обретение лучшей жизни. Меняется и Соня, которая, хотя и по-прежнему «суежилась в кути», была «довольная сверх всякой меры» [Шукшин 1998: 35], автор изображает ее не рядом с Андреем, а со свояком, чему способствует синтаксическая конструкция с согласованным адъективом во множественном числе, стоящим после определяемых слов: «Сваяк и Соня засмеялись, довольные» [Шукшин 1998: 35]. Значимым является тост, предлагаемый свояком, – «с обновкой» [Шукшин 1998: 35].

Заключение

Как видим, с помощью антропонимов и терминов родства В.М. Шукшин выстраивает единую модель мира, в центре которой – человек, связанный с окружающей действительностью разными видами родства. Концепция родственно-антропонимического кода становится ключом к пониманию рассказа с его многослойностью смыслов. Родственно-антропонимический код, транслируемый писателем с помощью семантически значимых лексем, отражает внутренние переживания героев, их ценности и мировоззрение, которые меняются к концу рассказа. Имена собственные и термины родства выступают в творческой лаборатории писателя инструментом, позволяющим глубже проникнуть в суть человеческой природы.

Библиографический список

Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 2. С. 199-205.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: «Наука», 1983. 191 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. М.: Терра, 1995.

Карташова Е.Н. Мать, теща, свекровь: особенности вербализация образа родной/чужой матери в прозе В.М. Шукшина // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы III Международной научной конференции. Воронеж, 2022. С. 49-53.

Карташова Е.Н. Образ тещи в произведениях В.М. Шукшина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2 (21). С. 114-118.

Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №3 (38). С. 17-27.

Ковалев Г.Ф. Русский мат как часть национального достояния // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3. С. 175-196.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 15.01.2025).

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 195 с.

Сатлаев Ф.А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971 (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. 27). С. 130-141.

Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Воронеж, 2022. 341 с.

Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Библионимы в творчестве В.М. Шукшина // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 2 (53). С. 271-279 [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5361/ (дата обращения 15.02.2024).

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528 с.

Тевс О.В. Во главе – отец // Известия Алтайского государственного университета. 2001. № 4 (22). С. 65-67.

Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. Под ред. С.М. Толстой. М.: Индрик, 2009. С. 7-22.

Тресиддер, Дж. Словарь символов; пер. с англ. С. Палько. М.: Гранд:ФАИР-Пресс, 1999. 443с. [Электронный ресурс]. URL: <https://itexts.net/avtor-dzhek-tresidder/69818-slovar-simvolov-dzhek-tresidder/read/page-17.html> (дата обращения 16.01.2025).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. Т. 3. М. Фасмер. СПб.: Терра – Азбука, 1996. 864 с.

Шукин В.М. Собрание сочинений: в 6 книгах. Книга 2. М.: Изд-во «Надежда-1», 1998. 512 с.

References

Bugakova N.B., Skuridina S.A., Kuz'miny`x E.O. Antroponimikon i terminy` rodstva v rasskaze A. Platonova «Nikita» // Voprosy` zhurnalistiki, pedagogiki, yazy`koznaniya. 2024. T. 43. № 2. S. 199-205.

Bajburin A.K. Zhilishhe v obryadax i predstavleniyax vostochny`x slavyan. L.: «Nauka», 1983. 191 с.

Dal` V.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka: v 4 t. M.: Terra, 1995.

Kartashova E.N. Mat`, teshha, svekrov`: osobennosti verbalizatsiya obraza rodnoj/chuzhoj materi v proze V.M. Shukshina // Lingvokul`turny`e universalii v mirovom prostranstve. Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh, 2022. S. 49-53.

Kartashova E.N. Obraz teshhi v proizvedeniyax V.M. Shukshina // Nauchny`j vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arxitekturno-stroitel`nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikatsiya. 2016. № 2 (21). S. 114-118.

Klimkova L.A. Biblionimy` v lirike S.A. Esenina // Aktual`ny`e voprosy` sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020. №3 (38). S. 17-27.

Kovalev G.F. Russkij mat kak chast` nacional`nogo dostoyaniya // Rossijskij gumanitarny`j zhurnal. 2021. T. 10. № 3. S. 175-196.

Kuznecov S.A. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. Avtorskaya redaktsiya, 2000. 1536 s. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (data obrashheniya - 15.01.2025).

Nikolina N.A. Filologicheskij analiz teksta: ucheb. posobie dlya stud. vy`ssh. pед. ucheb. zavedenij. M.: Izdatel`skij centr «Akademiya», 2003. 195 s.

Satlaev F.A. Kocha-kan – starinny`j obryad isprashivaniya plodorodiya u kumandincev // Religiozny`e predstavleniya i obryady` narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1971 (Sbornik Muzeya antropologii i e`tnografii; t. 27). S. 130-141.

Skuridina S.A. Onomasticheskij kod xudozhestvenny`x tekstov F.M. Dostoevskogo. Voronezh, 2022. 341 s.

Skuridina S.A., Kartashova E.N. Bibliionimy` v tvorchestve V.M. Shukshina // Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2024. № 2 (53). S. 271-279. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5361/ (data obrashheniya - 15.02.2024).

Superanskaya A.V. Slovar` russkix lichny`x imen. M.: OOO «Firma «Izdatel`stvo AST», 1998. 528 s.

Tevs O.V. Vo glave – otec // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2001. № 4 (22). S. 65-67.

Tolstaya S.M. Kategoriya rodstva v e`tnolingvisticheskoj perspektive // Kategoriya rodstva v yazy`ke i kul`ture. Pod red. S.M. Tolstoj. Moskva, Indrik: 7-22.

Tresidder, Dzh. Slovar` simvolov; per. s angl. S. Pal`ko. M.: Grand:FAIR-Press, 1999. 443s. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://itexts.net/avtor-dzhek-tresidder/69818-slovar-simvolov-dzhek-tresidder/read/page-17.html> (data obrashheniya 16.01.2025).

Fasmer M. E`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka: v 4-x tt. T. 3. M. Fasmer. SPb.: Terra – Azbuka, 1996. 864 s.

Shukshin V.M. Sobranie sochinenij: v 6 knigax. Kniga 2. M.: Izd-vo «Nadezhda-1», 1998. 512 s.

UDC 81-119.087.5

LEXEMES OF THE FAMILY-ANTHROPONYMIC CODE IN V.M. SHUKSHIN'S SHORT STORY "SERGEY SERGEEVICH'S BROTHER-IN-LAW"

S.A. Skuridina

*Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Russian Language and Intercultural Communication
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

E.N. Kartashova

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

Voronezh State Technical University (Voronezh, Russia)

The article is devoted to the study of the topic of kinship and family relations in V.M. Shukshin's short story "Sergey Sergeevich's Brother-in-Law", considered through the lexemes of kinship and anthroponymic codes, which are semantic dominants of many of the writer's works. With the help of kinship terms (brother-in-law, wife, son, stepfather) and anthroponyms (Sergey Sergeevich Neverov, Andrey Kochuganov, Sonya, Rosa), a system of artistic images of characters is built, which helps to reveal the author's intention.

Keywords: kinship code, kinship terms, V.M. Shukshin, anthroponym, onomastic code, "Sergey Sergeevich's brother-in-law".

УДК 81`367.625.43:82-3(470.323)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЧАСТИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Д. ВОРОБЬЕВА

Е.Н. Трофименко¹

Учитель русского языка и литературы
e-mail: elenatrofimenko@yahoo.com

А.В. Кузьмина²

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
e-mail: alevtina-kuzmina@mail.ru

¹ МБОУ «Средняя школа № 5 им. И.П. Волка» (г. Курск, Россия)

² Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Изучение причастий представляет собой актуальную проблему, поскольку нет единого мнения о статусе этих слов в морфологической системе русского языка, которое бы полностью было обосновано и учитывало основные стороны вопроса. Причастие занимает пограничное положение между самостоятельной частью речи и особой формой глагола. Работа посвящена функциональным и семантическим особенностям использования причастий в художественной прозе курского писателя К.Д. Воробьева. В статье анализируются особенности причастий, способы их образования, частотность употребления в произведениях курского писателя. Материалом исследования послужили повести К.Д. Воробьева «Крик», «Это мы, Господи!», «Убиты под Москвой» и рассказы «Дорога в отчий дом», «Уха без соли».

Ключевые слова: причастие, грамматическое значение, функциональные особенности, семантические особенности, К.Д. Воробьев.

Введение

Причастие – класс слов, уникальный по своим морфологическим свойствам. Вопрос о грамматическом статусе причастия по-прежнему не имеет однозначного ответа. Единое понимание причастий начало формироваться во второй половине XX века. Мнения по этому поводу расходятся, и восприятие статуса причастия варьировалось в зависимости от конкретного исследования.

В лингвистике существует, как минимум, четыре точки зрения на определение причастия:

- 1) «особая форма глагола (М.В. Панов, А.Н. Тихонов, Л.В. Щерба и др.);
- 2) отглагольное прилагательное (А.Х. Востоков, Н.И. Греч, Б. де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов);
- 3) самостоятельная часть речи (М.В. Ломоносов, И.И. Мещанинов, А.М. Пешковский, Н.М. Шанский и др.)» [Хрестоматия по истории грамматических учений в России 1965].
- 4) «гибридная форма (В.В. Виноградов и др.)» [Виноградов 1972].

Материалы и методы

В данной статье рассматриваются причастия в художественной прозе К.Д. Воробьева, в частности в повестях «Убиты под Москвой», «Крик», «Это мы, Господи!» и рассказах «Дорога в отчий дом», «Уха без соли» [Воробьев 1966, 1983, 1989].

В ходе выполнения работы нами применялись описательный, квантитативный, компонентный методы исследования художественного текста.

Результаты

Причастие представляет несомненный интерес для ученых-лингвистов как с точки зрения определения семантических нюансов в художественном тексте, изобразительно-выразительных возможностей этой части речи, так и изучения ее функциональных особенностей. Как известно, употребление причастий в большей степени характерно для литературной речи. Так, ранее нами уже были проанализированы некоторые особенности причастий в художественной литературе, а именно в поэтическом тексте, на примере произведений курского мастера слова П.И. Карпова. Был сделан вывод, что подобные «глагольные формы являются важнейшим средством художественной изобразительности: они дают возможность выразительно передать детали, рисуящие определенное действие, что усиливает образность художественного повествования, а также добавляют тексту насыщенность, торжественность, тем самым придавая высказыванию книжный характер» [Кузьмина 2024: 202].

Известно, что в современном русском языке представленная часть речи имеет несколько классификаций, которые формируются в зависимости от грамматических признаков глагола, присущих причастию: «причастия действительные и страдательные (категория залога); причастия настоящего и прошедшего времени (категория времени); причастия совершенного и несовершенного вида (категория вида)» [Валгина, Розенталь, Фомина 2002: 300].

В научной литературе причастия обычно делятся на два разряда, каждый из которых характеризуется ярким морфемным признаком – собственным специфическим набором суффиксов в зависимости от времени:

	Действительные причастия	Страдательные причастия
Настоящее время	-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-	-ем-, -ом-, -им-
Прошедшее время	-вш-, -ш-	-енн-, -ённ-, -нн-, -т-

Действительные причастия, как отмечает Л.В. Щерба, «обозначают действие, совершаемое субъектом, и позволяют акцентировать внимание на активном участии лица в процессе» [Щерба 1957: 110-129], в то время как страдательные причастия «отражают состояние объекта, на который направлено действие, и помогают передать информацию о том, что происходит с ним» [Щерба 1957: 110-129].

Обсуждение результатов

Анализ художественных текстов К.Д. Воробьева позволил нам выявить 308 причастий, из них: действительные причастия настоящего времени – 77 единиц; действительные причастия прошедшего времени – 104; страдательные причастия настоящего времени – 2; страдательные причастия прошедшего времени – 125.

В общий подсчет включались не только полные, но и краткие формы причастий, соединенные, в свою очередь, с аналогичными полными.

Доминирующими причастными формами являются страдательные причастия прошедшего времени:

– 29 причастий с суффиксом *-т-*: «В нем все еще что-то шипело и трескалось, и в белесом сумраке вечера над **откинутым** верхним люком виднелся трепетный черный сноп чада» [Воробьев 1989, Убиты под Москвой: 207]; «Сколько там **изжитых** стыдных унижений!» [Воробьев 1983, Уха без соли: 9]; «Сквозь неплотно **прикрытые** ставни в темноту ночи медными вязальными спицами пронизывался свет» [Воробьев 1989, Это мы, Господи!: 266].

– 61 причастие с суффиксом *-енн-* (*-ённ-*): «Я ощущал горько-железную вонь автомата, боль в косо **сведённых** на него глазах, а гайка не ухватывалась, потому что пальцы свивались и подламывались» [Воробьев 1989, Крик: 135]; «Его, посланного нам сюда недоброй прихотью черта, отделял от меня метр земли, **прокалённой** нашими торжественными кострами, котел со странным клеймом, несколько ольховых чурок и ладный, хватный топор» [Воробьев 1983, Уха без соли: 20];

– 35 причастий с суффиксом *-нн-*: «А личность у него была далеко не нормальная по причине **содранной** кожи» [Воробьев 1966, Дорога в отчий дом: 14]; «Выстроились хохлатки в ряд у подножья вороха соломы и подняли **испуганный** гвалт» [Воробьев 1989, Это мы, Господи!: 259].

Большинство страдательных причастий в идиолекте К.Д. Воробьева имеют признаковое значение и согласуются с определяемым словом (чаще всего именем существительным) в роде, числе и падеже: «Васюков тоже держал **опущенные** пошивам **руки**, и шапка на нем сидела правильно» [Воробьев 1989, Крик: 143].

Встречаются случаи употребления страдательных причастий:

– в позиции предиката в простом двусоставном предложении: «Его подразделения **были разбросаны** на невероятно широком пространстве» [Воробьев 1989, Убиты под Москвой: 153]; «Махровые цветы **растрепаны и повернуты** головками в одну сторону – к маленькому багровому солнцу, встающему над горизонтом» [Воробьев 1989, Крик: 132];

– в позиции предиката в двусоставном предложении, входящем в состав сложного предложения: «Наушники моей шапки **были опущены**, а тесемки **завязаны** мертвым узлом» [Воробьев 1989, Крик: 147];

– в предложениях, содержащих причастие с зависимыми словами: «Но все же человек тот действовал по плану, **рассчитанному** для него другими людьми» [Воробьев 1966, Дорога в отчий дом: 11].

Действительные причастия также чаще употребляются К.Д. Воробьевым в признаковой функции: «А **запекшаяся** кровь, которую я вытащил из рта?» [Воробьев 1989, Крик: 131].

Есть и другие случаи употребления действительных причастий в произведениях курского писателя:

– в позиции вторичного предиката при личном глаголе. В односубъектных конструкциях: «Спичку зажег **прибежавший** откуда-то помощник» [Воробьев 1989, Убиты под Москвой, с. 175]; «**Уцелевший** в петлице кубарь сразу прилип к щеке, и я сместил его к губам, чтоб он оттаял» [Воробьев 1989, Крик: 143];

– в позиции вторичного предиката при личном глаголе. В разносубъектных конструкциях: «Я ведь втайне «**поспел**» для нее в ту самую минуту, когда услышал

*Маринкин голос и увидел ее **парящей** в сизом кусте взрыва»* [Воробьев 1989, Крик: 127];

– в предложениях с обособленным причастным оборотом: *«Все, **принадлежащее** лично мне, подвержено прихоти различных капризов, поломок и стопорений, потому что мои вещи тоже похожи на меня самого...»* [Воробьев 1983, Уха без соли: 7].

В одном контексте могут присутствовать несколько действительных причастий, в том числе разного времени: *«Они липли к бровям, наскоро превращаясь в **щекочущую** влагу, **заполнявшую** глазные впадины, а Алексею казалось, что это плачут глаза одни, без него...»* [Воробьев 1989, Убиты под Москвой: 207]. А также конструкции, включающие и действительные, и страдательные причастия: *«Дрожала в ней желтая бледная вода, **волнуемая тонущими** в ней комарами»* [Воробьев 1989, Это мы, Господи!: 260].

Значительный объем словника причастий курского мастера слова составляют редкие слова, так называемые *hарах legomena*, представляющие огромный интерес для исследователей и отражающие специфику языковой картины мира писателя. Высокая доля лексем с коэффициентом употребления 1 (260 лексем из 308) составляет одну из главных особенностей художественного контекста К.Д. Воробьева: *нарезанный, обещающий, отполированный, оснеженный* и др.: *«Впрочем, все что принадлежит моему другу, – его вот старенькая неказистая «Победа», самодельная брезентовая накидка для нее с круглыми марлевыми окнами, ухватная ясеневая ручка топора, которым я срубил ольшину, лещиновая удочка, **отполированная** до бубличного глянца, – все это выглядит долговечным, ладным и сноровистым, **обещающим** верность крепкой и охотной дружбы»* [Воробьев 1983, Уха без соли: 7]; *«Все это мы обмозговали в одну секунду, – в такой обстановке шарики в голове работают здорово, – решили вот что: транспортировать **нарезанные** прутья к конвою»* [Воробьев 1966, Дорога в отчий дом: 4]; *«Этот день и угас ярко, – солнце закатывалось чистым, малиновым, и **оснеженное** поле тоже было малиновым, жарко сверкающим»* [Воробьев 1989, Крик: 119].

Самая частотная выявленная лексема – *убитый*. Данное причастие имеет коэффициент употребления 15. Причастие вынесено в название повести «Убиты под Москвой». Частотность данной лексемы не случайна: военная проза К.Д. Воробьева основана на личном фронтовом опыте писателя. Основные темы, которые поднимает автор: плен, борьба за жизнь и противостояние смерти. Военные произведения курского писателя исполнены высокого трагизма и мужественной скорби. Отметим, что данная лексема в большинстве случаев употребления является субстантивированным причастием: *«Четвертый взвод полукругом неподвижно стоял поодаль широкой темной ямы, а перед нею полукругом лежали семеро **убитых**, завернутые в плащ-палатки»* [Воробьев 1989, Убиты под Москвой: 179]; *«Чем дальше шли, тем больше становилось **убитых**»* [Воробьев 1989, Это мы, Господи!: 215]; *«Маринка уже ждала меня, и я снова стал спиной к **убитой** лошади и полетел над землей»* [Воробьев 1989, Крик: 112].

Важно отметить наличие окказиональных конструкций. В ходе работы над словником были найдены следующие самобытные авторские слова: *обаландившийся* и *обросевший*: *«На подъезде к шоссе мне запоздало подумалось, что хорошо было бы привезти люпиновый букет домой прямо с **обросевшими** на нем шмелями»* [Воробьев 1983, Уха без соли: 26]; *«Тогда я остатками выкипевшей, **обаландившейся** ухи загасил костер»* [Воробьев 1983, Уха без соли: 22]. Приставка

«об» в этих случаях имеет значение полного охвата действия: *обросеть* – покрыться росой; *обаландиться* – стать баландой, жидким и невкусным супом или похлебкой.

Творчество К.Д. Воробьева привлекает внимание исследователей драгоценными особенностями языка, т.к. представляет собой удивительный образец художественного мастерства, умения чрезвычайно точно передать оттенки чувств.

Самобытность прозы курянина В.П. Астафьев видит в том числе и в незаурядности его языка: «Константин Воробьев силен там, где он пишет, точнее, живописует свободно, давая себе и своему воображению полный простор, а языку, кстати говоря, отличному, богатейшему оттенками и красками, русскому языку – полное дыхание, как ветру, напоенному запахами родной ему курской земли, русских полей и садов» [Астафьев 1985].

Своеобразие художественного мира К.Д. Воробьева напрямую зависит от тематики его произведений, находящей отражение в языковой картине мира писателя и выявляющей ценностные аспекты личности автора. С точки зрения использования изобразительно-выразительных средств в идиолекте курянина причастия чаще играют роль метафор, сравнений и выразительных эпитетов, с помощью которых расширяется образность художественного произведения и происходит эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя.

Рассмотрим яркие метафорические сочетания, придающие описываемым событиям особую выразительность: «*Но в поле за ручьем возникли тонкие жала новых запевов, с каждым мигом **нарастающих, проникавших** в душу мятным холодком страха*» [Воробьев 1989, Крик: 123].

Метафорическое переосмысление знаковых явлений окружающей лирического героя действительности подчеркивает неповторимость и индивидуальность изображаемых явлений, предметов, действий, признаков.

Причастия в творчестве К.Д. Воробьева входят в состав сравнений, выраженных:

– именем существительным в творительном падеже: «*Я сразу же зажмурился, отвернулся и побежал вперед, на запад, и со мной **рассредоточенной, наступающей** цепью побежали все тринадцать человек*» [Воробьев 1989, Крик: 126];

– сравнительным оборотом с союзом «как», «словно», «будто», «точно», «чем»: «*Неколеблемо, как **приклеенное**, в небе повисло круглое черное облако, а немного погодя рядом с ним и все с тем же характерным чоком образовались еще два дегтярных пятна*» [Воробьев 1989, Убиты под Москвой: 25].

Эпитеты в творчестве К.Д. Воробьева являются своеобразными маркерами, представляют особый исследовательский интерес. Причастные эпитеты в прозе курянина отличаются частотностью, глубоким содержанием при кажущейся смысловой прозрачности: «*Деревья выросли с каждым нашим шагом, и в мое **онемевшее** сердце постепенно входило новое, могучее и незнакомое сдвигая и руша все то, что там шлаком спеклось и застыло, как уже пережитое*» [Воробьев 1989, Крик: 127]; «*В **окостеневшем** безмолвии нельзя было отделаться от щемящего чувства заброшенности*» [Воробьев 1989, Убиты под Москвой: 182]; «*В этот последний наш выезд выдалась смиренная серая погода с **притушенным** мгlistым солнцем*» [Воробьев 1983, Уха без соли: 6].

В отличие от эпитетов, представленных одиночными причастиями, образные определения, выраженные причастными оборотами, обладают более сложной

семантикой: «Оттуда, с северо-востока, тянуло подвальным холодом, и редкие, белесые дымки, **выползавшие из труб сумеречных хат**, манили к уюту, огню и разговору шепотом» [Воробьев 1989, Крик: 119]; «Он не мог говорить, **упоенный буйной радостью первой победы**, и, вскинув автомат, выпустил в небо длинную очередь» [Воробьев 1989, Убиты под Москвой: 187]. В таких эпитетных конструкциях эстетически значимой является каждая составляющая при безусловном доминировании причастия как тропообразующего компонента; причастные же обороты придают художественному тексту курянина уникальный плавный ритм, таким образом добавляя ощущение особой мелодичности и мягкой музыки.

Заключение

В результате проведенного исследования причастий в произведениях К.Д. Воробьева можно сделать вывод, что писатель активно использует данную часть речи в своем творчестве. Основную часть причастного словника составляют лексемы с коэффициентом употребления 1, что подтверждает богатство словарного запаса художника слова. Рассмотренные нами семантические характеристики этой части речи показали: значение причастий в идиолекте К.Д. Воробьева играет важную роль при создании образов главных героев, описании природных явлений и неодушевленных предметов окружающего мира. На первый взгляд кажется, что причастия используются для изображения привычных предметов, но при более глубоком анализе мы видим, что автор побуждает читателя вообразить и дополнить представляемые им картины.

Использование в художественной речи курского писателя достаточно большого количества страдательных причастий прошедшего времени имеет функционально-стилистическое обоснование. Использование указанных форм причастий в художественной речи связано с желанием отразить сохранение результата действия из прошлого до настоящего момента. Автор применяет такое временное значение, чтобы зафиксировать состояние описываемого объекта в момент, предшествующий этому состоянию, действия. Такое употребление причастий подчеркивает внимание к действию, которое привело к описываемому моменту.

Следует отметить высокий образный потенциал курского писателя, проявляющегося на страницах его произведений в виде множества ярких метафор, эпитетов, сравнений и т.д. Анализ произведений показал, насколько широко распространены художественные средства, в которых причастия выступают активным тропообразующим компонентом. Они разнообразны по структуре, передаваемым им семантическим оттенкам, по способам авторской оценки изображаемых событий.

Библиографический список

- Астафьев В.И. все цветы живые: (О К. Воробьеве) // Всему свой час. М.: Молодая гвардия, 1985. 256 с.
- Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: учебник / Под ред. Н.С. Валгиной. М.: Логос, 2002. 528 с.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1972. 639 с.
- Воробьев К.Д. Дорога в отчий дом: рассказы. М.: Моск. рабочий, 1966. 160 с.

Воробьев К.Д. Убиты под Москвой. Повести / Сост. В.В. Воробьевой. (Библиотека журнала «Знамя»). М.: Правда, 1989. 464 с.

Воробьев К.Д. Повести. Вильнюс: Вага, 1983. 395 с.

Кузьмина А.В. Причастие в поэтических текстах П.И. Карпова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 1(52). С. 194-204 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5246/ (дата обращения: 03.02.2025).

Хрестоматия по истории грамматических учений в России: учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / под ред. Щеулина В.В., Медведевой В.И., 1965. 354 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР. Отд-ние литературы и языка. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.

References

Astaf'ev V.I. vse cvety zhivye: (O K. Vorob'evе) // Vsemu svoj chas. M.: Molodaja gvardija, 1985. 256 s.

Valgina N.S., Rozentel' D.Je., Fomina M.I. Sovremennyy russkij jazyk: uchebnik / Pod red. N.S. Valginoj. M.: Logos, 2002. 528 s.

Vinogradov V.V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) Izd. 3-e. M.: Vysshaja shkola, 1972. 639 s.

Vorob'ev K.D. Doroga v otchij dom: rasskazy. M.: Mosk. rabochij, 1966. 160 s.

Vorob'ev K.D. Ubity pod Moskvoy. Povesti / Sost. V.V. Vorob'evoy. (Biblioteka zhurnala «Znamja»). M.: Pravda, 1989. 464 s.

Vorob'ev K.D. Povesti. Vil'njus: Vaga, 1983. 395 s.

Kuz'mina A.V. Prichastie v pojeticheskikh tekstah P.I. Karpova // Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2024. № 1(52). S. 194-204 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5246/ (data obrashhenija: 03.02.2025).

Hrestomatija po istorii grammaticheskikh uchenij v Rossii: uchebnoe posobie dlja studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshih uchebnyh zavedenij / pod red. Shheulina V.V., Medvedevoy V.I., 1965. 354 s.

Shherba L.V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku / Akad. nauk SSSR. Otd-nie literatury i jazyka. M.: Uchpedgiz, 1957. 188 s.

UDC 81`367.625.43:82-3(470.323)

FUNCTIONAL AND SEMANTIC FEATURES OF USING PARTICIPLES IN THE WORKS OF K.D. VOROBYOV

E.N. Trofimenko¹

*Teacher of Russian language and literature
e-mail: elenatrofimenko@yahoo.com*

A.V. Kuzmina²

*Candidate of Philological sciences,
associate professor of the Russian language department
e-mail: alevtina-kuzmina@mail.ru*

¹ Secondary School №5 named after I.P. Volk (Kursk, Russia)

² Kursk State University (Kursk, Russia)

The study of participles is a pressing issue, since there is no consensus on the status of these words in the morphological system of the Russian language that would be fully substantiated and take into account the main aspects of the issue. The participle occupies a borderline position between an independent part of speech and a special form of the verb. This article is devoted to the functional and semantic features of the use of participles in the fiction of the Kursk writer K.D. Vorobyov. The article analyzes the features of participles, the methods of their formation, the frequency of use in the works of the Kursk writer. The material for the study was K.D. Vorobyov's stories "The Scream", "It's Us, Lord!", "Killed near Moscow" and the stories "The Road to the Father's House", "Ear Soup Without Salt".

Keywords: participle, grammatical meaning, functional features, semantic features, K.D. Vorobyov.

УДК 811:61=111+161.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕЗЕНТАЦИИ НОВОГО ЗНАНИЯ В АННОТАЦИИ К НАУЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ СТАТЬЕ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

И.Ф. Шамара

*Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных языков
e-mail: shamaraif@kursksmu.net*

Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Россия)

Статья посвящена выявлению лингвокультурологических особенностей представления нового знания в текстах аннотаций к научно-исследовательским статьям из современных медицинских журналов на русском и английском языках. Приводятся результаты исследования поверхностной структуры аннотации, описаны различия в ее рубрикации. Подробно рассматриваются особенности заключительного раздела аннотации, его дискурсивной структуры. Выявлены сходства лексического состава, определены грамматические средства оформления каждого из дискурсивных сегментов, отражающие лингвокультурологические особенности представления нового знания в текстах аннотаций.

Ключевые слова: *научный стиль, медицинский дискурс, научно-исследовательская статья, лингвокультурологические особенности.*

Введение

Научный стиль на протяжении нескольких десятилетий привлекал внимание выдающихся лингвистов как в нашей стране – И.В. Арнольд [Арнольд 1990], Н.М. Разинкиной [Разинкина 1978], М.Н. Кожиной [Кожина 1972], М.П. Котюровой [Котюрова 1988] и многих других, так и за рубежом – К. Хайлэнда [Hyland 2009], Дж.М. Суэйлза [Swales 2004].

Исследованию научной статьи как ключевого жанра научного стиля посвящены и работы современных учёных [Баженова 2020; Колесникова, Ридная 2016], которые рассматривают научную статью с разных позиций, но неизменно как носителя нового знания [Чернявская 2016: 56].

Медицинский дискурс в последние десятилетия представляет собой обширное поле для исследований филологов разных направлений, в том числе тех, объектом изучения которых является научная медицинская статья [Williams 1999; Fryer 2012; Макушева 2017; Зубкова 2020; Меньшенина 2024]. В последние годы появилось новое направление в изучении научного медицинского дискурса в рамках сравнительно-сопоставительного подхода [Торубарова, Стеблецова 2022], целью которого является выявление лингвокультурологических особенностей

научных медицинских статей на разных языках или специфики разных жанров медицинских статей [Милеева 2018; Вахтерова, Стеблецова 2022; Вахтерова 2023].

Целью нашего исследования было выявление наличия лингвокультурологических особенностей презентации нового знания в аннотациях к научным медицинским статьям на русском и английском языках. В международных наукометрических базах данных порой именно аннотация может быть источником информации о публикации и основой для цитирования. Поскольку аннотация представляет собой «квинтэссенцию» содержания всей статьи, в ней должны быть представлены все фрагменты нового знания в компактной форме, чтобы адресант мог быстро получить информацию о наличии ценного материала и целесообразности изучения полного текста статьи или ее соответствующего фрагмента.

В задачи нашего исследования входило выявление сходства и различий в объёме и рубрикации самого текста аннотации, в использовании лексических и грамматических средств, характерных для каждого из дискурсивных сегментов заключительного раздела аннотации «Выводы / Заключение», представляющего главную «новую истину» (в терминологии В.И. Карасика [Карасик 2020]).

Материалы и методы

Материалом для нашего исследования послужили тексты научно-исследовательских статей широкого тематического спектра из журналов «Человек и его здоровье» и «The British Medical Journal» (далее – «the BMJ») 2023-2024 годов издания (по 20 статей в каждой группе).

В ходе дескриптивно-сопоставительного анализа текстов аннотаций к статьям нами были использованы дескриптивно-аналитический метод и метод сравнительного анализа.

Результаты

При сравнении титульных страниц статей обеих групп мы не обнаружили значительных отличий в их оформлении и распределении объёма. Раздел «Аннотация»/ «Abstract» занимает приблизительно половину страницы (см. рис. 1) и имеет, в целом, сходную рубрикацию. Однако, в статьях из журнала «the BMJ» следует дополнительно обратить внимание на наличие специального выделенного в отдельную рамку в нижней части страницы «сигнального» раздела, посвящённого степени изученности проблемы (WHAT IS ALREADY KNOWN ON THIS TOPIC) и новизне проведённого исследования (WHAT THIS STUDY ADDS). Именно этот последний небольшой фрагмент и привлекает внимание читателя как предельно сжатое информирование о новом знании. В некоторых статьях он практически повторяет большую часть раздела «Conclusion», в других бывает значительно короче.

БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ ЛИСТЬЕВ И ПЛОДОВ СУМАХА ПУШИСТОГО (*RHUS TYRHINA* L.) И ИХ РОЛЬ В ПРОЯВЛЕНИИ АНТИМИКРОБНОЙ АКТИВНОСТИ

© Попов И.В., Папаяни О.И., Юртаева Е.А., Попова О.И.

Пятигорский медико-фармацевтический институт (ПМФИ) – филиал Волгоградского государственного медицинского университета (ВолГМУ)

Россия, 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 11

Цель – изучение антибактериальной активности извлечений из листьев и плодов сумаха пушистого.

Материалы и методы. Извлечения листьев и плодов сумаха пушистого, заготовленных в ботаническом саду Пятигорского медико-фармацевтического института, листья – июнь 2023 г.; плоды – конец октября 2022 г. Определение основных групп биологически активных соединений проводили: по методу Фолина-Чокальтеу – дубильные вещества, методом спектрофотометрии – флавоноиды и антоцианы, методом титрования – органические кислоты и аскорбиновая кислота. Для установления антимикробной активности исследуемых извлечений использовали восемь клинических тест-штаммов. Антимикробную активность проводили методом диффузии в агар. Определение чувствительности микроорганизмов к исследуемым извлечениям, используя метод «колодцев».

Результаты. Для листьев сумаха пушистого доминирующими группами биологически активных соединений являются дубильные вещества и флавоноиды. В плодах содержание дубильных веществ меньше, однако отмечается высокое содержание органических кислот и антоцианов. Проведенные скрининговые исследования показали, что полученные извлечения из листьев и плодов сумаха пушистого обладают выраженной антибактериальной активностью. Зоны угнетения роста для всех исследуемых штаммов составили более 10 мм (от 13 мм до 30 мм), что характеризует их активность как высокую.

Заключение. Установлена антимикробная активность в отношении наиболее распространенных возбудителей инфекционных заболеваний: *Escherichia coli*, *Salmonella enterica*, *Proteus mirabilis*, *Klebsiella pneumoniae*, *Shigella flexneri*, *Pseudomonas aeruginosa*, *Staphylococcus aureus*, *Streptococcus pyogenes*. Полученные химико-аналитические и биологические данные позволяют рассматривать извлечения из листьев и плодов сумаха пушистого (*Rhus tyrhina* L.) как потенциальные антимикробные средства.

Ключевые слова: сумах пушистый; анакардиевые; биологически активные соединения; тест-штаммы; антимикробная активность.

Попов Иван Викторович – канд. фарм. наук, доцент кафедры фармакогнозии, ботаники и технологии фитопрепаратов, ПМФИ – филиал ВолГМУ, г. Пятигорск. ORCID iD: 0000-0003-5990-0000. E-mail: beegeeslover@mail.ru (автор, ответственный за переписку).

Папаяни Оксана Ивановна – ст. преподаватель кафедры микробиологии и иммунологии, ПМФИ – филиал ВолГМУ, г. Пятигорск. ORCID iD: 0000-0001-6645-7263. E-mail: ksuxa011@yandex.ru

Юртаева Екатерина Алексеевна – канд. фарм. наук, доцент кафедры микробиологии и иммунологии, ПМФИ – филиал ВолГМУ, г. Пятигорск. ORCID iD: 0000-0002-1639-1881. E-mail: tyrkova.katerina@yandex.ru

Попова Ольга Ивановна – д-р фарм. наук, профессор, профессор кафедры фармакогнозии, ботаники и технологии фитопрепаратов, ПМФИ – филиал ВолГМУ, г. Пятигорск. ORCID iD: 0000-0001-5610-4588. E-mail: beegeeslover@mail.ru

Современный человек живет в тесном контакте с микробами и нередко мирно сосуществует с ними. Вместе с тем имеется большое число микроорганизмов, являющихся «облигатными», или абсолютно патогенными. Известны также условно-патогенные микроорганизмы, которые могут провоцировать заболевания человека в результате снижения иммунитета. Этому способствуют переохлаждение, значительная кровопотеря, соматические заболевания и другие факторы. Возрастанию роли условно-патогенных микроорганизмов в инфекционной патологии способствовало широкое, иногда необоснованное и неправильное использование антибиотиков, спровоцировавшее нарушение баланса между представителями нормальной микрофлоры организма и развития у микроорганизмов устойчивости к антимикробным пре-

паратам [1]. В литературе представлены сведения, что у условно-патогенных микроорганизмов имеется природная и приобретенная устойчивость к антимикробным препаратам, характерная не только для условно-патогенных, но и для «облигатных» микроорганизмов [2-5]. В связи с вышеизложенным очевиден научный интерес и необходимость поиска альтернативных средств для борьбы с инфекциями [6, 7]. Наше внимание привлекли представители рода сумах (*Rhus*) семейства анакардиевые (*Anacardiaceae*), в листьях которых накапливаются дубильные вещества, флавоноиды и другие фенольные соединения, обладающие антимикробной и противовоспалительной активностью [8-10]. Ранее в СССР листья сумаха дубильного (*Rhus coriaria* L.) использовались как промышленный источник танина, так как в них

RESEARCH

 OPEN ACCESS

 Check for updates

Comparative effectiveness and safety of single inhaler triple therapies for chronic obstructive pulmonary disease: new user cohort study

William B Feldman,^{1,2,3} Samy Suissa,⁴ Aaron S Kesselheim,^{1,3} Jerry Avorn,^{1,3} Massimiliano Russo,⁵ Sebastian Schneeweiss,^{1,3} Shirley V Wang^{1,3}

¹Division of Pharmacoepidemiology and Pharmacoeconomics, Department of Medicine, Brigham and Women's Hospital, Boston, MA 02120, USA

²Division of Pulmonary and Critical Care Medicine, Department of Medicine, Brigham and Women's Hospital, Boston, MA, USA

³Harvard Medical School, Boston, MA, USA

⁴Centre for Clinical Epidemiology, Lady Davis Institute for Medical Research, Jewish General Hospital, Montréal, McGill University, Montréal, QC, Canada

⁵Department of Statistics, Ohio State University, Columbus, OH, USA

Correspondence to: W B Feldman wbfeldman@bwh.harvard.edu or @wbfeldman on X; ORCID 0000-0003-3467-5869

Additional material is published online only. To view please visit the journal online.

Cite this as: *BMJ* 2024;387:e080409 <http://dx.doi.org/10.1136/bmj-2024-080409>

Accepted: 06 November 2024

ABSTRACT

OBJECTIVE

To compare the effectiveness and safety of budesonide-glycopyrrolate-formoterol, a twice daily metered dose inhaler, and fluticasone-umeclidinium-vilanterol, a once daily dry powder inhaler, in patients with chronic obstructive pulmonary disease (COPD) treated in routine clinical practice.

DESIGN

New user cohort study.

SETTING

Longitudinal commercial US claims data.

PARTICIPANTS

New initiators of budesonide-glycopyrrolate-formoterol or fluticasone-umeclidinium-vilanterol between 1 January 2021 and 30 September 2023 who had a diagnosis of COPD and were aged 40 years or older.

MAIN OUTCOME MEASURES

In this 1:1 propensity score matched study, the main outcome measures were first moderate or severe COPD exacerbation (effectiveness) and first admission to hospital with pneumonia (safety) while on treatment. Potential confounders were measured in the 365 days before cohort entry and included in propensity scores. Hazard ratios and 95% confidence intervals (CIs) were estimated using a Cox proportional hazards regression model.

RESULTS

The study cohort included 20 388 propensity score matched pairs of new users initiating single inhaler triple therapy. Patients who received budesonide-glycopyrrolate-formoterol had a 9% higher incidence

of first moderate or severe COPD exacerbation (hazard ratio 1.09 (95% CI 1.04 to 1.14); number needed to harm 38) compared with patients receiving fluticasone-umeclidinium-vilanterol and an identical incidence of first admission to hospital with pneumonia (1.00 (0.91 to 1.10)). The hazard of first moderate COPD exacerbation was 7% higher (1.07 (1.02 to 1.12); number needed to harm 54) and the hazard of first severe COPD exacerbation 29% higher (1.29 (1.12 to 1.48); number needed to harm 97) among those receiving budesonide-glycopyrrolate-formoterol compared to fluticasone-umeclidinium-vilanterol. Prespecified sensitivity analyses yielded similar findings to the primary analysis.

CONCLUSIONS

Budesonide-glycopyrrolate-formoterol was not associated with improved clinical outcomes compared with fluticasone-umeclidinium-vilanterol. Given the added climate impact of metered dose inhalers, health systems seeking to decrease use of these products may consider steps to promote further prescribing of fluticasone-umeclidinium-vilanterol compared with budesonide-glycopyrrolate-formoterol in people with COPD.

STUDY REGISTRATION

Center for Open Science Real World Evidence Registry (<https://osf.io/6gdyp/>).

Introduction

International guidelines recommend triple inhaler treatment for some patients with chronic obstructive pulmonary disease (COPD), consisting of an inhaled corticosteroid, a long acting muscarinic antagonist, and a long acting β -agonist.¹ Two single inhalers with these triple therapies are marketed in the US: budesonide-glycopyrrolate-formoterol (Breztri Aerosphere), a twice daily metered dose inhaler, and fluticasone-umeclidinium-vilanterol (Trelegy Ellipta), a once daily dry powder inhaler. Both combinations have shown superiority over long acting muscarinic antagonist-long acting β -agonists and inhaled corticosteroid-long acting β -agonists in pivotal randomized controlled trials in select patients with COPD,^{2,3} and may be prescribed according to clinical guidelines when inhaled corticosteroid-long acting muscarinic antagonist-long acting β -agonists are indicated.¹

Many health systems worldwide have sought to reduce reliance on metered dose inhalers like budesonide-glycopyrrolate-formoterol since they contain propellants (hydrofluoroalkanes) that contribute to greenhouse gas emissions that are not

WHAT IS ALREADY KNOWN ON THIS TOPIC

Triple inhaler therapy is recommended for some patients with chronic obstructive pulmonary disease (COPD) and is available in the United States as budesonide-glycopyrrolate-formoterol and fluticasone-umeclidinium-vilanterol

However, the comparative effectiveness and safety of budesonide-glycopyrrolate-formoterol, a twice daily metered dose inhaler, and fluticasone-umeclidinium-vilanterol, a once daily dry powder inhaler, is unknown

WHAT THIS STUDY ADDS

In a cohort of patients with COPD treated in clinical practice, budesonide-glycopyrrolate-formoterol was not associated with improved clinical outcomes compared to fluticasone-umeclidinium-vilanterol

People receiving budesonide-glycopyrrolate-formoterol had a 9% higher hazard of moderate or severe COPD exacerbation and an identical hazard of first admission to hospital with pneumonia compared with people receiving fluticasone-umeclidinium-vilanterol

[thebmj | BMJ 2024;387:e080409 | doi: 10.1136/bmj-2024-080409](https://doi.org/10.1136/bmj-2024-080409)

1

BMJ: first published as 10.1136/bmj-2024-080409 on 30 December 2024. Downloaded from <https://www.bmj.com/> on 13 March 2025 by guest. Protected by copyright, including for uses related to text and data mining, AI training, and similar technologies.

Рис. 1 Титульные страницы статей из журналов «Человек и его здоровье» и «The British Medical Journal» 2024 года издания

Международный стандарт IMRaD (Introduction, Materials and Methods, Results and Discussion) находит отражение в поверхностной структуре основного корпуса любой научно-исследовательской статьи. В такого рода статьях и аннотации должны отвечать достаточно строгим требованиям. Так, в информации для авторов, подающих статью в журнал «Человек и его здоровье», сообщается следующее: «Аннотации должны быть объёмом от 150 до 250 слов, в общих чертах соответствовать структуре статьи и представлять собой связанный структурированный текст со следующими подзаголовками: «Цель» (Objective), «Материалы и методы» (Materials and methods), «Результаты» (Results), «Заключение» (Conclusion).

Структурированная аннотация к научно-исследовательским статьям в рубрике «Research» журнала «the BMJ» также включает в себя стандартный, но несколько иной, набор разделов, а именно: «Objective» (Цель), «Design» (Дизайн), «Setting» (Место проведения исследования), «Participants» (Участники), «Intervention» (Вмешательство/Способ воздействия), «Main Outcome Measures» (Основные показатели), «Results» (Результаты), «Conclusion» (Заключение) – в статьях, посвящённых клиническим и экспериментальным исследованиям. Такого рода рубрикация текста аннотации существует в журнале более сорока лет. Другой набор разделов мы обнаружили в статьях-обзорах, для написания которых используются большие массивы статистических данных: «Objective» (Цель), «Design» (Дизайн), «Data Sources» (Источники данных), «Eligibility Criteria for Study Selection» (Критерии отбора исследований), «Data Extraction and Synthesis» (Извлечение и обобщение данных), «Results» (Результаты), «Conclusion» (Заключение).

Если заголовки «рамочных» разделов аннотаций, представляющих цели, результаты и выводы, в обоих журналах совпадают, то следует отметить более дробное членение центрального раздела в англоязычной версии аннотации. Единому разделу «Материалы и методы» в русскоязычных статьях соответствуют несколько разделов в англоязычных статьях, посвящённых экспериментальным и клиническим исследованиям, – «Design», «Setting», «Participants», «Intervention», «Main Outcome Measures», а в обзорных статьях, обобщающих большие массивы статистических данных, – «Design», «Data Sources», «Eligibility Criteria for Study Selection», «Data Extraction and Synthesis».

Поясним некоторые детали. В разделе «Design» приводится указание на определённый тип исследования, а именно: «systematic review and network meta-analysis» (систематический обзор и сетевой мета-анализ), «trial» (испытание), «cohort study» (когортное исследование), «content analysis» (контент-анализ), «regression analysis» (регрессионный анализ), «survey» (опрос), «overview of systematic reviews» (обзор систематических

обзоров). Первые в данном списке три типа исследований обозначены в 35%, 20% и 20% статей соответственно.

В разделе «Setting» указываются конкретные базы проведения исследований или определенные источники баз данных: General practices in Scotland and England; Three Chinese hospitals between 20 November 2017 and 3 December 2018; Data sources Ovid Medline, Embase, and Cochrane Central up to 14 October 2022; Data sources PubMed and Medline, Embase, Scopus, Web of Science Core collection databases.

В разделе «Participants» читатель получит информацию об участниках, подвергшихся испытанию, например: 865691 mother-infant pairs discharged from hospital alive within seven days of delivery from 1 September 2012 to 31 March 2020; 1868036 Black and White Medicare beneficiaries aged 65-99 years undergoing one of eight common surgeries.

В разделе «Intervention» обнаружим: Vaccination with either BNT162b2 or mRNA-1273 as a booster vaccine dose; Intervention Maternal mRNA covid-19 vaccination during pregnancy.

Примерами из раздела «Main Outcome Measures» могут быть следующие: The main outcome measure was 30 day mortality, defined as death during hospital admission or within 30 days of the surgical procedure. Changes in quality of care at one year and three years.

Раздел «Eligibility Criteria for Study Selection» предъявляет, например, следующие требования к исследованиям:

- Randomised controlled trials of analgesic medicines (eg, non-steroidal anti-inflammatory drugs, paracetamol, opioids, anti-convulsant drugs, skeletal muscle relaxants, or corticosteroids) compared with another analgesic medicine, placebo, or no treatment. Adults (≥ 18 years) who reported acute non-specific low back pain (for less than six weeks).

- Studies comparing general mental health, anxiety symptoms, or depression symptoms assessed from 1 January 2020 or later with outcomes collected from 1 January 2018 to 31 December 2019 in any population, and comprising $\geq 90\%$ of the same participants before and during the covid-19 pandemic or using statistical methods to account for missing data.

В разделе «Data Extraction and Synthesis», который, заметим, представлен лишь в отдельных случаях, найдем пояснения, подобные следующему: Data were extracted from the time point closest to the end of treatment. When end of treatment was too variable across trials in a review, data were extracted from the outcome or time point with the largest number of trials and participants.

Такая подробная конкретизирующая рубрикация, очевидно, способствует комфортности восприятия и облегчению поиска нужной информации (компонента нового знания), которая представляет интерес для адресата. Проведенное сравнение приводит нас к выводу о том, что

при относительно равном объеме имеются различия в оформлении поверхностной структуры аннотаций. Рубрикация вводных и заключительных разделов совпадает, но для описания материалов и методов в англоязычных статьях используется более конкретизированный набор подзаголовков.

Авторы научно-исследовательских статей сообщают главную «новую истину» своим читателям в заключительном важнейшем разделе аннотации «Выводы / Заключение», который и представляет для нас особый интерес.

Вначале отметим некоторую разницу в объеме данного раздела в аннотациях сравниваемых групп статей. Так, в статьях из журнала «Человек и его здоровье» объем раздела «Заключение» составил от двух до восьми строк, а в журнале «the BMJ» – от шести до двадцати шести строк.

Нам представлялось интересным выяснить, существуют ли лингвокультурологические различия в оформлении данного раздела в аннотациях на русском и английском языках – на уровне структуры дискурса и использования языковых средств (лексики, грамматики). Нами был принят за основу перечень дискурсивных процедур, с помощью которых реализуется изложение информации в разделе «Заключение» и к которым относятся констатация, констатация-обобщение, ассерция и оценка, рекомендация-совет [Гордеева 2019].

Для каждой дискурсивной процедуры характерно употребление определенных лексических и грамматических средств, оборотов речи и других способов, принятых для корректного выражения интенций автора [Шамара 2019]. Вполне предсказуемо, что – как и в любой научно-исследовательской статье – лексический состав достаточно однороден и включает в себя, с одной стороны, узкоспециализированные термины, характерные для тематики каждой конкретной статьи, и, с другой стороны, общенаучную и общеупотребительную лексику, с помощью которой оформляется поверхностная структура всей статьи и аннотации, в частности.

Отметим характерное для обеих групп статей достаточно широкое употребление номинативных групп. Например, в статье «Вариабельность сердечного ритма крыс-самок Вистар в условиях различной физической активности» из журнала «Человек и его здоровье»: «Цель исследования: **изучение особенностей показателей вариабельности ритма сердца крыс-самок** породы Вистар». Там же в разделе «Заключение»: «Установлено, что физическая нагрузка приводила к **активации симпатического отдела вегетативной нервной системы, мобилизации нейрогуморальной регуляции**, а также к **изменению уровня регуляции кардиоритма** с периферического на центральный. Анализ параметров ВСР у самок с НЗС и ВЗС позволил установить **особенности**

нейрогуморальной *регуляции функционального состояния организма* в исходно различных по спектральным характеристикам группах животных» [Коробова с соавт. 2022;25(3):32-41].

Приведем также некоторые примеры номинативных групп из аннотаций журнала «the BMJ»: *end stage kidney disease, cutting edge updates, clinical practice guidelines, all cause mortality, heart failure, body weight, GLP-1 receptor agonists, kidney outcomes*.

Для каждого дискурсивного сегмента характерно наличие определённого набора общенаучной и общеупотребительной лексики (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Дискурсивный сегмент	Примеры общенаучной лексики	Статьи из журнала «Человек и его здоровье»	Статьи из журнала «The BMJ»
КОНСТАТАЦИЯ	существительные	исследование, анализ, случаи, недостатки, эффекты, наличие взаимосвязи, особенности, достоинства, аномалии и др.	findings, results, evidence, association,
	глаголы	установлено, обосновано, разработана, выявляются, характеризуется и др.	were observed, did not provide, estimated, was realized, investigated, was associated with, occurred, resulted in, were not supported, were registered
ОЦЕНКА	существительные	влияние, прирост, снижение уровня, коррекция, нарушения, ухудшение, зависимость и др.	reduction, benefit, changes, association, improvement
	глаголы	оказывал, регистрировалось, была выявлена, наблюдались и др.	improved, remains limited, did not reduce, were not superior to
	прилагательные	наибольшее, выраженная и продолжительная, эффективна, корригирующее, значительное, неоднозначное, более глубокие, наиболее выраженное, статистически значимая и др.	significant, inconclusive, effective, highly effective, the greatest, safe, convincingly superior
РЕКОМЕНДАЦИЯ	существительные	возможности, перспективы, настороженность и др.	benefits, guidelines, research, investigation, caution in interpreting results
	глаголы	могут, должны, требует, следует и др.	suggests, require, are recommended, is needed, might help, can provide
	прилагательные	перспективная, повышенная, необходимая и др.	a more nuanced (approach), further randomised controlled (trials), future clinical (benefits)

Рассмотрим, какие же грамматические формы используются для выражения каждой из дискурсивных процедур в соответствующих дискурсивных сегментах «Заключения» в аннотациях каждого из журналов.

В дискурсивном сегменте «**Констатация**» в русскоязычных статьях преимущественно используются формы глаголов в страдательном залоге (25% – в настоящем времени и 25% – в прошедшем времени), на втором месте – формы активного залога (прошедшего времени – 25% и настоящего времени – 16,7%), реже – безличная конструкция (8,3%).

Приведём некоторые примеры в таблице 2:

Таблица 2

Страдательный залог, настоящее время	25%	фиксируются случаи... характеризуется... выявляются...
Страдательный залог, прошедшее время	25%	Показаны... Обосновано... Разработана...
Активный залог, прошедшее время	25%	позволил установить особенности... показал наличие взаимосвязи... позволило выявить...
Активный залог, настоящее время	16,7%	оказывает эффекты на... исследование свидетельствует о...
Безличная конструкция	8,3%	Установлено, что физическая нагрузка приводила к...

Для такого же дискурсивного сегмента в англоязычных статьях характерно преимущественное использование форм глаголов в активном залоге (42% в прошедшем времени и 32% – в настоящем). Пассивные конструкции также чаще использовались в прошедшем времени (21%), несколько реже – в настоящем времени (5%). См. примеры в таблице 3.

Таблица 3

Активный залог, прошедшее время	42%	resulted in, did not provide, showed no negative changes in...
Активный залог, настоящее время	32%	provide evidence, are consistent with, suggest no association between
Страдательный залог, прошедшее время	21%	was made, were registered, was found
Страдательный залог, настоящее время	5%	is associated with a..., are rarely well communicated to patients

Как видим, в дискурсивном сегменте «Констатация» в русскоязычных статьях чаще используются пассивные конструкции (50%), а в англоязычных – формы глагола в активном залоге (74%).

В дискурсивном сегменте «**Оценка**» в русскоязычных статьях чаще всего использовались формы глагола в активном залоге (50% – в

настоящем времени и 14% – в прошедшем), пассивный залог использовался только в прошедшем времени (36%). См. примеры в таблице 4.

Таблица 4

Активный залог, настоящее время	50%	становятся наиболее выраженными, вызывает выраженную и продолжительную коррекцию, свидетельствуют о значительном ухудшении
Страдательный залог, прошедшее время	36%	снижение уровня ММР-12 регистрировалось, была выявлена статистически значимая зависимость, сопровождалось корригирующим влиянием
Активный залог, прошедшее время	14%	оказывал неоднозначное влияние, приводило к приросту

В журнале «the BMJ» в подавляющем большинстве случаев использовались также формы активного залога (55% – в прошедшем и 42% – в настоящем времени), и лишь в 3% – формы страдательного залога в прошедшем времени. Примеры приведены в таблице 5.

Таблица 5

Активный залог, прошедшее время	55%	was not significant... did not reduce... showed no negative changes in...
Активный залог, настоящее время	42%	is generally more harmful... provides a best estimate... is mostly observational and of low quality...
Страдательный залог, прошедшее время	3%	Evidence of efficacy of antidepressants was found... substantial reductions were also found...

В дискурсивном сегменте «Оценка» в обеих группах статей в основном использовались формы глагола в активном залоге – 64% и 97% соответственно.

Дискурсивный сегмент «Рекомендация» – в силу особой специфики его функции – ожидаемо обладает несколько отличным от предыдущих сегментов набором грамматических средств. В статьях из журнала «Человек и его здоровье» одинаково часто использовались формы глагола в активном залоге в настоящем времени, модальные глаголы и безличная конструкция с модальным значением (по 30%), а также будущее время активного залога (10%). См. примеры в таблице 6.

Таблица 6

Активный залог, настоящее время	30%	требует повышенной онкологической настороженности... позволяет использовать ... делает возможность ... перспективной
модальные глаголы	30%	могут быть использованы ... должны быть основаны ...
Безличная конструкция	30%	следует подчеркнуть, что ... необходимо применять ...
Активный залог, будущее время	10%	позволит сформировать ...

В англоязычных статьях отмечена высокая частотность употребления глаголов в активном залоге в настоящем времени (40%), немногим реже используются модальные глаголы (37%), глаголы в страдательном залоге в настоящем времени (20%) и лишь в 3% случаев употреблялись глаголы в будущем времени активного залога. Примеры приведены в таблице 7.

Таблица 7

Активный залог, настоящее время	40%	highlight the need ... require further investigation...
модальные глаголы	37%	should be considered ... may yield ... must be interpreted with caution...
Страдательный залог, настоящее время	20%	is needed ... are recommended... are needed ...
Активный залог, будущее время	3%	will benefit...

В русскоязычных статьях не обнаружено пассивных конструкций - в отличие от англоязычных. В большинстве случаев в активном залоге в обеих группах используется настоящее время и редко – будущее.

По вполне понятной причине – соответствия функции рекомендации – данный раздел в обеих группах статей содержит большое количество модальных глаголов. В статьях из журнала «Человек и его здоровье» глаголы с модальной семантикой долженствования и возможности («должны», «могут», «может») использовались одинаково часто (по 10% каждый). В статьях из журнала «the BMJ» репертуар модальных глаголов несколько богаче и, определённо, есть лидеры по частотности употребления. Модальный глагол «should» как нельзя более других подходит для выполнения функции рекомендации (17%), вторым за ним следует передающий высокую степень возможности модальный глагол «can» (10%), передающие более низкие степени возможности «may» и «might», а также передающий долженствование «must» использовались одинаково часто (3,3%). Как видно из таблиц, для реализации дискурсивной процедуры «рекомендация» в аннотациях обеих групп широко используются модальные глаголы. Однако, их репертуар несколько богаче в статьях из журнала «the BMJ».

Заключение

Таковы результаты нашего исследования, на основании которых мы пришли к следующим выводам о сходстве и различиях в представлении нового знания в текстах аннотаций к научно-исследовательским статьям на русском и английском языках:

Вывод 1: При относительно равном объёме имеются **различия в оформлении** поверхностной структуры аннотаций. Рубрикация вводных и

заключительных разделов совпадает, но для описания материалов и методов в англоязычных статьях используется более конкретизированный набор подзаголовков.

Вывод 2: Имеются **различия в объёме заключительного раздела** в пределах текста аннотации: в аннотациях англоязычных статей он несколько больше по сравнению с русскоязычными.

Вывод 3: **Лексический состав** в обеих группах статей демонстрирует **сходство** и представлен большим объёмом узкопрофессиональной терминологической лексики, а также набором схожих по смыслу в английском и русском языках общенаучных и общеупотребительных слов и оборотов. Как в русскоязычных, так и в англоязычных статьях отмечается **широкое употребление номинативных групп**.

Вывод 4: Имеются некоторые **различия с точки зрения грамматики**, а именно, предпочтительного использования форм глагола.

В дискурсивном сегменте «Констатация» в русскоязычных статьях чаще используются пассивные конструкции (50%), а в англоязычных – формы глагола в активном залоге (74%).

В дискурсивном сегменте «Оценка» в обеих группах статей в основном использовались формы глагола в активном залоге – 64% и 97% соответственно.

В дискурсивном сегменте «рекомендация» русскоязычных статей не обнаружено пассивных конструкций - в отличие от англоязычных. В большинстве случаев в активном залоге в обеих группах используется настоящее время и редко – будущее. Для реализации дискурсивной процедуры «рекомендация» в аннотациях обеих групп широко используются модальные глаголы. Однако, их репертуар несколько богаче в статьях из журнала «the BMJ».

Мы полагаем, что полученные нами данные могут быть использованы при проведении занятий по курсу академического письма для аспирантов и преподавателей вузов.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.

Баженова Е.А. Структура нового знания в научном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. Вып. 4(210). С. 144-151.

Вахтерова Е.В. Особенности языковой реализации англоязычной научной медицинской статьи (на материале исследовательской статьи и отчёта о клиническом случае): дис. ... канд. филол. наук. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 2023. - 207 с.

Вахтерова Е.В., Стеблецова А.О. Англоязычная исследовательская статья: предметно-специфические характеристики разделов «Результаты» и «Обсуждение» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С.62-70.

Гордеева О.Н. Функциональные особенности заключения научно-медицинской статьи как дискурса // Теория и практика языковой коммуникации. Материалы XI Международной научно-методической конференции. УГАТУ (Уфа), 2019. С. 67-72.

Зубкова О.С. Репрезентация смысловой предикации в медицинском дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4 (39). С. 83-90 [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3848/.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5-20.

Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1972. – 395 с.

Колесникова Н.И., Ридная Ю.В. Жанровая модель научной статьи на русском и английском языках // Высшее образование в России. 2016. № 6(202). С. 98–105.

Коробова В.Н., Ворвуль А.О., Бобынцев И.И., Хабибулин Р.Р., Костюнин И.Н. Вариабельность сердечного ритма крыс-самок Вистар в условиях различной физической активности. *Человек и его здоровье*. 2022;25(3):32-41. <https://doi.org/10.21626/vestnik/2022-3/04>

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 170 с.

Макушева Ж.Н. Научный медицинский дискурс как совокупность понятий «медицинский дискурс» и «научный дискурс» // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам II–III Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во АНС «СибАК», 2017. № 2–3 (2). С. 30–45.

Меньшенина И.А. Структурно-смысловая организация публикаций научного медицинского дискурса в свете задач прикладной лингвистики // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2024. Т. 40. С. 158-162.

Милеева М.Н. Интернациональное и национальное в академической статье // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 5. С. 114-120.

Разинкина Н. М. Развитие языка английской научной литературы (Лингвостилистическое исследование). – М.: Наука, 1978. – 212 с.

Торубарова И.И., Стеблецова А.О. Научный медицинский текст в академическом дискурсе: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. 180 с.

Чернявская В.Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // Жанры речи. 2016. № 1. С.56-64.

Шамара И.Ф. Аннотация научной медицинской статьи: от анализа дискурсивной структуры к созданию собственного текста на английском языке //

Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 185-193 [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3259/ (дата обращения: 12.12.2024)

Fryer D.L. Analysis of the generic discourse features of the English-language medical research article: A systemic functional approach // *Functions in Language*. 2012, Vol. 19(1):5-37. DOI: 10.1075/fo19.1.01fry.

Hyland K. Academic discourse. New York: Continuum, 2009. 215 p.

Swales J.M. Research genres: Exploration and applications, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 314 p. DOI:10.1017/CBO9781139524827.

Williams I. Results Section of Medical Research Articles: Analysis of Rhetorical Categories for Pedagogical Purposes // *English for Specific Purposes*. 1999 Vol. 18. № 4. pp. 347-366.

References

Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazy`ka (stilistika dekodirovaniya). – M.: Prosveshhenie, 1990. – 300 s.

Bazhenova E.A. Struktura novogo znaniya v nauchnom tekste // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. Vy`p. 4(210). S. 144-151.

Vaxterova E.V. Osobennosti yazy`kovoj realizacii angloyazy`chnoj nauchnoj medicinskoj stat`i (na materiale issledovatel`skoj stat`i i otchyota o klinicheskom sluchae): dis. ... kand. filol. nauk. FGBOU VO «Voronezhskij gosudarstvenny`j universitet», 2023. – 207 s.

Vaxterova E.V., Stebleczova A.O. Angloyazy`chnaya issledovatel`skaya stat`ya: predmetno-specificheskie xarakteristiki razdelov «Rezul`taty» i «Obsuzhdenie» // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya*. 2022. № 3. S.62-70.

Gordeeva O.N. Funkcional`ny`e osobennosti zaklyucheniya nauchno-medicinskoj stat`i kak diskursa // *Teoriya i praktika yazy`kovoj kommunikacii. Materialy` XI Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii*. UGATU (Ufa), 2019. S. 67-72.

Zubkova O.S. Reprezentaciya smy`slovoj predikacii v medicinskom diskurse // *Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya*. 2020. № 4 (39). S. 83-90 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3848/pdf (data obrashheniya: 10.12.2024).

Karasik V.I. O tipax diskursa // *Yazy`kovaya lichnost`: institucional`ny`j i personal`ny`j diskurs*: Sb. nauch. tr. Volgograd, 2000. S. 5-20.

Kozhina M.N. O rechevoj sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel`no s nekotory`mi drugimi. – Perm`: Izd-vo Permskogo un-ta, 1972. – 395 s.

Kolesnikova N.I., Ridnaya Yu.V. Zhanrovaya model` nauchnoj stat`i na russkom i anglijskom yazy`kax // *Vy`sshee obrazovanie v Rossii*. 2016. № 6(202). S. 98–105.

Korobova V.N., Vorvul` A.O., Boby`ncev I.I., Xabibulin R.R., Kostyunin I.N. Variabel`nost` serdechnogo ritma kry`s-samok Vistar v usloviyax razlichnoj fizicheskoy aktivnosti. Chelovek i ego zdorov`e. 2022;25(3):32-41. <https://doi.org/10.21626/vestnik/2022-3/04>

Kotyurova M.P. Ob e`kstralingvisticheskix osnovaniyax smy`slovoj struktury` nauchnogo teksta (funkcional`no-stilisticheskij aspekt). – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1988. – 170 s.

Makusheva Zh.N. Nauchny`j medicinskij diskurs kak sovokupnost` ponyatij «medicinskij diskurs» i «nauchny`j diskurs» // *Kul`turologiya, filologiya, iskusstvovedenie*:

aktual'ny'e problemy` sovremennoj nauki: sb. st. po materialam II–III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: Izd-vo ANS «SibAK», 2017. № 2–3 (2). S. 30–45.

Men'shenina I.A. Strukturno-smy'slovaya organizaciya publikacij nauchnogo medicinskogo diskursa v svete zadach prikladnoj lingvistiki // Ucheny'e zapiski UO VGU im. P.M. Masherova. 2024. T. 40. S. 158-162.

Mileeva M.N. Internacional'noe i nacional'noe v akademicheskoy stat'e // Vy'sshee obrazovanie v Rossii. 2018. T. 27. № 5. S. 114-120.

Razinkina N. M. Razvitie yazy`ka anglijskoj nauchnoj literatury` (Lingvostilisticheskie issledovanie). – M.: Nauka, 1978. – 212 s.

Torubarova I.I., Stebleczova A.O. Nauchny`j medicinskij tekst v akademicheskom diskurse: monografiya. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2022. 180 s.

Chernyavskaya V.E. Nauchno-issledovatel'skaya stat`ya kak verbalizaciya novogo nauchnogo rezul'tata (na materiale lingvistiki) // Zhanry` rechi. 2016. № 1. S.56-64.

Shamara I.F. Annotaciya nauchnoj medicinskoj stat'i: ot analiza diskursivnoj struktury` k sozdaniyu sobstvennogo teksta na anglijskom yazy`ke // Teoriya yazy`ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2019. № 2 (33). S. 185-193 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3259/ (data obrashheniya: 12.12.2024)

Fryer D.L. Analysis of the generic discourse features of the English-language medical research article: A systemic functional approach // Functions in Language. 2012, Vol. 19(1):5-37. DOI: 10.1075/fo19.1.01fry.

Hyland K. Academic discourse. New York: Continuum, 2009. 215 p.

Swales J.M. Research genres: Exploration and applications, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 314 p. DOI:10.1017/CBO9781139524827.

Williams I. Results Section of Medical Research Articles: Analysis of Rhetorical Categories for Pedagogical Purposes // English for Specific Purposes. 1999 Vol. 18. № 4. pp. 347-366.

UDC 811:61=111+161.1

COMPARATIVE ANALYSIS OF NEW KNOWLEDGE PRESENTATION IN THE ABSTRACT OF A SCIENTIFIC MEDICAL ARTICLE IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

I.F. Shamara

*Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages
e-mail: shamaraif@kursksmu.net*

Kursk State Medical University (Kursk, Russia)

The article is devoted to the identification of linguocultural peculiarities of new knowledge representation in the texts of abstracts to scientific research articles from modern medical journals in Russian and English. The results of the study of the surface structure of the abstract, lexical composition, grammatical features of each of the discursive segments of the final section of the abstract are given.

Keywords: *scientific style, medical discourse, research article, linguocultural features*